Валерий Могильницкий

СОВРЕМЕННИКИ И КЛАССИКИ

В долине слез

О великих узниках Карлага

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новая книга В. М. Могильницкого посвящена жертвам сталинских репрессий. Перед читателями открывается целая галерея ярких, выдающихся личностей, судьбы которых были сломаны страшной машиной по уничтожению людей. Открытость стиля автора, доступность изложения делают книгу интересной широкому кругу читателей.

- Валерий Михайлович Могильницкий
  -
  - Вместо предисловия
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
  - Глава 31

- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52

Валерий Михайлович Могильницкий В долине слез. О великих узниках Карлага

© Валерий Могильницкий, 2017
© Интернациональный Союз писателей, 2017

* * *

Валерий Михайлович Могильницкий

Валерий Михайлович Могильницкий родился 24 мая 1940 года в селе Каскелен Алма-Атинской области. В 1945 году семья переехала во Львов по месту службы отца. Там окончил среднюю школу № 16 с серебряной медалью, поступил во Львовский государственный университет – на факультет журналистики.

С тех пор более 50 лет трудится В.М. Могильницкий в

журналистике и литературе. Начинал свою журналистскую деятельность в редакции областной газеты «Львовская правда» (Украина) после окончания Львовского государственного университета, избирался делегатом I съезда рабочих и сельских корреспондентов республики в Киеве. Затем трудился в газетах «Красное знамя» (Владивосток), «Молот» (Ростов-на-Дону). Около 20 лет работал собственным корреспондентом республиканской газеты «Казахстанская правда» по Джезказганской и Карагандинской областям, пресс-секретарем акима области.

За это время Валерий Михайлович Могильницкий издал более 30 книг, около трех тысяч статей и очерков. Он – лауреат премий журнала «Крестьянка», имени Николая Погодина, республиканской газеты «Казахстанская правда», воина-публициста Баубека Булкишева. Член Союза журналистов СССР и РК с 1965 года. В 1991 году В.М. Могильницкого избрали председателем общественного объединения «Союз писателей Карагандинской области». В 2000 году ему присвоено звание «Почетный гражданин города Жезказгана». В 2002 году он избран членом-корреспондентом Международной академии информатизации (МАЙН), в 2006 году – академиком МАЙН. Указом Президента Н.А. Назарбаева в 2011 году награжден медалью «Ерен еңбегіүшін» («За трудовое отличие»).

Книги В.М. Могильницкого широко известны не только в республике, но и за рубежом. Они выходили в Казахстане, России, на Украине. Их общий тираж достиг 200 тысяч экземпляров. Наиболее известные из них – «Черные розы маршала», «Великие узники Карлага», «В долине слез», «Выстрел Александра Фадеева», а также «Наш Назарбаев», «Академик Абылкас Сагинов», «Люди Победы», «Не склонив головы», «Верность призванию» и другие. Стихи, очерки, статьи В.М. Могильницкого публиковались в журналах «Москва», «Жовтень» (Октябрь), «Уральский следопыт», «Крестьянка», «Советский воин», «Юный натуралист», «Дон», «Дальний Восток», «Простор», «Нива», «Жулдыз», газетах «Правда», «Труд», «Известия», «Комсомольская правда», «Казахстанская правда», «Караван» и других.

Его произведения переводились на английский, немецкий, украинский, казахский и корейский языки, а на многие стихи композиторы писали песни и романсы. По версии «Mail.ru» В.М. Могильницкий признан одним из лучших поэтов XXI века.

В 2013 году за личный вклад в развитие духовности, науки и культуры Валерию Могильницкому присвоено высокое звание лауреата престижной награды «Святая София». Эта награда учреждена Международной корпорацией социального партнерства и Президиумом Международной имиджевой

программы «Лидеры XXI столетия». В 2014 году он был удостоен высшей награды Международной корпорации социального партнерства «Интеллект нации» с вручением ему статуэтки, Диплома и ордена за интеллектуальное развитие общества, высокие профессиональные достижения.

– Надеюсь, что я еще многого добьюсь, – говорит Валерий Могильницкий, – ибо всегда стремлюсь «не тлеть, а гореть», как учила меня мама – Софья Павловна Колчина. Ей я благодарен за свое воспитание, за привитую мне любовь к литературе, журналистике, искусству. Мою маму бабушка назвала как раз в честь мудрой святой Софии. И я рад, что мне присвоена награда этого чистого имени, которое носила и моя мать. Ей я посвятил свою поэму «Благодарность», которая в 2013-м вышла в свет в моей книге поэзии «Говорите нежные слова». Хочу процитировать несколько строк из этой поэмы:

Софья Павловна, Софья Павловна,
Дорогая мама моя.
Стала кудри твои опаливать
Неразумная седина.
И трубят над тобою осенью
Гуси-лебеди в вышине.
Пусть я сам уж шагаю озимью —
Молодой ты живешь во мне.
Молодой, красивой отчаянно.
С детства виделось мне в окно:
Все красивое – это мамино,
Все прекрасное – от нее.
И к тебе любовь незабвенная
В сердце мальчика перешла
И на башни Кремля алостенные,
И на русские колокола.
На березы, что пляшут весело,
На стога, что в степи тихи.
И, поняв это, как-то вечером
Ты шепнула: «Пиши стихи».

(Англия. Сократовский альманах. В разделе «Лидеры: истории успеха», стр. 297. Оксфорд. 2014 год)

Вместо предисловия

Валерий Могильницкий – известный писатель, журналист, академик Международной академии информатизации, автор более тридцати книг, изучающих исторические события и явления путем анализа документальных материалов и воспоминаний очевидцев. Созданию его произведений способствует большая научно-исследовательская работа в области краеведения (книги «Сарыарка», «На земле Сатпаева», «Город в степи», «Медь Жезказгана», «Просторы Сарыарки», «Караганда», «Абай – город нашей судьбы», «В самом центре Евразии»), а также в сфере политических процессов 20–50 годов («Звёзды Гулага», «Выстрел Александра Фадеева», «Созвездие талантов», «Черные розы маршала», «Безымянные тюльпаны»).

Книга «В долине слез» – это многолетний труд автора, построенный на новых исторических документах, хранящихся в фондах спецархивов, дневниках, письмах, воспоминаниях участников и очевидцев трагических событий тех лет, в основе которых лежит огромная поисковая работа. В ней использованы секретные документы, личные дела, учётные карточки политических заключённых Карлага, которые хранятся в архивах президентов России и Казахстана, Карагандинском спецархиве Генеральной прокуратуры РК, областных архивах, музеях и библиотеках, личном архиве писателя. Книга включает в себя художественно-документальные очерки, литературные портреты, реалистические рассказы о 50 великих узниках Карлага и ещё более чем 100 таких же заключенных, судьбы которых так или иначе переплелись с судьбами главных героев. Среди них: Александр Чижевский, Михаил Зуев-Ордынец, Лидия Русланова, Анна Баркова, Анна Тимирева-Книппер, Ида Тарле, Анатолий Марченко, Генрих Фогелер, Каюм Мухамедханов, Руфь Тамарина, Турар и Азиза Рыскуловы, Алимхан Ермеков, Капитон Кузнецов, Вера Хоружая, Наталья Сац, Рахиль Мессерер-Плисецкая (мать Майи Плисецкой), Аркадий Белинков, Лидия Багрицкая, Глафира Блюхер, мать поэта Булата Окуджавы – Ашхен Налбандян-Окуджава и другие.

Будучи произведением документальной прозы, представляющей особый подвид литературного жанра, для которого характерно построение сюжетной линии исключительно на реальных событиях, книга Валерия Могильницкого «В долине слез» на первый план ставит конкретные факты, имеющие под собой достоверную основу. Посвященная одному из периодов истории Советского Союза, который характеризовался как

политические репрессии, она, несомненно, будет полезна не только тем, кто интересуется сталинским тоталитаризмом в частности, но и историей страны Советов вообще, ибо позволит многое понять и увидеть в новом свете, может быть, даже пересмотреть свои позиции в политической системе страны, державшей путь в «светлое будущее». Невольно приходит мысль о том, как вообще наш великий и могучий Союз мог жить в те годы, упрятав в застенки и ум, и честь, и совесть эпохи?! Причём, речь идёт не о коммунистическом лозунге, а о прямом значении этих великих понятий. Ведь, действительно, вся творческая элита, техническая интеллигенция, ученые, авиаторы, маршалы, генералы и даже их жёны были брошены в лагеря смерти. Кто же управлял страной и как она выстояла в этот период? Это откровение просто сражает наповал!

Автор с болью описывает жизнь заключенных, основываясь на конкретных фактах, условиях их содержания: холодные бараки, отсутствие элементарных бытовых условий, теплых вещей. Голод, болезни, изнурительный труд, нечеловеческое обращение, систематическое избиение, унижения – вот реалии коммунистического воспитания советских граждан! А если ещё учесть и тот факт, что большая часть их находилась в заключении просто по навету, то нетрудно представить себе, сколь непомерным и неправедным было наказание, через которое прошли без вины виноватые жертвы репрессий.

Конечно, во всём этом ключевой фигурой являлся Иосиф Сталин, чей культ и самоуправство не знали границ. Вспоминается высказывание английского писателя Мартина Эмме из книги «Сталин Иосиф Грозный»: «Широкомасштабное применение смертной казни – нечто такое, к чему Сталин питал почти болезненное пристрастие… Вождя увлекали масштабы репрессий, их размах, то самое стремление к негативному совершенству, которое побуждало Сталина мучить и мучить новые жертвы». Факт того, что именно Сталин был основной политической фигурой, которая определяла карательную роль государства, является неоспоримым. Рассекречивая архивные материалы, Валерий Могильницкий указывает на то, что репрессии на местах приводились в исполнение, в основном, по указке свыше. Зачем были нужны безвинные жертвы? Тому несколько причин, в том числе устранение инакомыслящих и непокорных, устрашение, дабы другим неповадно было. К тому же и масштабное строительство страны требовало большого количества рабочей бесплатной силы, которую могли дать стране миллионы осужденных. Они же решали и экономические проблемы.

Именно эта мысль автора следует из всего повествования книги. Такое откровение наводит на размышления о цене человеческой жизни, о праведности бытия и роли личности в истории. В заточении находились лучшие из лучших, которые даже в подобных условиях продолжали творить великие дела во благо своего Отечества, создавая научные труды, книги, делая величайшие открытия, своими мыслями и трудом помогая стране, объявившей их предателями. «Всё создавалось руками и умом зэка. Инженеры, экономисты, врачи, архитекторы, заслуженные артисты, научные работники, профессора, заведующие предприятиями и бараками – все рычаги управления и быта были в руках зэка. Красноголовые были только вооруженными наблюдателями и по своему культурному уровню стояли ниже зэка», – приводит в своей книге выдержку из дневника заключенного М.Д. Короля, прославленного советского разведчика, Валерий Могильницкий.

Долиной слёз именует он Акмолинское спецотделение АЛЖИР – аббревиатура Акмолинского лагеря жён изменников родины, который был организован в январе 1938 года. «Прямо в степи спешно поставили несколько саманных бараков, четыре вышки для часовых, обтянули это треклятое место колючей проволокой – и вот вам лагерь готов! И он постоянно расширялся и расширялся, так как мест для женщин-заключённых не хватало. И вновь прибывшие сами строили себе бараки в пургу и метель, жару и ливень, устанавливали в них нары, вместо матрацев бросали на деревянный настил солому и так жили, как скот, как звери».

Особенностью повествования Валерия Могильницкого является то, что он не просто констатирует факты, подтверждая их документами, цифрами и комментариями, за каждым личным делом, лагерным номером заключённых бьётся несломленная душа узника, сумевшего сохранить в себе дух и человеческое достоинство. Автор раскрывает историю жизни по сути великих людей, попавших под жернова политической системы. Путём художественного произведения страница за страницей он повествует о судьбах своих героев, вызывая сострадание, гнев и потрясение читателей. Что ни история, то новая трагедия, пережить которую не просто и молчать о которой нельзя…

Великие узники Карлага…Их много, и у каждого своя печальная история. «Турара Рыскулова в 1937 году премировали путёвкой в дом отдыха в Кисловодск. Вместе с собой он взял на южный курорт и молодую красивую супругу Азизу, которая была беременна второй дочерью. Ей оставалось всего 40 дней до родов, когда 21 мая в доме отдыха арестовали Турара. Он был крайне

удивлён и растерян, когда его повели к «черному ворону», но нашёл в себе силы, чтобы крикнуть Азизе: «Я ещё вернусь! Жди меня… Я не виновен!». Однако, спустя всего восемь с половиной месяцев, в ночь с 9 на 10 февраля 1938 года его расстреляли в застенках Лубянки. Азиза этого не знала и всё ждала возвращения Турара…» Невозможно без боли и нервов читать главу «Обречённый на страдания», повествующую о главном маршале авиации, дважды Герое Советского Союза Александре Александровиче Новикове. Командующий ВВС Советской армии, представитель ставки Верховного Главнокомандующего, он координировал боевые действия нескольких фронтов в Сталинградской и Курской битвах, в ряде операций при разгроме японской Квантунской армии. Что же такое должно было случиться, чтобы прославленный лётчик, орденоносец Победы оказался в застенках Карлага? Ещё один донос и ложное обвинение? Но разве можно очернить того, кто каждый день, каждое мгновение рисковал жизнью, присягнув на верность Родине? Кто в суровые годы Великой Отечественной войны каждой каплей крови доказал верность родному Отечеству? И опять Сталин, только теперь уже в паре со своим сыном Василием, амбициозным и жестоким не менее своего отца. В этой печальной истории – месть и коварство, интриги и ненависть, сломившие волю маршала авиации, заставившие его подписать злополучное письмо на самого Георгия Константиновича Жукова, своего боевого товарища, чьим расположением очень дорожил. Грустные размышления приводят к мысли о том, что однажды запущенный механизм политических репрессий работал бесперебойно, ни в чем не зная запрета. Ему было под силу всё. Он мог сломить, растоптать и уничтожить и самого достойного патриота, и гражданина, и простого безвинного человека. Выстоять и не сломиться могли сильнейшие.

Книга «В долине слез» написана живым и образным языком. В ней приводится множество цитат, стихов и размышлений героев. Она, безусловно, станет полезной и нужной и для молодого читателя, который познакомится с одним из самых суровых периодов советской действительности, и для ровесников героев повествования как часть прожитой ими истории, вызывая чувство великой печали и высокого мужества заключённых.

Хочу отметить, что Валерий Михайлович Могильницкий уже издал 34 книги общим тиражом 200 тысяч экземпляров, из них большая часть – документальная проза. Он объездил Карагандинскую область (по сути бывший Карлаг) от Карсакпая, Улытау до Балхаша, от Осакаровки до Байконура и Бетпакдалы. И в результате этих поездок – каждый год новая книга. Вот и 2015-й

был для него не менее плодотворным, чем 2014. За этот год вышли в свет три его книги «Темиртау: подвиг в степи», «Палачи Сталина», изданные в Караганде, а также «Безымянные тюльпаны», вышедшие в Москве в серии «Современники и классики» в издательстве Интернационального Союза писателей. В журнале «Российский колокол» (Москва) опубликованы в двух номерах подборки стихов Валерия Могильницкого. Его наградили почетной медалью Московской литературной премии (удостоверение № 28). А в Караганде ему вручили статуэтку «Алтын Сункар» с дипломом за развитие журналистики и литературы в республике. Ранее он был отмечен международными наградами «Святая София», «Интеллект нации».

В.М. Могильницкий охотно плодотворно сотрудничает со многими газетами и журналами. В газетах «Казахстанская правда», «Индустриальная Караганда», «Темиртауский рабочий» он опубликовал в 2015 году более 60 статей и очерков, в журнале «Астана» около двадцати. Публикации посвящены таким темам как жизнь и деятельность Президента в Темиртау и Караганде, страницы истории, великие узники Карлага, 70-летие Темиртау и так далее.

В 2015 году исполнилось 75 лет со дня рождения В.М. Могильницкого. Руководитель администрации Президента РК, доктор политических наук Нурлан Нигматулин сердечно поздравил писателя. Вот текст его поздравления:

> «Уважаемый Валерий Михайлович!
>
> Примите сердечные поздравления с 75-летним юбилеем!
>
> Ваша жизнь – это яркий пример трудолюбия, служения обществу, стремления приносить пользу людям.
>
> Казахстанцы знают Вас как мастера художественной документалистики и публицистики, талантливого писателя и исследователя-историографа казахской степи, рупора героики труда и исторической справедливости. Долгие годы знаю Вас как истинного патриота, эрудированного краеведа.
>
> Благодаря преданности делу, чуткому, внимательному отношению к людям Вы заслужили истинное уважение коллег и единомышленников.
>
> Вашему перу принадлежит много интересных произведений, посвященных Президенту Казахстана Нурсултану Абишевичу Назарбаеву, просторам Сарыарки, творцам ее величия и защитникам,

покорителям природных богатств – людям с активной жизненной позицией, богатой истории края, великим узникам Карлага.

Убежден, что Ваш огромный опыт, профессионализм и впредь будут служить на благо Отечества. Желаю Вам и Вашей семье крепкого здоровья, счастья и благополучия!»

С уважением.

Н. Нигматулин»

Я охотно присоединяюсь к этим словам. Хочется поздравить Валерия Михайловича Могильницкого также с завершением большой, нужной и серьёзной работы, созданием книги «В долине слез», которая, безусловно, займет достойное место в ряду произведений художественно-документальной прозы.

Зинаида Чумакова, директор Жезказганского историко-археологического музея, член Союзов писателей России и Казахстана

Глава 1
Сестра академика

Работая над материалами о выдающихся людях, которые пострадали в годы сталинизма, я то и дело обращался за советами к Виктору Васильевичу Горецкому, бывшему начальнику Центра правовой статистики и информации при прокуратуре области. Он помогал мне выискивать новые знаменитые имена жертв политических репрессий. Однажды Виктор Васильевич спросил меня:

– Труды Евгения Викторовича Тарле читал? Да, да, того самого, который написал книги «Наполеон», «Нашествие Наполеона на Россию», «Крымская война» и другие. Так вот, представь себе, недавно я натолкнулся в архиве на личное дело его двоюродной сестры Иды Вениаминовны Тарле. И меня потрясла трагедия ее жизни. Унесенная жестоким ветром сталинского террора в Карлаг, она нашла здесь последний приют души и тела… Может, напишешь о ней?

Как же мне было не откликнуться!? Еще в юности во мне горел огонь любви к исторической литературе. Книги Евгения Викторовича Тарле я знал как свои пять пальцев. А в более зрелые годы моя родственница, старший научный работник библиотеки имени В.И. Ленина в Москве Маргарита Яковлевна Смирнова подарила мне брошюру – биографию писателя – историка Е. В.Тарле, о взлетах и падениях его карьеры. Помню, как меня поразил тот факт, что Евгений Викторович трижды в СССР удостаивался звания лауреата Сталинской премии. Никто из писателей не добивался такой чести.

Короче говоря, я давно интересовался жизнью и творчеством Е.В.Тарле, подолгу задерживался в библиотеках, изучая его книги. Особенно по душе мне пришлась монография Евгения Викторовича «Нашествие Наполеона на Россию». Он написал ее, когда уже был увенчан лаврами академика СССР, избран действительным почетным членом академий и национальных научных обществ Британии и Норвегии, почетным доктором университетов Парижа, Брно, Праги, Алжира и Осло.

А начинал Е.В.Тарле с защиты диссертации на звание магистра «Общественные воззрения Томаса Мора». Она была издана отдельной книгой. Один экземпляр этого произведения Евгений Викторович выслал Льву Толстому в Ясную Поляну. И вскоре получил от него записку: «Очень благодарю Вас за присылку Вашей прекрасной книги «Общественные воззрения

Томаса Мора», которую прочел с величайшим удовольствием и пользой. Лев Толстой».

Конечно, доброе слово великого русского писателя вдохновило Тарле на создание новых произведений. В 1911 году он защищает докторскую диссертацию на тему: «Рабочий класс Франции в эпоху революции». В 1931–1935 годы Евгений Викторович работал над монографией о Наполеоне, которая была издана в «ЖЗЛ» в 1936 году. Кандидат исторических наук В. Балязин по этому поводу писал: «Книга буквально ошеломила читателей. Ее переиздавали ежегодно, и даже во время войны – в 1942 году».

На волне большого признания читателей Е.В.Тарле вошел в 1937 год, когда в журнале «Молодая гвардия» начали публикацию его новой книги «Нашествие Наполеона на Россию».

Но где, когда конкретно, в каких условиях работал Тарле над своими произведениями? И вот тут-то начинается самое интересное. Мало кто знает, что еще в ноябре 1929 года ленинградская «Красная газета» сообщала: в Академии наук были спрятаны важные политические документы. Чекисты обнаружили там архивы ЦК партии кадетов и эсеров. Из них следовало, что руководители контрреволюционных организаций отводили Тарле в будущем своем правительстве пост министра иностранных дел.

Евгения Викторовича в 1930 году арестовали, долго допрашивали. И хотя он не состоял ни в каких политических партиях, ничего не знал о тайных документах будущего контрреволюционного правительства, куда его фамилию внесли без его ведома и согласия, началась необузданная травля академика. В феврале 1931 года в Ленинграде перед учеными с докладом «Тарле как историк» выступал директор Института истории Коммунистической академии Г.С.Зейдель. Так вот он во всеуслышанье назвал Тарле «прямым агентом» антантовского империализма. Якобы Евгений Викторович вместе с другими учеными входил в ее центр контрреволюционного вредительства.

Как сообщила 4 февраля 1931 года та же «Красная газета», Е.В.Тарле был одним из инициаторов «контрреволюционного заговора, пытавшегося организовать вооруженное восстание против Советской власти, опираясь на кулачество, на остатки буржуазии, на контрреволюционные элементы среди специалистов и ученых, на поддержку международных контрреволюционных сил».

Как показало время, в этих словах не было ни капли правды. И сколько душевных сил стоило Евгению Викторовичу не сломаться в этих условиях, не пасть духом, отстаивая себя от лживых доносов да черных наговоров. Он не подписал ни одного

обвинения, предъявленного ему. И все же решением коллегии ОГПУ Е.В.Тарле во внесудебном порядке был приговорен к пяти годам ссылки и отправлен в Алма-Ату, где в 1931–1932 годы преподавал историю зарубежных стран в Казахском университете, являясь профессором этого вуза.

Со временем, безусловно, выяснилось, что эсеры просто хотели сыграть на популярном имени академика, с этим именем, под его эгидой придти к власти. Так знаменит был уже в то время Тарле…

Насколько помню из книг о видном ученом – историке, его продержали в Алма-Ате около двух лет. И за это время подвергли репрессиям почти всех его близких родственников, в том числе двоюродную сестру.

Только 17 марта 1937 года постановлением ЦИК с Е.В. Тарле была снята судимость, и он был восстановлен в звании действительного члена Академии наук СССР. Однако многие его товарищи, друзья, родственники продолжали томиться в сталинских тюрьмах и лагерях, а такие ученые-историки как Суханов, Кондратьев, Рубин, которые будто бы создавали «вредительские» течения в науке, были расстреляны.

Е.В. Тарле остался жив, ибо, повторяю, он не подписал ни одной бумаги, направленной против него, ибо его имя, подвергшееся травле со стороны суперкоммунистов, продолжало быть почитаемым в СССР и за рубежом. А самое главное – его книги любил читать Иосиф Виссарионович Сталин. И он приказал чекистам не только не трогать академика, но больше того – окружить его почетом, надежными людьми, а врагов народа из среды обитания ученого убрать.

И убирали! Вскоре я в этом вновь убедился, когда поднял в спецархиве прокуратуры области личное дело двоюродной сестры академика Иды Вениаминовны Тарле.

Скупые сведения о ней мне поведали, что родилась она в 1884 году на Украине в Верхне – Днепровске. Далее выписываю: «Эсерка. Родственница историка, академика Е.В. Тарле. Доставлена в Карлаг, в Долинку в январе 1937 года. По образованию – педагог, владеет семью иностранными языками. Отец Вениамин проживает в Румынии, сестра Мария в Париже». И далее: «20 сентября 1937 года осуждена тройкой УНКВД за создание контрреволюционной группы в лагере. Расстреляна 26 сентября 1937 года. Свидетельство о смерти выслано дочери Валентине Яковлевне Тарле по адресу: 121309, г. Москва, улица Барклая, 16, квартира 128».

Всего девять месяцев пробыла И.В. Тарле в Долинке, и этого времени хватило органам госбезопасности, чтобы довести ее до

безвестной могилы. А до Карлага Ида Вениаминовна прошла бесчисленные вехи ссылок и тюрем только за то, что была родственницей опального академика, принадлежала к партии социалистов-революционеров, которая выражала интересы мелкой городской и сельской буржуазии. И.В. Тарле подвергалась репрессиям за свои политические взгляды, ибо открыто и публично требовала создания в России демократической республики, политической свободы, рабочего законодательства, социализации земли. И хотя после гражданской войны партия эсеров распалась, Иду Вениаминовну продолжали преследовать, потому что она не отказалась от своих убеждений. Ее «преступление» как раз в этом и заключалось. «Вождь народов» не любил инакомыслящих.

В своей книге «Архипелаг ГУЛАГ» Александр Исаевич Солженицын рассказывает, что уже с весны 1918 года в лагеря смерти большевиков «полился непрерываемый поток социалистов». И комментирует с иронией: «Все эти партии эсеров, меньшевиков, анархистов, народных социалистов, они десятилетиями только притворялись революционерами, только носили личину – и на каторгу для этого шли, все притворялись. И лишь в порывистом ходе революции сразу обнаружилась буржуазная сущность этих социал-предателей. Естественно же было приступить к их арестам!»

И приступили, выходя из всяких пределов законов. Ни в одной стране мира не было столько злодеяний, сколько в то время в матушке-России. Во всех государствах за преступления предают суду. Но только не в большевистской России.

В газете «Красный террор» от 1 ноября 1918 года знаменитый чекист Лацис объяснял: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советов. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, – к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора».

Операция по уничтожению врагов пролетарской диктатуры, как отмечает Солженицын, растянулись на многие годы, потому что главным условием ее были тишина и незамечаемость. А последовательность была такая: арест, ссылка, если пострадавший требует глотка свободы – снова арест, лагерь и, наконец, если не молчит, расстрел.

Что касается нашей героини, то ее впервые арестовали еще в 1918 году, без следствия и суда сослали в Казань, милостиво

предоставив ей работу преподавателя латыни в местном университете. И, может, она трудилась бы там до самых преклонных лет, если бы «пресекла» себя. Но она в Казани бушевала на митингах, от партии своей не отреклась, требовала освобождения от железных оков эсеров, других социалистических инопартийцев. А на дворе уже шли тяжелые тридцатые годы, у руля партии большевиков встал Сталин. Подергивая свои жесткие усы, он не жалел времени на указания типа: «Доконать все партии, кроме победившей». «А чтобы распад партий был необратим – надо было еще, чтобы распались и сами члены этих партий, тела этих членов», – справедливо заметил в книге «Архипелаг ГУЛАГ» Александр Исаевич Солженицын.

Тарле арестовали в Казани после того, как она во время одной из дискуссий потребовала от властей прекратить гонения на интеллигенцию, в том числе на ее двоюродного брата. Коллегия ОГПУ определила ей 8 лет за антисоветскую пропаганду. Так она стала государственной преступницей, оказалась в Карлаге.

Конечно, нет ничего удивительного в том, что к ней сразу же в Долинке приставили осведомителя. В личном деле И.В.Тарле можно прочитать копии агентурных донесений некоего «Флерова». Так, 3 февраля 1937 года он писал: «В половине января сего года в Долинке появилась Тарле. Она сразу заявила, что является родственницей известного писателя-историка, академика Евгения Тарле, что неоднократно подвергалась репрессиям. Ею сразу заинтересовались меньшевики Рогочевский, Редкозубов, Ермолаева, сионисты Левин, Гальперин, Магад, Гуревич, Новомирский, Минин…».

И дальше «Флеров» сообщал: «По своим убеждениям Тарле – эсерка, чего не скрывает; относится враждебно к Советской власти, к товарищу Сталину, называя его «тупая голова», «неумный» и так далее… Она утверждает, что сталинисты чинят расправу над инакомыслящими, что ГПУ вынуждает давать их нужные ему показания и часто люди клевещут сами на себя. Один из приемов получения ложных показаний – это «конвейер», когда человек сидит за столом следователя до 72 часов, совершенно «балдеет» и подписывает все, что угодно. По этому поводу Редкозубов говорил ей: «Если Сталина и подсудимых переменять местами, то получилось бы то же самое, если не больше!» Тарле с ним согласилась».

В донесении от 13 февраля 1937 года «Флеров» сообщает, что в лагере создана так называемая группа Ермолаевой, которая проводит на ее квартире тайные собрания, где звучат антисталинские высказывания».

Чтобы яснее было, о ком пишет «Флеров», поясню, что Вера Михайловна Ермолаева была высокоинтеллигентным человеком. Она училась в Петербургской школе живописи, рисования и скульптуры М.Бернштейна и Л.Шервуда (1911–1914 г.). В годы учебы ездила во Францию, Швейцарию, Англию. В 1917 году окончила Археологический институт в Петрограде. После его окончания организовала артель художников «Сегодня», которая выпускала небольшими тиражами детские книжки, украшенные линогравюрой. Сблизившись с художниками-новаторами, она стала одним из ведущих деятелей русского авангарда. С 1925 года работала в детском отделе Госиздата.

По ложному доносу в декабре 1934 года Веру Михайловну (а было ей уже сорок один) якобы изобличают в том, что она «является участником контрреволюционной группировки в Ленинграде, пытающейся наладить нелегальную связь с заграницей, ведет антисоветскую пропаганду среди окружающих». Управление НКВД Ленинградской области, рассмотрев следственный материал, постановляет привлечь ее в качестве обвиняемого по статьям 58–10 и 58–11 УК. 29 марта 1935 года особое совещание НКВД приговаривает В.М.Ермолаеву, по социальному положению дворянку, дочь крупного помещика Саратовской губернии, сестру члена ЦК партии меньшевиков, образование высшее, по специальности художницу, как СОЭ (социально опасного элемента) на срок три года. Отбывать наказание направляют в Карлаг. Здесь ее определяют в поселке Долинка по Первой улице, дом 35.

Почему я так подробно рассказываю о Вере Михайловне Ермолаевой? Да потому, что она тоже была незаконно репрессирована. Для нее смыслом жизни было искусство, она была далека от политики, ни в каких партиях не состояла и участником контрреволюционной группировки не была. Как ни пытались следователи пришить ей «политическое дело», ничего не получалось. Тогда, следуя советам высокопоставленного чекиста Лациса, они стали задавать ей вопросы, какого она происхождения, воспитания, образования… И «компромат» появился: дворянка, дочь крупного помещика, сестра члена ЦК партии меньшевиков… Одного этого было достаточно, чтобы ее упечь в сталинские лагеря. Подошла под схему Лациса! И ее надо истребить как представителя буржуазии, как враждебный советам класс! А потому надзор над ней надо усилить, проверяя ее духовный мир, взгляды.

Между тем, лагерная жизнь в Долинке шла своим чередом. Общительная по своей натуре, отзывчивая на чужое горе, Вера Михайловна старалась помогать людям, обреченным на

вымирание. И в дом, где она жила, потянулись горемычные, такие же, как она. Потянулись как к спасательному очагу, как к огню, мелькающему в дебрях темного непроходимого леса. И, конечно же, они жаловались на свою судьбу, на кровососа Сталина, убийц из НКВД… Ведь правда со дна моря выносит, душу больную лечит. И Вера Михайловна понимала правду людей, сочувствовала им, обогревала добрыми словами, своей большой нерастраченной любовью к жизни. Она верила, что придет время, оковы тяжкие падут, и на обломках самовластья вырастет их счастье…

Иду Тарле она приветила в первый же день ее прибытия в Долинку, позвала к себе на чай, чтобы ободрить, снять налет печали и ужаса с ее красивых карих глаз, разгладить рано появившиеся глубокие морщины на лице… И за колючей проволокой есть жизнь, утешала Вера Михайловна родственницу академика. Придет время, и все поймут, что в Долинку попадают без вины виноватые. Только вера, надежда и любовь спасут обреченных от страданий и мук.

Но Ида Вениаминовна не желала следовать наставлениям Ермолаевой. Видя вокруг себя произвол властей, серость и дикость нравов конвоиров, отсутствие нормальной пищи и одежды у заключенных, она решила бороться против зла сталинизма. Начитанный и высокообразованный человек, она берется за перо, чтобы рассказать миру всю правду о злодеяниях в лагерях Карлага.

К кому же обращается Ида Вениаминовна? Свое первое письмо она посылает в Москву Екатерине Павловне Пешковой. В архивном деле И.В. Тарле сохранилась копия этого письма отправленного в столицу 13 апреля 1937 года обществу помощи политзаключенным, по адресу: Кузнецкий мост, 24 лично Е.П. Пешковой. Екатерина Павловна, как известно, по линии Политического Красного Креста поддерживала политзаключенных, высылая им то одежду, то обувь, то небольшие суммы денег.

И.В. Тарле с болью и отчаянием пишет о несчастном положении, горе заключенных Карлага… Работы и той не могу получить в лагере, сообщает она, потому что на эсеров в Долинке смотрят как на врагов народа, которые якобы постоянно замышляют террористические акты против Советской власти. «Жить не хочется, не кормят, не одевают, даже кипятку не дают»…

Ответа от Пешковой в архивном деле нет. Зато есть очередное донесение «Флерова» от 13 апреля, в котором он пишет: «Тарле говорила, что группа политзаключенных в

северных лагерях объявила голодовку на почве неудовлетворительных бытовых условий… Если ей не будут предоставлены подходящие условия, работа и питание, то она тоже объявит голодовку».

Далее лагерный агент сообщает, что на квартире Ермолаевой опять собирались политзаключенные, в том числе юрист Редкозубов, – всего в количестве девяти человек. Они решили поддержать Тарле.

Была ли проведена голодовка политзаключенных? Видимо, нет. Потому что вскоре, как информирует «Флеров», Тарле получила работу на метеостанции, но «работала плохо».

И не удивительно – узница Карлага, перенесшая бремя каторжных испытаний, все больше теряла силы, здоровье.

И она опять пишет Е.П. Пешковой, взывая к ее доброте и сердечности, прося о помощи карлаговским заключенным. И опять от Екатерины Павловны никакой весточки, хотя Тарле очень надеялась на ее соучастие.

Но откуда Пешковой было знать о Долинке, ее узниках? Ведь письма Тарле не дошли до Москвы, их арестовывали тут же, вынимая из почтового ящика. Как пояснил мне Виктор Васильевич Горецкий, каждое письмо в Карлаге вскрывалось, прочитывалось сталинскими паханами и зачастую подшивалось в личное дело зэка, чтобы со временем на его основе создать новое дело. Это называлось «изучением» настроений политических заключенных.

Доходили до адресата только те письма, которые передавались родственникам или близким, живущим на свободе. Те ехали в Москву и передавали жалобы прямо Пешковой в руки.

Это вскоре поняла Тарле. Ибо ее вызвали в оперчекотдел и пригрозили: если напишешь еще раз Пешковой, то пеняй на себя. Что это означало? Расстрел.

Тогда она пишет в Ленинград своему двоюродному брату Евгению Викторовичу Тарле. Жалуется, что ее используют в Карлаге не по назначению, она могла преподавать иностранные языки в местной школе или работать переводчицей, а ее держат разнорабочей на метеостанции.

И опять угрозы в оперчекотделе: прекратите писать жалобы, мы и так все знаем. Ишь, чего захотела: работать «учителкой». А лопату держать умеешь? Полоскать белье? Камни таскать? Научим! Это тебе не на французском говорить. То-то, малогодная, неспособная. В грех не вводи!

Но жив еще был бунтарский дух в Тарле. Она снова предлагает провести голодовку, ее уже поддерживают многие заключенные. Но намеченному не удалось сбыться. Всех, кто

собирался на квартире Веры Михайловны Ермолаевой (а это одиннадцать политзаключенных) ведут на допросы, обвиняют в контрреволюционном заговоре против Сталина. Несколько дней оставалось до выхода на свободу Вере Михайловне Ермолаевой, ее уже отвезли в бараки Карабаса, откуда обычно заключенных выпускали на волю. И вдруг что-то поломалось, Веру Михайловну запихивают в «воронок» и везут обратно в Долинку. Там ей предъявляют обвинение в том, что, отбывая наказание в Карлаге НКВД, вошла в состав контрреволюционной группы, предоставляла последней свою квартиру для сборищ, являлась связисткой между членами этой группы. Подобные обвинительные заключения были состряпаны и на остальных так называемых врагов народа, в том числе и на Иду Вениаминовну Тарле. Она со слезами на глазах сказала следователю: «Вы же знаете, что мы ни в чем не виноваты. Сколько же можно мучить? Когда правда восторжествует, вы будете прокляты…»

Она не знала-не ведала, что в то время в Карлаге усиленно проводилась работа по высвобождению мест. Лагерь был переполнен, начальство не знало, куда девать потоки дешевой рабочей силы. Начальник УНКВД по Карагандинской области, капитан госбезопасности Адамович дает в Москву телеграмму: «Москва, НКВД СССР. Ежову. Прошу увеличить лимит расстрелов врагов народа».

И лимит увеличивают до невероятных размеров. Беспощадная рука НКВД поливает свинцовым огнем всех живых за колючей проволокой. А на их место прибывают новые жертвы… Английский писатель Мартин Эмме в своей книге «Сталин Иосиф Грозный» (Москва, изд-во Эксмо, 2003 год) пишет: «Широкомасштабное применение смертной казни – нечто такое, к чему Сталин питал почти болезненное пристрастие… Вождя увлекали сами масштабы репрессий, их размах, то самое стремление к негативному совершенству, которые побуждали Сталина мучить и мучить новые жертвы».

Когда на небе заполыхали зарницы, они – все одиннадцать – были расстреляны. Перед своей гибелью Ида Тарле крикнула:

– Господи, оставь хоть в живых моего брата Женю!

Видимо, Бог внял ее просьбе – Евгений Викторович Тарле прожил 80 лет, радуя нас новыми книгами, насыщенными большим фактическим материалом, глубоким историческим анализом. Он пережил Ежова, Сталина, Берия… Говорят, где-то в 1954 году Евгений Викторович приезжал в Долинку, чтобы поклониться праху двоюродной сестры, унесенной жестоким ветром сталинского террора в небытие.

Глава 2
Падения и высоты Чижевского

Пришло время, когда можно узнать всю правду о пребывании крупного ученого с мировым именем Александра Леонидовича Чижевского в Казахстане. В архивах отделения спецфондов информационного центра при УВД Карагандинской области мне показали два личных дела заключенного А.Л.Чижевского. Первое начато 22 января 1942 года и закончено 22 января 1950 года. Именно столько лет понадобилось советскому ученому, чтобы отбыть свой срок в печально известных лагерях ГУЛАГа и КарЛАГа. Второе дело на Чижевского было заведено Карагандинским управлением МГБ СССР 25 января 1950 года, сразу же после выхода из лагеря и определения его ссыльным в Караганду.

…Весь день просидел я в информационном центре, знакомясь с уникальными документами, проливающими новый свет на личность А.Л.Чижевского, его трагедию. Сразу скажу: еще не издано ни одной книги, ни одной статьи, в которых бы подробно рассказывалось о черных днях «врага народа» Чижевского. Многие исследователи жизни и творчества ученого до сих пор стыдливо умалчивают, пропускают факты необоснованного ареста и пребывания его в Карлаге, а также в ссылке в Караганде вплоть до 1958 года. Даже в книге В.И.Ягодинского «Александр Леонидович Чижевский», выпущенной в издательстве «Наука» в Москве в 1987 году, его период жизни 1942–1958 годов отмечен так: «Работал на Урале и в Казахстане. Продолжал исследования по аэроионизации с внедрением их в производство; провел серию работ по гелиодинамике, подготовил материалы рукописей по аэроионификации и структуре движущейся крови». И все. А ведь это целых 16 лет напряженного поиска в невероятно тяжелых условиях. И все эти годы он не порывал не только с наукой, но и с поэзией, живописью. И все эти годы он боролся за справедливость, поруганную честь, свободу мысли!

Что же ему вменили? Первое личное дело начинается с выписки из протокола особого совещания при НКВД СССР от 20 марта 1943 года. В нем постановление (цитирую дословно): «Чижевского А.Л. за антисоветскую агитацию заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемь лет, с 21 января 1942 года, с конфискацией библиотеки». А дальше в постановлении идет юридическое обоснование приговора. Мол, будучи сыном царского генерала, А.Л.Чижевский вел

антисоветскую пропаганду. Крамолу против сталинщины следователи нашли и в дневниках, и в стихах Александра Леонидовича. Кроме того (какой ужас!), Чижевский, оказывается, вел переписку и встречался с корреспондентами иностранных газет. Наконец, он… занимался научной работой на дому. Позже ко всему этому «летописцы» из Карлага в личное дело ученого чего только не вписали! Один сообщает: «Из материалов дела видно, что Чижевский, будучи сыном царского генерала, враждебно встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию». Другой комментирует: «Свои антисоветские настроения Чижевский излагал в течение ряда лет в высказываниях в присутствии окружающих лиц». Третий, не моргнув глазом, пишет: «Имел переписку с учеными США, за что был представлен к Нобелевской премии». А четвертый дописался до того, что сочинил (уму непостижимо!): «Характер преступления Чижевского – связь с китайской разведкой».

А что же сам Чижевский говорил о своих «преступлениях»? Недавно я разыскал в Караганде чуть ли не единственного теперь свидетеля пребывания Александра Леонидовича в Караганде, его друга Ирину Николаевну Кулакову, пенсионерку, но и поныне работающую в Карагандинском межобластном Центре онкологии. Она трудится здесь с 1947 года. В послевоенные годы Ирина Николаевна заведовала лабораторией диагностики злокачественных опухолей. В этой же лаборатории после отбытия срока в Карлаге работал на полставке А.Л. Чижевский (иной должности ему еще тогда не доверяли!).

Ирина Николаевна буквально боготворила Александра Леонидовича. В свое время она много читала о нем в газетах, когда еще училась в медицинском институте в Ленинграде, даже хранила вырезку из газеты «Правда» от 11 апреля 1931 года, где было опубликовано постановление Совнаркома СССР о работе профессора А.Л.Чижевского. Подписали его тогдашний председатель Совета народных комиссаров СССР В.Молотов (Скрябин) и управляющий делами Совета народных комиссаров СССР П.Керженцев. В нем, в частности, говорилось: «Заслушав сообщение Наркомзема СССР об изобретении профессора Чижевского в отношении воздействия ионизированного воздуха на рост животных, переданном профессором Чижевским в распоряжение правительства, Совет народных комиссаров СССР постановляет:

1) одобрить мероприятия Наркомзема по широкой организации применения изобретения профессора Чижевского в совхозах…

2) премировать профессора Чижевского выдачей ему

единовременно 10 тысяч рублей».

В библиотеке И.Н.Кулаковой хранилась и книга А.Л.Чижевского «Земное эхо солнечных бурь», а также книга К. Э.Циолковского «Ракета и космическое пространство» со вступительной статьей А.Л.Чижевского.

И ей было абсолютно непонятно, как же над таким крупным ученым устроили закрытый политический процесс, на основании никчемных анонимных доносов бросили в лагеря смерти… Но узнала она об этом от самого Чижевского позже. Вначале же она приняла Александра Леонидовича за однофамильца профессора Чижевского. А он поддержал ее версию в первые дни:

– Да, я однофамилец того известного, но всеми забытого.

Однако шли дни, и Ирина Николаевна (тогда она была просто Ириной!) все больше терялась в догадках. Большой, неторопливый, улыбчивый, рассудительный и добропорядочный человек, лучше ее во сто крат знавший биологию, биохимию, анатомию… и вдруг ее подчиненный, лаборант на полставке. Что-то здесь было не так… Если она умело пользовалась хлесткими оборотами народного языка, то Александр Леонидович к тому же объяснялся по-английски, по-французски, по-немецки и даже итальянский язык знал в совершенстве. Разбирался в литературе, в истории, увлекался музыкой, живописью. И при всем этом за внешней мягкостью, за ровностью в обращении с людьми, сдержанностью в нем скрывалась какая-то несгибаемая сила воли, перед которой пасовало даже начальство. Если Александр Леонидович был в чем-то убежден, то настаивал на своем всегда продуманно, аргументированно. Его не способен был переломить даже сам главный. Приказать – да. Заставить отказаться от собственного мнения – нет. И вот, все это слыша и видя, Ирина как-то подошла к Александру Леонидовичу и твердо сказала:

– Вы – тот, настоящий Чижевский, вы – не однофамилец.

– Верите? – хитровато блеснул глазами «лаборант» и шутливо поднял «вверх» руки. – Сдаюсь, значит, я – плохой конспиратор.

Однажды Ирина Николаевна не выдержала, спросила прямо:

«За что же вас судили?»

«Судили? – переспросил Чижевский. – Да разве меня судили, милая? «Туда» тогда попадали без следствия и суда. Вина за лагерные годы лежит не на мне…я ведь даже анекдоты о Сталине не сочинял… Видит бог – без вины виноватый».

Да и Ирина была убеждена, что Чижевского сделали без вины виноватым. Совершенно далекий в сталинское время от политики Александр Леонидович писал свои научные труды, не подделываясь под официально принятый марксизм-ленинизм, а выражал свои концепции видения на те или иные проблемы,

исходя из опыта мировой науки. Он настолько был увлечен космическим естествознанием, вопросами солнечного влияния на биосферу, биологией, аэроионофикацией народного хозяйства, что, казалось, ничто больше на свете его не интересовало, конечно, кроме поэзии и живописи. Даже за колючей проволокой Гулага, а затем и Карлага он продолжал свой титанический труд, несмотря на большое горе, которое обрушилось на него, старался быть предельно собранным, умеренно спокойным, чтобы сохранять силы для науки, поэзии, живописи – того, для чего он, собственно, был создан, что пуще всего любил. Конечно, в самом начале лагерного пути его нервировало, взвинчивало ощущение режимной сферы, предчувствие тяжких испытаний, болезненных перемен. Такое состояние выматывало.

Вначале были одиночные камеры. К одиночеству он не мог привыкнуть сразу, ведь оно обрушилось на него нежданно-негаданно, как только он попал в цепкие лапы НКВД. Их, ученых, допрашивали поодиночке, порознь сажали в камеры, даже на тюремный двор водили каждого по себе. А одинокому хоть утопиться, хоть удавиться! И такое бывало часто в Бутырской тюрьме, где поначалу «содержали» Чижевского. У некоторых пленников Берия не выдерживали нервы, и они шли на «предательский и провокационный акт самоубийства». Правда, за этой удобной для НКВД формулировкой бериевцы зачастую скрывали свои собственные злодеяния. Замучат человека насмерть, а затем выдают родственникам заключение специалистов о самоубийстве.

А.Л.Чижевский по натуре своей был человеком общительным, нелюдимых он избегал и не понимал. В личном деле заключенного Чижевского хранится удостоверение № 23, выданное Александру Леонидовичу в том, «что он действительно состоит Председателем Калужского губернского отдела Всероссийского союза поэтов». Не знаю, кому как, а мне оно сказало о многом, прежде всего о том доверии, которое оказали Чижевскому его собратья по перу, избрав его своим вожаком. Заслужить такое доверие у поэтов непросто, непременно надо быть компанейским человеком, хорошим товарищем, другом. И при этом уметь писать блестящие стихи, лучше других.

Всеми этими качествами, бесспорно, обладал Александр Леонидович. Я читал его стихи, которые мне показывала И.Н.Кулакова: «Гиппократу», «Галилею», «К.Э.Циолковскому», «И вновь, и вновь взошли на солнце пятна». Они свидетельствуют о самобытном почерке автора в большой стране Поэзии. А позже в сборнике стихотворений А.Л.Чижевского, изданном в издательстве «Современник», я нашел отзывы о поэзии

Чижевского таких признанных корифеев литературы, как М.Волошина, А.Н.Толстого, В.Я.Брюсова, Вячеслава Иванова.

Так, Валерий Яковлевич Брюсов писал Чижевскому: «Работайте над вашим высоким даром». Вячеслав Иванов: «Могу смело предсказать вам блестящую будущность лирического поэта».

«В первые месяцы пребывания в тюрьме и лагерях я не мог заниматься наукой, не было никаких условий, – рассказывал Александр Леонидович И.Н.Кулаковой. – Меня спасала Поэзия…»

И это так. Что может спасти талантливого человека с душой поэта в темных одиночных камерах? Конечно, только Поэзия, приближение к ее светлому, возвышенному огню. Все, что есть прекрасного в твоей душе, поддержат только прекрасные строки, пусть надрывные, до безумия печальные…

«И в груди томится сердце,
Бьется птицей в темном склепе,
Без сочувствия родного.
Одинокое, одно…»

И.Н. Кулакова сообщила мне такой малоизвестный факт: в середине 50-х годов А.Л.Чижевский подготовил в Караганде машинописный том стихотворений. В нем – около 500 его произведений, большинство из которых было написано в Карлаге. Куда исчезла эта книга? Ирина Николаевна вспомнила, что один экземпляр этого тома Чижевский выслал в отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И.Ленина, второй – в архив Академии наук СССР. Может быть, есть резон разыскать эти рукописи, издать в первозданном виде?

В Карлаге А.Л.Чижевский сильно болел. В «формуляре к личному делу № 78435 на Чижевского» от 30 июня 1943 года я нашел записи врачей, что у него «склероз мозга, грудная жаба, бронхит». Он – инвалид I группы. Затем через каждые полгода повторялось заключение медиков, что зэк Чижевский – «инвалид I группы». Но, несмотря на это, он продолжал работать даже в невыносимых условиях Карлага. Величие и непобедимость духа, способные преодолеть все невзгоды и удары судьбы, даже самые жестокие, помогли Чижевскому создать вдохновенные строки о космосе, солнце, любви к людям. 5 января 1943 года, находясь в Карлаге, он напишет в дневнике: «Холод – 5 градусов в камере, ветер дует насквозь, жутко дрожу. Кипятку не дают». И тут же сообщает, что в этих условиях он возвращается к своему стихотворению «Гиппократ», написанному им еще в 1912 году, чтобы внести некоторые уточнения и поправки.

Тогда же он пишет стихотворение «Хлеб»:

«Тот, кто изведал нужду и лишенья,
Тот, кто в тюрьме без конца голодал,
Ведает цену священному хлебу,
Как бы кусок ни был черств или мал».

Вскоре Чижевского в Карлаге переводят в барак. Где уж тут заниматься творчеством, поэзией! Ведь здесь все общее – грязные палаты, бригады, работа, купание, недоедание, недосыпание и сплошное ругание… Вставали под мат воспитателей: «Ах, вы такие-сякие, все еще дрыхнете, кузькину мать?» И ложились под карательные визги: «Спать, а то будем стрелять!»

Больше всего боялся Чижевский раствориться в толпе, стать таким, как все, жить по лагерной норме. Но вырваться на индивидуальный простор никак не мог, хотя и просил настойчиво у начальства одинокого заключения. Ведь в общем стаде он не мог ни думать, ни писать… Какое там – его поселили в бараке на 400 человек, и сосредоточиться там на какой-то порядочной мысли было просто невозможно: все галдели, шумели, гоготали, лупили в домино или карты. А тут еще дежурный по лагерю врубал вовсю радио, и под зловеще звучащие марши все начинали плясать, как дикари, или попросту изображать из себя дурачков…

Чижевского, как и всех заключенных, унижали в Карлаге, как могли. И в бараках смерти он хлебнул горя народного вдоволь. И, конечно, не мог не откликнуться на боль людей, их гнев к сталинизму. Вот здесь, в Карлаге, он впрямь занялся политикой, прогнозировал скорое падение Сталина, кровавого палача Берия. Люди потянулись к Чижевскому, много нового узнавали от него о космосе, учении Циолковского… «Ничего нет вечного на земле, все изменится, – говорил Чижевский. – Будут и у нас светлые дни».

В личном деле заключенного Чижевского я нашел еще один своеобразный документ той железной эпохи. В характеристике, выданной начальством ИВДельлага в 1942 году на Чижевского, прочитал: «Несмотря на предупреждения о нарушениях установленного лагерного режима, за что был из центральной больницы выдворен обратно в 9-ую зону, Чижевский продолжает делать антисоветские выступления… Он также добивался и подстрекал заключенных на непослушание, чтобы они требовали неположенного им дополнительного питания».

И в Карлаге Чижевский постоянно нарушал режим, за что неоднократно лишался баланды и куска хлеба, а также выдворялся в одиночные камеры. Его судьба была

непредсказуемой, он сам говорил позже И.Н.Кулаковой, что ему могли бы прибавить за неблагонадежность еще лет пятнадцать… Но где-то к 50-м годам начали падать тяжкие оковы мрачного времени. То тут, то там вспыхивали волнения среди политзаключенных. Многие стали понимать: хочешь жить, умей бороться! И вот уже пошли волны забастовок. Начавшись в экибастузском лагере, они охватили 3-е отделение Степлага (поселок Кенгир, станция Джезказган), 2-е отделение Степлага (Рудник), а затем Песчанлаг, Озерлаг, наконец, Карлаг…

В 1946 году Чижевский пишет в комиссию по помилованию при Президиуме Верховного Совета СССР ходатайство о пересмотре его дела. Однако ему в этом отказывают. Тогда он обращается к начальству Карлага с заявлением, в котором просит довести свои просьбы до личного рассмотрения И.В.Сталина. Навряд ли его просьбы были доведены до «вождя народов», тем не менее Чижевскому впервые дали послабления. Заместитель начальника управления Карлага НКВД, подполковник Слюсаренко накладывает на заявлении Чижевского резолюции: «1. Вызовите его и окажите помощь в пересылке материалов его работ (через Гулаг). 2. Возвратите ему его книги (список при этом прилагается). 3. Улучшить ему бытовые условия и создать условия для работы».

Надо сказать, это был первый «успех» зэка Чижевского, добытый немалой кровью и, надо отметить, имевший серьезные последствия для возрождения активной научной деятельности. В очередном сообщении тому же Слюсаренко Александру Леонидовичу писал: «Я теперь живу при художественных мастерских Долинского комендантского отделения. В моей маленькой комнатке (бывшая кладовая) вмещаются только топчан, тумбочка и печка. Но для творческой работы мысли этого вполне достаточно».

И.Н.Кулакова говорила мне, что этой комнатке Александр Леонидович радовался, как ребенок. Видимо, это была своеобразная разрядка, вызванная неожиданным послаблением того жесткого режима, в котором он находился. В голове у Чижевского была одна мысль – использовать свои маленькие бытовые возможности для науки. Теперь требовалось одно: работать, нельзя раскисать, ни в коем случае, надо крепко держать себя в узде. А работать Чижевский не только мог, но и любил. И других, как известно, умел привлекать к творческой работе, действовать сообща с ним.

Вскоре, а более точно – 12 декабря 1947 года – начальник ОУРЗ Карлага, майор Матросов высылает в Москву научные материалы по изобретению Чижевского: «Электрический метод

получения бетона максимальной прочности». Затем Александр Леонидович создает научный труд: «Профилактическая роль отрицательных ионов воздуха в рентгеновских кабинетах», потом – «Аэроионификация общественных и жилых зданий», наконец, «Теория работы электромаски для борьбы с неорганическими и бактериальными запылениями легких». К сожалению, все эти труды Александра Леонидовича не изданы и по сей день.

Но это не все, что создал в Карлаге Чижевский. В том же 1947 году он пишет уже известному нам Слюсаренко о завершении крупнейшей работы (около 500 страниц текста, свыше 75 таблиц и 50 чертежей) под заглавием «Строение функций системы крови (выполнена с помощью инженера Н.Г.Ченцова – 19 Долинское комендантское отделение)».

И тут же сообщает, что охотно берется за создание уникального труда по теории крови человека в условиях космической невесомости! Надо сказать, вначале эта мысль показалась начальству Карлага абсурдной. После войны с фашизмом было, как говорится, не до жиру, быть бы живу! И вдруг Чижевский выдвигает какой-то бред насчет работы о крови человека в космосе! Целым институтам, казалось, это было не под силу.

Но волнение, видать, охватило Слюсаренко. А что если попробовать дать побольше воли дерзкому профессору? Чем черт не шутит. На Спасском заводе (отделение Карлага) отбывал свой срок такой же чудак – профессор, специалист-теплотехник В.Л.Пржецлавский. Так вот его освободили по настоянию некоего С.П.Королева (будущего создателя космических кораблей – Прим. В.М.). Правда, об этом знали в Карлаге только единицы служащих НКВД, и тех обязали держать это в секрете. Может, и Чижевский «птица высокого полета», с их поля «крупная ягода»? Интуиция подсказала служаке помогать этому Чижевскому, дабы затем не попасть впросак, не слыть душителем ученых умов. Тем более, что Чижевский просил о малом – выделить ему в помощники узника Карлага, математика П.Г.Тихонова.

Следует сказать, что это «разрешение» придало сил Чижевскому. Вместе с Тихоновым он отработал огромный материал, который лег в основу книги Александра Леонидовича «Динамика крови». Этот труд Чижевского сыграл позже неоценимую роль в овладении человеком космоса. Летчик-космонавт В.И.Севастьянов позже в своей книге напишет: «Особенно велики заслуги Александра Леонидовича перед космической биологией в самых разнообразных ее аспектах. Люди, занимающиеся проблемами космоса, – ученые, конструкторы и мы, космонавты, часто в своей работе

непосредственно сталкиваемся с проблемами, которые разработал и успешно решил Чижевский. Мы отдаем ему за это дань уважения и признательности».

Не перестаю удивляться той огромной, напряженной работе, которую в очень короткий срок в тяжелых условиях Карлага проделал А.Л. Чижевский. Он сам таял буквально на глазах, но его упорство позволило ему делать все новые и новые открытия. Однако на пути профессора не было цветов признания. Горечью и душевной болью пронизаны многие его рапорты и заявления, подшитые в личных делах заключенного, а позже ссыльного в Караганде. Время не позволяет мне их все воспроизвести, да этого, видимо, и не следует делать, но, пожалуй, одно заявление надо бы привести полностью, чтобы понять, в какой атмосфере тех лет работал Чижевский. Адресовано оно тому же Слюсаренко, датировано 21 марта 1947 года.

«С чувством глубокой благодарности, – пишет А.Л.Чижевский, – отношусь к данному мне вами разрешению заниматься любимым творческим делом, возможным в лагере, – живописью, а в свободное вечернее время, когда наше помещение свободно от шума, работать теоретиком в области науки. Даже в этих условиях можно создавать истинно общечеловеческие ценности».

И далее: «Здесь, в Долинке, кто-то постарался создать мнение о том, что мои труды ровно ничего не значат. Это для меня не ново, так как и в Москве против моих новаторских работ были «многократные походы» со стороны «академически мыслящих» ученых, то есть людей, которые руководствуются учебниками и ненавидят новые идеи, новые смелые дерзания, особенно, если эти дерзания опережают современное состояние науки на десятилетия. Но, смею вас заверить, что не все так никчемно в моих трудах…

Прошу вас отдать распоряжение о приобретении для моих художественных работ масляных, акварельных и гуашных красок и цветных карандашей, на сумму примерно 250–300 рублей. Чижевский».

И тут надо сказать, что в Карлаге Александр Леонидович рисовал постоянно, в самых примитивных обстоятельствах, самыми примитивными и некачественными материалами. Живопись была для него так же, как поэзия, не развлечением, а потребностью. В лагере писал он больше по воображению, по памяти, вспоминая Россию, Калугу, зеленые луга и голубые прозрачные, как лебедь, реки, желтые стога сена и клин курлычущих журавлей… Его картины были полны света, солнца, чего так не хватало в мрачных бараках и комнатах Карлага. В

историко-краеведческом музее в Караганде мне показывали его небольшие картины, в них было очень много от Левитана, которого я любил с детства. И все же это был Чижевский, самобытный Чижевский, живопись которого, честно говоря, мы забыли, схоронив его маленькие полотна в музейной пыли…

Правда, всего один-единственный раз уже после смерти Чижевского где-то в 1981 году в выставочном зале Караганды состоялась персональная выставка книг и рисунков, сделанных Чижевским в заключении. Их было много – они заняли четыре стены.

Картины художника сохранила и привезла в Караганду его жена Нина Вадимовна Чижевская, урожденная Энгельгард. Она тоже была репрессирована, и они, едва знакомые в юности, встретились в лагере и полюбили друг друга.

Первое, о чем Нина Вадимовна спросила, прилетев в Караганду, было: как тут наша Карменсита? Так они с мужем называли Ирину Николаевну Кулакову, внешне очень похожую на героиню Мериме и Бизе, великолепно исполнявшую романсы под звуки фортепиано, за которым сидел Чижевский.

На выставке Нине Вадимовне стало плохо. К тому же, стоял сильный мороз, и она совсем разболелась, попав в больницу. Обычно в подобной ситуации в чужом городе человека ждет одиночество. Но разве Ирина Николаевна могла такое допустить? Она часами сидела у кровати, утешала больную, приносила ей все необходимое. А когда Чижевской стало лучше, И.Н.Кулакова с друзьями сопроводила ее в аэропорт и отправила домой, в Москву.

«Спасибо вам, карагандинцы, за память о муже, сказала, прощаясь, Нина Вадимовна. – Я поняла: вы его помните и любите…»

Да, карагандинцы очень любят А.Л.Чижевского. Любили его они и при жизни, когда Александр Леонидович, отбыв свой срок в Карлаге, работал на ссылке в Караганде в различных медицинских учреждениях.

Сам Чижевский чувствовал это, не раз позже тепло вспоминал о своих карагандинских друзьях.

И все же Чижевский постоянно обращался в вышестоящие инстанции в Москву с просьбой вернуть его в столицу, предоставить ему работу в каком-нибудь столичном институте. Его мучила оторванность от важнейших научных центров столицы, известная изоляция от мира ученых… Но всякий раз он получал отказы от «сильных советского научного мира».

В такие дни Ирина Николаевна видела невыносимую печаль в глазах ученого. Ей думалось: как странно, что Чижевский,

человек, которого международный конгресс биофизиков охарактеризовал как «Леонардо да Винчи двадцатого века», и спустя годы после отсидки в Карлаге имел в Москве так много недоброжелателей.

А, может, не так уж и странно? К клану псевдо-авторитетных советских академиков он не принадлежал. Рьяные ревнители классовых интересов, жизненным козырем которых было бедняцкое происхождение (они на всех перекрестках кричали: я из рабочих, я из батраков!), продолжали считать его чужаком, белой косточкой из генеральской семьи. Видимо, люди недалекие, лишенные способностей, они просто завидовали Чижевскому, его культуре, уму, умению мыслить своеобразно и пророчески. А вот директор Карагандинского научно-исследовательского угольного института Г.Е.Иванченко сразу, при первой встрече с Чижевским, оценил его научный кругозор, добросовестность в работе, отрешенность от всего личного, корыстного ради общего дела. При этом Александр Леонидович был скромен, никогда не выпячивал себя, не подчеркивал свои заслуги в науке. Знал Иванченко и умение Чижевского повернуть науку в производство, в конкретные дела по спасению здоровья людей в условиях экологического кризиса, вызванного сталинскими индустриальными гигантами, освоением недр земли. Хотели того или не хотели сталинские стратеги, но проблема шахтерских заболеваний в Караганде крепко давала себя знать. Беспристрастная статистика много говорила глазу ученого. У шахтеров росло количество заболеваний рака легких, гортани, туберкулеза, верхних дыхательных путей, бронхиальная астма… Загрязнение атмосферы угольной пылью в шахтах и на поверхности – вот основной бич.

Иванченко знал, что Чижевский давно занимается проблемами аэроионификации зданий. Уже в 1941 году Александр Леонидович решил многие (технические) вопросы аэроионификации, но его необоснованный арест прервал эту важную работу. Почему бы не возобновить ее в условиях Карагандинского угольного бассейна?

«Согласен с вами, – кивнул головой Чижевский. – Вдыхая аэроионы, горняки будут вносить в свой организм как бы дополнительное электропитание. Тем самым активизируется работоспособность их тела, повысится сопротивляемость его к недугам…»

Как рассказал мне краевед Юрий Попов, вскоре директор КНИУИ Г.Е. Иванченко подписал приказ о приеме на работу профессора А.Л.Чижевского. В институте был создан сектор аэроионификации, в который вошли врачи Ю.М. Свердлов, Е.М.

Касперович, К.И. Раппопорт, биолог Ю.П. Зябрев, сотрудники И.Я. Бутакова, М.Н. Семенов, А.И. Крашенин, Г.Г. Ускова.

Недавно один из членов этой группы Юрий Петрович Зябрев, ныне кандидат наук, заведующий лабораторией Института гигиены труда и профзаболеваний АН Казахстана, вспомнил:

– Мы начали свою деятельность с создания электроэффмовиальной установки. Чертеж ее имелся у А.Л. Чижевского. Необходимые элементы подобрали от серийно выпускаемого оборудования. Монтаж и наладку вели на заводе КНИУИ. Конструктивно установка представляла люстру, с которой «лился» поток легких аэроионов отрицательной полярности. При отработке методики исследований возник вопрос о физически благотворных дозах аэроионов. Необходимы были счетчики, фиксирующие прохождение аэроионов через определенную площадь. Счетчики были приобретены в Ленинградском университете…

Затем А.Л.Чижевский выехал в Москву. В Государственном институте физиотерапии им была доложена «Методика аэроионофикации нарядных адмбыткомбината шахты». Работа была признана важной, на нее получен положительный отзыв члена-корреспондента АМН СССР, профессора А.Н.Обросова.

Монтаж аэроионификационной сети был выполнен в нарядных участков шахты № 38.

13 июня 1957 года были начаты наблюдения за группой рабочих. Под врачебным наблюдением было 270 подземных рабочих, из них 90 находились под влиянием отрицательных аэроионов. Шахтеры принимали ежедневные сеансы по 30 минут при получении нарядов на работу. Систематическое вдыхание аэроионов дало положительные результаты. В контрольной группе вдвое снизилось число дней нетрудоспособности. Улучшилась картина крови у пациентов.

По постановлению ученого совета КНИУИ работа по аэроионификации нарядных была продолжена на шахте № 70. Институт «Карагандагипрошахт» начал проектирование установки ионизированного искусственного воздуха для зала борьбы и бокса карагандинского Дворца спорта.

По архивным документам КНИУИ, А.Л.Чижевский работал здесь до первого апреля 1959 года.

К сожалению, переезд Чижевского в Москву вызвал прекращение работ в Караганде по аэроионификации. И напрасно! В историко-краеведческом музее мне показали копию письма генерального конструктора самолетов О.Антонова от 23 декабря 1968 года, направленного жене Чижевского Нине Вадимовне. О.Антонов писал:

«В моем рабочем кабинете установлены в 1960 году ионизаторы Александра Леонидовича. С тех пор они регулярно включаются по утрам перед началом работы в течение уже 8 лет.

В кабинете воздух всегда свежий, дышится легко.

Трудно сказать, какой долей работоспособности и здоровья я обязан своему организму, а какой ионизации, но чувствую себя, несмотря на возраст (62 года), отлично, работоспособность высокая.

Последние остатки фиброзно-каверзного туберкулеза, которым я страдал с 1946 по 1958 год, исчезли практически без применения антибиотиков…»

Хочу добавить, что работы А.Л.Чижевского по оздоровлению горняков не потеряли своего значения и сегодня. И есть прямой резон возродить практику применения ионизаторов Чижевского в нарядных шахт. Для этого необходимо одно – желание! Ведь установки Чижевского не дорогостоящие, а пользу здоровью горняков дают отменную.

Признаться, я давно хотел написать о Чижевском. Читал его книги, стихи, трактаты о литературе, искал и находил в музеях картины-пейзажи, мастерски написанные его рукой. Но никак не мог представить себе внешний лик Чижевского. Как он выглядел, какое у него лицо, руки, глаза? И вот надо же впервые (горькая ирония судьбы!) фотоснимок Чижевского я увидел в «Анкете арестованного» в его личном деле. Угрюмое выражение лица, тоска в глазах, запавшие, исхудалые щеки, нос…

Тут же словесный портрет профессора, сделанный начальником следственного отделения, младшим лейтенантом Г.Водоватом. Болезненно воспринял я это описание тюремщика. Чижевского он преподносит сухо, по-канцелярски, без души, как того, видимо, требовали законы «работы» в НКВД. Привожу полностью:

«Рост: высокий (171–180 см); фигура средняя; плечи опущенные; шея короткая; цвет волос: черные с проседью; цвет глаз: голубые; лицо овальное; лоб высокий, скошенный; брови дугообразные; нос большой, толстый; рот малый, губы тонкие; подбородок прямой; уши большие, овальные, мочка уха сросшаяся».

Нет, не таким я представлял себе Чижевского, кумира и любимца людей. Конечно, я отлично понимал, что словесный полицейский портрет сделан для таких же полицейских Берия на случай побега профессора с каторги… Но сердцем своим я не мог его принять. Позже в Карагандинском историко-краеведческом музее мне показали другой снимок Чижевского, сделанный в Караганде где-то в 1958 году, сразу же после реабилитации

Александра Леонидовича. На меня смотрел совершенно другой человек – улыбчивый, мягкий, с большими добрыми губами, светлыми веселыми глазами… Да, это Чижевский, именно таким я представлял его себе!

– Нравится? – спросила главный хранитель музея Лидия Григорьевна Коровкина. – Ну тогда я дарю его вам… Смотрите, сколько мучений, издевательств над собой вынес этот человек, а не состарился, не пал духом, как другие… Настоящий был человек!

Глава 3
Жанна д'Арк в Казахстане

Анну Александровну Баркову критики назвали «Жанной д'Арк русской поэзии». Такой оценки не удостаивалась даже Анна Ахматова.

В тумане времени пропадают многие заметные звезды, даже самые яркие. Во мгле сталинизма погасло имя Барковой. Но не пропала ее поэзия, хотя в кострах инквизиций сгорели многие стихи Анны, в том числе написанные в пыльных саманных бараках Карлага…

Впервые о поэтессе Барковой я узнал, натолкнувшись в спецархиве при прокуратуре Карагандинской области на ее учетную карточку. Тогда руководитель Центра правовой статистики и информации, полковник Виктор Васильевич Горецкий завел уникальную папку, в которой собирал карточки и дела жертв сталинского террора, политзаключенных – выдающихся ученых, писателей, артистов. К архивной карточке № 91400 Анны Александровны Барковой кто-то прикрепил листочек бумаги со словами: «Она была выше Анны Ахматовой по смелости духа, по дерзости мысли, она не боялась Сталина».

Может быть, так оно и было. Во всяком случае, если Анну Ахматову за опальные стихи только исключили из членов Союза писателей СССР, но не отправили по этапу в Сибирь, то Баркову сразу же упекли в самый тяжелый лагерь НКВД-Карлаг. А мера наказания в то время и была мерой «смелости, мысли дерзаний».

В архивной карточке я прочитал, что Анна Александровна Баркова родилась в 1901 году в городе Иваново-Вознесенске. Образование – среднее, профессия – литератор. С 1919 по 1922 год она трудилась в газете «Рабочий край», судя по всему в отделе писем, вела рубрику «Стихи». Свои материалы печатала под псевдонимом Калика Перехожая.

Ее тянуло в Москву, «логово поэтов». И она уезжает туда без денег, без пропитания с одной поэтической тетрадкой на руках. Валерий Брюсов, увидев ее, высокую, стройную с большими полными губами и красивыми томными глазами, сказал ей:

– Вы покорите всю Москву!

А когда послушал стихи Барковой, то поправился:

– Я ошибся – вы покорите весь мир!

Но Валерий Брюсов не всегда давал точные прогнозы. Хотя в первые годы Аннушка, действительно, легко покорила столицу. Она приглянулась самому Луначарскому, и он написал теплое

предисловие к ее первой поэтической книге «Женщина». Она работала в секретариате А.В.Луначарского, даже жила в его кремлевской квартире. Ее приметила Мария Ильинична Ульянова и позвала работать в редакцию газеты «Правда», предоставив ей однокомнатную квартиру…

Была ли она счастлива в то время? Если судить поверхностно, то можно придти к этому выводу. Работа у Луначарского, в «Правде», своя долгожданная квартира в Москве… А на душе почему-то печаль, тоска, переходящие в социальный протест. Натура глубокая, остро воспринимающая несправедливость, она видела вокруг «смертельный холод», темный смрад»… Она первая из поэтов России в открытую заговорила о том «ледяном мраке», который нес с собой сталинизм.

Судя по учетной карточке, Баркову арестовали 26 декабря 1934 года. И только 26 марта 1935 года особым совещанием НКВД СССР ее приговаривают «за контрреволюционную деятельность» к пяти годам лагерей.

Почему же тридцатитрехлетнюю поэтессу делают контрреволюционеркой? Прежде чем Баркову арестовать, чекисты вламываются в ее квартиру № 5 в доме № 50 по улице Герцена, где она жила, делают обыск и конфискуют все ее поэтические блокноты и тетради. Как раз в них они и находят контрреволюционную крамолу и призывы к свержению Сталина… Ну, может, прямо Баркова и не призывает к этому, но ведь намекает так ясно, что дальше некуда!

Следователь во время первого допроса прочитал Анне ее же стихотворение «Командор»:

«Прорези морщин на бледном лбу,
Тусклый взор.
Командор вошел в мою судьбу,
Командор.
Словно смертный грех, неотвратим
Его шаг.
Вырастает ледяной вслед за ним
Мрак»…

Прочитал и закричал, стуча кулаками по столу:

– Это вы о ком написали? О нашем любимом вожде? Да вас на костре надо сжечь!

Сколько не оправдывалась Баркова, что командор – образ не конкретный, собирательный, следователь не внимал ее словам.

– Значит, собирательный? Не конкретный? – переспрашивал он. – А это чьи стихи?

И он продекламировал:

«Печален», «идеален», «спален» —
Мусолил всяк до тошноты.
Теперь мы звучной рифмой
«Сталин»
Заткнем критические рты».

И тут Анну прорвало! Неужели поэтам нельзя писать о том, о чем они думают, мыслят, что чувствуют? За что же боролись большевики? Чтобы еще туже, чем при царе, закрывать рты писателям, чтобы раз и навсегда похоронить свободу слова в новых темных, как склепы, казематах? Меняются вывески, лозунги, а суть тоталитаризма остается одна – подавлять личность человека.

Следователь не выдержал – и ударил ее. Она упала на пол, но «архангелы» подняли ее и продолжали бить до тех пор, пока она не потеряла сознание. Когда Баркова пришла в себя, то непроизвольно крикнула, харкая кровью:

– Будьте вы прокляты, сталинисты!

Но ее голос уже никто не услышал. Пока она была в забытьи, ее проволокли по длинному черному коридору и бросили в одиночную ледяную камеру.

Так начались тернии Жанны д'Арк русской поэзии. Более двадцати лет продержали ее в лагерях смерти, но не смогли сломить свободолюбивый дух этой непокорной поэтессы, первой отвергшей великого кормчего. Многие поэты, артисты, певцы в те времена вовсю славили строй, где «так вольно дышит человек», но только не Баркова. Она продолжала и в застенках Гулага настойчиво писать о «мрачном аде», в который погружается Советская страна.

В Карлаге она отбывает срок в Долинке, Ортау, Карабасе. Голые в солнечной дреме степи, каркающие вороны на карагачах да вышки постовых – вот и все, что она смогла увидеть в первые дни. Дальше – хуже. Вокруг лагеря – свалки мусора, голодные собаки и волки, а еще глубокие рвы с желтыми насыпями, куда на подвозах вывозили трупы заключенных. В стихах Барковой впервые появляется ощущение предсмертной тоски:

«…По соленой Казахстанской степи
Шла я с непокрытой головой,
Жаждущей травы предсмертный
лепет,
Ветра и волков предсмертный вой».

Поразительно, что Баркова, живя в глинобитном бараке, еще умудряется писать. До нас дошли ее стихи, исторические баллады, созданные в Карлаге, – это «Тиберий», «Предсмертные слова», «Я когда-то в век Савонаролы»… Некоторые из них она читала своим подругам по нарам, а те в ответ только горестно вздыхали:

– Ах, Анна, Анна, ну, зачем ты пишешь такие печальные и злобные стихи? Ведь за них тебя никогда не выпустят на волю. Все возвеличивают Сталина, ему поют дифирамбы, вот и ты так поступай – сразу знаменитой станешь, свободу обретешь…

– Да что вы понимаете в стихах, – возмущалась Анна. – Разве можно жить так в Поэзии? Поэзия – это торжество правды, а не лжи… Зачем мне дешевая слава, если Русь душит всяческая грязь и всяческая гнусь…

Охранники не раз и не два вырывали из рук Барковой листки со стихами. Но почерк у нее был такой, что ничего не могли разобрать в оперчекотделе. Ее вызывали, спрашивали:

– О чем стихи?

Она изображала из себя дурочку, начинала танцевать, помахивая платочком, зажатом в руке:

– О любви!

Особенно тяжелым был 1937 год. Бараки забивали заключенными до предела, они лежали не только на нарах, но и под нарами прямо на сырой земле, в проходе между ними, новых политзэков расселяли в домах местных жителей. По ночам или на рассвете на околице Долинки все чаще раздавались многочисленные выстрелы, дикие вопли тех, кто прощался с жизнью с пулей во лбу. Загубленные души невинно расстрелянных людей никто не брал на учет. Расстреливали по списку, затем список уничтожали – было и такое. По вечерам в доме управления Карлага обмывали очередной успех по высвобождению мест в лагере. Слышались хлопки вылетающих пробок шампанского, тосты за великого Сталина. Пьяные голоса разгоряченных мужчин и женщин нестройно выводили: «Широка страна моя родная»… Они гуляли всю ночь до рассвета, до очередных расстрелов зэков.

«Как же так? – мучительно думала Баркова. – Откуда взялось это племя ублюдков, шакалов, нелюдей? Вроде бы бог вылепил нас из одной глины…»

И рождались стихи:

«Степь, да небо, да ветер дикий,
Да погибель, да пьяный разврат.

Да. Я вижу, о Боже великий,
Существует великий ад».

Этот ад в СССР создал Сталин, отвратительное порождение бунтов большевиков. Это он вбил всем в голову:

«Веду классовую борьбу.
Молюсь на фабричную трубу».

Баркова видела эти фабричные трубы и в Казахстане, ядовитым газом отравляющие все живое – степь, леса и долины Ортау, сайгаков и даже беркутов… А классовая борьба? Она ожесточалась. «Врагов народа» становилось все больше, лагерное кладбище уже упиралось в далекие сопки.

В учетной карточке Анны Александровны Барковой значится, что 26 декабря 1939 года она была освобождена из Карабаса. Но в Москву ее не пустили, не положено. Она попыталась устроиться на работу в Таганроге. Однако редакторша городской газеты «Таганрогская правда», прочитав ее казахстанские стихи, замахала руками:

– Да в уме ли вы, голубушка? Вам только черное знамя в руки и на баррикады. Сейчас в моде оптимистические стихи писать, имя Сталина славить… «Сталин – наша слава боевая, Сталин – нашей юности полет» и далее в таком духе.

– А как же быть с убеждениями личными, взглядами, неприятием зла сердцем и душой поэта? – спросила Баркова.

– Э-э, да я вижу: Казахстан тебя ничему не научил..

– Нет, научил, – твердо сказала Анна. – Избегать таких, как вы, – людей беспринципных, подхалимных…

Она убежала на пляж и долго сидела на мшистом валуне, обхватив руками колени. Море было неспокойным, мутным. Вдали маячила одинокая шаланда с грязными парусами.

Она меняла города, села, деревни. Подрабатывала даже тем, что гадала по рукам людям, собирала на помойках бутылки и сдавала их на приемные пункты посуды. А затем опять последовали аресты.

В Калуге следователь ей сказал:

– Я вас сгною в Сибири или на Севере. Казахстан – это для вас рай. Вы сами выбрали себе судьбу каторжанки, нищей женщины, бродяги…

Каторжанка, нищая, бродяга, но душой богатая, гордая и независимая, как Жанна д’Арк – такой входит в историю поэтесса Анна Александровна Баркова. Но, как мы знаем, за бессмертие,

гордый дух тоже надо платить, и очень дорогой ценой – в Калуге ее обули в кандалы и погнали на север, по мерзлому тракту, в лютую метель…

Только в январе 1956 года Баркову освободили, но вскоре снова арестовали. Несмотря на хрущевскую оттепель, следователи опять признали «опасными для общества» рукописи Калики Перехожей. Она попадает на этот раз в Кемерово, Иркутск. Ее глаза уже слезятся, поэтесса почти ничего не видит. Но она упрямо продолжает писать стихи, пронизанные идеей правды, бесконечной борьбы за нее. Баркова – это Солженицын в поэзии.

Кстати, она начинает вести в Сибири тетради прозы. 5 декабря 1956 года Баркова делает в дневнике такую запись: «Ночью темно-розовое небо. Мысли об «испытаниях» атомок и грядущих катастрофах. Культура потеряла всякий смысл. Порой ненависть к «благодетелям» Леонардо да Винчи, Кюри, Руссо… и – злорадство: вы же одни из первых и будете уничтожены, и вся ваша гуманная болтология полетит к черту».

25 января 1957 года она записывает: «Эпоха великих фальсификаций. Фальсифицируют историю: древнюю, среднюю, новую и новейшую (историю буквально вчерашнего дня). Фальсифицируют науку (свои собственные доктрины, методы, догмы), искусство, продукты, чувства и мысли. Мы потеряли критерий для различения действительного от иллюзорного».

Ее спас от лагерей и ссылок Александр Трифонович Твардовский, поэт, редактор журнала «Новый мир», добрейшей души человек. Он добился полной ее реабилитации. Произошло это в 1965 году. Анне Александровне даже выдали комнату в коммунальной квартире в Москве на Суворовском бульваре. Прожила она в ней одиннадцать лет, – свободная, с высоко поднятой головой, не признающая никаких властей, никаких руководящих личностей. Бутылка кефира и черный хлеб, ручка и чистый лист бумаги, – вот образ ее жизни последних лет.

Баркову печатали мало, она так и не дождалась выхода своих поэтических книг. Слава не пришла к ней даже посмертно. Правда, в 1990 году в городе Иваново в издательстве «Рабочий край» вышел сборник ее стихов «Возвращение», в 1992 году Ивановский госуниверситет выпустил избранное Анны Барковой «Из гулаговского архива». Это все было издано мизерным тиражом и сразу стало библиографическим дефицитом.

Я обошел все библиотеки в Караганде и нигде не нашел книг Анны Барковой. «Нет, нет», – везде одно и то же слово… Пришлось ехать в Алма-Ату. Спасибо работникам республиканской библиотеки, лично ее директору М.Ауэзову за

то, что нашли, наконец, книги Анны Александровны с ее портретом.

«Я кручусь на убогой постели,
Как от ветки оторванный
лист,
А за окнами дикой метели
Азиатский воинственный свист».

Вот и дошли твои стихи, Анна Александровна, до Казахстана, тех мест, где ты отбывала в лагерях свой первый срок, – где не пала духом, а поднялась во весь рост за свободу, как Жанна д'Арк.

Глава 4
Последняя любовь Колчака

Эта печальная история о двух влюбленных могла бы стать отменным материалом для написания романа или поэмы. И сколько слез было бы пролито! К сожалению, только сейчас журналисты и писатели начали обращать внимание на связь этих имен – бывшего верховного правителя России, адмирала Александра Васильевича Колчака и его верной спутницы, возлюбленной Анны Васильевны Тимиревой.

В архивах Карлага сохранилась карточка А.В.Тимиревой. В ней указывается, что она родилась в Кисловодске в 1896 году в семье знаменитого музыканта Василия Сафонова. В 1911 году вышла замуж за князя С.Тимирева. В 1915 году познакомилась с адмиралом Александром Колчаком, влюбилась в него. В 1918 году развелась с мужем и уехала в Омск к возлюбленному. В карточке зафиксировано время ее ареста – январь 1920 года, а также первое ее место заключения – Иркутская тюрьма. Там же в это время находился один из главных организаторов контрреволюции в гражданскую войну Александр Васильевич Колчак, который содержался под особо надежной охраной. Им разрешали видеться…

Собственно говоря, ради этого Анна Васильевна во время ареста адмирала сама подошла к большевикам и сказала:

– Арестуйте и меня. Я без него не могу жить.

Она, действительно, очень любила Сашу, готова была идти за ним в огонь и воду. Она верила в его большое будущее до самых последних дней жизни Колчака. Когда ей становится известно, что командный состав остатков Белой Армии предъявил большевикам Иркутска ультиматум: или освобождаете Колчака и его премьер-министра Пепеляева, или уничтожим город, то она посылает записку Саше с вопросом, как он к этому относится. Колчак ей отвечает, что смотрит на этот ультиматум скептически и думает, что этим лишь ускорится неизбежная развязка.

Колчак очень дорожил любовью Анны Васильевны, однако этого не показывал. На допросе он даже пытается скрыть свои чувства к ней и не признается в том, что она его возлюбленная. Вот отрывок из стенографического отчета заседания Чрезвычайной следственной комиссии от 21 января 1920 года.

«Председатель следственной Комиссии К.А. Попов:

– Здесь добровольно арестовалась госпожа Тимирева. Какое она имеет отношение к вам?

Колчак:

– Она – моя давнишняя хорошая знакомая, она находилась в Омске, где работала в моей мастерской по шитью белья и по раздаче его воинским чинам – больным и раненым. Она оставалась в Омске до последних дней, и затем, когда я должен был уехать по военным обстоятельствам, она поехала со мной в поезде. В этом поезде она доехала сюда до того времени, когда я был задержан чехами. Когда я ехал сюда, она хотела разделить мою участь со мною.

Попов:

– Скажите, адмирал, она не является вашей гражданской женой? Мы не имеем право зафиксировать это?

Колчак:

– Нет».

Видимо, адмирал не хотел подвергать лишним опасностям Анну Васильевну, отрицая любовную связь с ней. Он знал, что будет расстрелян большевиками. И он не хотел, чтобы такой же доли «удостоилась» близкая ему женщина.

Сама же Анна Васильевна Тимирева никогда не теряла мужества признаваться в любви к Саше. В своем заявлении Генеральному прокурору СССР она из Карлага написала:

«15 января 1920 года я была арестована в Иркутске в поезде Колчака. Мне было тогда 26 лет. Я любила этого человека и не могла бросить его в последние дни его жизни. В сущности – вся моя вина».

Один из осведомителей Карлага пишет:

«В лагере она продолжала расхваливать своего возлюбленного Колчака. Она говорила, что его зря расстреляли, он был еще молод, ему исполнилось всего 46 лет. Если бы с ним поговорили нормально, он перешел бы на службу в Красную Армию. Ведь он был военным, а не политиком. Политика его не занимала даже тогда, когда он был командующим Черноморским флотом».

В другой информации осведомитель сообщает: «Тимирева распространяет слухи, что Колчак не был тираном, а он был романтиком, первооткрывателем новых островов в Арктике. Она говорит, что когда ехала в поезде «верховного», то часто бывала в его салоне. И Колчак будто бы показывал ей книгу адмирала Макарова с дарственной надписью, фотоснимок Нансена, у которого в Норвегии проходил подготовку перед своей первой полярной экспедицией…»

Что ставил под сомнение осведомитель, в действительности, было правдой. К сожалению, во всех энциклопедиях, изданных в СССР, до сих пор пропускают замечательные страницы жизни

Колчака. Его представляют как кровавого правителя России и только. Между тем, он немало сделал по океанографии, так же как его учитель адмирал С.О. Макаров. В качестве гидролога Колчак принял участие в северной полярной экспедиции, организованной Академией наук России, под командованием известного путешественника Эдуарда Васильевича Толля. В 1900–1902 годы эта экспедиция обследует Ледовитый океан в районе Новосибирских островов и острова Беннета. Экспедиция вышла из Петербурга на судне «Заря» 8 июня 1900 года, прошла Ледовитым океаном через Карское море и зазимовала в западной части Таймырского пролива, занимаясь изучением Таймырского полуострова. Следующая зимовка уже проходила на острове Котельном, после чего весной была обследована группа Новосибирских островов. Весной 1902 годаТолль с астрономом Зеебергом пробрались на нартах к острову Беннета, оттуда они уже не вернулись… А.В.Колчак организовал экспедицию по разысканию барона Толля и констатировал его гибель при переходе на Большую землю по неокрепшему льду с острова Беннета. В поисковом походе Колчак проявил отвагу и мужество. В Географическом обществе ему вручили за эту экспедицию высшую научную награду – большую Константиновскую золотую медаль.

Отличным военным командиром показал себя Колчак при защите Порт-Артура. Именно он с командой миноносца «Сердитый» поставил минные заграждения около порта, на которых взорвался японский крейсер «Такосадо». Он очень печалился, когда погиб адмирал Степан Осипович Макаров, его кумир и старший наставник. Имя этого большого флотоводца все знают в связи с двумя кругосветными плаваниями на «Витязи», которыми он руководил. Впервые в России Степан Осипович выдвинул идею строительства ледокола «Ермак», на котором совершил арктическое плавание в 1899 и 1901 годах. Командуя Тихоокеанской эскадрой в Порт-Артуре, он погиб на броненосце «Петропавловск», который подорвался на японской мине.

К числу побед Колчака надо отнести его участие в экспедиции по изучению вопроса о северном морском пути из Тихого в Атлантический океан. В 1909 году на судне ледокольного типа «Вайгач» он пересекает Средиземное море, Индийский океан, входит в бухту Золотой Рог у Владивостока, а затем держит курс на Берингов пролив, обследует этот район, ведет съемки и астрономические наблюдения на мысе Дежнева.

В годы первой мировой войны Колчак делает все возможное для развития флота на Балтийском море, строительства первых подводных и минных лодок. Он выставляет в Финском заливе

сильное минное поле, так что корабли неприятеля не рискуют подходить к берегам России. За это Колчака награждают Георгиевским Крестом.

Конечно, после этого следует новое повышение – А.В. Колчака назначают в 1916 году командующим Черноморским флотом. С производством в вице-адмиралы. И, надо сказать, Александр Васильевич отличается – даже в самые страшные революционные годы Черноморский флот не теряет своей боевитости, хотя большевики все делают для его уничтожения. Но, странное дело, рядовые матросы, офицеры больше слушают Колчака, чем красных комиссаров. Они продолжают защищать Россию и ее морские границы до последней капли крови.

Сейчас тяжело читать протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака. Проводя допрос адмирала, большевики стремились всячески унизить его, выбить такие показания, чтобы перед всеми предстал образ неумного и кровожадного врага народа. Однако ничего подобного не получилось. Колчак держался на заседаниях комиссии с достоинством, демонстрируя свой высокий интеллект и преданность присяге, данной императору и правительству. Даже В.И.Ленин вынужден был сказать о «довольно неумном порицании, глупых обвинениях Колчака».

…Его расстреляли вместе с премьер-министром Пепеляевым. Их тела красноармейцы не похоронили в землю, а выбросили в прорубь Ангары.

Когда перед расстрелом Колчаку зачитали постановление большевиков, он только и сказал:

– Как? Без суда?

Без суда и следствия была отправлена из Иркутской тюрьмы в лагеря смерти княгиня А.В.Тимирева, единственная вина которой состояла в любви к Колчаку. Но разве за любовь наказывают? Оказывается, в стране Советов все было возможно.

После иркутской тюрьмы Анну Васильевну содержат в Бутырке, Забайкальском лагере, отправляют в ссылку в Малоярославец, Тарусу. В апреле 1939 года ее вновь осуждают по статье 58 пункт 10 на восемь лет лагерей. Она попадает в Карлаг, где была вначале использована на общих работах. А затем ее переводят в культурно-воспитательную часть художницей клуба Бурминского лагерного пункта.

В Бурме ее запомнили как обаятельную женщину, полную любви и уважения к людям. Она прекрасно играла на стареньком пианино в клубе, часто выступая в концертах художественной самодеятельности. Ее любимый номер – исполнение «Лунной сонаты» Бетховена. Как-то она написала масляными красами по

памяти портрет Колчака. Конечно же, эту картину у нее изъяли хозяева лагпункта.

В Интернете я разыскал сборник «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна» (Москва, 1996 год). В нем опубликован дневник разных лет Тимиревой. С грустью и печалью пишет она о Бурме. «Просоленная степь, прошитая железнодорожной ниткой, кучка саманных бараков, огород и парк у пруда, куда вход заключенным воспрещен, хотя каждое дерево посажено их руками. Бурминское отделение Карлага. Посредине клуб – просторное здание, тоже саманное и тоже протекающее в дождь, как и все остальные бараки».

Далее Анна Васильевна повествует о тяжелом каторжном труде на полях, откормочных площадках, фермах. Единственное утешение – это кино в клубе, драматический кружок, театральные постановки.

Она поясняет: «Актеры – заключенные, режиссер и художник – тоже. На репетиции приходят после дня работы, кто где. А день – от зари до зари. Казалось бы, сил хватает только дойти до своей койки, свалиться, как мешок, и спать, спать.

Но на репетиции, на спектакле можно забыть за это время обо всем, что не театр, готовить праздник, и это действительно праздник для многих. Наша публика – заключенные тоже. Публика очень чуткая, прямо сказать – умная публика».

В Бурме Анна Васильевна как художница клуба оформила немало спектаклей. Но самой большой удачей она считает пьесу «Забавный случай» итальянского драматурга Карло Гольдани. Этот спектакль поставила режиссер Анна Лацис, родственница латвийского писателя Вилиса Лациса. Именно он содействовал досрочному освобождению Анны, находясь на должности председателя Совета Министров Латвийской ССР в 1946–1959 годы. А главную роль в спектакле Констанции сыграла Мариетта Капнист, будущая кинозвезда советского экрана, замечательная актриса театра. Дружбу с Мари Анна Васильевна пронесет через всю жизнь, они будут встречаться в Москве на Плющихе, на дачах в Подмосковье…

Что спасало Анну Васильевну в дикой, поросшей караганником Бурме? Она сама отвечала в дневнике: «Мое высокое стремление к Поэзии». А.В.Тимирева не считала себя поэтом, хотя по сути таковой являлась. Если бы ее стихи в те времена печатали в журналах и газетах, она стала бы знаменитой, признанной поэтессой.

В Бурме Тимирева написала цикл стихов «Позабыть пора пустые бредни» (1938 год), «Дни ползут, но летят недели», «Все холодные дни короткие» (1939 год)… В них мягкая лирика

сочетается с отчаянностью, безвыходностью своего положения. В 1942 году Анна Васильевна пишет:

«Нам никогда не быть свободными,
По милым не ходить местам,
И это поле огородное
Как братская могила нам.
И нет за этими пределами
Теченья грозного войны.
И будто вовсе нету дела нам,
Что мы на смерть осуждены».

В стихах «Топография» в 1944 году она в преддверии освобождения своего восклицает:

«И будет жизнь еще возможной,
Лишь если скроются вдали,
Навек пропав в пыли дорожной,
Бурма, Мухтар и Арчали!»

В спецархиве мне показали справку Управления Карлага об освобождении А.В.Тимиревой-Книппер из Карлага и поселении ее на станции Жарык. Справка датирована 24 марта 1946 года. Именно на этой станции она пишет последнее стихотворение из казахстанского цикла:

«Каждый день прощаюсь
с Казахстаном —
Мне весны здесь больше не видать.
На рассвете просыпаюсь рано —
Скоро мне с зарею не вставать.
Все минует – годы заточенья,
Тяжкий труд, и голод, и война…
Только будет страшное виденье —
Будет сниться черная страна!
И за жизнь мою в затворах тесных,
И за все, что вытерплено мной,
Встречу старость, тихую, как песня,
Над широкой русскою рекой».

Она, действительно, встретила свою старость на Волге под Тверью. Подмосковье стало ее последним местом отдыха и

вдохновенья. Но до этого после освобождения из Карлага она еще не раз попадет в жестокие лапы органов безопасности. Опять ссылки, опять лагеря. В 1954 году (после смерти Сталина) она напишет Маленкову: «Мне уже 61 год. Теперь я в ссылке. Я не знаю, почему и зачем меня мучают?!» Но добрый Георгий Максимилианович, несостоявшийся «наследник» Сталина, ничем не смог помочь Тимиревой. И только после XX съезда партии 27 февраля 1957 года пришла долгожданная весть: «Дело в отношении Тимиревой прекратить за отсутствием состава преступления».

Меня долго терзала мысль: когда же Анна Васильевна стала Книппер? И, наконец, нахожу объяснение в ее дневнике. Когда в годы НЭПа Анна Васильевна работала архивариусом в Русско-канадско-американском пассажирском Агентстве, там познакомилась с торговым агентом Туркменторга Всеволодом Константиновичем Книппером. Он был старше ее на пять лет, полон романтики, дружил с Михаилом Комеловым, Николаем Степановым, Никитой Пешковым. Несведущим читателям поясню, что Михаил Комелов был личным адъютантом Колчака. Никита Федорович Пешков плавал старшим помощником капитана на «Варяге», много лет дружил с Колчаком, знал Тимиреву как его гражданскую жену. Николай Николаевич Степанов тоже был из морских офицеров, для него Колчак был идеалом служения России… Вот эти друзья Тимиревой и Книппер и познакомили, и свели их в одну семью.

В.К. Книппер был инженером-путейцем, вся его жизнь – сплошные командировки. Он принимал участие в строительстве гидросооружений, железных дорог в Казахстане, был участником большой гидрографической экспедиции на Балхаш… Многие исследователи жизни Тимиревой путают ее мужа Книппер с автором знаменитой песни «Полюшко-поле». Всеволод Константинович никогда не был ни поэтом, ни композитором.

Он очень любил Тимиреву, хотя фактически не прожил с ней и одного года. В 1942 году его не стало. Тимирева узнала об этом спустя многие годы, так как в то время находилась в лагпункте Бурма.

В 1947 году Анна Васильевна, отбыв свой очередной срок в Карлаге, покидает казахстанскую степь, живет в городе Щербаково в России. Но в 1949-м ее опять арестовывают, отправляют этапом на каторгу в Енисейск.

А.В.Тимирева пробыла в тюрьмах и лагерях около 30 лет. Только в 1961 году она была полностью реабилитирована и прописана в Москве.

Скончалась Анна Васильевна в январе 1975 года в возрасте 80

лет. Ее последние слова были о незаконном расстреле А.В.Колчака, о ее большой любви к этому незаурядному человеку.

Глава 5
В долине слез

Когда работаешь в архиве Генеральной прокуратуры РК, то невольно делаешь открытие за открытием… Большой волнительной неожиданностью для меня стала найденная здесь учетная карточка № 257299 заключенной Мессерер-Плисецкой Рахиль Михайловны – матери знаменитой балерины, народной артистки СССР Майи Плисецкой. И мои чувства можно понять, ибо в богатейшей литературе о приме советского балета нигде не говорится о том, что ее мать в 1938 году была надолго репрессирована, отбывала свой срок в Карлаге. Даже в книге Н. Рославлевой «Майя Плисецкая», выпущенной в издательстве «Искусство» в Москве в 1968 году, ничего не сообщается об этом. Да что там – до сих пор историки, краеведы не дают никаких сведений о матери Плисецкой. Тем более мне было интересно читать скупые данные о Рахиль Михайловне Мессерер-Плисецкой: «Родилась в 1902 году в городе Вильно (Польша). Местожительство: г. Москва, Гагаринский переулок,7/8, квартира 3. Профессия – киноактриса. Образование – среднее. Осуждена Особым совещанием НКВД СССР 16 марта 1939 года на срок восемь лет как «социально опасный элемент». Из Бутырской тюрьмы была доставлена в Карлаг 4 мая 1938 года, распределена в Акмолинское спецотделение в тот же день».

Как мы уже знаем, Акмолинское спецотделение – это сокращенно «Алжир» (Акмолинский лагерь жен изменников Родины). Он был организован в январе 1938 года. Прямо в степи спешно поставили несколько саманных бараков, четыре вышки для часовых, обтянули это треклятое место колючей проволокой – и вот вам лагерь готов! И он постоянно расширялся и расширялся, так как мест для женщин – заключенных не хватало. И вновь прибывшие сами строили себе бараки в пургу и метель, жару и дождь, устанавливали в них нары, вместо матрацев бросали на деревянный настил солому, и так жили, как скот, как звери…

Рахиль Михайловна была отправлена из Бутырской тюрьмы в казахстанские степи так называемым «столыпинским» вагоном с решетками вместо дверей и окон. И чего только она не вынесла в Карлаге: сорокоградусные морозы, голод и тиф. Вместе с ней из Бутырской тюрьмы прибыло 1600 женщин. Бараки в Алжире были переполнены до отказа, приходилось спать прямо на полу на грязных соломенных матрацах.

Со временем в Акмолинском отделении Карлага собралось более 18 тысяч женщин, осужденных Особым совещанием НКВД СССР. Здесь отбывали свои сроки жены, родственницы видных государственных деятелей страны, военачальников, ученых, писателей, дипломатов. Достаточно напомнить, что в Алжире содержались жены Бухарина, Енукидзе, Блюхера, Сейфуллина, Майлина, Нурмакова, сестры Тухачевского… Здесь, в Алжире, Рахиль Михайловна чем только не занималась: доила коров, рыла арыки, собирала камыш, сеяла пшеницу. Летом 1938 года началось строительство швейной фабрики, и она была задействована на производстве саманных кирпичей, которые изготавливали вручную. Ее руки, не знавшие до этого тяжелой физической работы, покрылись мозолями, опухли, покраснели.

Успокаивало одно: рядом с ней находились такие же известные люди искусства. Они в свободное от работы время душными тоскливыми вечерами собирались вместе: пели песни, читали стихи… До сих пор бывшие заключенные вспоминают хор, которым руководила М.Лер, танцевальную группу Т.П. Ивинг-Афониной. Кстати, о досрочном освобождении Татьяны Павловны Ивинг-Афониной, а затем о ее полной реабилитации постоянно хлопотал Леонид Осипович Утесов. В фондах музея поселка Малиновка Акмолинской области до сих пор хранится его письмо: «Татьяну Павловну Ивинг-Афонину знаю с 1928 года как артистку, танцовщицу, неоднократно выступал вместе с ней в концертах, в которых она с партнерами великолепно демонстрировала свое мастерство. Свидетельствую это обстоятельство с ответственностью и удовольствием, так как всегда получал радость от ее выступлений».

За Рахиль Михайловну вроде бы хлопотать было некому, хотя она в то время уже была знаменитой актрисой немого кино. Р.М. Плисецкая успешно снялась в фильмах «Вторая жена», «Прокаженная», «Долина слез» и других. Ей предвещали большое будущее, как и ее сестре Елизавете Михайловне Мессерер, характерной актрисе театра имени Ермоловой. Но самой яркой звездой в семье Мессерер считали их сестру Суламифь Михайловну, прекрасную балерину Большого театра. Именно она первой рассмотрела в Майе огромный талант танцовщицы и взяла ее под опеку. Уже в четыре года дочь Рахиль, маленькая Майя станцевала дома весь детский балет «Красная Шапочка» (на музыку Дрига). Причем, одна освоила и представила все роли спектакля – Красной Шапочки, Волка, Бабушки. И Суламифь сразу взяла девочку танцевать на балетные утренники в Московский мюзик-холл.

Ох, Майя, Майя… Забившись в деревянный угол на верхних

нарах в бараке, Рахиль Михайловна вспомнила, как в конце двадцатых годов она неожиданно потеряла дочь. Выбежав на бульвар, она увидела большую толпу, которая аплодировала ее дочери. Оказывается, Майя услышала по радиодинамику свой любимый вальс Делиба (из балета «Коппелия»), не выдержала и стала танцевать под знакомые звуки, вытянувшись на носочках… Рахиль Михайловна решила сохранить башмачки, в которых впервые «публично» танцевала ее трехлетняя дочурка, и спрятала их в комод. Пройдут года, она вернется домой в Москву, откроет ящик и найдет в нем эти башмачки, в которых носки были протерты до дыр. И прижмет их к щекам, и впервые заплачет от счастья. Ее дочь Майя к тому времени станет артисткой Большого театра Союза ССР, покорит всех в спектаклях «Лебединое озеро» П.Чайковского, «Умирающий лебедь» К. Сен-Санса.

Когда Рахиль Михайловну арестовали, Майе было тринадцать лет. Волшебный мир балета уже вошел в ее жизнь. И Рахиль Михайловна часто вспоминала в Карлаге, как впервые приехала с дочерью к своему мужу на остров Шпицберген. Михаил Плисецкий был поражен талантом своей дочери. И за великолепные танцы он, шутя, подарил ей весь архипелаг вместе с Полярной звездой. В то время Михаил Плисецкий был консулом и главой советской угольной концессии на Шпицбергене. Как раз во Дворце культуры угольщиков Майя исполнила первую на сцене роль Русалочки из оперы «Русалка» в самодеятельном спектакле.

Как они были счастливы в то время! Посмотрев свою дочь в спектакле, Михаил сказал Рахиль:

– Милая Ра, надо Майю отдавать в Московское хореографическое училище. Иначе здесь, на Шпицбергене, ее талант замерзнет.

Да и сама Рахиль понимала, что талант – не пустой звук, и если им не заниматься всерьез, не будет песни. И когда семья вернулась в Москву, то Рахиль сразу бросилась с дочерью в хореографическое училище Большого театра. И ее девочка выдержала жесткие условия конкурса и стала учиться в классе Елизаветы Павловны Гердт, прекрасной балерины академического плана.

Все складывалось в их семье удачно до тех пор, пока в 1937 году не арестовали мужа Рахиль Михаила Плисецкого как врага народа. С тех пор начались черные дни. Вскоре мужа расстреляли, а ее спровадили в Бутырку.

Прощаясь с родными, Рахиль попросила старшую сестру Суламифь Михайловну Мессерер взять Майю к себе на воспитание. И в первом же письме из Москвы, которое Ра получает еще в Бутырке, Суламифь сообщает, что Майя с

самозабвенным упорством постигает прекрасную и трудную науку танца. Конечно, безумно скучает по матери, но ее тоску захлестывают занятия, она, кажется, живет в другом мире. Помогает Майе и ее дядя Асаф Михайлович Мессерер, которого в то время критики по праву называли первым классическим танцовщиком советского балета. Он был ведущим солистом Большого театра, в начале тридцатых годов вместе с Суламифь они давали гастроли в ряде европейских стран, являясь первыми «полпредами» советского балета за рубежом.

Суламифь передавала слова утешения и от другого брата – Азария Мессерера, который был любимым учеником Е.Б. Вахтангова, одним из лучших артистов театра.

Рахиль в то время еще не знала, что все они давно бились за справедливость, за отмену ее жестокого осуждения органами НКВД, даже написали письмо И. Сталину.

Подруги по нарам говорили Р. Плисецкой:

– Эх, Рахиль, Рахиль, не надо было тебе играть в фильмах с такими названиями: «Прокаженная», «Долина слез». Вот и стала ты прокаженной и в долину слез попала. Скоро ли теперь нас отсюда вызволят?

И все же надежда на освобождение не покидала Р.Плисецкую. Суламифь уже в Карлаг писала ей: «Будет и на твоей улице праздник. В Москве говорят, что многих заключенных освобождают. Недавно вернулся из ссылки сценарист Николай Эрдман. Верю, что дойдет очередь и до тебя».

В апреле 1939 года был арестован и расстрелян как враг народа нарком НКВД Н.И. Ежов. Заключенные вздохнули с облегчением: будут освобождать, Сталин разберется, даст команду. Но прошло немного времени, и по приказу нового «генерального чекиста» Берии были арестованы и расстреляны И. Бабель, В. Мейерхольд, М. Кольцов и многие другие. Преследование и уничтожение талантливых людей страны продолжались.

Многие хотели бежать из акмолинской степи – долины слез. Но затем отказывались от этой мысли. Бежать, но куда? Вдали – свинцовое небо, необъятная пустота, не видно никаких дорог. Как поется в песне, пыль да туман. А если грянет выстрел?

И все же что-то стало ломаться в жестокой машине сталинизма. Всему есть предел. Однажды Рахиль вызвал начальник Акмолинского спецотделения С.В. Баринов и сказал:

– Собирайся в Москву. Если бы не твоя дочь, то гнить бы тебе в лагере до самой кончины.

Вскоре Рахиль посадили на полуторку, повезли в Акмолу на московский поезд. Вокруг стояла невероятная июльская жара.

Рахиль смотрела на желтую степь, местами покрытую караганником, черными крестами кладбищ, и ей хотелось плакать. Сколько загубленных людей осталось лежать навечно. Прощай, долина слез!

Но Москва давно стала для Ра мачехой. Ее не освободили окончательно, как просили об этом Сталина сестра Мита и брат Асаф, награжденные орденами за творческие успехи на балетном поприще. Ее из Москвы направили на «вольное поселение» в Чимкент. Разрешили взять с собой маленького сына.

Вскоре Майе разрешили навестить мать на двадцать дней, не больше. Чимкент встретил ее невыносимой жарой. Но она этого не замечала, целуя синие губы матери, касаясь ее огрубевших ладоней… Мать есть мать!

Только весной 1941 года Рахиль освободили из ссыльного плена. Но радость была преждевременна. Началась Великая Отечественная война, и семью эвакуировали в Свердловск. Майя заботилась о матери и двух братьях, как могла, – выстаивала двухкилометровые очереди на улицах за хлебом, картошкой, носила воду из промерзших колодцев.

Вскоре из Москвы пришло письмо от Суламифь Мессерер. Она требовала срочно, немедленно вернуть Майю в столицу. Ей уже шел семнадцатый год, медлить было нельзя – пропуски занятий балетом затянулись на неопределенный срок, еще немного, и можно было попрощаться с Большим театром. Жаль было матери терять помощника по дому, уходу за детьми, и она попросила Майю остаться. Но та показала свой характер, огромную любовь к балету.

– Мама, это мой единственный шанс стать Мастером, – твердила она. – Неужели ты меня не отпустишь?

Мать отпустила. И в том, что она так поступила, нисколько потом не жалела, радуясь успехам дочери в балете.

Глава 6
Певица Победы

Десять лет тому назад в ОАО «Карагандинская Полиграфия» вышла моя книга «Звезды Гулага» о выдающихся людях – узниках сталинских лагерей. И как только она поступила в книжные магазины и киоски, я стал получать письма от читателей с просьбой рассказать более подробно о знаменитой певице, заслуженной артистке РСФСР Лидии Андреевне Руслановой, которая в годы сталинизма подверглась необоснованным репрессиям, отбывала свой срок в лагерях смерти на Колыме, в Тайшете Иркутской области, Карлаге и также во Владимирской тюрьме.

Как я уже писал, в личном деле № 1762 заключенной Руслановой утверждается, что она «вела с лицами, враждебными Советской власти, подрывную работу против партии и правительства, распространяла клевету о советской действительности».

И это была явная ложь! В 1989 году в Караганде побывала первая дочь великого русского полководца Жукова Маргарита Георгиевна, в то время лектор Всесоюзного общества книголюбов. И она мне доверительно рассказала, что основной причиной ареста певицы послужили… ее уважение и почитание полководческого таланта Жукова, который сразу же после Парада Победы попал в немилость к Сталину. Как известно, Иосиф Виссарионович явно не желал делить победные лавры ни с кем из военачальников. И достаточно было нескольких кляузных фраз Лаврентии Берии о Жукове, как Сталин, всегда спокойный и невозмутимый, вышел из себя, высказываясь в том духе, что он, мол, сделал Георгия национальным Героем, а тот отвечает ему черной неблагодарностью.

И тут же дал команду направить Жукова в провинцию командующим Одесским военным округом, а всех сочувствующих ему генералов арестовать.

Когда Георгий Константинович с женой и детьми приехал в Одессу, то получил от Руслановой телеграмму. Она поздравляла его, всю его семью с наступающими Октябрьскими праздниками, желала всем Жуковым счастья и крепкого здоровья. А подписала Лидия Андреевна телеграмму словами: «Преданная вашей семье Русланова!».

Вот этой телеграммы было достаточно, чтобы на Лидию Андреевну завели дело. Специальным постановлением

правительства в 1947 году у нее был отобран боевой орден Отечественной войны I степени, которым ее наградил Георгий Константинович. В деле Руслановой есть копия приказа за номером 109/Н от 24 августа 1945 года, который подписан Жуковым. В нем сказано: «За успешное выполнение заданий Командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество, за активную личную помощь в деле вооружения Красной Армии новейшими техническими средствами награждаю орденом Отечественной войны I степени Русланову Лидию Андреевну».

Знаменитая певица, действительно, заслуживала такой награды. В 1941–1945 годы она активно участвовала в работе фронтовых концертных бригад. Первые ее выступления состоялись на фронте в районе Ельни в конце июля 1941 года. Неоднократно она выступала с песнями в блокадном Ленинграде, на передовых позициях многих фронтов. На долю этой артистки выпала высокая честь петь на ступенях поверженного рейхстага 9 мая 1945 года. Ее популярная песня «Валенки, валенки, не подшиты, стареньки» прозвучала во время этого исторического концерта как гимн русскому человеку, его духовной стойкости, мужеству и неиссякаемому оптимизму.

Но не только песнями прославилась народная артистка России. Как рассказывала мне Маргарита Георгиевна Жукова, в конце 1943 года Лидия Русланова передала свои сбережения на постройку двух батарей «Катюш».

Но что до этого сталинским ищейкам! С 1946 года, то есть со времени, когда Жуков попал в опалу, они усиленно искали «компромат» на всех фронтовиков-побратимов Георгия Константиновича, преследовали их, заставляя давать ложные показания на Маршала Победы. Берия и его подручные шаг за шагом «шили грязное дело» на Жукова, чтобы сделать его врагом народа. Были арестованы многие его близкие знакомые, в том числе генерал-лейтенант Константин Федорович Телегин, а затем и муж Руслановой – генерал-лейтенант Владимир Викторович Крюков. Однако никто из арестованных Жукова не предал, проявив верность и уважение к нему. Генерала Телегина следователи так сильно били, что он потерял память, забыл имена жены и детей. В 1971 году в Москве вышла книга Жукова «Воспоминания и размышления». Так вот в ней Георгий Константинович тепло пишет о К.Ф. Телегине. Цитирую: «Должен сказать доброе слово о члене Военного совета фронта, генерал-лейтенанте Константине Федоровиче Телегине… Он сумел лично побывать во многих частях и подразделениях, призывая бойцов и командиров к боевому подвигу во имя нашей Родины…». К этому

добавим, что Константин Федорович за военные подвиги был награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, четырьмя орденами Красной Звезды… Прожил Константин Федорович 82 года. Когда он прочитал мемуары Жукова, то позвонил ему:

– Спасибо, Георгий Константинович, что не забыл старую дружбу. Теперь она перейдет в доброе предание.

До конца жизни был предан Жукову и генерал-лейтенант Владимир Викторович Крюков. Его продержали на Лубянке четыре года, допрашивали по ночам, били, вонзали иглы под ногти, но он и слова худого не сказал о Жукове.

Видя, что с генералами ничего не получается, особисты взялись за певицу Русланову. Следствие по ее делу длилось почти год – с 27 сентября 1948 по 3 сентября 1949 годы. Его вел старший следователь по особо важным делам МГБ СССР, майор безопасности Гришаев. И основной вопрос, который он задал Руслановой, был такой:

– В каких взаимоотношениях вы находились с Жуковым?

От нее всячески добивались наветов на Георгия Константиновича. Но служаки министра госбезопасности Абакумова не знали народную артистку России Лидию Русланову, ее несгибаемый характер, стойкую верность людям, которых любила.

Она ответила (дословно из дела № 1762):

– Мы с Жуковым были хорошими знакомыми. Мой муж Крюков и Георгий Константинович старые сослуживцы: когда Жуков в Белоруссии командовал дивизией, Крюков у него был командиром полка. Как мне рассказывала жена Жукова Александра Диевна, они дружили домами, бывали друг у друга в гостях. Познакомившись с Жуковым и его семьей, я тоже неоднократно бывала у них на квартире. Один раз Жуков с женой был в гостях у нас.

Когда его понизили в должности и отправили в Одессу, в канун Октябрьских праздников я послала ему телеграмму, которую подписала: «Преданная вашей семье Русланова». А в устных беседах говорила, что считаю его великим полководцем, великим человеком и готова идти за ним хоть в Сибирь.

Гришаев спросил:

– А что за антиправительственный тост произнесли вы на одном из банкетов?

Лидия Андреевна с достоинством ответила:

– Это был банкет на даче Жукова. Он принимал самых близких друзей. Посчастливилось там быть и мне. А тост был за тех женщин – жен офицеров, – которые прошли с мужьями

большой жизненный путь и умели ждать, когда они были на фронте. Потом я сказала, что так как нет орденов, которыми бы награждали жен за верность и любовь, то я, желая отметить одну из таких жен, Жукову Александру Диевну, хочу наградить ее от себя лично. С этими словами я сняла с себя бриллиантовую брошь и вручила ее Александре Диевне.

Тут следователь заметил:

– А вот ваш муж в своих показаниях уверяет, что вы сказали несколько иначе: «Поскольку советское правительство не отметило заслуг боевых подруг командующих, то я беру эту миссию на себя».

Русланова сказала:

– Во-первых, я говорила о женах офицеров вообще, а не только о женах командующих. И во-вторых, я сказала так, как сказала! Правительство в связи с этим тостом я не упоминала.

Тогда-то следователь и выбрал свой главный козырь – о бриллиантах Руслановой, которые были обнаружены во время обыска на квартире ее няни Валентины Егоровой. И опять не прошло – Лидия Андреевна не отрицала, что это ее драгоценности, что они были куплены на деньги, полученные за концерты на Дальнем Востоке, по городам Урала, Сибири, Украины. Следователи Лубянки, сколько ни пытались, так и не смогли доказать, что драгоценные камушки были приобретены на казенные средства. Ведь Русланова тогда зарабатывала за свои концерты не менее 50–60 тысяч рублей в месяц! Не смогли они «пришить» ей и трофейные картины, найденные на служебной даче мужа.

Словом, сколько ни пытались шантажировать Русланову на Лубянке, чтобы она дала компромат на Жукова, у них ничего не получилось. И тогда ее пустили по 58-й политической статье – антисоветская агитация, осудили на десять лет и отправили по этапу.

Конечно, это было мучительно и унизительно для Лидии Андреевны. Утешало одно – имя ее кумира Жукова осталось незапятнанным и чистым.

Как мы знаем, после смерти Сталина Георгию Константиновичу доверили рискованную операцию – арестовать Берию, который хотел захватить власть. По этому поводу сам Жуков в своих мемуарах заметил: «Знали, что у меня к Берии давняя неприязнь, перешедшая во вражду. У нас еще при Сталине не раз были стычки. Достаточно сказать, что Абакумов и Берия хотели в свое время меня арестовать. Уже подбирали ключи… Берия нашептывал Сталину, но последний ему прямо сказал: «Не верю. Мужественный полководец, патриот и… предатель. Не

верю. Кончайте с этой грязной историей.» (Из книги «Берия: конец карьеры». – Москва: Политиздат, 1991 год).

Может, в верхах с этой грязной историей и было покончено, но в низах? Лидия Андреевна Русланова отбывает свой срок на Колыме, в Тайшете Иркутской области, в Карлаге, затем ее переводят во владимирскую тюрьму. В книге Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» читаем: «В послевоенные годы через Архипелаг прошли артисты с известными именами: кроме Козина – артистки кино Токарская, Окуневская, Зоя Федорова. Много шума было на Архипелаге от посадки Руслановой, шли противоречивые слухи, на каких она сидела пересылках, в какой лагерь отправлена. Уверяли, что на Колыме она отказались петь и работала в прачечной».

Что касается Тайшета, то приемная дочь Руслановой Маргарита Владимировна в интервью корреспонденту газеты «Аргументы и факты» (№ 45, 2003 год) рассказывает, что там «даже уголовники относились к Лидии Андреевне уважительно. Она и к воровкам обращалась на «Вы». И далее: «Когда местные крестьяне узнали, что в лагере сидит Русланова, началось что-то невообразимое: ей стали носить яйца, хлеб, варежки».

О пребывании же Руслановой в Карлаге сейчас нет ни одного официального документа. Начальник информационного центра при прокуратуре Карагандинской области Виктор Васильевич Горецкий, недавно ушедший на пенсию, пояснял мне, что по приказу бывшего КГБ в свое время многие материалы на известных людей, сидевших в Карлаге, были отправлены в Москву. Может быть, среди них ушла из местного спецархива и карточка заключенной Руслановой. А то, что Лидия Андреевна вполне могла быть в Карлаге, – этого В.В. Горецкий не отрицает. Ее постоянно перебрасывали из одного лагеря в другой, ибо боялись, что в ее защиту поднимутся заключенные. Ведь популярность Руслановой в то время была огромна. Лидию Андреевну знали и любили в СССР все, ибо песни в ее исполнении доставали до самых глубин души каждого. Люди засыпали письмами все редакции радио и газет с просьбами «дать на-гора Русланову». Песни, которые она исполняла, сразу становились народными.

И людям было непонятно, за что же пострадала их любимая певица. И так невыносимо было холодное молчание вокруг ее имени, вызванное ее непонятным и несправедливым арестом. Поэтому-то Русланову и держали подальше от глаз людских, от народа. И переводили из лагеря в лагерь.

28 апреля 1989 года в областной газете «Индустриальная Караганда» были напечатаны заметки заключенного Карлага

№ 119715 А. Берга «Остров в степи». И в них он свидетельствует буквально следующее: «Когда Русланова в качестве заключенной попала в Долинку, она отказалась петь: «Соловей в клетке не поет». В наказание была направлена в один из самых тяжелых лагерных пунктов – в Джезказган».

Но и там Русланова отказалась участвовать в «культурно-воспитательных мероприятиях». И по настоянию руководителей ГУЛАГа ее переводят во Владимирский централ. В одной камере с ней сидела известная актриса Зоя Федорова, жены правительственных чиновников. Русланову не раз бросали в ледяной карцер как возмутительницу тюремного спокойствия. Именно там, за тюремной решеткой, Лидия Андреевна, чтобы не потерять голос, запела. Конвоиры во всю стучали сапогами, чтобы ее не услышали заключенные.

В марте 1953 года после кончины Сталина Георгия Константиновича Жукова назначают первым заместителем министра обороны СССР. И он, человек благодарной памяти, вызволяет из неволи всех своих товарищей. Немаловажную роль, видимо, сыграли и письма генерал-лейтенанта Крюкова на имя Георгия Константиновича с просьбой о пересмотре не только своего дела, но и дела своей жены.

Как бы там ни было, в августе 1953 года Лидия Андреевна была освобождена, как и ее муж Крюков. И уже 6 сентября того же года Русланова дала свой первый послелагерный концерт в зале Чайковского. Об этом концерте до сих пор ходят легенды. Ибо зал не мог вместить всех желающих. Выступление Руслановой транслировали по радио на всю страну и перед концертным залом на площади, где дежурила конная милиция.

Генерал Крюков не смог сдержать слез радости. Огромный букет роз в тот день украсил новую квартиру Крюковых-Руслановых. С тех пор цветы не покидали эту квартиру никогда. Ибо Лидия Андреевна продолжала свою концертную деятельность до самых последних дней своей жизни. С 1953 по 1973 год (целых двадцать лет после лагерей!) она была артисткой Всероссийского гастрольно-концертного объединения. Ее опять наградили – на этот раз орденом Красной Звезды. Ее имя, аннотацию о ее замечательной жизни артистки поместили в энциклопедии Великой Отечественной войны (1941–1945 годы), которая была издана в Москве в 1985 году.

Но самое главное – песни, которые исполняла Лидия Русланова, живут до сих пор. «Степь да степь кругом», «Вниз по Волге-реке», «Русская плясовая», «Валенки», «Синий платочек»… И, конечно же, популярная «Катюша», которую первой исполнила Русланова.

Дочь Жукова Маргарита Георгиевна мне говорила:

– Папа очень любил Русланову. Песни, которые она исполняла, он сам пел под гармошку в свободное время. Особенно любил «Катюшу»…

Тогда я подумал: если Георгия Константиновича мы называем маршалом Победы, то Русланову с полным правом можем назвать Певицей Победы. Ведь она своими песнями на фронтах Отечественной поднимала боевой дух наших солдат и офицеров, приближала День Победы, как могла, всей силой своего прекрасного, могучего таланта.

Глава 7
Милости судьбы

Есть такая пословица: «Человек живет телом на земле, духом на небесах». Каково же было писателям, журналистам, деятелям искусства во времена Сталина? Припеваючи? Горемычно?

Мне отзвенело одиннадцать лет, а я уже писал в газеты, печатался. И, конечно, страстно мечтал стать настоящим писателем или журналистом. Когда наш сосед по квартирам, военный врач Иосиф Левин узнал об этом, то сказал мне:

– Ну и будешь ты голь голью… А если не то и не так напишешь – угодишь в Магадан… Лучше бы учиться тебе на стоматолога, и при деле, и при деньгах… И подальше от грязной политики.

Это было в 1951 году. Сталин и Берия еще здравствовали. Журналисты «Львовской правды», которым я носил свои первые заметки, корреспонденции, а то и статьи, вроде бы на жизнь свою не жаловались. Крепко меня поддерживала Мария Кедрова, приехавшая из Алматы во Львов со своим супругом Юрием Гариным. Она узнала, что я родился в селе Каскелен Алма-атинской области, и прониклась ко мне симпатией. Земляк все-таки! И где? Во Львове!

Помню до сих пор ее наставления:

– Журналист живет головою, кормится только своим трудом. Добывать пропитание себе нам нелегко, но ты, Валерий, не вешай носа. Придут, скоро придут новые времена – наша профессия станет престижной.

Об этом же мне говорила журналистка Ангелина Булычева, которая писала кроме статей, стихи, и даже небольшие документальные книги.

– Кто живет в журналистике разгульно, беспутно, тот ничего не добьется, – втолковывала она мне. – Жить только для себя негоже. Надо быть всегда с людьми, не о себе – о них больше писать, об их судьбе тревожиться…

Сейчас, когда я пласт за пластом, поднимаю в архивах страницы жизни журналистов, писателей того времени, мне становится не по себе. Все они пребывали в великой нужде, страхе невероятном. Им надо было иметь великое мужество, чтобы нести свой праведный крест в то черное время, оставаться оптимистами. Многого они сами не знали, хотя слухи об арестах известных их коллег доходили до Львова.

Я часто ходил в украинском городе по проспекту

Первомайскому, там стояли витрины со свежими номерами центральных, республиканских и областных газет. Читал я тогда и всесоюзную газету «Известия». Она мне, прямо скажу, не нравилась, ибо была забита сплошь официозом. Живого слова не найдешь!

Почему? Теперь-то понимаю: да и не могло быть иначе! Газета находилась под жесточайшим контролем лично Сталина, его подручных.

Уже в более зрелые годы, немало поездив по миру, в Караганде в архивах я обнаружил, что в Карлаге долгое время отбывал свой срок редактор газеты «Известия» Иван Михайлович Гронский. За что же его наказали? В карточке политзаключенного прочитал, что его действия попали под статью 58 пункты 1-А, 7, 8 и даже № 11 – измена, вредительство, террор, участие в антисоветской агитации. Присутствуя на заседаниях Политбюро, И.М.Гронский якобы замыслил идти против его решений, организовал законспирированный правотроцкистский центр, вербовал в него Молотова, Калинина, Ворошилова, Микояна. Берия хотел тогда укрепить свою власть, убрать со своего пути соперников на будущий трон владыки после кончины Сталина. Но Хозяин запретил ему трогать членов Политбюро, пострадал только Иван Михайлович Гронский, как говорится, ни за что – ни про что.

Когда я окончил Львовский университет, факультет журналистики, немного поработав в редакции газеты «Львовская правда», решил поехать в Приморский край, чтобы «увидеть весь мир». Сманили меня во Владивосток мои сокурсники – Вадим Полторак и Светлана Волошина. Мы очень дружили. С Вадимом я работал в редакции приморской газеты «Красное знамя», он вел вопросы культуры, литературы, искусства, я – промышленности и морского транспорта. Светлана трудилась редактором на краевом телевидении.

И вот однажды Вадим прибежал в мой отдел и захлопал в ладоши:

– Приезжает Булат Окуджава, а вместе с ним Роберт Рождественский. Пойдешь на их «концерт»?

Так я впервые увидел Булата Окуджаву, услышал его песни. Сидящий рядом с нами военный моряк – офицер неожиданно шепнул мне:

– Говорят, что Булат работает на КГБ, вы не верьте его песням, он – двойной человек…

Я взял и написал записку Окуджаве: «Правда ли, что вы работаете на КГБ? И подписал: «Журналист». Булат Окуджава прочитал эту записку и ответил со сцены:

– Я не знаю, кто написал этот вопрос. Но такие «грязные слухи» обо мне вроде бы ходят. Как я могу работать на КГБ, если мой дядя Михаил Окуджава был расстрелян по указанию Берии? В годы сталинизма пострадали все мои родственники, даже мама…

Слезы навернулись на глаза барда-поэта, и я очень пожалел, что послал ему эту проклятую записку. Но Окуджава взял себя в руки и уже твердым голосом сказал:

– Все равно я благодарен журналисту, который задал этот вопрос. Люди должны знать правду.

Тогда я послал ему вторую записку: «Мы Вас очень любим».

Он прочитал ее и громко сказал слушателям:

– Я вас тоже очень люблю!

Присутствовавшие в зале зааплодировали, все встали…

Слава Булата Окуджавы росла, а вместе с ней любовь людей к нему. И довольно часто в его песнях проскальзывала лагерная тема:

Это наши маленькие
праздники
Наш служебный праведный
уют.
Несмотря на то, что мы
проказники,
нам покуда сроков не дают.

В одном из последних сборников Булата Окуджавы «Милости судьбы» есть стихи, которые он посвятил своей маме:

Так качаюсь на самом краю
И на свечу несгоревшую дую…
Скоро увижу маму мою,
Стройную, гордую, молодую.

Да, мама Булата Окуджавы тоже отбывала свой срок в Карлаге. Армянка по национальности, Ашхен Налбандян рано стала известным партийным работником в Грузии, а затем и в России. Названная в честь древней армянской царицы, она была необыкновенно красива – темноволосая, кареглазая, крепко сбитая, к тому же, как писал сам Булат Окуджава, «с нерастраченными еще понятиями чести, совести и благородства». Вполне понятно, что и мужа она нашла себе под стать.

О своем отце – Шалве Окуджаве – поэт подробно рассказал в

книге «Упраздненный театр». Профессиональный революционер, Шалва Окуджава после службы в рядах Красной Армии работал парторгом ЦК на строительстве вагонного гиганта в тайге в пятнадцати километрах от Тагила. Этот гигант возводили, в основном, бывшие кулаки, которые трудились основательно, с ними проблем не возникало. И они в короткие сроки построили бараки, Дворец культуры, наконец, сам завод. Вскоре Шалву Степановича Окуджаву избирают первым секретарем Нижнетагильского горкома ВКП(б). А в 1938 году «за развал работы, за политическую слепоту, за потворствование чуждым элементам, за родственные связи с разоблаченными врагами народа» освобождают от должности, выгоняют из партии, арестовывают и ссылают на десять лет неизвестно куда без права переписки… Мать Булата Окуджавы Ашхен Налбандян тоже исключают из партии. После долгих мытарств она в конце концов устроилась в Москве счетоводом в инвалидную артель. Когда комиссар зла и насилия Николай Ежов был расстрелян, Ашхен бросилась в справочную НКВД на Кузнецкий мост, надеясь на доброе известие об освобождении своего мужа. Но ей ответили, что никаких изменений нет, все остается в силе. И тут она узнает, что кресло Ежова на Лубянке занял знакомый ей по партийной работе в Тифлисе Лаврентий Берия. Он даже приходил к ним в семью на Грибоедовскую улицу в начале 30-х на новоселье и произносил тост, полный уважения и признания заслуг Шалико. Обязательно поможет! Не может быть, чтобы не вырвал из лагерей несправедливо осужденного друга, ведь тот жил для людей, жил скромно и даже бедно, лишая своего двенадцатилетнего ребенка самых обычных радостей: шоколада, печенья. Когда ему приносили коробки конфет, он отдавал их в детдом.

И вот Ашхен пришла к Берии просить об освобождении дорогого Шалико. «Послушай, Лаврентий, ты же знаешь, какой Шалва преданный большевик, видно, тут дела твоего предшественника, этого ничтожества Ежова…»

Берия схватил ее за руку:

– Не я буду, если не разберусь! Шалико я займусь завтра же, ты слышишь?

Ночью ее арестовали как члена семьи изменника родины, из тюрьмы на Лубянке отправили в Карагандинский лагерь.

Вместе с матерью Булата Окуджавы, как я выяснил в архиве, отбывали свой срок в Карлаге родственники замечательного поэта – Эстатий Иванович Окуджава и Михаил Ионович Окуджава. Эстатий Иванович был осужден 31 декабря 1937 года тройкой НКВД Грузинской СССР по статьям 58 пункт 1,11. За что?

Занимался индивидуальным хозяйством, был меньшевиком. Арестовали его в возрасте 63 лет, дали десять лет. Доставлен был в Карлаг тбилисским этапом.

Работал Эстатий в лесхозе в Чечекарском районе. Был вдовцом. В Грузии оставил без средств к существованию сыновей – Гиви четырнадцати лет и Кукурию двенадцати лет.

Отбывал свой срок Эстатий Иванович в лагерных отделениях Карабасе, Бурме, Просторненском, Спасске.

Второй родственник поэта – Михаил Ионович Окуджава был арестован 10 января 1945 года за то, что якобы хотел организовать покушение на самого Сталина. Для этого купил, как написано в карточке политзаключенного, «оружие заводского производства». Отбывал срок Михаил Ионович в лагерном отделении Карабасе, затем его направили в Севвостоклаг. А было ему всего 23 года, когда он был арестован.

Короче говоря, почти все родственники брата отца поэта Шалвы Михаила пострадали в годы сталинизма. Ибо М.Окуджава попал «в группу врагов народа», которую якобы возглавлял видный партийный деятель Закавказья Буду Мдивани – ярый ненавистник режима Сталина. Он досаждал великому кормчему еще при жизни Ленина. И стал «уклонистом, продавшимся заклятым врагам Советской власти». Мдивани и его антисталинская группа предстали перед тройкой НКВД 9 июля 1937 года. В книге «Берия: конец карьеры» (Политиздат, 1991 год) писатель А.Антонов-Овсеенко рассказывает, что Буду Мдивани вел себя перед тройкой НКВД мужественно.

– Зачем Сталину понадобилась эта комедия? – спрашивал он палачей. – Смертный приговор мне давно вынесен, это я знаю точно, а вы здесь задаете мне пустые вопросы, как будто мои ответы могут что-то изменить…

Лицедеи за судейским столом пытались остановить Мдивани, но он продолжал:

– Меня мало расстрелять, меня четвертовать надо! Ведь это я, я привел сюда XI армию, я предал свой народ и помог Сталину и Берии, этим выродкам, поработить Грузию и поставить на колени партию Ленина!

Председатель сделал знак конвоирам, «преступника» скрутили и увели.

Далее А.Антонов-Овсеенко пишет: «… Увозили на казнь шестерых смертников со связанными руками. На окраине Тбилиси водитель остановил машину, приговоренных высадили, подвели к свежевырытой яме. Возле стояли два грузовика с негашеной известью и цистерна с водой. Старший конвоир подошел к Мдивани с пистолетом в руке.

– Послушай, ты расстреляешь меня потом, последним.

– Зачем тебе это? – удивился палач.

– Я хочу подбодрить товарищей…

– Ах так!

Он выстрелил прямо в грудь, в сердце, и подошел к следующему. Когда палач кончал шестого, он услышал за спиной легкий стон, обернулся. Мдивани был еще жив! Палач подошел к распростертому на земле телу, пальцы рук шевелились. Он достал патроны, зарядил пистолет и добил жертву несколькими выстрелами. Трупы сбросили в яму, засыпали известью, залили водой. Среди казненных в тот ранний час был Михаил Окуджава. Брат его, Шалва, – отец замечательного поэта».

Вот почему Булат Окуджава во времена перестройки был членом Комиссии по помилованию при Президенте России. И многое, очень многое сделал для восстановления имен замученных в Карлаге и других сталинских лагерях смерти людей. А возглавлял эту комиссию известный прозаик Анатолий Приставкин. Ему Булат Окуджава посвятил свои стихи:

Насколько мудрее законы,
чем мы, брат, с тобою!
Настолько, насколько
прекраснее солнце,
чем тьма.
Лишь только начнешь
размышлять над своею
судьбою, —
Как тотчас в башке —
То печаль, то сума,
То тюрьма.
И далее финальные строки:
… Конечно, когда-нибудь
будет конец этой драме,
А ныне все то же,
Что нам не понятно
самим…
Насколько прекрасней
портрет наш в ореховой раме,
Чем мы, брат, с тобою,
лежащие в прахе
пред ним!

(Реклингхаузен, январь 1993 г.)

Сейчас в комнате, где заседала Комиссия по помилованию при Президенте России, на огромном столе, там, где писал Булат Окуджава, – вклеен его портрет. Анатолий Приставкин в романе «Долина смертной тени» (журнал «Дружба народов», № 11–12 1994 год) по этому поводу написал: «Туда никто и никогда не садится, это место навсегда его. И когда у нас совершаются по традиции «маленькие праздники», мы ставим ему рюмку водки и кладем кусочек черного хлеба».

Глава 8
С безграничной божьей любовью…

Удивительно, но в последнее время мы стали скупы на добрые слова, дружеское рукопожатие. Бог с нами! Но почему в полосу забвения стали попадать многие замечательные люди Караганды, которые немало сделали для развития духовного мира города, нового поколения? В 2005 году в областной музыкальной школе забыли отметить столетие со дня рождения прекрасного педагога-музыканта Романа Александровича Мазанова. Когда я беседовал с преподавателями, все с безграничной божьей любовью вспоминали этого замечательного человека. Заведующая архивом учебного заведения Светлана Андреевна Куренкова отмечала общительность, приветливость и высокий профессионализм Мазанова, памяти великой достойного.

Почему же юбилей Мазанова не стал событием в школе? Почему его не использовали для почитания ветеранов школы, воспитания молодых? Ведь жизнь Романа Александровича – это зеркало истории нашего края, трагедии русского народа и его жизнестойкости.

Из документов архива школы, которые мне дала Светлана Андреевна Куренкова, я узнал, что Роман Александрович Мазанов прожил довольно трудную, сложную жизнь. Родился он в 1905 году в Пятигорске, окончил в Ростове-на-Дону консерваторию по классу виолончели. До начала Великой Отечественной войны работал в симфоническом оркестре Таганрога, а также педагогом в музыкальной школе имени Гнесина по классу виолончели в Ростове-на-Дону, затем в симфоническом оркестре в Москве. Вернулся на Дон – трудился в областном драматическом театре, музыкальной школе и училище.

Война застала его в Таганроге. Попал в оккупацию, был насильственно, как он писал в автобиографии, вывезен фашистскими властями на Украину в Херсон, где работал в театре эстрады в качестве дирижера. В 1944 году Роман Александрович Мазанов бежал из театра, перешел линию фронта, был зачислен стрелком в 36-ю Гвардейскую дивизию. За отвагу в боях с фашистами награжден четырьмя медалями. После Великой Победы возвратился домой на Дон, опять работал преподавателем в музыкальной школе в Ростове-на-Дону.

Его вербовали в органы НКВД. Но он отказался. Зачем? У каждого должно быть свое дело жизни. Артиста эстрады Хохлова,

великолепно знающего немецкий язык, сделали разведчиком. Но он не мог убивать людей. Не мог! Его пальцы разжимались, когда он брал в руки холодный пистолет, его сердце останавливалось при мысли, что он будет стрелять в живых. И в результате он стал предателем родины, ибо не смог убить в Германии помеченного ему человека.

Это давно уже всем известная история. И Роман Александрович не мог убивать людей. А его заставляли. Полковник Петр Дубровский даже крикнул вслед ему:

– Ты еще пожалеешь! Твоя судьба будет как кривое ржавое колесо, в первом же болоте утонет…

Но Мазанов знал себя, свои возможности. Если служить людям, то музыкой. Ни войны, ни тюрьмы, ни лагеря – ничто не уничтожит в человеке стремление к возвышенному, прекрасному. Только люди грубые и невежественные не могут воспринимать и понимать музыку Чайковского, Бетховена и Шопена. Пусть будут нищета, голод, но всегда пусть льются мелодии любви, веры и надежды.

Когда Роман Александрович бежал из оккупированного Херсона, то поджег театр эстрады. Он давно прятал под сценой канистру бензина. Заполыхало так, что из окон здания вырвались языки огня с клубами дыма. Он не хотел, чтобы искусство служило фашистам. Не может звучать музыка там, где торжествуют зло и насилие.

А в 1947 году Р.А.Мазанова арестовали за то, что находился на территории, оккупированной фашистами, и приговорили к восьми годам исправительных трудовых лагерей. Так он попал в Карлаг.

Только в конце 1954 года, после смерти Сталина, он был освобожден и оставлен на местожительство в ссылке в Караганде. Его направили сначала на работу в областную филармонию виолончелистом, а через год Роман Александрович стал преподавать в областной музыкальной школе.

Он был превосходным музыкантом. Прекрасно играл на виолончели, хорошо знал казахский язык, музыку казахов, их обычаи и нравы. Его игра привлекала слушателей неподдельным обаянием, искренностью исполнения, профессионализмом. Этому Роман Александрович учил и своих питомцев. Потому они никогда не забывали его, после окончания музыкальной школы присылали ему открытки, письма, телеграммы, поздравляли с днем рождения.

Роман Александрович дружил со многими выдающимися людьми. В своей автобиографии он пишет, что «по выходе из Карлага» был направлен в областную филармонию, работал

виолончелистом в эстрадном оркестре до 8 июля 1955 года. Этим оркестром в то время руководил известный композитор Александр Варламов. Работать с ним было одно удовольствие, ибо Варламов жил по пословицам: «Покоряй сердца людей музыкой, а не страхом», «Где любовь, там и Бог».

Роман Александрович любил песню Варламова «Уходит вечер»… И когда встречался с Александром в непринужденной обстановке, говорил ему, шутя: «Вечер уходит, но мы-то еще живы». Варламов подхватывал: «А пока мы живы – жив наш джаз!»

Действительно, они создали первый джазовый оркестр в Казахстане, который играет до сих пор в карагандинском цирке. Так что у Варламова и Мазанова есть последователи.

Довольно часто они встречались и в стенах областной музыкальной школы. Варламов тоже преподавал там. Он вел такие предметы как гармония, сольфеджио, даже музыкальную литературу. Уезжая в 1956 году в Москву, он звал с собой Мазанова. Но тот отказался:

– Я чувствую, что нужен Караганде. Оттерпимся и тоже известными станем. А если и нет, то в учениках возродимся…

Мазанов остался в Караганде еще и потому, что в то послевоенное время в областной музыкальной школе очень ценились нравственные основы в преподавателях, правила и убеждения, по которым они помогали друг другу. Атмосфера была благожелательная, творческая, спокойная. Преподавали в школе, в основном, такие же, как Мазанов, бывшие репрессированные, ни за что осужденные. Они поддерживали друг друга, ибо это вошло в их плоть и кровь еще в лагерной жизни.

Как бы одним творческим обручем он был связан с преподавателем, немецким музыкантом Александром Осиповичем Кнаубом, который был выслан в годы Великой Отечественной войны в Центральный Казахстан. Александр Осипович стал одним из создателей фортепианной школы в Караганде. Он любил играть произведения Бетховена, Шопена. Рахманинова. Во время его концертов зал всегда был переполнен.

Тепло вспоминал Мазанов и Владимира Яковлевича Кратца, ведущего педагога музыкально-теоретичеких дисциплин. Его уроки всегда проходили интересно, живо. Он не терпел неаккуратности и сильно огорчался, когда ученики приносили грязно написанные работы по сольфеджио… А Элла Рихардовна Майер, Вальтер Давыдович Роот? Очаровательная Евгения Петровна Вильман? Она училась в Москве, дружила с композитором Я.А.Столяром, который прославился музыкой к кинофильму «Путевка в жизнь». Но окончить Московскую

консерваторию Вильман не удалось: началась война, и она оказалась в трудармии в Караганде, работала истопником, жила в грязных бараках, пока ее не пригласили работать в музыкальную школу. Не забыть имя Тамары Спиридоновны Шейнех, певицы, получившей прекрасное музыкальное образование в московской консерватории. Она пела в оперных спектаклях, на концертах с выдающимся С.Я.Лемешевым. На выпускном балу была представлена самому Федору Ивановичу Шаляпину… В годы войны этапом отправлена в Осакаровку, работала скотницей, затем посудомойкой. Поистине пути господни неисповедимы. Но Тамара Спиридоновна выдержала все горькие испытания, выпавшие на ее долю, и после войны преподавала в музшколе, воспитала многих прекрасных певцов с отличным вокалом.

Довольно часто бывал Мазанов в гостях у семьи педагога, дирижера, композитора Рудольфа Германовича Рихтера. Этот удивительно чистой души человек тоже безвинно пострадал в годы Великой Отечественной войны. Он работал преподавателем музыки в Москве после окончания Саратовской консерватории. Его учителями были довольно известные музыканты – профессор музыкальной теоретики, композитор Г.Э.Конюс, профессор, польский пианист И.Сливинский, выдающийся советский пианист и педагог Г.Нейгауз. 12 сентября 1941 года в связи с эвакуацией Рихтера уволили с работы (так записали в трудовой книжке), выслали в далекий Казахстан. Его жена Анна Филаретовна Репина, русская, могла бы развестись с ним и остаться в Москве, но она предпочла судьбу «декабристки» и последовала за Рудольфом Рихтером. Она всегда старалась подбодрить его. Даже в товарном вагоне, где все эвакуируемые немцы ехали вповалку, болели и умирали, она говорила Рихтеру: «Не надо падать духом. Все имеет свой конец, и почему обязательно плохой? Будем ждать лучшего».

Их выбросили в степь близ Осакаровки, поселили в землянке. К зиме Рихтер нашел работу – заведующим клубом колхоза «Эдази» села Покорное. Ему стали выдавать продукты, зимние вещи. Однажды Рудольф Германович пришел домой с мешком за плечами, в нем лежали детали старого кем-то выброшенного пианино. Своими руками он собрал инструмент, и в доме зазвучала музыка. С 1942 по 1948 годы Р.Г.Рихтер работал в областном отделе искусств, в Доме железнодорожников, в казахском областном музыкальном драматическом театре. Сочинял музыку к спектаклям, собирал народные песни, кюи, обрабатывал их, писал песни на стихи местных поэтов. С 1948 года преподавал в областной музыкальной школе.

Мазанову нравилось бывать в семье Рихтера. Она была

гостеприимна, особенно пришлись ему по вкусу блинчики Анны Филаретовны Репиной. Но больше всего он любил, когда за старое пианино садился Рудольф Германович и начинал играть мелодии фронтовых песен…

Дружеские узы соединяли Романа Александровича с Андреем Генриховичем Шварцом, Отто Оттовичем Узингом и другими бывшими ссыльными, узниками сталинских лагерей.

Отто Оттович точно так же, как Мазанов, прекрасно играл на виолончели. Его первым учителем был Б.А.Фейт, концертмейстер в оркестре графа Ф. Шереметьева. В консерватории Узинг учился у профессора А.Я. Штриммера.

В 1941 году НКВД насильно отправило Отто в село Сенокосное Тельманского района бывшего. Талантливый музыкант вынужден был зарабатывать себе на хлеб в качестве разнорабочего совхоза. Он пас быков, собирал сено с полей, возил уголь. В 1942 году его направили в Севураллаг на добычу торфа и угля. Лишь в 1950 году он вернулся в Караганду в ссылку, стал преподавать в музыкальной школе. Среди его многочисленных учеников немало славных имен музыкантов. Многие, например, знают Фуата Мансурова, дирижера Большого театра в Москве.

Довольно часто встречался Мазанов с композитором, концертмейстером Андреем Генриховичем Шварцом. В карагандинском спецархиве при Генеральной прокуратуре мне разыскали карточку высокоинтеллектуального узника под номером 2356. Он родился в 1895 году. Проживал в Ленинграде по улице Восстания, дом 47, квартира 2. 7 января 1938 года его арестовали как СОЭ (социально-опасный элемент), отправили в ссылку в начале во Фрунзе, Джамбул, а затем перевели в Караганду. Он был освобожден только после кончины Сталина – 24 июня 1954 года.

В чем же была его вина? Кто знает…Видимо, в том, что он не умел держать язык за семью замками. Даже отбыв ссылку, он продолжал говорить о том, что близок крах большевиков, что никакой Хрущев не спасет коммунизм и коммунистов. Многие люди до сих пор спрашивают, зачем было загонять в лагеря миллионы людей, которые попали под оккупацию? Разве они были виноваты в том, что непобедимая сталинская армия все отступала и отступала?

Вожди коммунистической партии типа Ленина-Сталина крепко тормознули и духовное развитие общества. До сих пор многие люди не могут преодолеть страшный барьер перехода от застарелого сталинского мышления к новому демократическому.

Мазанов не был политиком. Но и он чувствовал, какой большой урон нанесли руководители коммунистической партии

искусству, литературе, даже музыке, вмешиваясь в творческие процессы писателей, художников, композиторов, музыкантов. Больше того они уничтожали интеллигенцию. В марте 1947 года только в исправительно-трудовых лагерях, колониях, не считая тюрем, содержалось 2 миллиона 188 тысяч 355 заключенных. И большинство из них – интеллигенты. Думающий народ.

Конечно, Мазанов и его коллеги радовались, когда началась атака на «культ личности». Ведь надежды питают не только юношей. После двадцатого съезда партии начались процессы реабилитации. Мазанов получает разрешение вернуться на родину.

Где-то в 1956 году Мазанову приходит письмо из Ростова-на-Дону из детской музыкальной школы имени М.Ф.Гнесина, где он до Великой Отечественной войны проработал целых десять лет (с 1931 по 1941). Директор музшколы Булавский, памятуя высокие педагогические способности Романа Александровича, предложил ему вернуться в родные края, чтобы преподавать в этом учебном заведении. И сразу на Мазанова обрушились воспоминания о тех чудесных местах, отце и матери. Жили его родители в Ростове-на-Дону в небольшом деревянном домике. Отец был музыкантом-фаготистом, мать домохозяйкой. Ясное дело, у них денег не водилось. Зато за порогом отчего дома разбросил свои зеленые ветви великолепный сад, на деревянных крестах, соединенных проволокой, рос светло-розовый виноград. А стоило подняться на верхнюю веранду, сразу открывался поразительный по красоте вид на сверкающий солнечными бликами Дон.

Родная земля! Милый, широкий, с тихими плесами Дон, воспетая Шолоховым река! На ее берегу он играл со своими ровесниками в волейбол, под шелест ее волн дремал на пахнущей смолой лодке, ожидая, когда прыгнет поплавок от тяжелой рыбы…

Письмо из родных мест. Столько лет прошло, а каждый раз волнуется сердце, будто вчера покинул отчий край. Отец в Ростове-на-Дону ходил в музыкальную школу, уговорил директора выслать ему приглашение на работу…Не поздновато ли? В Караганде он нашел свою настоящую любовь – Ирину, в которой души не чаял. И хотя у нее уже было двое детей – дочь Ириза и сын Виктор, он женился на ней. А вскоре Ирина Петровна родила ему Машеньку, прелестное создание, о котором он мечтал всю жизнь. И, наверное, в 1956 году, когда родилась его дочь, в Большой Михайловке, где они жили по улице Нижней, дом 1/9, его счастливей не было…

И он опять отказался уезжать из Караганды, ему хорошо было с детьми, своей семьей, обаятельной принцессой Машенькой, он

был на седьмом небе.

Родители приехали к нему в гости из Ростова-на-Дону, убедились, что сын живет в любви и достатке. Да и на работе его уважали и ценили. Директор музшколы Базылхан Ибраевич Жолымбетов, тоже фронтовик (играл в военном оркестре), видел в таких, как Мазанов, надежных помощников в воспитании одаренных детей. В те годы в шахтерском городе не хватало профессиональных музыкальных кадров, и тем более к Роману Александровичу относились тепло и признательно, не единожды отмечали его труд почетными грамотами разных рангов.

И родители уехали на Дон, немного поплакав и в конце концов успокоившись. И пожелали сыну не отрываться от карагандинской Ирины. И он не отрывался от нее, вплоть до своей кончины, так и не увидев больше отчего дома…

На похоронах не было торжественных речей. Все выступающие говорили о счастливой судьбе Мазанова, отмечая его неоспоримые заслуги в деле воспитания молодой талантливой смены.

Да, немало выдающихся музыкантов вырастил Р.А. Мазанов. Среди них – знаменитые сестры Накипбековы. Именно он воспитал талантливых музыкантов, сестер Накипбековых – Эльвиру, Элеонору и Альфию, именно у него появилась отличная идея – создать музыкальное трио. И педагог попал, как говорится, в самое «яблочко» – творческое сотрудничество сестер сразу обратило на себя внимание широкой музыкальной общественности, их имена стали известны не только в Казахстане, но и за рубежом.

Скрипачка Эльвира Накипбекова в Генуе в 1971 году стала лауреатом международного конкурса, годом позже в Болгарии сестры получили звание лауреатов Международного конкурса фортепианного трио.

В 1977 году виолончелистка Альфия Накипбекова заняла четвертое место во Всесоюзном конкурсе им. П. И. Чайковского.

Сестры побывали со своими концертами в Италии, Югославии, Венгрии, Финляндии, и всюду их ждал большой успех. Ибо для исполнительского стиля Накипбековых характерны масштабность игры, богатство творческой фантазии, художественная целеустремленность, техническое совершенство. В их исполнении неоднократно звучали произведения Шуберта, Сен-Санса, Дебюсси, Равеля, Тулебаева, Мошковского.

Начав занятия музыкой под руководством Романа Александровича Мазанова, сестры Накипбековы продолжили свое музыкальное образование в Алматы, в Москве. Московскую консерваторию, а затем и аспирантуру при ней окончили Эльвира

и Альфия. Элеонора, ведя класс камерного ансамбля в Алматинской консерватории, заочно окончила аспирантуру Ленинградской консерватории. Сейчас сестры Накипбековы живут и работают в Англии, выступают с концертами в странах ближнего и дальнего зарубежья. Но никогда не забывают свою «альма-матер» – родную музыкальную школу, первого своего наставника Романа Александровича Мазанова, который дал им путевку в большой музыкальный мир.

Шесть лет тому назад они прислали в Караганду из Англии средства, чтобы в честь 95-летия со дня рождения Р.А. Мазанова ему соорудить мемориальную доску в музыкальной школе, где он преподавал. Летом 2001 года состоялось открытие мемориальной доски. Ее открыла мать сестер Накипбековых – Рашида Абдуловна Муслимова, специально приехавшая в Караганду из Москвы. Я сфотографировал ее у мемориальной доски как одного из спонсоров этого большого мероприятия. И тогда же подумал: какой она молодец, какие у нее прекрасные дочери, чтят, помнят своего наставника, поднимают его имя! Все ли мы так щедры душою, всегда ли мы настроены на то, чтобы благодарить своих учителей, и не только по большим праздникам, юбилеям?

Глава 9
Под зэковским номером 179888

Впервые о Михаиле Зуеве-Ордынце я услышал, как ни странно, в Ростове-на-Дону в 1979 году. Помню, пришел в гости к донскому писателю Петронию Гаю Аматуин, чтобы поздравить его с выходом книги «Путешествие в Аэроград». Он жил тогда в переулке Журавлева в многоэтажном доме в довольно большой квартире. После традиционного бокала шампанского вышли на балкон покурить. Как обычно, завели речь о тяжелой писательской работе, о том, как нелегко даются строчки, каждая книга. Аматуин был по профессии летчиком, но подвело здоровье. И тогда он взялся за перо, решил писать книги для детей, юношей. С кого из писателей взять пример?

– В детстве и юности я читал много книг приключенческого жанра, – говорил мне Петроний Гай. – Но самое большое впечатление на меня произвел роман писателя Зуева-Ордынца «Злая земля» – о русских первопроходцах Аляски, их дружбе с индейцами. Прочитал его, как говорится, на одном дыхании. И подумал: вот так надо писать для молодых – прямо-таки захватывает! Жаль, что Михаилу Ефимовичу на долгие годы запретили писать, в 1937 году он был несправедливо осужден на целых 15 лет без права сочинять книги. Но он выжил, после лагерей Сталина в Сибири и Казахстане тяжело больной снова взялся за перо. Я разыскал его адрес в Караганде, и написал ему несколько сочувственных писем в таком духе: если бы не ваши книги, я бы не стал писателем… Он, конечно, был рад моим словам признания его таланта.

Я заинтересовался жизнью и литературным наследием М.Е. Зуева-Ордынца. Он родился в 1900 году в Москве. В возрасте 18 лет вступил добровольцем в Красную Армию, затем был направлен на учебу в Московскую артиллерийскую школу красных командиров, воевал против белогвардейцев до конца гражданской войны. Демобилизовавшись, работал в Ленинграде в различных газетах, одновременно пробовал свои силы в литературе. В 1925 году в журналах «Всемирный следопыт», «Вокруг света» и других появляются первые приключенческие рассказы Зуева-Ордынца. А в 1929 году был опубликован его роман «Злая земля», о котором мне так восхищенно говорил Аматуни.

Я прочитал эту книгу Михаила Ефимовича. Действительно, она написана увлекательно, хорошим сочным языком. В ней Зуев-

Ордынец правдиво, опираясь на большой документальный материал, изображает борьбу индейцев за свободу и независимость Аляски от гнета Америки. На их стороне русский дворянин Андрей Гагарин, его близкие друзья, побратимы. Андрей в свое время бежал из Санкт-Петербурга от царских жандармов на земли русской Аляски. Но в 1867 году эта далекая окраина России была за бесценок продана царем Александром США. Что делать? Возвращаться в Санкт-Петербург? Нет, Аляска не должна быть колонией Соединенных Штатов… И герой романа становится легендарным вождем индейцев.

В Караганде Зуев-Ордынец в 1959 году, то есть спустя тридцать лет, возвращается к этому роману, написанному в молодости, дорабатывает его, затем издает в Калининградском книжном издательстве под названием «Последний год» довольно приличным тиражом – 50 тысяч экземпляров. Один экземпляр этой интересной книги Михаил Ефимович, как я недавно узнал, подарил Карагандинской областной библиотеке имени Гоголя, ее читателям 19 мая 1962 года, не забыв поставить на ней свой автограф.

Словом, в двадцатых-тридцатых годах имя писателя Зуева-Ордынца было хорошо известно массовому читателю. Ведь, кроме романа «Злая земля», он написал увлекательно, интересно повести и рассказы «Сказание о граде Новом Китеже», «Гул пустыни», «Волчья падь». И все они были доброжелательно встречены литературным критиками, слава писателя росла, как говорится, не по дням, а по часам.

Удивительно, что такой благополучный во всех отношениях писатель был в 1937 году репрессирован. За что? В своей повести «Дело № 179888», кстати, написанной в Караганде в 1963–1964 годах, Зуев-Ордынец пояснил, что был арестован «по обвинению в контрреволюционной деятельности». В чем же она заключалась? Всего-навсего в том, что в своем дневнике в 1932 году он записал такую эпиграмму по поводу закрытия Российской ассоциации пролетарских писателей:

«По мановению восточного сатрапа —
Не стало РАППа.
Но не ликуй, презренный раб,
Ведь жив сатрап!!!»

Следователь, прочитав это четверостишие, сказал со вздохом сожаления Зуеву-Ордынцу: «Душок, душок-то какой! Вы, безусловно, понимаете, кто назван в этих строчках восточным сатрапом?» и цинично добавил: «Пи-са-те-ли! Советские люди

молятся на него (Сталина), а тут, видите ли, находятся… Я тебя в порошок сотру! Сам расстреляю!»

Сколько ни силился Зуев-Ордынец доказать, что это не он сочинил стихи «О РАППе и сатрапе», его все равно обвинили в антисталинизме, сделали «врагом народа».

Почти двадцать лет молодой жизни забрал у писателя сталинский режим. Он отбывал свой срок в различных лагерях Гулага, как я уже писал, без права сочинять книги за контрреволюционную агитацию. Особо твердую, жестокую зарубку получил он на сердце в Сибири в тайшетском лагере, где с зэками обращались хуже, чем со скотом, где они по ночам во сне громко и четко выкрикивали свой номер и просыпались с каменной тоской на душе…

«Тут ни убавить,
Ни прибавить —
Так это было на земле»,

– писал поэт Александр Твардовский. Действительно, в Тайшете Михаил Ефимович хлебнул немало горя народного, здесь от недоедания и холода он заболел туберкулезом, работая на лесозаготовках.

Недавно в архиве Информационного центра при прокуратуре Карагандинской области по моей просьбе нашли карточку политзаключенного Карагандинского исправительно-трудового лагеря НКВД Зуева-Ордынца Михаила Ефимовича. Из нее явствует, что после Тайшетлага писатель 2 марта 1940 года был переведен в Карлаг. Отбывал он свой срок на отделениях Карабас, Чурубай-Нура, Батык, Долинка. Освобожден Михаил Ефимович был 21 июня 1950 года, ему на основании Указа от 14 июня 1944 года срок был милостиво сокращен. Но путь в Москву писателю не открыли, он жил в скверных условиях в поселке Актас под гласным надзором.

Тогда в Актасе держали многих бывших узников Гулага, их не прописывали даже в Караганде. Соседкой Зуева-Ордынца одно время была жена известного поэта, расстрелянного НКВД, Павла Николаевича Васильева – Елена Александровна. Она в Карлаге работала на отделениях Жаманжол, Ялта, Карабулак, Карашокы чабаном, строителем, учетчиком на овцеводческой ферме. В 1948 году ее объявили вольнонаемной, и она поселилась в Актасе, работала на шахте № 105 нормировщицей, а затем оператором в гараже. В 1950 году к ней в Актас приехала родная сестра Лидия Гронская с двумя девочками. Приближался срок окончания заключения ее мужа Ивана Михайловича Гронского, бывшего

редактора журнала «Новый мир» и газеты «Известия». И правда, – вскоре Гронского выпустили, реабилитировали и разрешили выехать с семьей в Москву. Помогло, как ни странно, обширное письмо Ивана Михайловича Гронского Вячеславу Молотову.

Зуев-Ордынец тоже обращался в высокие инстанции с просьбой о реабилитации, но на его письма никак не реагировали.

В отделе краеведения областной библиотеки имени Гоголя сохранилась копия справки, выданной военным трибуналом Ленинградского военного округа только в июле 1956 года. Полковник юстиции Ананьев сообщает, что дело по обвинению Зуева-Ордынца пересмотрено, постановление особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 25 октября 1937 года отменено, дело производством прекращено. 31 октября 1956 года постановлением секретариата Союза писателей СССР реабилитированному писателю М.Е.Зуеву-Ордынцу выдано пособие в размере трех тысяч рублей…

По поводу реабилитации он горько написал в своем дневнике: «Не дорого ценит наша власть наши страдания. Как говорится – дешево отделывается» (запись 1956 года).

Михаил Ефимович снова побывал в Ленинграде, Москве, по путевке Литфонда отдыхал в Доме творчества писателей в Переделкино, где встретился с писателем Корнеем Ивановичем Чуковским. Его покорила замечательная библиотека детской литературы, собранная Корнеем Ивановичем на собственные средства. И, конечно же, дружеская встреча с Чуковским, которая длилась без малого два часа. В госархиве Карагандинской области до сих пор хранится дневник Зуева-Ордынца за 1955–1967 годы (фонд 1954, опись 1, дело 74), в котором подробно рассказывается об этой встрече. Там же – очерк писателя «Теремок дедушки Корнея», впервые опубликованный в газете «Индустриальная Караганда» 20 сентября 1963 года, а позже – в журнале «Уральский следопыт» (№ 9 за – 1964 год).

После освобождения из Карлага Зуев-Ордынец одиннадцать лет прожил в Актасе. Там он написал новую повесть «Вторая весна», за которую был удостоен медали «За освоение целинных и залежных земель».

Родилась эта книга после поездки писателя в Егиндыбулакский район, в урочище Аркалык. Ездил на машине начальника строительного управления № 3 г. Актаса, известного строителя шахт Георгия Павловича Кирчакова. Михаила Ефимовича отговаривали от этой поездки, даже Регина, верная его жена, подруга, работавшая бухгалтером в СУ-3, умоляла не покидать Актас. Но Зуев-Ордынец остро чувствовал, что

рождается новое время, люди раскрепощаются от сталинских догм и клеветы друг на друга. Дремавшая веками в горестном оцепенении казахская степь проснулась вместе с весенними трелями птиц и солнечными столбами яркого света. Началось невиданное доселе наступление на бесплодие просторов Сарыарки. И хотя писатель задыхался от приступов туберкулеза, хотя врачи не позволяли ему покидать домашний очаг, разве мог он задушить нетерпение своего сердца: увидеть целину? И вот больной, в старом поношенном пальто и шапке зэковских времен он бежит из своей квартиры в Актасе на вольный степной ветер в глухие места, где обосновались первоцелинники.

Это была его последняя писательская командировка, которую он сам устроил себе. И не зря! Повесть «Вторая весна» была издана в 1959 году в издательстве «Советский писатель», ее благожелательно встретили критики.

В 1969 году М. Зуев-Ордынец благодаря хлопотам своей жены Регины переехал в Караганду в дом № 31 по бульвару Мира. К сожалению, на этом доме до сих пор нет даже маленькой мемориальной доски, которая напоминала бы карагандинцам о талантливом писателе. А ведь такое предложение прозвучало на страницах «Индустриальной Караганды» еще 10 февраля 1995 года. Тем более, что в этом доме Михаил Ефимович продолжал настойчиво и много работать. Здесь, например, он довершил работу над книгой «Остров потопленных кораблей», которая была опубликована Казахским государственным издательством художественной литературы в 1963 году. Новая книга Зуева-Ордынца – это сборник его рассказов о современниках: геологах-кладоискателях, пограничниках, рабочих.

О литературном творчестве Зуева-Ордынца можно рассказывать бесконечно долго. Но прежде всего хотелось бы отметить, что он был чрезмерно взыскательным, строгим к себе, к каждой своей строчке. В дневнике он рассказывает, например, как долго работал над рассказом «Туман». Прочитал – не понравилось, – делится он своими мыслями. – Длинно, много лишнего. А это ослабляет эмоциональное воздействие на читателя. А что лишнее? Вот тут-то и загвоздка! Начну сокращать и буду помнить при этом слова Чехова, что в рассказе не должно быть ничего лишнего, как на корабле».

Эту запись он сделал 1 декабря. И только 17 декабря сообщил, что окончил второй вариант «Тумана». И тут же добавляет: «Все же, кажется, длинновато». 19 декабря писатель возвращается к своей работе. «Сегодня чуть-чуть поужал рассказ. А теперь пусть отлеживается».

Рассказ «Остров потопленных кораблей» Михаил Ефимович

переделывал девять раз. Завидное трудолюбие и упорство! А сегодня некоторые молодые писатели, увы, едва только набросали свою вещь, уже спешат ее напечатать, с пеной у рта доказывая, как гениально она сделана. Почаще бы обращаться начинающим прозаикам да и поэтам к опыту писателей старшего поколения.

Велико эпистолярное наследие Зуева-Ордынца. Роясь в его архиве, я нашел письма знакомого нам Петрония Аматуни, алмаатинца Николая Анова, Корнея Чуковского, Сергея Маркова. На книге «Небесные горы» Сергей Марков оставил такую надпись: «Дорогому Михайле Зуеву-Ордынцу со старой дружбой и любовью 23 января 1962 года».

Тепло вспоминает Зуев-Ордынец о встречах в карагандинском литературном объединении с писателями Жаиком Бектуровым, Николаем Пичугиным, говорит добрые слова о работниках библиотеки, которые организовали во Дворце культуры горняков встречу читателей с ним в апреле 1962 года.

Интересны мысли Зуева-Ордынца о писательском труде, своих коллегах. 4 февраля 1956 года он пишет: «У китайского писателя вычитал замечательное выражение: «Трусливое перо». Не в бровь, а в глаз многим нашим современникам, конечно, писакам…»

К Михаилу Александровичу Шолохову у Зуева-Ордынца отношение почтительное. Вот запись от 25 февраля 1956 года: «Речь Шолохова на съезде. Хорошая, честная, прямая речь… И пусть морщатся Фадеевы и Сурковы. Мы, рядовые литературы, не на стороне этих загенералившихся генералов, а на стороне Шолохова. И полностью с ним согласны».

Вообще, меня поразил дневник М.Е. Зуева-Ордынца, который хранится в государственном архиве области. Жаль, что он до сих пор нигде не опубликован.

В этом дневнике – самые сокровенные, правдивые мысли писателя, написанные кровью его сердца. В дневнике, кстати, я нашел несколько строк и о ростовском писателе Аматуни. В записи, сделанной 30 мая 1965 года, Зуев-Ордынец сообщал: «Петроний Аматуни прислал фотографии своих путешествий по Африке. Египет, Занзибар! А я? Несчастный я, как дырявый дряхлый корабль, на мертвом якоре».

В свое время Михаил Михайлович Пришвин, которого так любил цитировать Зуев-Ордынец, говорил: «Дневник писателя я понимаю как источник, вытекающий из самой души человека».

Из самой души, искалеченной сталинизмом, но не сломленной до конца, рождались и записи Михаила Ефимовича. В них много горького, пропитанного слезами человека,

переживающего большую трагедию жизни, отлученного от любимых культурных центров России, собратьев по перу.

30 ноября 1955 года Зуев-Ордынец пишет: «Дожил, но со здоровьем дело очень плохо. Ухудшается с каждым днем. И нередко приходят мысли о смерти. Не могу сказать, что я очень боюсь ее, но иногда сердце замрет перед мыслью о двери, через которую никто не возвращался, переступив ее порог…

Вошел в темную кухню. За окном яркая луна заливала наш дворик Свет мягкий, вкрадчивый какой-то, а видна каждая былинка на земле, каждый гвоздь в заборе. Остановился восхищенный и полный благодарности за красоту мира. А затем потрясла мысль: это вечно, также мягко будет светить луна и через десять, и через сто лет и будет освещать этот же клочок земли, но тебя не будет. Совсем не будет…»

6 января 1956 года Зуев-Ордынец пишет: «Слушая наши радиопередачи, невольно станешь контрреволюционером – без конца, ежеминутно, в прозе, в стихах, в песнях, в пьесах и в операх твердят о счастливой, радостной жизни, которую мы якобы имеем. И начинает разбирать злоба и возмущение на эту наглую тупую жизнь. Совсем за дураков нас считают. Где она, эта радостная жизнь? Люди живут тяжело, плохо едят, тяжело работают, в отвратительных условиях жилища без примитивных удобств, окружены бесправием, произволом, подчас диким произволом. Вот так живут! За исключением небольшой кучки. Для имеющих партбилет социализм, действительно, построен. Какой бы дурак, лодырь, неумеха он ни был, он останется «руководящим лицом»…

22 июня 1958 года сделана такая запись:

«По словам врача, Караганда стоит в республике на первом месте по числу наркоманов. В большинстве – молодежь.

Неблагополучно что-то с нашей молодежью!»

23 июня:

«Смертельная слабость, апатия, равнодушие ко всему. Депрессия снова.

Боже, как это тяжело!»

26 июня:

«Наша Карагандинская область держит первенство по Союзу по уголовным преступлениям и хулиганству. А Шахтинск (бывший Тентек) – первенство по Казахстану.

В основном уголовный элемент – вербованные, подонки со всего СССР».

3 июля:

«Газетная статья. Судебный процесс в Алма-Ате. Жуть! Трое парней, от 18 до 20 лет, хладнокровно, спокойно убили более десятка людей. С целью грабежа, за 5-10 рублей. Убийц расстреляют, но как мы озверели! И это наша молодежь, наша надежда!»

Записки в дневнике Зуева-Ордынца обрываются в 1967 году. Но они тоже полны огромной человеческой печали и горя. Так, 25 февраля 1967 года Михаил Ефимович пишет:

«Замучила меня депрессия. Едва выкарабкаешься из приступа, как снова провал в черную бездну безысходной тоски, отвращения к жизни, физического бессилия. Частенько начала посещать меня эта черная, мрачная гостья».

Последняя запись сделана 16 марта 1967 года. Она заканчивается фразой: «Не изжита еще сталинщина..»

Чтобы глубоко понять страдания писателя, брошенного в самую бездну сталинского ада, прожившего большую часть своей жизни под зэковским номером № 179888, надо помнить и чтить его, читать его дневники и книги. Из мрака забвения сегодня к нам возвращается тот, кто достоин большой памяти за свое стремление говорить правду, приносить людям большие моральные ценности, культуру бытия и творчества.

Глава 10
«Мой муж не виновен…»

В архиве прокуратуры Карагандинской области хранится учетная карточка члена семьи изменника Родины (ЧСИР) Азизы Тубековны Рыскуловой – Исенгуловой. Она родилась в городе Джаркенте в 1911 году. Образование – высшее, специальность – ветврач – бактериолог. Проживала в Москве, Новинский бульвар, 25, квартира 5.

9 апреля 1938 года Рыскулова – Исенгулова была осуждена Особым Совещанием при НКВД СССР сроком на восемь лет как ЧСИР. 29 мая того же года прибыла из Бутырской тюрьмы в Карлаг – в Акмолинское спецотделение. Затем была переведена в Черубай – Нуринский лагерь. Освободилась 9 апреля 1946 года, ровно через восемь лет, как было назначено. Но прописка в больших городах ей была запрещена, и Азиза Тубековна определилась вольнонаемной в 8 Топарском отделении лагеря.

В Карлаге ее спасла, как она говорила, дефицитная профессия – ветеринарный врач. Когда в 1931 году Азиза переехала из Алма-Аты в Москву после настойчивых просьб своего жениха Турара Рыскулова, то она к этому времени уже успела окончить зооветеринарный техникум. И вскоре после бракосочетания ее муж настоял на том, чтобы она продолжила учебу в Московском зооветеринарном институте. И благодаря этому его настоянию Азиза в 1935 году получила диплом ветеринарного врача. А поскольку Карлаг был лагерем сельскохозяйственного направления, то ему остро не хватало специалистов с высшим образованием, особенно ветеринаров и зоотехников. Достаточно сказать, что уже в 1941 году в Карлаге было создано 70 овцеводческих отделений, 45 площадок по откорму крупного рогатого скота, два свинарника, конеферма. А ветеринарных врачей, зоотехников с гулькин нос. В государственном архиве Карагандинской области сохранилось письмо начальника Карлага НКВД, старшего майора госбезопасности Журавлева на имя заведующего сельхозотделом ЦК КП(б) Казахстана Лапшина с просьбой присылать в лагерь животноводов – специалистов с высшим образованием. Это, по его мнению, «даст возможность получить в хозяйстве значительно лучшие показатели по животноводству». В письме приводились факты массовых заболеваний животных бруцеллезом, сибирской язвой, чесоткой, оспой.

По воспоминаниям дочери Рыскуловых Сауле, ее мама Азиза

Тубековна многое сделала в Карлаге для ликвидации этих опасных болезней крупного рогатого скота и овец. Она была высококлассным ветеринаром, всегда неутомимая, выносливая. В семье Рыскуловых сохранилась характеристика начальника лагеря на ветврача А.Т.Исенгулову, в которой он утверждает, что она – «исключительно добросовестная, аккуратная, все производственные планы по животноводству перевыполняла».

К этому надо добавить, что у Азизы Тубековны было доброе сердце. Она спасла жизнь многим заключенным, умирающим от голода и физической слабости, снабжая их выбракованным вареным мясом и сытными бульонами, которые сама готовила по ночам.

Азиза тепло и сердечно отзывалась о своем муже – Тураре Рыскулове, их совместной жизни в Москве. Хотя Турар был старше ее на целых 15 лет, они хорошо понимали друг друга. Ее поражала головокружительная карьера мужа и его желание всегда брать на себя ношу потяжелее. Уже в 32 года Турар Рыскулович становится заместителем председателя совета Народных Комиссаров Российской Федерации, возглавляет комитет Содействия строительству Турксиба при СНК РСФСР. Именно он подготовил в 1927 году проект Постановления Совнаркома «О постройке Семиреченской железной дороги», а затем после утверждения этого важного документа добивался его безукоризненного исполнения. Ему довелось работать в «одной упряжке», как он любил говорить, с таким легендарным человеком как первый начальник строительства Турксиба Владимир Сергеевич Шатов, о ком с теплотой сердечной написал в своей книге «Десять дней, которые потрясли мир» американский журналист Джон Рид. Его советниками и соратниками также были председатель наркома Казахской АССР, а затем ответработник Президиума ВЦИК Нигмет Нурмаков; первый инженер-путеец из казахов Мухамеджан Тынышпаев и другие. Они хорошо помогали ему в деле изысканий и прокладки трассы Турксиба протяженностью 1445 километров от Семипалатинска до Луговой…

28 апреля 1930 года на станции Айна-Булак состоялись торжества по поводу открытия сквозного движения поездов по Турксибу. Коллектив строителей второй огромной в стране после Днепрогэса стройки приветствовал прибывший из Москвы Турар Рыскулов, который передал собравшимся горячий привет и поздравления Иосифа Сталина. Он также зачитал постановление правительства о награждении орденом Трудового Красного Знамени коллектива строителей.

Думал ли тогда Турар Рыскулов, что буквально через семь

лет его сделают «врагом народа», более того – обвинят в создании националистической террористической организации в Казахстане? И после его ареста начнутся массовые репрессии в республике, в огромный омут которых попадут почти все крупные партийные и советские руководители Казахстана?

Нет, конечно. Ввод в эксплуатацию, а затем и освоение Турксиба все считали большой победой Турара Рыскулова, руководителей и стахановцев стройки, многие из них неоднократно награждались орденами, премиями, именными часами, путевками в санатории и дома отдыха. Иными словами, участники строительства Турксиба были буквально обласканы заботой и вниманием великого Сталина и правительства. В 1935 году в Москве пройдет всесоюзное совещание стахановцев, в его работе примут участие лучшие люди Турксиба. Турар Рыскулов часто будет рассказывать Азизе эпизод, когда после доклада Сталина в зале поднялся буквально нескончаемый шквал аплодисментов. И вот, перекрывая этот плеск, раздался голос стахановца Турксиба Темирбека Сатбаева:

– Товарищ Сталин! Можно пожать вашу руку?

«Сталин услышал, как-то по-особому тепло улыбнулся и кивнул головой, – описывала этот эпизод республиканская газета «Казахстанская правда» 3 декабря 1935 года. – Уже через минуту, нет, – через секунду Сатбаев был вынесен человеческой волной к трибунам, и тут произошла великая встреча – вождь народов и рядовой грузчик Турксиба, окруженные штабом ленинской партии, горячо пожали друг другу руки».

Тогда в зале особенно бурно аплодировали Сталину создатели Турксиба – Рыскулов и его соратники, преданные идеям коммунизма и сталинскому режиму люди. А уже в 1937 году они станут не преданными, а вредными обществу. Вслед за Рыскуловым будут брошены в сталинские тюрьмы многие специалисты и рабочие Турксиба, неожиданно для всех их назовут «японо-германо-троцкистскими агентами», «вредительскими элементами, пролезающими в железнодорожное хозяйство, вплоть до командных постов, наносящими ущерб железнодорожному транспорту». В той же газете «Казахстанская правда» всех их причислят к врагам народа, пытающимся пробиться в штаб Сталина, чтобы его умертвить, а не пожать ему руку. Будут расстреляны начальник Турксиба Яков Иосифович Михайленко, а вместе с ним Васильев, Горшенин, Кузьменко, Борщенко, Ковальский, Куропацкий…

Турара Рыскулова в 1937 году премировали путевкой в дом отдыха в Кисловодск. Вместе с собой он взял на южный курорт и молодую красивую супругу Азизу, которая к тому времени

забеременела второй дочерью. Ей оставалось всего 40 дней до родов, когда 21 мая в доме отдыха арестовали Турара. Он был крайне удивлен и растерян, когда его повели к «черному ворону». Но он нашел в себе силы – крикнул Азизе: «Я еще вернусь! Жди меня… Я не виновен!»

Однако спустя всего восемь с половиной месяцев в ночь с 9 на 10 февраля 1938 года его расстреляли в застенках Лубянки. Азиза этого не знала и ждала возвращения Турара.

Вскоре ее арестовали вместе с матерью, пятидесятилетней Арифой Атауловной. Их будут долго терзать допросами в Москве, а затем отправят в Акмолинское отделение Карлага. Арифа Атауловна в 1945 году скончается в лагере от кровоизлияния в мозг. Азиза проведет в Карлаге десять лет, из них восемь – по 58-й статье.

Она всю жизнь будет помнить слова Турара Рыскулова: «Я еще вернусь, Азиза… Жди меня… Я не виновен». И будет ждать его, хранить ему верность вплоть до 1956 года, когда начнется реабилитация и ей сообщат, что Турар был расстрелян в 1938 году. Она откажется от квартиры в Москве, потому что, как она говорила, ей будет все напоминать о Тураре, его нежных объятиях и его обаятельной улыбке. Она получит двухкомнатную квартиру в Алма-Ате, останется жить в Казахстане и до конца жизни будет работать по профессии ветеринарного врача в системе городской ветеринарно-санитарной службы.

Многие бывшие заключенные, отсидев свой срок в Карлаге, затем оставались жить навечно в Казахстане. Так произошло, например, и с преподавателем истории Брайной Соломоновной Лурье из Ленинграда. Она была осуждена в 1937 году как член семьи изменника Родины на пять лет, местом отбывания наказания ей определили Алжир. Там она встретилась с большевичкой, членом партии с 1898 года, своей землячкой Лазуркиной. Та в беседах с заключенными все время отстаивала честь и достоинство Сталина, убеждала подруг в том, что он не виноват в массовых репрессиях, больше того – ничего не знает о них, ибо его окружили подхалимы – чиновники, и они якобы задушили слово правды, затоптали всяческую объективную информацию об искусственно создаваемых лагерях и тюрьмах, расстрелах честных советских людей. В ее глазах Сталин был Богочеловеком, который вобрал в себя все лучшие духовные качества.

Но постепенно Лазуркина в лагере стала терять веру в великого Учителя, ее идеалом остался один человек – Ленин. Она даже научилась петь популярную зэковскую песню: «Мы так вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе».

Придет время, Лазуркину реабилитируют, она выступит на 22 съезде партии и от имени ленинградских коммунистов внесет предложение убрать тело Сталина из мавзолея. Она скажет, что всю жизнь привыкла советоваться с Ильичем, и недавно снова советовалась с ним. И Ленин сообщил ей, что ему неприятно лежать с таким человеком, как Сталин, на совести которого миллионы загубленных жизней советских граждан.

Прочитав выступление Лазуркиной на съезде, Б. С. Лурье только порадовалась за свою подругу по лагерю, которая, пусть в конце жизни, но научилась-таки говорить горькую правду о «великом отце народов, всех советских людей».

Что касается самой Лурье, то она еще в 1935–1936 годы, когда в стране началась волна массовых арестов старых большевиков после загадочного убийства Кирова, стала утверждать, что все это дело рук чудовищного палача века – Сталина. Историк по образованию, она постоянно критиковала «Краткий курс истории ВКП (б)», написанный под диктовку Иосифа Виссарионовича, характеризуя эту книгу одним убийственным словом «ложь». И ее по доносу сексотов в 1949 году вторично арестовали, три года продержали в ленинградской тюрьме, а затем в 1952 году опять отправили в Карлаг. Она попала в Бурму, где ее использовали на сельскохозяйственных работах. Там она познакомилась с агрономом, также отбывавшим срок по 58 статье, влюбилась в него, а затем вышла за него замуж.

В 1957 году Лурье освободили, реабилитировали. Вместе со своим мужем – агрономом она долгое время жила в городе Тюлькубас, а затем в Алма-Ате.

В 1977 году Лурье скончалась. Она хотела написать воспоминания о пребывании в Карлаге, но не успела. За нее это сделал ее сын – врач Михаил Зельцер, который из Ленинграда переехал к матери в Казахстан, и тоже связал свою судьбу с этим суровым краем.

В книге «Страницы трагических судеб» он довольно подробно рассказал об Алжире, тех горестях и страданиях, что выпали на долю его матери из-за искусственно созданного Сталиным дела вокруг убийства Кирова в Ленинграде, о слепой вере миллионов людей в великого вождя…

«Об очень многом я передумываю теперь, на склоне лет, – пишет Зельцер. – О благих намерениях, которыми вымощена дорога в ад, о бесконечной наивности, казалось бы, мудрых людей, о страшном вреде фанатизма любого рода…»

Глава 11
Неистово жить не запретят

На рудниках Джезказгана в Степлаге отбывал свой срок московский поэт Вадим Попов. В антологии русской поэзии «Строфы века» о нем сообщается, что он прожил 66 лет, был участником Великой Отечественной войны, в 1949 году его арестовали за антисоветскую пропаганду и агитацию, судили на семь лет, и с 1949 по 1956 год он находился в лагере в поселке Рудник.

Из ныне живущих писателей Вадима Попова хорошо знал узник Карлага, член редколлегии журнала «Нива» Ю. В. Грунин. Юрий Васильевич даже посвятил ему целую главу в своей книге «Спина земли», которую назвал просто и лаконично «Памяти поэта Вадима Попова». И в этой главе он подробно рассказывает, что Вадима арестовали, когда тот учился на третьем курсе медицинского института, мечтая стать таким, как Чехов. Даже внешне молодой Попов походил на Антона Павловича: был таким же высоким, носил очки. Людей покоряли его умный внимательный взгляд, доброе расположение духа. И хотя Юрий Грунин призвал Вадима в своих стихах «заклеймить треклятые степлаги, навязанные горькою судьбой», к удивлению многих литераторов, Попов неожиданно воспел Джезказган и весь меднорудный край, придав своей отсидке в лагере ореол романтики и красоты. В стихотворении «Зори» он писал:

«Ах, какие в Джезказгане зори!
Здесь, подобно неземным дарам,
Неба купол в огненном уборе
Медью отливает по утрам…»

В восьмидесятые годы я десять лет руководил джезказганским областным литературным объединением «Слиток». На его занятиях неоднократно призывал молодых поэтов учиться у Вадима Попова и форме, и содержанию. В то время местные газеты «Джезказганская правда» и «За медь» охотно публиковали стихи московского поэта, первые большие подборки его поэзии появились в журналах и коллективных сборниках. А в апреле 1991 года его как репрессированного писателя приняли в Союз писателей СССР.

К сожалению, Вадим Попов так и не вкусил ни грамма

сладостной и победной славы писателя. Едва он успел получить членский билет СП, как его настиг инфаркт, уже третий по счету…Он слишком близко и трепетно воспринимал все, что было связано с творчеством, поэзией, любовью к литературе. И 16 мая того же года Вадима не стало.

При жизни он не издал ни одной собственной книги. Да и не смог бы издать! Все книжное поле, создаваемое в СССР, было засеяно многочисленными произведениями скороспелых Евтушенко, Рождественского, Симонова… Молодым писателям не пробиться, не подъехать со своими рукописями к этому полю, дающему бешеные гонорары только классикам социалистического реализма.

Правды нет и не будет! – хватался за голову Попов. Ему становилось печально, когда он брал в руки давно забытую рукопись своих стихов. Будет ли она когда-нибудь издана?

Надо сказать, благодаря усилиям Юрия Грунина, супруги Попова Валентины в 1995 году в московском издательстве «Аргус», наконец-то, вышла книга стихов Вадима «Так неистово жить». И, конечно же, в ней было помещено немало строк, рожденных на нарах в джезказганском лагере…

«Так бушует злобный ураган,
все круша, корежа и мешая.
Но стоит, не дрогнув, Джезказган,
Нас над ураганом возвышая».

Лагерная тема, действительно, возвышала его над всеми житейскими несчастьями и тревогами, несправедливостью и жестокостью сталинской эпохи. Поэзия как бы отрывала его от скуки, грязи и серости лагерных и послелагерных будней и делала его жизнь осмысленной и осиянной высокими идеалами любви и счастья.

Супруга Вадима Попова поэтесса Валентина Попова посвятила ему стихотворение «Реквием»:

«Душа, душа! Куда ты отлетела?
Кто этой жизни указал предел?
Он был врачом и знал, что смертно тело,
Но как поэт – бессмертия хотел.
Душа огнем поэзии согреться
стремилась, не щадя последних сил.
Как врач, он знал: вот-вот замолкнет сердце,
Но как поэт – весь мир в него вместил».

В этом мире он отвел самое большое место степному Джезказгану, где рождались лучшие его стихи о мужской дружбе, высокой миссии поэзии и людей, где он прошел большой университет жизни, обрастая опытом и знаниями. Ведь не где-нибудь в Московском университете или мединституте, а именно в джезказганском лагере ему довелось слушать, сидя на нарах, лекции московских профессоров, беседовать с писателями, художниками, учеными, которые были гордостью и славой России. Так уж получилось, что вместе с Вадимом Поповым в одно время в Степлаге на Руднике оказались члены Союза писателей СССР Александр Ильич Зонин, Николай Иванович Кочин, композитор Бруно Дементьев, архитектор, профессор Генрих Людвиг, ученый-генетик, доктор биологических наук Владимир Павлович Эфроимсон, художник Сергей Михайлович Ивашев – Мусатов, о котором тепло написал лауреат Нобелевской премии Александр Исаевич Солженицын в своей знаменитой книге «В круге первом».

Безусловно, жить и работать в лагере в окружении таких замечательных людей, общаться с ними – это вызывало у Попова восторг души, и успокоенье, и новых душ стремленье.

Особо он подружился с архитектором Генрихом Людвигом. Тот был арестован в 1937 году, осужден на десять лет по 58 статье. А устроил ему особлагерь Каганович. В 1937 году на заседании Политбюро обсуждался проект высотного здания Дворца Советов. Людвиг взял слово и вовсю раскритиковал этот проект. Он не знал, что Сталин давно одобрил его.

После заседания Каганович подошел к Людвигу и попросил его остаться для переговоров. Людвига арестовали и бросили в сталинские лагеря. А поскольку он продолжал и в бараках критиковать проект Дворца Советов, ему в 1947 году особое совещание добавило еще 5 лет. Так он оказался в Степлаге за колючей проволокой.

Освободили Генриха неожиданно и быстро. Оказывается, он не терял в лагере попусту время и создал проект первого противоатомного бомбоубежища в СССР. И отослал его в Москву. И там этот проект посчитали важным, своевременным, и Генриха вернули в столицу.

Работая врачом-рентгенологом в московской больнице, Вадим Попов встретит Генриха уже в качестве своего пациента. А более точно – он будет обследовать его в 1963 году. И тогда же прочитает Людвигу стихи о Джезказгане:

«Сколько братних могил ты скрыл!
Их, рыча, экскаватор срыл,

И в степи замело их след,
Будто прошлого вовсе нет.
А теперь устроен мой быт,
Джезказган почти позабыт.
Все идут и идут года,
Как идет на-гора руда».

«Толковые стихи! – скажет Генрих Людвиг. – Мы никогда не сможем забыть Джезказган, его медные рудники, наши молодые годы, уничтоженные сталинизмом. И правду надо писать, пока в груди бьется сердце».

Об этом же ему говорил в Москве и Сергей Михайлович Ивашев-Мусатов, которого Попов уважал за «высокий полет души», за вечное состояние соучастия в судьбе любого встреченного им человека. Не зря Солженицын о Сергее Михайловиче написал, что одного состояния он никогда не знал – равнодушия.

Ивашев-Мусатов горячо поддерживал стихи Попова. Он говорил ему:

– Никто уже нам не запретит жить неистово, так, как мы желаем. И писать правду сердца, пока живем.

Пока билось в груди сердце, пока жил, Вадим Попов и продолжал разрабатывать в стихах лагерную тему, и стал довольно известным московским поэтом. Но наша казахстанская писательница Зинаида Чумакова называет его упорно джезказганским поэтом, вернее, московским поэтом Джезказгана. Может, надо бы с ней согласиться?

Глава 12
Они не думали о мантии президента

Когда я писал книгу об узниках Карлага, то задумался, почему за колючей проволокой в СССР оказались миллионы людей. И пришел к простому выводу: это было очень выгодно государству. В своей книге «Архипелаг ГУЛАГ» А.И.Солженицын высказал такую мысль: советское правительство никогда не сомневалось в экономической выгоде лагерей. Экономика шла даже впереди правосудия. Наметили, скажем, построить в короткий срок Беломорканал, тут же в правительстве подсчитывают, сколько рабочих рук необходимо для достижения этой великой цели социализма. Миллион? Значит, будет миллион зэков! Потому на возведении Беломорканала обходились даже без автомобилей. Все создавалось соленым потом заключенных или, как говорили в лагерях, «пердячим паром».

Киркой, лопатой и тачкой зэков, по словам Солженицына, строились и великие стройки коммунизма в Казахстане – железная дорога Караганда – Моинты – Балхаш, Балхашский медеплавильный комбинат, Усть-Каменогорская ГЭС, выемка угля в Карагандинском бассейне, рудодобыча в Джезказгане. А кого же еще можно было загнать, скажем, в джезказганские рудники на 12-часовой рабочий день на сухое бурение? – горестно спрашивает писатель. Там ведь «туманом стоит силикатная пыль от вмещающей породы, масок нет, и через четыре месяца с необратимым силикозом отправляют человека умирать».

«Кого можно было в не укрепленные от завалов, в не защищенные от затопления шахты спускать на лифтах без тормозных башмаков? – продолжает вопрошать писатель. – Для кого одних в двадцатом веке не надо было тратиться на разорительную технику безопасности? И как же это лагеря были экономически невыгодны?»

Второй после Сталина человек в СССР Молотов заявил шестому съезду Советов Союза по поводу использования труда заключенных: «Мы делали это раньше, делаем теперь и будем делать впредь. Это выгодно для общества».

В том, что ГУЛАГ был гнездилищем крепостной выгодной эксплуатации невинно осужденных людей, я убедился лишний раз, просматривая открытые для обозрения секретные материалы Карлага. В Долинском музее памяти жертв политических репрессий мне предоставили ряд документов, подписанных начальником управления Карлагом НКВД, майором

госбезопасности Журавлевым. Из них-то я и вычитал, как прибыльно было содержание «врагов народа» не только на рудниках, в шахтах, но и в совхозе Карлага. Посудите сами. По состоянию на 1 сентября 1940 года в хозяйстве Карлага содержалось около 20 тысяч голов КРС, 220 тысяч 728 овец, 5845 лошадей, 3823 вола, 352 свиньи. В течение года оно сдало государству на мясокомбинаты в Петропавловск и Караганду 2658 голов бычков, 53320 овец, 30 свиней. Средний живой вес бычков доходил до 400 килограммов, овец до 56 килограммов.

Кроме того, внутри Карлага для собственных нужд (столовых, магазинов, буфетов) было забито 2200 голов бычков, 15407 овец, 390 свиней.

Даже судя по этим цифрам, видно, что совхоз лагеря процветал. На ВСХВ в Москве неоднократно отмечались золотыми и серебряными медалями коровы-рекордистки хозяйства, племенные бычки и овцематки.

В 1940 году в совхозе насчитывалось 106 животноводческих ферм, на них работали три тысячи заключенных, в том числе сто ученых-зоотехников, 260 ветеринарных работников.

Конечно, верховной силой хозяйства были руководители Карлага, офицерский и сержантский составы. И мясные продукты, молоко, масло, в основном, уходили в их утробы. В столовых Карлага даже существовал такой ритуал – в котлах варились добротные куски мяса в сетках. Когда мясо было готово к еде, то сетки поднимались, куски изымались для офицеров, а бульон отдавали заключенным. Кому в бульоне случайно попадались крохи от мяса, тот был рад до небес…

Надзиратели или управители не спускали глаз с заключенных – животноводов, заставляя их работать, как негров на плантации. Для этого использовали не только винтовки и кулаки, но и так называемую силу печати, социалистического соревнования. В Карлаге даже выходила своя многотиражная газета «За социалистическое животноводство» на четырех полосах тиражом в тысячу экземпляров. И что удивительно – у нее был свой авторский актив, особенно усердствовали писать об успехах в животноводстве начальник сельхозотдела Сорокин, главный бухгалтер Максимов, начальник КВЧ Ефремова… Помещались портреты лучших свинарок, чабанов, птичниц… Так попал в газету в качестве чабана-ударника бывший профессор Ленинградского университета Валентин Петрович Лебедев. Он отсидел в Карлаге 13 лет и все эти годы трудился в совхозе рабочим. После отсидки ему места в Ленинграде уже не нашлось, и его направили на поселение в Черниговку Нуринского района. Там он в школе преподавал один за шестерых учителей, вел и

физику, и химию, и биологию, и математику, и русский язык, и литературу. После восьми лет такого напряженного труда не выдержал нагрузки, схлопотал себе инфаркт сердца и скончался.

Сколько таких полных печали историй можно рассказать! На фермах, откормочных площадках в тоге черновых рабочих ухаживали за коровами, быками и овцами не только ученые, но и народные артисты, художники, дипломаты, жены выдающихся политических деятелей.

Бывший заключенный Карлага А.Берг в своих мемуарах в 1989 году писал, что на отдаленной чабанской точке за Есенгельды он встретил вдову немецкого рабочего – коммуниста Лютке, казненного в 1934 году по приказу Гитлера, – Лотту Лютке. Она рассказала ему, с каким трудом пробилась в СССР, спасаясь от преследований фашистов. В Москве устроилась работать на фабрике. В 1937 году ее арестовали как немецкую шпионку и отправили в Карлаг на ферму. Она показала Бергу свои корявые, высушенные степным солнцем пальцы и заплакала.

Нет, не всех ученых, выдающихся зэков лагерники-мучители использовали в качестве рабсилы. Поскольку Карлаг считался прежде всего сельскохозяйственным лагерем, то в нем, конечно же, существовали научно-производственные отделы земледелия, мелиорации, животноводства, ветеринарии, ветбаклаборатория, ветеринарные аптеки. При управлении была организована сельскохозяйственная опытная станция по растениеводству, научно-исследовательская станция по животноводству.

Вполне понятно, что тупоголовые офицеры НКВД не знали не только проблем развития сельского хозяйства, многие из них впервые видели, как растет картофель и пшеница, зреют яблоки и виноград… Да и зачем им знания, если в лагеря сотнями доставляли ученых из Питера и Москвы, Ростова-на-Дону и Краснодара. Пусть ведут исследовательскую и научную работу на полях и фермах за ту же миску мясной похлебки и кусок черствого хлеба, а не то…Что касается государственных наград и премий за успехи в земледелии и животноводстве, то, конечно же, все себе, себе, себе… Не будем же врагов народа награждать, их гноить, уничтожать надо!

Руководители Карлага так и поступали. Когда сотрудник селекционной станции, заключенный ученый Яков Кондратьевич Бычек вывел новый сорт пшеницы, зимостойкий, приспособленный к местным морозам, то автором этой работы объявили начальника лагеря. Когда зэки – академик Цион, профессор Василец, их помощники Колчев, Орловский, Зальцман, Хвалынский вывели две новых породы крупного рогатого скота – казахскую белоголовую и красностепную, то Сталинскую премию

за это получил заместитель начальника управления Карлагом по животноводству Хлатин.

Те ученые, которые особо отличались в своих творческих поисках, добивались успехов, не только не поощрялись, но даже наказывались. Офицеры Карлага находили всякие причины, чтобы продлить их пребывание в лагере, а затем и в ссылке. И многие из них из-за «производственной необходимости» были дважды, а то и трижды судимы, а затем не отпускаемы в города, откуда прибыли в Карлаг, где их ждали семьи. Их оставляли в Казахстане навечно, они обретали здесь новые семьи и трудились в поте лица своего до самой смерти, хотя очень тосковали по России.

Когда я был в журналистской командировке в совхозе «Просторненский» Шетского района, то местные жители рассказали мне возмутительную историю, которая произошла с их главным зоотехником Евгением Алексеевичем Черепановым. До ареста он был агентом советского Торгпредства в Монголии, Индокитае. В 1937 году его осудили за «шпионаж» на 10 лет. Но в 1940 году его дело пересмотрели и прекратили из-за отсутствия состава преступления. Казалось бы, ему вещмешок на плечо и домой! Но вся трагедия в том, что руководители Карлага радостное для Черепанова сообщение схоронили в своих сейфах, и ему ничего не сказали об освобождении. И Евгений Алексеевич продолжал трудиться в лагпунке… Целых семь лет лишних отсидел. Только в 1947 году один из офицеров Карлага проговорился ему, что он давно «вольная птица». Тот не выдержал такого издевательства над своей судьбой и слег в больницу, а вскоре и скончался.

Почему же Черепанова незаконно продержали семь лет в зоотехниках? А, оказывается, ларчик просто открывался. Читаю материалы начальника управления Карлагом Журавлева и нахожу причину. Он пишет на имя заведующего сельхозотделом ЦК КП(б) Казах40 года: «Хозяйство Карлага чрезвычайно бедно кадрами специалистов-зоотехников, что очень ощутимо сказывается на производстве. Десятки ферм (а каждая имеет у себя до 2000 голов овец или 400 голов КРС) совершенно не имеют зоотехников не только с высшим образованием, но даже и со средним. Животноводческая обслуга состоит исключительно из заключенных. Лагерю для пополнения недостающего количества зоотехников и замены абсолютно непригодных из заключенных необходимо получить старших зоотехников – 20, из них 15 по овцеводству, зоотехников для ферм – 50, из них 40 по овцеводству».

Была ли выполнена просьба Журавлева? Кто знает… Однако истины ради отметим, что количество заключенных с высшим

сельскохозяйственным образованием в Карлаге не уменьшалось, а возрастало. Среди них были такие выдающиеся мастера земледелия, как почвовед, профессор С.А.Захаров, геоботаник, профессор Н.К.Магницкий, доктор сельскохозяйственных наук Л.А.Пельцих, ученик Н.И.Вавилова А.А.Корнилов, будущий академик ВАСХНИЛ

С.А.Архангельский, академик, впоследствии дважды Герой Социалистического труда В.С.Пустовойт, агроном-селекционер Я.К.Бычек… Все эти люди – с творческим поиском, с божьей искрой. В свое время великий греческий философ Демокрит сказал: «Быть верным долгу в несчастье – великое дело». И названные мной ученые даже в самых тяжелых условиях оставались верными своей звезде. В.С.Пустовойт вывел сорт подсолнечника, пригодный для выращивания в Центральном Казахстане. Агроном-селекционер Я.К.Бычек создал три сорта пшеницы для полей Сарыарки – «Алабасская», «Кызылбасская», «Карагандинская-2». Он стал создателем нового сорта эспарцета, назвав его «Улучшенный долинский». Кстати, этот эспарцет не сходил с полей и лугов местных совхозов и в 80-90-е годы. Помню, его очень расхваливал директор Карагандинского совхоза-института Александр Федорович Христенко.

Он и познакомил меня с Я.К.Бычеком, первым «врагом народа», которого я видел вживую. Меня поразили его необычайная подвижность и живой строй мыслей. Его интересовала только селекция и селекция. В Карлаге он дружил с Александром Александровичем Корниловым, соратником выдающегося ученого Николая Ивановича Вавилова, конечно же, исповедовал идеи генетика, отстаивал их, использовал в своей работе. На опытной станции Бычек вместе с Корниловым вывели новые сорта яровой пшеницы «Гостиум», «Карагандинская-92» и другие. Он очень жалел, что Корнилов после освобождения из Карлага уехал в Ставрополье.

Зэковское поколение ученых Карлага оставило в наследство будущему 80 сортов яровой пшеницы, кормовых трав, картофеля, овощей, бахчевых. Почти все они прошли государственные испытания и приняты к производству.

Я.К.Бычек считал, что земли Центрального Казахстана, несмотря на зону рискованного земледелия, могут принести людям изобилие всех необходимых продуктов – хлеба, молока, мяса. Если, конечно, к ним относиться с любовью, постоянно заниматься сортообновлением, выдерживать все правила агротехники. Эти заповеди заключенного Бычека и сегодня звучат актуально.

И еще одно напутствие агронома Бычека вспоминаю. Он

сказал: «Отдавая силы тому или иному делу, никогда не надо думать о славе, больших деньгах, надо работать и работать с душевным увлечением так, как Вавилов. Он никогда не думал о мантии президента Международного генетического конгресса, она нашла его сама, когда его за большие труды по генетике избрали руководителем мирового форума.

И плевать на всех завистников и недоброжелателей, иначе ничего не добьешься».

Ученик был достоин своего великого учителя, погибшего в застенках сталинизма. И я с уважением посмотрел на агронома Бычека и крепко пожал ему руку… Ведь благодаря ему, тысячам заключенных Карлага в Центральном Казахстане сегодня расцветают подсолнухи и колосится пшеница.

Глава 13
Сорок дней Кузнецова

Великий русский писатель, лауреат Нобелевской премии Александр Исаевич Солженицын написал об этом человеке немало хороших строк. Видимо, наш герой заслуживает их. Но кто он, как попал в книгу Александра Исаевича? Его имя Капитон Иванович Кузнецов. Это он в 1954 году храбро возглавил восстание заключенных Кенгира и сорок дней и ночей вместе с ними боролся за их права, выбросив над лагерем флаг с красным крестом.

Потомки еще не раз и не два будут интересоваться Капитоном Ивановичем Кузнецовым. Я же скажу, что впервые о нем услышал от бывшей заключенной Степлага Анны Стефанишиной, подруги моей матери Софьи Павловны Колчиной. В 70–80 годах моя мать жила в городе Никольском Джезказганской области по улице Промышленной 35 в отдельном коттедже. Она вырастила у своего дома небольшой яблоневый сад, разбила клумбы цветов. И Анна Стефанишина часто приходила к ней в гости со своим мужем Владимиром подышать свежим воздухом, полюбоваться тюльпанами, розами, пионами. Я в то время работал в областной ростовской газете «Молот» и летом во время отпуска приезжал в Казахстан на неделю-другую навестить родителей. Узнав, что я приехал с Дона, Анна однажды сказала мне:

– У нас в Кенгирском лагере в числе политзаключенных было немало ростовчан. Среди них самая яркая личность – Капитон Иванович Кузнецов. Красивый, высокий, статный мужчина был. Я в него сразу влюбилась, и не только я – многие политзаключенки. Моя подруга Руфь Тамарина даже хотела написать о нем стихи…

Многие в лагере называли Капитона Ивановича агрономом. Называли так, потому что он любил рассказывать соседям по бараку о реке Дон, ее плесах, богатых рыбой, а больше всего – о ее плодородных берегах, черноземных землях, в которые прутик воткнешь – дерево сразу вырастет. Он любил вспоминать о широких лесополосах, разбросанных по донским степям, где черешни алее девичьих губ, где абрикосы слаще меда. А самое главное – тучные нивы озимой пшеницы и ржи, возьмешь на ладонь колос, чуть встряхнешь его – тысячами звезд засияют под солнцем зерна, теплые, хлебом пахнущие…

Долгие годы работал на Донщине Кузнецов агрономом, даже новый сорт пшеницы принялся выращивать, скрестив ее с

рожью… Да тут началась новая волна сталинских репрессий, и по доносу завистников Капитон Иванович Кузнецов был арестован в 1948 году и привлечен к уголовной ответственности управлением госбезопасности по Ростовской области «за измену Родине».

В чем же она состояла, эта измена? Если посмотреть личное дело К.И. Кузнецова, то сразу становится очевидным, что его вины перед СССР никакой не было. В годы войны с фашизмом он храбро сражался, даже командовал полком на Южном фронте, за проявленные в боях мужество и отвагу его неоднократно награждали орденами и медалями. Но в мае 1942 года Капитон Иванович был тяжело ранен и попал в плен. Как шолоховский Соколов, он прошел ад фашистских лагерей. Трижды пытался бежать, но каждый раз его настигали немецкие овчарки. Он был освобожден советскими воинами из лагеря военнопленных в Маутхаузене. А до этого ему довелось побывать в бараках смерти в Житомире, Перемышле, Ченстохове, Нюрнберге, Флессибурге… Когда он вернулся в родные края, то узнал, что его жена, как он написал в автобиографии, была «зверски загублена немецко-фашистскими войсками на Кубани».

Она оставила ему троих детей: сыновей Юрия, Евгения, дочь Алевтину. Самому старшему Юрию было двенадцать, Евгению десять, дочери девять лет. Вот с ними и обосновался Кузнецов в Ростовской области, надеясь, что все как-то образуется и если не он, то хоть дети – последняя его радость и надежда – будут счастливыми. И вроде шло все неплохо, работал Капитон Иванович уже главным агрономом райсельхозотдела, дети в школу ходили, нужды в еде не было. Он снова встретил женщину, которую полюбил невероятно, до забвения памяти. Да вот неудача, невзлюбил его секретарь райкома партии за самобытность, за то, что людей уважал, не делил их на коммунистов и беспартийных. Сталинского чиновника – партработника удивляло, почему главный агроном до сих пор не состоит в партии коммунистов, не контрик ли? И бдительный представитель НКВД по району стал шить дело на Кузнецова, и быстро нашел, за что – ведь тот был в плену у немцев! А за это тогда давали 25 лет.

Так неповинный ни в чем Капитон Иванович в свои 35 лет опять оказался в концлагерях, на этот раз – в советских. С марта 1950 года по июнь 1953 года он содержался в Дубровлаге. А с июня 1953 года – в Степлаге.

Недавно я заново перечитал книгу Михаила Александровича Шолохова «Судьба человека», кстати, подаренную мне лично автором в 1980 году с его автографом. И когда прочитал до конца, то подумал: жаль, что рассказ обрывается на усыновлении

Андреем Соколовым бездомного Вани. Жаль, что у этого рассказа нет продолжения. Я уверен, что в дальнейшем судьба Соколова сложилась бы черная и незавидная. Ведь все, кто попадал в фашистский плен, затем были провозглашены врагами народа и загнаны за колючую проволоку сталинских лагерей.

Мысленное продолжение судьбы Соколова – это явь жизни Капитона Ивановича в Степлаге, оторванного от любимой работы в донской степи, от своих малолетних детей, от новой желанной женщины.

В жезказганском архиве до сих пор хранятся письма К.И. Кузнецова, которые он отправлял на Дон своему сыну Евгению и любимой женщине. Они были перехвачены операми МВД лагеря, сам Капитон Иванович был арестован и помещен в лагерную тюрьму.

Это произошло в конце декабря 1953 года. И только недавно архивисты из Жезказгана обнаружили эти письма. И вот я читаю их и думаю, что мне ничего не надо живописать, придумывать о жизни Кузнецова в особлаге, он сам все о себе рассказал в этой нелегальной исповеди.

Письмо первое, отправленное сыну Евгению.

«Дорогой Жека! Я пишу это письмо из Караганды, куда меня отправили по причинам, не зависящим от меня. После тяжелых испытаний в дороге из-за отсутствия воздуха, воды и пищи в вагоне в течение месяца я, наконец, был доставлен в новый лагерь для политзаключенных, так называемый «Степлаг». С 28 июля я ежедневно работаю на каторжных непосильных работах.

Не хочу скрывать от тебя, что здоровье мое с каждым днем ухудшается… Несмотря на мои 40 лет, я так стар, что ты не узнал бы меня. Я стал совсем лысый и седой»…

Письмо второе, отправленное любимой женщине.

«Моя хорошая! Решил было написать тебе многое, но состояние удрученное. Каждый день каторжный труд и сознание тоски… Помимо каторжного труда, нас закрывают на ночь на замок. Радио нет. И хуже того, каждый день ждем… смерти от местного произвола.

Некоторое время после моего приезда, как я стал выходить на работу, во время пути следования конвой беспричинно применял оружие. Ударили по колонне из автомата, при этом тяжело ранили 14 человек. К счастью, не было ни одного убитого…

Народ ждет все каких-то изменений, а наяву – применение неслыханных доселе приемов средневековья и гангстерства…

После приведенных мною случаев наш контингент не выходил на работу. Приезжала свита на разбор дела, а закончилось тем, что конвой сменили, а порядки те же».

Письмо третье, отправленное сыну Евгению.

«Дорогой сынок! Я пишу тебе об этом только потому, что не знаю, буду ли завтра жив. Я сижу только за то, что всю свою жизнь как агроном отдавал свои знания моему народу и Родине; будучи офицером нашей армии, я до последней фибры своей души, до последнего вздоха защищал мою родину, свой дом, свою семью…

Будучи… у немцев, я за организованный саботаж и диверсии был приговорен фашистскими властями в группе 14 человек к смерти и почти три года находился в тюрьмах и концлагерях смерти…

…Нас, ветеранов войны, держат в заточении только за то, что мы чудом уцелели и были спасены от смерти нашими братьями. Теперь меня обвиняют в том, что, будучи приговоренным немцами к смерти, я остался жив!…

… Маму погубили немцы, меня ни за что губят свои, а вы просите милостыню. Вот удел нашей действительности! Удел миллионов мужчин и женщин, томящихся, как я. Вам внушают, что мы особо опасные люди для общества и государства. Не верьте этому!… Среди нас сидят профессора, инженеры и техники, учителя, врачи и агрономы, генералы, офицеры и солдаты. Простые рабочие и колхозники. Среди нас студенты и учащиеся, и юноши, и девушки, и, хуже того, матери с детьми и престарелые инвалиды. Для нас не существует амнистий. Амнистируют только воров, убийц, насильников, расхитителей, пьяниц… которые действительно опасны и вредны как обществу, так и государству. Достаточно напомнить, что указом об амнистии у нас было освобождено весной этих паразитирующих на обществе элементов один эшелон… Ну об этом хватит!… Со временем история расскажет о гибели целых народов и миллионов ни в чем неповинных, виновных разве только в том, что все они хотели жить»…

Стоит ли комментировать эти письма Кузнецова, раскрывающие его душу и мировосприятие, тяжелую невыносимую обстановку в лагерях? Несмотря на то, что к моменту их написания уже пали судилища Берия и Сталина, дух тоталитаризма, унижения заключенных еще не выветрился из лагерей. Не зря в эти годы увеличилось количество побегов заключенных с рудников и шахт, карьеров и кирпичных заводов. И не все они завершались провалом, и заключенные начинали верить в себя: «А ведь можно!». И когда в степи под Кенгиром на деревообделочном заводе с вышки застрелили евангелиста Ивана Сысоева просто так, шутки ради, то заключенные забушевали… Это же что, «год прошел после смерти Сталина, а псы его не

изменились» (по Солженицыну). И второй, третий лагпункты на работу не вышли. И что только ни предпринимали офицеры-краснопогонники типа энергичного садиста Беляева-«Бородавки» (кличка), пламя восстания уже нельзя было сбить. И заключенные освободили Кузнецова из лагерной тюрьмы, и он возглавил сооружение баррикад в зоне, а самое главное – разработал требования мятежных зэков к правительству, тем самым внеся организованное начало в их движение за свободу и справедливость.

В книге «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицын посвятил кенгирскому восстанию целую главу «40 дней Кенгира», и там он изобразил Кузнецова как настоящего вожака восставших, человека думающего и энергичного. Ведь все-таки благодаря его настойчивости и продуманности действий многое из требований заключенных было выполнено.

Он стоял с восставшими до конца, никого не предал. Когда ему объявили, что он реабилитирован и может ехать домой, Капитон Иванович отказался от этого «блага», предпочел остаться в лагере до конца. Он всюду защищал своих товарищей, невинно осужденных, до самой последней капли крови.

Когда на территорию лагеря ввели танки, за которыми бежали штурмовики в касках с автоматами, то генералы с вышек подавали команды: «Берите такой-то барак! Там находится Кузнецов».

Его не расстреляли, он дождался часа своего освобождения. Двенадцатого марта 1960 года Верховный суд СССР принял постановление о полной реабилитации Капитона Ивановича Кузнецова. В апреле того же года он выехал из Кенгира к сыновьям в станицу Тоннельную Краснодарского края. Говорят, он опять стал работать агрономом, радуясь каждому выращенному колосу.

Глава 14
Гвоздики Балхаша

В свое время автор предлагаемой статьи опубликовал ряд корреспонденций об этой легендарной разведчице, замечательном человеке. А недавно, роясь в бумагах архивов Карагандинской области, нашел новые неопубликованные материалы о Вере Захаровне, которые во многом изменяют стереотип ее образа, созданный на страницах газет и журналов.

Напомню, что Хоружая уже в 17 лет активно работала над созданием комсомола Западной Белоруссии. Полиция напала на след Веры, и ее на несколько лет заточили в польскую тюрьму. В сентябре 1932 года Советский Союз обменял ее на какого-то ксендза, и она возвращается на родину, где по собственной воле или, как писали в газетах, по зову сердца едет на стройку пятилетки – в Балхаш.

Все в этой биографии – правда. Как правда и то, что в 1930 году Президиум ЦИК, принимая во внимание заслуги Хоружей перед революционным движением Западной Белоруссии, наградил ее орденом Красного Знамени. Книгу Хоружей «Письма на волю», написанную в тюремных застенках в Польше, высоко оценила Надежда Крупская, которая в 1932 году в рецензии, опубликованной в «Правде», писала: «Столько жизни, молодости, энергии в этих письмах, стремления к победе… Шесть лет бьется молодая воля о решетки польской тюрьмы и не сдается».

Казалось бы, жизнь ее после выхода из фашистских застенков будет счастлива и безоблачна. Именно так и изображают в книгах и публикациях ее советский период жизни. На самом деле это не так. Сразу же после публикации Крупской в «Правде» на голову Хоружей обрушивается поток грязи и клеветы. Кто был организатором многочисленных черных доносов и анонимок, теперь не установить. Доподлинно известно одно: в то время Крупская попала в немилость к «вождю народов» Сталину, и все, кого она любила и поддерживала, стали преследоваться.

Под подозрением оказалась и Вера Хоружая. Дошло до того, что ее исключили из партии «за непартийное поведение… в польской тюрьме». В чем оно выражалось, до сих пор остается загадкой.

Недавно я разыскал адрес живущей в Москве подруги Веры Хоружей по Виленской тюрьме, пенсионерки Елизаветы Самойловны Хотулевой. Она свидетельствует, что дело на Хоружую было шито грязными нитками… Она вела себя в

польской тюрьме как подобает мужественному человеку, никого из товарищей по подполью в Западной Белоруссии не выдавала.

Рассказывая о бесстрашии Веры, Елизавета Самойловна описывает ее как человека доброго, внимательного к товарищам: «Как-то Вере прислали полушубок и валенки. В то время в тюрьме вспыхнула голодовка политических, в которой приняла участие и я. Затем меня положили в тюремный госпиталь. А когда я вернулась в камеру, Вера решила отдать свою теплую одежду мне. Я была в тюрьме самая молодая, мне было только 17 лет. Но я не подчинилась ее приказу, так как она была сильно простужена.

Вскоре у Веры появились первые признаки туберкулеза. Несмотря на это, она продолжала вести в тюрьме агитационную работу среди арестованных».

Надо сказать, что Крупская проявляла большую заботу о Вере Хоружей. Именно по ее инициативе Веру вызволили из неволи.

Существует несколько версий о причинах исключения Веры из партии. Самая верная, на мой взгляд, та, что она в открытую говорила о преследовании Сталиным старых партийцев, в том числе и Крупской. В архивных документах все это спрятано за ширмой шаблонных фраз.

В протоколе № 107 от 3 октября 1939 года заседания бюро Балхашского ГК КП(б) читаем: «Исключалась из партии за непартийное поведение в польской тюрьме… и за сокрытие своего социального происхождения при переводе из кандидатов в члены партии». Однако это гнусная ложь! Еще в январе 1935 года партколлегия КРК Белоруссии и КПК при ЦК ВКП (б) установили, что Хоружая (цитирую дословно) «своего соц. происхождения не прятала и в течение семи лет заключения в польской тюрьме вела себя достойно члена партии». В этом же году КРК при ЦК ВКП(б) восстановила Хоружую в партии.

Сколько сил это стоило Вере Захаровне! Подхалимы Сталина травили ее, как могли, капля за каплей подтачивая здоровье, и так подорванное в фашистской тюрьме. Чтобы оторваться от преследователей из НКВД, по совету товарищей она едет в Балхаш. В архиве области сохранились материалы по проверке документов за 1936 год. Среди них – список членов и кандидатов в члены ВКП(б) районной парторганизации «Прибалхашстроя», прошедших проверку партийных документов. Под номером 135 числится Хоружая Вера Захаровна, 1903 года рождения, служащая, белоруска. Принята в партию Минским горкомом партии в декабре 1921 года.

В Балхаше он работала вначале инструктором райкома партии, затем секретарем партийного комитета отдела главного механика «Прибалхашстроя». Балхашцы полюбили Веру

Захаровну за прямоту и высокую принципиальность, чуткость и отзывчивость. Особое внимание она уделяла воспитанию молодых рабочих. В протоколе второго пленума Прибалхашского райкома партии от 31 мая 1937 года, на котором в повестке дня стоял вопрос о практических мероприятиях по партучебе и агитации, я нашел короткое изложение выступления Веры Хоружей. Рассказывая о накопленном опыте работы с людьми, она отмечала, что «изучение международных вопросов представляет известные трудности, и, по-моему, поэтому наши товарищи берутся за него с некоторым холодком». Далее предлагала поставить во главе кружков опытных, компетентных пропагандистов, чтобы они могли объяснить внутреннюю и внешнюю политику страны доходчиво и ясно, так, как это умеет делать Н. К. Крупская.

Как видим, Вера с большой страстью выполняла роль комиссара, во всем беря пример с Крупской, подражая ей и учась у нее. В то же самое время в ее выступлениях того времени мы не найдем ни одной цитаты из трудов И.Сталина. И это использовали ее завистники, составляя на нее все новые гнусные анонимки, рассылая их вплоть до ЦК…

Именно в Балхаше Хоружую второй раз исключили из партии. Об этом свидетельствует решение бюро Прибалхашского райкома КП(б) от 1 сентября 1937 года. Читаю и глазам своим не верю: «Хоружую как разоблаченного и арестованного врага народа из рядов партии исключить». И подпись: «Секретарь Прибалхашского РК КП(б) Назаренко».

Вера Захаровна была арестована ежевско-бериевскими органами и просидела под следствием более двух лет, до августа 1939 года. Вначале ее держали в Карлаге, а затем в тюрьмах Белоруссии.

Как и в 1932 году, о Хоружей хлопотали старые коммунисты. Только раньше ее вызволяли из фашистских застенков, а теперь – из сталинских. В конце концов Вера была освобождена из-под стражи за недоказанностью обвинения. Об этом говорит справка № 452 от 14–15 августа 1939 года, выданная военным трибуналом Белорусского военного округа.

Правда восторжествовала: 3 октября 1939 года состоялось заседание бюро Балхашского горкома партии, которое положительно рассмотрело заявление Хоружей о восстановлении в партии как оправданной судебными органами. Тут же она снялась с партучета и выехала в Москву.

Скупые строки архивных документов поведали мне о больших моральных муках Хоружей, незаслуженно оклеветанной в годы сталинизма. И, конечно, о большой силе воли Веры Захаровны.

Несправедливое к ней отношение, преследования она вынесла мужественно, не отказавшись от идеалов Родины. Вот почему в годы Великой Отечественной войны Вера Захаровна возглавила Витебское подполье.

Ее группа нанесла много вреда врагу. Несколько раз она вызывала самолеты на бомбежку вражеских объектов, организовала ряд диверсий. Однако вскоре подпольщиков арестовали, через несколько дней расстреляли. Вера Захаровна Хоружая погибла как герой. Президиум Верховного Совета СССР Указом от 17 мая 1960 года за активное участие в революционной деятельности и проявленный героизм в борьбе против фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны присвоил Хоружей звание Героя Советского Союза.

А что стало с семьей? Ее муж Сергей Гаврилович Корнилов погиб в бою с фашистами под Пинском 4 июля 1941 года. Сестра Веры, Надежда Захаровна, воспитала ее детей – сына Сергея и дочь Аню. Сын окончил с отличием физический факультет Московского университета, стал ученым. Аня также с отличием окончила академию имени К.А.Тимирязева, сейчас работает научным сотрудником на плодовой опытной станции академии. Живы обе сестры Веры Захаровны Хоружей – до ухода на пенсию Надежда Захаровна работала в детской поликлинике, а Любовь Захаровна – учительницей.

Старший брат – Василий Захарович – агроном, живет в Москве неподалеку от сельскохозяйственной академии.

Видимо, и в Беларуси, и в столице России, и в Казахстане в городе Балхаше еще живут люди, которые работали вместе с Хоружей, помнят ее. Их воспоминания смогли бы пролить новый дополнительный свет на образ славной разведчицы. Все, что связано с именем Веры Захаровны Хоружей, должно быть сохранено для потомков.

Остается добавить, что в свое время балхашцы на собранные средства соорудили памятник Вере Захаровне Хоружей в Балхаше на территории горно-металлургического комбината, который нынче выкупила южно-корейская фирма «Самсунг». У подножия этого памятника всегда можно увидеть букеты живых цветов, особенно много красно-пунцовых гвоздик.

Глава 15
Синяя птица

Впервые о Наталье Сац я услышал от казахстанского писателя и журналиста Олега Васильевича Мацкевича. В апреле 1985 года он подарил мне в Алма-Ате свою новую книгу «Три цвета радуги», посвященную музыке, живописи и кинематографии: Казахстана. И с горечью сказал:

– Жаль, что в этой книге я мало написал о театрах республики. И совсем ни слова не упомянул о театре юного зрителя в Алма-Ате. Его создала москвичка Наталья Сац, человек нелегкой, я бы сказал, трагической судьбы. Давно хотел написать о ней, да все времени не хватает. Может, напишешь?

Тогда я впервые заинтересовался жизнью и деятельностью Натальи Ильиничны Сац. И выяснил, что она была довольно известным советским режиссером, театральным деятелем. В 1921–1936 годах Н.И. Сац работала директором и художественным руководителем Московского театра для детей. Кстати, этот театр она создала сама и была счастлива, когда ее поддержали в этом важном деле и легендарный друг В.И. Ленина, автор «Варшавянки», инженер-электрификатор Глеб Кржижановский, и советский журналист, популярный в то время Михаил Кольцов, и композитор Сергей Прокофьев, и даже гениальный режиссер Художественного театра Константин Сергеевич Станиславский… И, конечно же, что немаловажно – ее всегда поддерживал муж Израиль Яковлевич Вейцер, в то время народный комиссар внутренней торговли Советского Союза. В своей книге «Новеллы моей жизни» Сац назвала его «и радостью, и горем».

Несчастье пришло в ее семью в 1937 году, когда Вейцера арестовали как врага народа. А через некоторое время и на Сац завели «дело» как на члена семьи изменника Родины.

В чем же была ее вина? Следователь сухо объяснил: «Вы не могли не знать о его преступлениях».

Ее изолировали от общества на целых пять лет. Вначале она попала в сибирские лагеря, затем были Карлаг и Рыблаг (Волгострой).

Однажды в Сиблаге она подошла к зеркалу и ужаснулась: черные волосы стали бело-серебряными, пепельными. Это совсем выбило ее из колеи, погрузило во мрак тоски и уныния. И, может, она долго еще пребывала бы в этом состоянии плачевном, если бы ее неожиданно не успокоил какой-то урка в брюках-клеш. Указав

пальцем на седые волосы Натальи, он спросил:

– Под «вышкой» сидела?

– Нет.

– Какой срок имеешь?

– Пять лет.

Урка презрительно улыбнулся:

– Из-за этого седеть? Какие вы, интеллигенты, все хлюпики, мизерные!

И тут Сац впервые рассмеялась, будто с души свинцовая тяжесть упала. Урке дали все 15, и ни один волос у него не поседел. А она… Нет, надо взять себя в руки, бороться за свои светлые идеалы, за свое творческое счастье. И в лагере необходимо утверждать культуру, воспитывать в людях любовь к театру, драматургии!

Со временем она создает в Сиблаге маленькие драматические коллективы, ставит «Бесприданницу» Островского, увлекая за собой на сцену многих осужденных. О том времени она пишет: «Заключенные меня слушались, как маленькие. Несмотря на свое прошлое, они тянулись к культуре, театру, ценили спектакль, вдохнувший в них свежий ветер… Нам разрешили показывать «Бесприданницу» не только в Мариинском, но и в соседних лагерях. Я стала знаменита на весь Сиблаг».

Но вот Сац попадает в мрачный Карлаг. Как сообщает в своей книге «Свидетельствую…» казахстанский писатель Владлен Берденников, ее держат в одной из самых страшных пересылок в стране – Карабасе, затем переводят в Акмолинский лагерь жен изменников Родины.

Об Алжире у Натальи Ильиничны Сац остались весьма и весьма неприятные воспоминания. В главе «Суровая полоса» она пишет: «Снова лагерь, но абсолютно иной. Теперь я попала в среду людей своего круга – жен ответственных работников… Они так же, как и я, жили верой, что все выяснится, в своей каждодневной работе доказали, что высокое положение их мужей не убило в них выдержку, потребность труда на общую пользу».

Но все эти «жены», по мнению Н.И.Сац, жили в прошлом, в бесконечных воспоминаниях и стонах. Что им приказывали лагерные начальники делать, они делали, но сверх того ничего не хотели и не думали совершать. Никаких театров, художественной самодеятельности, песен и танцев, стихов они не признавали, хотя среди них находилось немало знаменитых киноактрис, певиц, балерин.

На четвертый день пребывания в Алжире Сац вызвал начальник лагеря, почитал ее «Дело», характеристики из Сиблага и сказал:

– Значит, в Сибири «Бесприданницу» ставила? И уголовники аплодировали? Молодец!

И, тупо уставившись в «Дело», неожиданно спросил:

– А что еще можешь?

Сац ответила, что в Сиблаге фельдшерские курсы посещала.

– Вот это подходяще, подойдет! – неожиданно заулыбался довольный ее ответом гэбист. – Пошлю тебя на фельдшерский пункт медсестрой. А то «Бесприданницу» опять вздумаешь ставить. Этого нам не надо!

Через несколько месяцев Сац отправляют в Москву. Повезли на станцию, в двухкомнатном домике сдали конвоиру-блондину. Он стал упрекать ее в том, как же она не сумела доглядеть за своим мужем – «врагом народа». Мол, разобраться должна была, что супруг – двуличный человек.

Но Сац уже была далеко мыслями – в родной Москве, и слова конвоира ее не трогали. Что еще можно было услышать от малограмотного паренька, обязанного унижать и убивать ни в чем неповинных людей?

Наконец, поезд тронулся, и черные постройки станции слились с наступившей темнотой ночи. За окнами вагона падали звезды, сгорая в ночной мгле…

Сац тогда не думала, что судьба снова забросит ее когда-нибудь в Казахстан. Ее сердце билось под перестук колес: в Москву, в Москву! Сац надеялась, что ее освободят. Ведь она написала жалобу самому Сталину! Но в Москве ее бросили в тюрьму, опять пошли постылые допросы. Следователя – капитана НКВД интересовало только то, что так или иначе могло компрометировать ее мужа, близких, знакомых.

Следователь долго допрашивал Сац о ее связях с врагом народа, журналистом Михаилом Кольцовым. Она познакомилась с ним во времена НЭПа, когда организованный ею театр для детей переживал трудные годы, вынужден был работать в одном здании «по совместительству с кино-люксом «Арс». Тогда киношники пытались вытеснить театр из здания, закрыть его.

К кому идти за помощью? Сац бросилась в редакцию газеты «Правда» к Михаилу Кольцову. Она была почему-то уверена, что он все поймет. И не ошиблась. Вскоре в газете появился фельетон «Дети смеются».

«Казалось, Кольцов включил над крышей Детского театра солнце, – вспоминала Сац. – Театр был спасен, его никто не тронул. Все в Москве поняли, что дети – привилегированный класс, и у них должен быть свой театр. И его не закрывать, а помогать ему надо».

Слезы радости текли по щекам Сац, когда она читала статью

Кольцова, прославляющую детский театр. И теперь, в тюрьме, она должна была дать на этого прекрасного журналиста, правдолюбца, любящего людей скверный донос, облить его грязью? Ответить на его добро злом? Ни за что!

Позже она узнала, что Михаил Кольцов в 1938 году был арестован, затем расстрелян. Сталин не любил знаменитого журналиста, который геройски сражался в Испании, отстаивал правду в СССР.

Ничего не добившись от Сац, сталинские вершители судеб отправляют ее в Рыблаг. Там, в грязных бараках, ей часто снится по ночам Синяя птица – символ счастья и мечты детей из пьесы-сказки бельгийского драматурга М. Метерлинка. Как трудно найти эту птицу! Но тот, кто ее отыщет, обретет счастье не только для себя, но и для всего человечества. Музыку к этой пьесе в свое время написал ее отец – композитор Илья Сац. Эта музыка звучит в ее душе.

Но стоит утром открыть глаза, вокруг шум, лязг, матерщина, сплошное мельтешение лиц заключенных. Где же она, Синяя птица? Вспорхнула, растворившись в густом утреннем тумане за вышками постовых.

Но Наталья, как маленький ребенок, продолжает искать ее. Синяя птица для нее – это радость и удивление зрителей, их аплодисменты во время ее спектаклей. Это, когда она стоит на сцене, а к ее ногам летят букеты цветов – роз, гвоздик, тюльпанов… Букеты признания ее таланта, талантов ее друзей.

В Рыблаге она сколачивает великолепнейший музыкальный ансамбль, а затем новый по тем временам коллектив – «драмджаз под руководством Наталии Сац». Только 21 августа 1942 года она обретает относительную свободу, но в Москву ее не пускают, оставляют на спецпоселении в городе Переборах около Рыбинска, где она работает режиссером центрального клуба. Затем отправляют в ссылку в Алма-Ату, разрешая взять с собой дочь.

О годах пребывания в бывшей столице Казахстана Сац напишет в главе «В горах Алатау». Ее с дочерью поселили в одной из комнат в здании Театра оперы, которое поразило ее своим великолепием. «Его строители, – пишет она, – видно, хорошо знали итальянское зодчество, но, влюбившись в орнаменты Востока, дали «зазвучать» в удивительном сложном аккорде».

О самой Алма-Ате она пишет так: «Самое удивительное – горы со снежными вершинами. Они кругом, везде, куда ни погляди, словно город расположен в огромной воронке».

В этой главе слово «удивительное» встречаешь много раз. И, видимо, это прекрасно, что человек, перенесший сталинские лагеря, друживший с ворами и бандитами, побывавший, как

говорится, на самом дне жизни, сохранил в себе самое ценное для художника – чувство удивляться, открывать красоту этого мира даже там, где ее не замечают другие, лишенные этого дара.

Соответственно воспринимает она и казахских артистов – «соловья» Куляш Байсеитову, получившую звание народной артистки СССР, братьев – близнецов Ришата и Муслима Абдуллиных… Она отмечает: «Что среди казахских артистов много одаренных – с радостью заметила, но сближение наше шло небыстро. В казахской труппе недоумевали:

– Зачем тут эта Наталья Сац? Мы сами себе режиссеры».

В годы Отечественной войны Алма-Ата превращается в большой культурный центр. Сюда эвакуируются киностудии, театры. Здесь, в столице Казахстана, Сац встречается и дружит с удивительными творческими людьми: главным режиссером Театра имени Моссовета Юрием Александровичем Завадским, киноактрисой Верой Марецкой, балериной Галиной Улановой. Все они были заняты любимым делом, перегружены так, что для себя времени не оставалось. Глядя на них, и Сац решила не отставать. И однажды она спросила у директора филармонии Жумина, бывают ли в Алма-Ате концерты для детей. И он посмотрел на Наталью Ильиничну с удивлением:

– Нет, никогда не было!

Значит, вперед! Сац взялась вначале за организацию воскресных утренников в филармонии, привлечение к концертам для детей таких знаменитых актеров как Николай Константинович Черкасов, а затем – за создание первого в республике театра юных зрителей. Ее сразу поддержали Мухтар Ауэзов, Куляш Байсеитова, Габит Мусрепов. Под новый театр правительство Казахстана выделяет просторный кинотеатр «Алатау», и Сац – в бегах, в заботах об его реконструкции, оформительстве.

Художник Исаак Иткин по ее предложению берется за создание скульптуры из карагача акына Джамбула Джабаева и мастерски выполняет задуманное.

Накануне открытия театра Сац видит страшный сон: лагерь для ЧСИР, ее муж, весь в крови, в одиночной камере. Она вскакивает с кровати, полная ненависти к сталинскому режиму, который разбил ее семью – основу основ жизни. И вдруг вспоминает слова лермонтовского Демона: «Не все я в мире ненавидел, не все я в мире презирал». Нет, на одной ненависти далеко не уедешь, надо стремиться делать добро в этом мире, надо обустраивать его не для устрашения юных, а для воспитания в них высоких чувств и помыслов.

Сац организует при театре для детей и юношества студию,

которая будет радовать ее молодыми дарованиями. Эту студию окончат, станут профессиональными актерами многие школьники Алма-Аты, в том числе и ее дочь Роксана. Наталья Ильинична откроет миру редкий голос и музыкальность Ермека Серкебаева, приглашая его (тогда он был еще студентом) для исполнения песен в спектаклях.

Дети с восторгом встречали каждую постановку театра, особенно «Золотой ключик», «Двенадцатую ночь». Взрослые роптали, что в ТЮЗ не достанешь билеты.

К сожалению, о большой организаторской и творческой деятельности Сад в Алма-Ате почти ничего не написано. И нынешнее поколение артистов даже не знает, кто основал первый ТЮЗ в республике. И напрасно!

Сад прожила большую, полную творческих исканий жизнь. Конечно, Наталья Ильинична была реабилитирована, возвращена в Москву. Там она написала превосходную книгу «Дети приходят в театр», которая вышла в издательстве «Искусство» в 1961 году.

Журналисты спрашивали ее:

– Почему взялись за книги?

Сац отвечала:

– Сидя в тюрьме, я начиталась досыта. И уже тогда подумала: а почему бы самой не писать? И стала записывать отдельные мысли в дневники. А это позже вылилось в книгу.

Ее приняли в члены Союза писателей СССР, предложили написать книгу мемуаров.

Но не такова Сац, не очень «сидячий» она человек.

– Мемуары писать еще рано! – заявила она во всеуслышанье. – В Москве еще нет музыкального театра для детей. Если мы не будем с детства воспитывать в людях любовь к опере, симфонической музыке, то появится ли она в человеке в более зрелом возрасте? Навряд ли.

Вскоре в «Правде» появилась статья Н. Сац и Д. Кабалевского о необходимости создания в Москве стационарного Детского музыкального театра. Эту идею поддерживают композиторы, писатели, вся интеллигенция столицы. Падение у юношей и девушек интереса к поэзии и музыке, опере и симфоническим концертам надо непременно остановить! – вот основная мысль их выступлений. Советский поэт Михаил Светлов пишет: «Хорошая музыка делает любого человека талантливым, любого слушателя творческим».

И Синяя птица удачи стучится в двери жизни Сац. Ее поддерживает Министерство культуры, и в 1965 году она открывает в Москве государственный музыкальный театр для детей, пока, увы, в старом помещении театра кукол. Но

одновременно в Москве началось сооружение нового величественного здания под театр Сац.

Конечно же, Наталья Ильинична довольно часто бывает на стройке. Для нее шум подъемных кранов, машин, работающих на возведении театра, «слаще, чем звуки Моцарта». Здесь, на стройке, ее поздравляют с Государственной премией СССР, присвоением звания народной артистки СССР. Ей посчастливилось увидеть наяву свою мечту – на ее глазах над куполом театра взмыла бронзовая Синяя птица. Так что не у всех политзаключенных ГУЛАГа была горькая судьба. Наталья Ильинична Сац – редкое тому исключение.

Глава 16
И жизнь покинув, не умру…

Когда с сыном Игорем мы отдыхали в Кустанае, то однажды в солнечный теплый день присоединились к экскурсии по городу. И не пожалели.

Впервые от экскурсовода мы узнали, что в Кустанайской области в 1949 году находилась в ссылке жена Вячеслава Молотова – Полина Жемчужина. За каждым ее шагом следили молодчики из МГБ, каждое ее слово записывали и передавали в Москву. Но ничего криминального Полина не произносила, да и не могла позволить себе такого – все-таки она долгое время была верной спутницей Министра иностранных дел Вячеслава Молотова! А он умел держать язык за зубами и ее научил этому.

Дело на Полину Жемчужину было насквозь шито белыми нитками. Ее обвинили в связях с послом Израиля в СССР Голдой Меир, сионистскими кругами, в том, что хотела сделать Крым еврейской республикой, помогала Еврейскому антифашистскому Комитету, а он оказался «гнездом американских шпионов»… Все это было явно надумано, ведь Полина сопровождала Голду Меир, беседовала с ней на идиш по заданию правительства и партии. «Вы еврейка?» – спросила Полину Голда. «Я дочь еврейского народа», – ответила она. И, конечно же, допустила огромную политическую ошибку, надо было бы ей отвечать: «Да, я еврейка. Но я дочь советского народа». Во всяком случае так ее позже вразумлял следователь, обвиняя в национализме.

Появление в СССР посла Израиля Голды Меир стало для органов безопасности той лакмусовой бумажкой, с помощью которой они судили о лояльности евреев по отношению к Советам, преданности их СССР. И, оказалось, большинство из них не преданы, не лояльны… Всех, кто вступал в контакт с Голдой, посещал синагогу, еврейский театр, кто поддерживал идею создания Еврейской автономной республики в Крыму, всех без разбора зачисляли в шпионы, всех делали националистами…

А все началось с убийства Михоэлса в Минске, разгрома Еврейского антифашистского Комитета как организации, связанной с Америкой и служащей ее интересам. А затем пошло-поехало… От убийства Михоэлса до ареста и уничтожения талантливейшего поэта Давида Гофштейна, классика еврейской литературы, а затем арестов прекрасного романиста Абрама Кагана, писателя, историка Марлена Кораллова, эстрадного певца Зиновия Шульмана и тысяч других известных представителей

литературы, искусства и культуры.

Безумная кампания безумных убийств, арестов… Не в это ли время на окраине Караганды был создан новый лагерь Песчаный? Как песок, ссыпали сюда со всех концов Союза из столыпинских вагонов все новые и новые группы заключенных. Марлен Кораллов, попавший в этот лагерь в Майкудуке, вспоминает: «Сидело в нем тысячи три, а гнали через него этапами, по-моему, без счета. Разумеется, гнали и евреев. Очень разных евреев: инженеров, работавших на автозаводе имени Сталина (их «дело» пытались подверстать к «делу ЕАК»). Недолго пробыл там близкий и Михоэлсу и Еврейскому театру издатель, педагог Моисей Беленький. В памяти бывший разведчик, трезвый и мужественный, сохранивший чувство достоинства Михаил Король. Убежденный сионист Цви Андрес. Уголовник из Литвы, получивший, однако, политстатью за лагерное убийство – Лев Сендерович. Эстрадный тенор Зиновий Шульман. Киевский прозаик Абрам Каган. Почти школьник Владимир Мельников. Широко известный после выхода на волю автор книг о Тынянове, Юрии Олеше Аркадий Белинков. Гнали евреев из Москвы, Латвии, Молдавии… Юных, среднего возраста, пожилых. Концентрация на квадратный метр в сотни раз превышала концентрацию на воле».

Невиданный лагерь, невиданные жертвы сталинизма – известные люди… На всю жизнь сохранит в своем сердце Марлен Кораллов встречу с писателем Абрамом Каганом. Он в то время уже был довольно популярным, в свет вышли его книги «Люди из комнаты», «Обломки», повесть «У реки Гнилопятки», романы «Инженеры», «Арн Либерман». У цензуры не было никаких претензий к перу Абрама Кагана, но в ходе следствия выяснилось, что он проявлял «низкопоклонство перед Западом», а также во всю трубил о гении еврейской литературы, сионисте Давиде Гофштейне, к тому времени арестованном (Каган этого не знал).

Но Марлен Кораллов хорошо знал! Ведь он до Майкудука содержался в следственной тюрьме в Лефортово и попал в камеру с двумя арестованными. Один из них был генерал-лейтенант Василий Григорьевич Терентьев, человек, приближенный к Жукову, а второй как раз – киевский поэт Давид Гофштейн. Оба неповинные, они еле держались на ногах, так крепко прошелся по ним следственный каток. Резко осунувшийся, в грязной рубахе, поэт Гофштейн продолжал читать свои великолепные стихи. Марлену запомнились строки:

«Ширями теснины стали,
Путь любой веди к ним!

Оттого мы и в печали
Головой не никнем».

Давид даже после пятидневного карцера не ник головой. «При всем при том стойкость, упорство, выдержка – прежние», – продолжал рассказывать Кораллов.

– Так это же Гофштейн! – не удержался – воскликнул Каган. – Почетный человек, классик…

Что понимали заключенные, никак не осознавали люди Берии и Абакумова. Вот несколько строк из Приговора, вынесенного Военной коллегией Верховного суда союза СССР 18 июля 1952 года: «Гофштейна Давида Наумовича, 1889 года рождения, уроженца местечка Коростышев Киевской области, еврея, гражданина СССР, женатого, с высшим образованием, члена ВКП(б) с 1940 года, поэта, руководствуясь статьями… приговорить к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего имущества. Возбудить ходатайство перед Президиумом Верховного совета о лишении Гофштейна Д.Н. ордена «Знак Почета». Следующий документ – справка, подписанная начальником третьего отдела МГБ СССР полковником Воробьевым, подтверждает факт приведения вышеупомянутого приговора в исполнение. Таких справок было 13. Расстреляли 13 пишущих на идиш литераторов Переца Маркиша, Льва Квитко, Давида Бергельсона…

Украинский поэт Максим Рыльский был в шоке, когда узнал о трагедии Гофштейна. Но что мог он сделать? Только в 1958 году в Москве по его настоянию и содействию было выпущено первое посмертное издание стихов Давида Гофштейна на русском языке. В своем предисловии великий поэт Украины М. Рыльский писал: «Его любили все, кто ценит в человеке чистоту души, благородство чувств, ясность и широту помыслов. Его любили за неукротимую живость характера, за светлую простоту речи и за предельную искренность… Он любил людей, но ненавидел всяческую фальшь, непрямоту, неискренность и грубость. Нечестность, непринципиальность, сделки с совестью были ему, я сказал бы, физически противны…» Свидетельством этих слов стало «последнее» слово Гофштейна, состоявшее из одной фразы: «Я уже просьбу суду высказал в дополнении к судебному следствию – я хочу сказать, что я не могу признать себя виновным в этих обвинениях». В дополнительных показаниях его выступление тоже было самым коротким: «Я не буду злоупотреблять вашим мнением. Врагом Советской власти я никогда не был».

Конечно, не был! Кто мог великолепнее его воспеть советский Киев, волны Днепра и его столичные пляжи, Александра Пушкина и Тараса Шевченко, Москву и Ленинград? Разве мог человек с душой поэта стать «врагом народа»?

В 1970 году, когда я приехал в Джезказган к матери, она подарила мне сборник стихов Давида Гофштейна, изданный в Москве в издательстве «Художественная литература» в серии «Библиотека советской поэзии». Как завещание прозвучало в этой книге его стихотворение:

«О свет мой белый!.. Велика
Моя большая жизнь… Я знаю:
Существованье на века
Самою смертью утверждаю.

Нетленен вечный мой союз
С тем, что извечно созидает.
Я, жизнь покинув, с тем сольюсь,
Что, разрушая, оживляет».

Достойно держался в Песчанлаге писатель Абрам Каган. Переведенный затем в Кенгир, он умудрялся исписывать тетради, спрятавшись на нарах, и, по сути, создал в условиях особлага черновик нового романа «Шолом-Алейхен». Ему удалось сохранить и вывезти этот черновик на свободу, когда он был отпущен из неволи. В 1961 году роман Абрама Кагана был издан в издательстве «Советский писатель». Академик А.И. Белецкий высоко оценил этот роман, отметив, что первая попытка художественного воспроизведения облика известного писателя Шолом-Алейхена удалась Кагану блестяще. Но, как всегда, во вступительной статье, рассказывая о писателе, его жизни и творчестве, академик «забыл» упомянуть, что он был репрессирован и отбывал срок в лагерях в Майкудуке, а затем в Джезказгане.

У меня в блокноте накопилось немало записей о писателях-евреях, пострадавших в годы сталинизма и отбывавших наказания на карагандинской гулаговской земле. Несомненно, большой интерес сегодня представляют записки узника Степлага А.Е. Фельдмана, изданные в научно-информационном и просветительском центре «Мемориал» в 1993 году. В них он называет все новые и новые имена знаменитых узников, интеллигентов-евреев. Так, он вспоминает Сашу Якулова, скрипача и аккордеониста, поэта Матвея Талалаевского… Он пишет: «В день смерти Сталина Саша попал в карцер за свои

слова:

– Смерть смертью, но музыку хорошую передают по радио, «Реквием».

И далее: «О том, что Сталин болеет, мы знали. И вдруг утром – нас не выводят на развод. И уже девять часов, а мы лежим, все молчат, какая-то напряженная тишина. Со мной рядом лежал очень осторожный и законопослушный Мотя Талалаевский, он мне осторожным шепотом говорит: «Неужели умер?» И вдруг откуда-то сверху, с нар голос на весь барак: «Подох, ети его мать!»

После смерти Сталина сразу же умер приехавший на похороны Сталина Клемент Готвальд, и мы в бараке, перебрасываясь строчками, сочинили такой стих:

«Траур из алых и черных лент.
Умер и Сталин, и Готвальд Клемент.
Дрогнули лица стальные.
Когда перемрут остальные?»

Со смертью Сталина в стране прекратились еврейские погромы. Все политические, не сразу, конечно, постепенно были выпущены, а затем реабилитированы. Страна, объятая Ужасом и Страхом перед пожирателем всех народов Сталиным, наконец-то, свободно вздохнула. Многие писатели, ученые, артисты благословляли тот день, когда траурные флаги на улицах и площадях вещали: время Деспота окончилось. И славу Богу, что в трагедии миллионов таким образом была поставлена последняя точка. Как известно, живи Сталин, эта вакханалия смерти еще бы продолжалась. В промежутке между 5 и 31 марта 1952 года было принято постановление начать следствие по делам тех людей, имена которых фигурировали на допросах, и этот список состоял уже не из тринадцати человек: в нем было более чем 200 фамилий. Среди них И. Эренбург, С. Маршак, В. Гроссман, Б. Слуцкий, А. Вергелис, И. Прут. Не только литераторы значились в этом списке, в нем были академики Б. Збарский, И. Зубок, певец Л. Утесов, композитор М. Блантер. Вот вам и «летят перелетные птицы», любимая песня Сталина! Во время ушел на тот свет великий кормчий, сохранив тем самым жизни тысячам подозреваемых – воистину великим людям советской эпохи.

Глава 17
Скажи смерти: «Нет!»

Впервые о писателе Аркадии Белинкове как о заключенном Карлага я прочитал в документальной повести Берденникова «Свидетельствую». Было это в 1994 году. А в 1996 году Владлен Константинович приехал в Караганду, и мы с ним встретились в гостинице «Казахстан», где он остановился. И он мне сказал:

– Жаль: не смогу побывать в Самарском совхозе, где в свое время было отделение Карлага. Именно там и отбывал свой срок Аркадий Викторович Белинков с августа 1949 года по 1952 год, где написал свои рассказы «Человечье мясо», «Россия и черт», пьесу «Роль труда»… А до этого его содержали в лечебно-санитарном отделении поселка Сарепта, где у него не было никаких условий для творчества. Туда он прибыл в августе 1945 года, и трудился там рядовым санитаром. Там у него случился сердечный приступ, и его буквально вырвала из лап смерти врач-терапевт Вера Григорьевна Недовесова, руководившая в то время медицинским персоналом Карлага. И она же настояла, чтобы его перевели из общих бараков в медчасть Самарского отделения, где ему предоставили отдельную комнату. И Аркадий Белинков до конца дней своей жизни был благодарен Вере Григорьевне за это, посылая ей по праздникам поздравительные открытки с теплыми словами признательности за ее подвижнический труд…

За что же судили московского литератора Белинкова? Как он попал в карагандинские края, перепоясанные вдоль и поперек колючей проволокой? Сам Берденников отвечал на эти вопросы просто: мол, Белинков не терпел советской власти, ее вождей, и говорил об этом вслух, открыто. В 1943 году он написал антисоветский роман «Черновик чувств», на Белинкова донесли, и уже в январе 1944 года он был арестован, после 22-месячного следствия приговорен к смертной казни. Ожидая ее, он то и дело обращался к Богу: за что, за что? В ответ молчание, холодные стены, с которых капали ледяные капли воды. Он бы мог сойти с ума, если бы в одно прекрасное утро не увидел солнца. Аркадия вывели в арестантский двор, и он долго смотрел на красное светило, до слез в глазах. И тут ему объявили, что казнь отменили, за это он должен благодарить писателей Алексея Толстого и Виктора Шкловского, которые написали ходатайство в его защиту на имя великого Сталина. В том письме они упомянули о редкой болезни Аркадия Белинкова – пороке сердца, а также о некоторых заслугах его перед Родиной: – окончив

Литературный институт, он во время Отечественной войны добросовестно работал корреспондентом ТАСС, а затем был членом комиссии, которая занималась расследованием разрушений, причиненных фашистскими войсками историческим памятникам.

И, о чудо, смертная казнь была заменена восемью годами лагеря, и Белинкова отправили на свежий воздух в степи Казахстана (это ведь не Магадан!). И на первой же станции, выйдя в степь, почуяв залах полыни, Белинков упал на колени, благодаря всевышнего за сохранение жизни. Но, как увидим позже, взгляды его на советскую действительность не изменились, да и отношение к вождям революции осталось прежним – не туда лоцманы ведут корабли, не туда указывают дорогу… Наоборот – под влиянием увиденного и пережитого в лагерях Сталина его пессимизм усиливается, а творческая деятельность ума концентрируется на критике существующего строя. И на участке «Бородиновка» Самарского отделения Карлага он создает произведения, в которых обличает бесчеловечность коммунистической системы, съедающей волю, свободу, самостоятельность мышления каждого творческого человека. Он пишет тайком, прячет рукописи под матрацем, чтоб никто не видел его вольных трудов. Но опять-таки нашлись стукачи-«лешие», не спящие по ночам, они сквозь окна медсанчасти, освещенные керосиновой лампой, видят писателя, склонившегося над бумагами и сочиняющего строки карандашом. Непристойно санбрату нарушать приличие лагерного режима, да и вообще: что он там сочиняет, может, опять вольнодумство допускает? И помчались «лешие» на цырлах чернуху раскидывать о Белинкове, и куму (оперуполномоченному) доложили о его ночных бдениях подозрительных.

По этому поводу Александр Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ» воскликнул: «Кто может в лагере решиться писать? Вот А. Белинков написал – и досталось куму, а ему – срок рикошетом». Добавим, что куму достался только выговор, а бедного писателя, лишенного всяких прав, в том числе права мыслить и сочинять, опять арестовали и влепили 25 лет. До меня дошли его лагерные рукописи, а также новое следственное дело № 57/ 52 на Белинкова, заведенное в 1951 году.

Как же он ведет себя на допросах? Все отрицает? Да ничего подобного – Аркадий не отрицает, даже вроде помогает следователю в его усилиях изобразить Белинкова «яростным врагом народа».

Читаю показания обвиняемого и удивляюсь той легкости, а, может, и мужеству, с которыми Аркадий дает ответы следователю

о себе, своем творчестве.

Давайте почитаем хотя бы протокол допроса от 25 мая 1951 года.

Вопрос. Когда и откуда вы прибыли в Карлаг МВД, в каких лаготделениях содержались?

Ответ. В Карлаг МВД я прибыл в августе 1945 года из пересыльной тюрьмы города Москвы. За этот период я содержался во многих лаготделениях, в частности, в Сарептском лечебно-санитарном отделении и примерно с августа 1949 года по настоящее время в Самарском отделении и работал в качестве лекпома на участке «Бородиновка».

Вопрос. Вы показали, что в 1944 году осуждены за литературную деятельность антисоветского содержания. Если это так, то скажите, что предшествовало вашим антисоветским убеждениям?

Ответ. Будучи на протяжении длительного времени (с 1929 года) тяжело больным с постоянным пребыванием в постели, я был абсолютно оторван от коллектива. Болезнь и полное одиночество выработали во мне замкнутость и ярко выраженный индивидуализм. Чрезвычайно много читая, я, естественно, находил общее с теми авторами, которые воспевали отрыв от действительности и неприязненные отношения к ней. Поступив в Литературный институт, я сразу же почувствовал, как мало общего у меня с теми молодыми советскими писателями, которые меня окружали. Все то, что я делал, было враждебным по отношению к современной советской литературе. Это вызвало неприязненные отношения ко мне окружающих и тем самым еще более укрепляло меня в моем антисоветском мировоззрении. Плодами этого мировоззрения и явились написанные мною книги и публичные выступления на литературные темы. Никаких других влияний, кроме мною указанных, я не испытывал.

Вопрос. Сейчас вы остались такого же антисоветского убеждения?

Ответ. Да, я был антисоветски убежденным и остаюсь таким же и сейчас. Это подтверждается написанными мною здесь в Карлаге МВД в 1950 и 1951 годах произведениями антисоветского содержания, которые я озаглавил «Россия и Черт», «Человечье мясо», «Роль труда» и другие, которые у меня изъяли при обыске.

Вопрос. Содержась в лагере, каким образом и где вы писали антисоветские произведения, кто вам способствовал в этом?

Ответ. Находясь в заключении, именно в этот период, на участке «Бородиновка» Самарского отделения я жил в отдельной кабинке. В силу этого имел возможность находиться один, и,

используя это, я и писал свои произведения. В этой работе мне никто из заключенных, а также и вольнонаемных не способствовал, а также не помогал в написании их, так как я в помощи не нуждался.

Вопрос. А кому из заключенных или вольнонаемных работников отделения было известно о вашей антисоветской деятельности в такой форме?

Ответ. Я думаю, что об этом никому известно не было. Я тщательно свою деятельность и записи скрывал, при посторонних лицах никогда не писал и не рассказывал.

Вопрос. Вам предъявляется рукопись рассказа на 23 листах, озаглавленная «Человечье мясо». Ознакомьтесь с данной рукописью и скажите, вы ее написали? Если вы, то в какой период времени и где?

Ответ. Предъявленная мне рукопись рассказа, озаглавленная «Человечье мясо», принадлежит лично мне и написана мною в период с 4 сентября 1950 года по 14 апреля 1951 года. Писал я этот рассказ, находясь в заключении на участке «Бородиновка» Самарского отделения Карлага МВД.

Вопрос. Что изложили вы в указанном рассказе?

Ответ. В моем рассказе «Человечье мясо» я писал о трагедии человека, совершившего тяжкий путь от простой отчужденности от советской действительности до тяжелой неравной борьбы с Советским государством, приведшей к гибели героя. Одним из действующих лиц рассказа является автор рассказа, то есть я.

Вопрос. Приведите отдельные антисоветские высказывания, заявления, помещенные вами в рассказе «Человечье мясо».

Ответ. Дискредитация советской власти в моем рассказе «Человечье мясо» велась по нескольким темам. Я утверждал, что Советская власть отрицает свободу творческой деятельности писателя. В связи с чем писатель, не желающий подчиняться требованиям партийной политики в области искусства, вынужден скрываться, постоянно опасаясь кары со стороны органов государственной безопасности.

Характеризуя советское государство, я утверждал, что у власти стоят убийцы, «горячо любимые» народом. Я так это описал в рассказе: «…Но самое страшное не в том, что убийцы захватили власть в государстве, а то, что народу они свои, родные и любимые…»

В своем произведении я также писал: «О том, что люди несчастливы, этот человек сочинял свои рассказы, драмы и сценарии. В его творчестве наступил перелом, когда он понял, почему люди несчастливы: они были несчастливы потому, что не были свободны. Они не были свободны не только потому, что

каждому из них угрожала гибель за признание, но главным образом потому, что счастливы они стали не по собственному выбору, а им приказали: будьте счастливы, а то мы вас…»

Я считаю, что государство должно быть построено не на демократических началах и не на началах диктатуры, а на господстве разума над силой и ее демократическими свободами, то есть я подменяю борьбу классов идеалистической борьбой идей. В своем рассказе это я выразил так: «Мы боремся для того, чтобы уничтожить коммунизм, как формацию, лишившую свободы человеческий интеллект, и построить общество, в котором впервые за все века истории народов власть будет осуществляться не силой оружия, но силой интеллекта (разума). Это будет государство умных людей».

На последующих допросах Аркадий Белинков довольно подробно рассказывает о содержании пьесы «Роль труда», направленной против марксизма-ленинизма, изучения «Краткого курса истории ВКП(б)», а также вспоминает рассказ «Россия и черт», в котором герой борется против советской власти за сохранение мировой культуры.

Он даже с нескрываемой гордостью растолковывает следователю каждую строчку своих произведений. Создается впечатление, что страх покинул писателя раз и навсегда. Позже он признается, что перестал бояться всего во время пешего этапа из Сортировки в Карабас. Когда он, ослабевший, падал на землю, то автоматчики били его палками, организм не выдерживал этого, и откуда только брались силы – он вновь вставал и чудом, таким образом добрался до Карабаса, а оттуда до Сарепты. Но сколько людей не добрались! Их били-били, а они не вставали. И тогда их бросали на телеги, а оттуда скидывали в глубокие рвы на кладбище в Карабасе. И кто это видел, разве устрашится в жизни?

И, видимо, так охотно помогал малограмотному следователю Белинков, ибо был доволен тем, что наконец-то заимел, хоть тот и был в ненавистных погонах желанного слушателя. Это было ему еще и интересно, что следователь не читал его рукописей, а умудрялся вести настойчиво дело. И однажды он не выдержал – воскликнул:

– Владимир Иванович, дорогой мой следователь, да вы хоть читали мои рассказы, все спрашиваете, о чем тут написано, где о Сталине, о Советской власти вредные слова?

Может, спросите, призывал ли я коммунистов убивать? Да отвечу Вам: призывал, призывал! Это я выразил словами главного героя рассказа «Человечье мясо» Аркадия. Процитировать?

И Белинков процитировал:

– Вот эти строки из рукописи: «…Человек прекрасен и создан для борьбы. Да! Да! Для борьбы за великие и чистые человеческие идеи. Эти идеи надо защищать и завоевывать не только строками светлых и тихих поэтов, но штыком, ножом, взрывом, выстрелом. Люди! Боритесь за свое счастье, за то, чтобы человек был человеком. Коммунисты принесли в мир идеи ненависти и уничтожения. Уничтожайте коммунистов и их идеи! Это они ввергли мир в пламя войны. Это из-за них люди не спят спокойно ночами, учат своих детей ненависти и страху. Нет покоя и счастья. Каждый человек, если дорога ему человеческая история, должен убить коммуниста!..»

Следователь, не ожидавший такого напора Белинкова, прямо-таки онемел, затем замахал руками и, наконец, выдохнул:

– Ну, этого я у тебя не спрашивал! Ты сам напросился! За призыв к физическому уничтожению коммунистов точно 25 лет лагерей получишь!

Действительно, вскоре военный трибунал войск МТБ Казахской ССР приговорил А.В.Белинкова за клевету на советскую действительность, на теорию марксизма-ленинизма, а также за призывы к необходимости уничтожения идей марксизма-ленинизма и физическому уничтожению коммунистов к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на 25 лет.

Однако писателю опять повезло. Началась хрущевская оттепель. 16 июня 1956 года, учитывая его состояние здоровья (инвалид 3-й группы), а также в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР по освобождению лиц, отбывающих наказание за политические преступления, Белинкова освободили со снятием судимости и поражения в правах. «Но кто вернет мне 12 лет, проведенных за колючей проволокой в казахстанской степи? – с горечью думал Белинков. – Кого за это накажут?»

Вернувшись в Москву, Аркадий Викторович долгое время не мог нигде устроиться на работу. Слава богу, спасала пенсия по инвалидности – на кусок хлеба и воду хватало. Но уже не было в душе его прежней ненависти к советскому режиму, он впал в печаль и тоску такую, что однажды в Переделкино чуть не покончил с собой. Спас его все тот же Виктор Борисович Шкловский, который выбил из его рук пистолет, крикнув:

– Скажи «смерти» нет!

И вот результат – все гнусное и печальное, что нашло на Аркадия Белинкова, вдруг исчезло, как туман. Но он снова вспомнил дорогу на Карабас, издевательства автоматчиков-конвоиров с палками, тяжелые зимы с пургой в Самарке, заключенных, умирающих то от туберкулеза, то от недоедания… Он все это пережил, переболел, перемолол душой своей. Так

стоит ли после всего этого кошмара прощаться с жизнью? Свет оптимизма пал на его больное сердце, и мужество вернулось к нему. И он, просветленный, спросил Шкловского:

– Виктор Борисович, поможешь с работой?

И тот обрадованно ответил:

– Давно бы так. Помогу.

Но пистолет Белинкову Шкловский не вернул, выбросив его в заросшем лопухами пруду.

И так размеренно и спокойно потекла жизнь у Белинкова, когда его зачислили преподавателем в Литинститут по рекомендации Виктора Борисовича Шкловского. Он опять всерьез взялся за литературоведение, написал немало статей для «Краткой литературной энциклопедии». Его статью о творчестве Александра Блока очень хвалил В.Б. Шкловский.

Однако Белинкова «все время тянуло к лагерной теме». Ему хотелось рассказать всю правду о сталинизме, о том, как страдали ни в чем неповинные люди в Карлаге даже после смерти «чудесного грузина». И это неправда, что писатели в эпоху Сталина молчали, не боролись с культом личности и мраком бюрократической системы Советов. Но в 60-х годах существовала цензура! И ей было дано указание больше не публиковать таких произведений как «Один день Ивана Денисовича» Солженицына да и вообще закрыть лагерную тему. Посему в издательствах всячески отрекались от «Архипелага ГУЛАГа» Солженицына, а когда тот посмел опубликовать ее за рубежом, его выслали из СССР.

Тогда Белинков решил обратиться ко временам каторги декабристов и через нее показать иносказательно советскую каторгу. Писатель Вольфганг Казак отметил «дар Белинкова иносказанием превратить прошлое в современность». И, пользуясь этим даром, Аркадий Викторович обращается к творчеству Юрия Тынянова, создавшего превосходные рассказы о царях и декабристах и роман «Кюхля». Он сам знал Юрия Тынянова, дружил с ним, завидовал ему, что тот сумел собрать сундук с рукописями Кюхельбекера и на их основе написать роман о декабристах. Он чуть не лишился дара речи, когда Тынянов показал ему рукопись Кюхельбекера, в которой несколько строк были написаны самим Пушкиным! Да ведь это открытие из открытий!

Жаль, что в 1943 году Тынянова не стало. Но остались его ученики, последователи. Правда, половину их пересажали. Об одном из них – литераторе Георгии Ингале рассказал в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ» Александр Солженицын. Писатель встретился с ним в бутырской тюрьме. Несмотря на молодость,

Георгий Ингал был уже кандидатом в члены Союза писателей СССР. Солженицын пишет о нем: «У него было очень бойкое перо, он писал в контрольных изломах… У него уже был близок к концу роман о Дебюси. Но первые успехи не выхолостили его, на похоронах своего учителя Юрия Тынянова он вышел с речью, что того затравили, – и так обеспечил себе 8 лет срока».

С точкой зрения Георгия Ингала согласились его друзья, почитатели таланта Юрия Тынянова Борис Гаммеров и Вячеслав Добровольский, и они разделили горькую участь сотоварища. Солженицын слушал их стихи, их рассказы об опальном Тынянове. И резюмировал: «Гаммаров и Ингал так светло и отважно были настроены: не надо нам никакого снисхождения! Мы не тяготимся посадкой, а гордимся ею!»

Именно после похорон Тынянова Белинков задумал написать книгу о нем и его творчестве. Он даже взял с собой в лагерь роман «Кюхля». И, перечитывая его, «на советской каторге мыслей и чувств» стал писать эссе о произведениях Тынянова, чтобы напомнить читателям, что все в истории повторяется. И каторга декабристов, вмонтированная в советскую действительность, это и есть каторга отверженных сталинизмом. И когда после освобождения из лагерей Карлага в Москве он встретился с писателем Вениамином Александровичем Кавериным, тот одобрил его замысел, сказав:

– Хорошо, что Тынянов жив в тебе, не умер. Он сумел нам оставить такое наследие, от которого грех отказываться.

Сам Вениамин Александрович уже после смерти Белинкова напишет содержательное предисловие к книге Юрия Тынянова «Кюхля. Рассказы.», изданной в Москве в 1981 году. К сожалению, он ни слова не скажет о приоритете А. Белинкова в разработке тыняновской темы, о том, что еще в 1961 году вышла книга Аркадия «Юрий Тынянов», в которой тот поднимет имя исследователя жизни Пушкина и декабристов на подобающую ему высоту. Белинков в ней, в частности, напишет: «О том, каким был Пушкин в жизни, литературе и истории, мы узнали гораздо больше от Ю.И. Тынянова, чем от В.В. Вересаева». И далее: «Роман Тынянова побуждает задумываться над вещами, казавшимися уже решенными. Это свойство всякого большого искусства».

Почему так охотно взялся Белинков за Тынянова? Кроме всего прочего, он увидел в образах, созданных им, и самого себя. Он тоже, как Кюхельбекер, писал стихи против деспотизма, тиранизма, восставал против унижения людей, забритых на каторгу. Он также был приговорен к смертной казни, затем замененной каторгой, перенес все ее беды и тревожные рассветы, у него так же, как у Кюхельбекера, отобрали на каторге чернила,

бумагу, рукописи и не разрешали писать правду. Белинков даже убежденно говорил, что он умрет, как Кюхельбекер, вдали от Москвы, в его возрасте и от болей в сердце. И, забегая вперед– скажем, что так оно и случилось, – предвидение Белинкова сбылось – он умер так же, как Кюхельбекер, на 49 году жизни вдали от Москвы, в Америке, и от болей в сердце…

А тогда он писал о Тынянове и чувствовал восторг сердца, когда напоминал читателям пушкинские строки:

«Товарищ, верь, взойдет она —
Заря пленительного счастья…
Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишут наши имена».

Однако и в 1968 году Россия не вспрянула ото сна, а еще больше погрузилась во тьму. Это погружение во мрак ночи ускорилось с 1960 года, со дня кончины Бориса Пастернака, лауреата Нобелевской премии, от которой его вынудили отказаться. Великий поэт жил и умер нищим. Белинков присутствовал на похоронах Пастернака, и после этого долго не мог придти в себя. «Стоило ли Борису Пастернаку отказываться от Нобелевской премии? – думал он. – Не лучше ли было бы умереть за рубежом, но пожить хоть немного спокойной свободной жизнью?»

После похорон Пастернака что-то сломалось, больно хрустнуло в душе Белинкова. Его даже не радовал выход собственной книги «Юрий Тынянов» в 1961 году. Ибо после недолгой «оттепели» в Россию возвращалось мрачное время «нельзя»: нельзя говорить правду, нельзя собирать митинги, нельзя критиковать власть и так далее. Как в стихах Пастернака:

«Культ личности лишен величья,
Но в силах культ трескучих фраз.
И культ мещанства и безличья,
Быть может, вырос во сто раз».

Если бы только культ мещанства и безличья вырос… Как снежный ком, рос новый культ личности Брежнева. А вместе с ним опять начались гонения на здравомыслящих писателей, художников, ученых. Их теперь отправляли не только на каторгу, но и в психиатрические тюрьмы-больницы. А если их не исправляло все это, то выдворяли из СССР.

В 1968 году танковые колонны СССР начали подавлять дух свободы в Чехословакии. Вся мыслящая интеллигенция в Москве объединилась, и 25 августа 1968 года организовала в столице на Красной площади знаменитую демонстрацию против вторжения советских войск в Чехословакию. Диссиденты ликовали – власти прислушиваются к их голосу. Но не тут-то было – в Москве начались повальные аресты участников демонстрации. За рубежом оказались многие друзья Белинкова, в том числе Павел Литвинов, Александр Есенин-Вольпин… В конце концов эмигрировал за рубеж и сам Аркадий Белинков вместе со своей супругой Натальей. Воспользовавшись творческой командировкой в Венгрию, они сбежали оттуда в Югославию, а затем вылетели в США.

Около 12 лет Аркадий Викторович преподавал в университетах Америки, был членом Пен-клуба. В США, занимаясь литературоведением, он заинтересовался жизнью и творчеством советского русского писателя-прозаика, поэта, драматурга Юрия Карловича Олеши, с которым познакомился в Москве. Казалось, благополучный во всех отношениях писатель в конце жизни стал «лишним человеком» в обществе. Белинков видел Ю.К. Олешу в Доме литераторов, где он долгими осенними тоскливыми вечерами просиживал в ресторане со стаканом водки. Денег у него не было, и более удачливые советские писатели бесплатно угощали «истинного прозаика», который уже не знал, «куда несет нас рок событий».

Белинкову до боли в душе было жаль Юрия Олешу. Когда он преподавал в Литинституте, то несколько раз ходил на лекции Константина Паустовского – о мастерстве писательского труда. И всякий раз знаменитый писатель ставил в пример Юрия Олешу, который, по его мнению, отличался огнем юмора, поэзии и мгновенного и точного понимания человеческих сердец». Он расхваливал его сказку «Три толстяка», роман «Зависть» и книгу «Ни дня без строчки».

Немного позже Константин Паустовский тепло расскажет об Юрии Олеше в своей повести «Золотая роза». Он запомнит его в стареньком пиджаке с красивой маленькой розой в петлице в ресторане Дома литераторов. Таким видел его в Москве и Белинков. Он несколько раз приглашал к себе в гости Юрия Карловича, и тот приходил на чай, чтобы вместе подумать о жизни и том терроре, который насаждал Сталин в стране.

В последний раз Юрий Карлович приходил к Белинковым в 1960 году, но не застал их дома. Аркадий увидел записку Олеши, приколотую к двери: «Все время думал о том, что есть что-то неправильное, ошибочное в том, как живем». Вскоре Олеши не

стало.

Но остались жить его Книги. И по ним нам судить о писателе. И, прочитав их, Аркадий Белинков пишет: «Книги Юрия Олеши точны как маленькие макеты нашей истории… Как десятки окон, распахивается время в его книгах… Удивителен и непривычен мир, встающий с этих разноцветных страниц». Сам Юрий Олеша говорил о себе в записной книжке: «Я твердо знаю о себе, что у меня есть дар называть вещи по-иному».

Жена Олеши Ольга Густановна Суок была сестрой супруги поэта Эдуарда Багрицкого Лидии Густановны, которую вскоре после смерти поэта арестовали в 1937 году за контрреволюционную деятельность, осудили на пять лет и отправили в Карлаг. Самого Олешу перестали печатать (запрет был снят только в 1956 году). Его беды начались с тех пор, как он взялся за создание пьес антисталинского направления. Первую такую пьесу Олеши «Список благодеяний» в 1931 году решил поставить Всеволод Эмильевич Мейерхольд в Москве в своем театре. Однако спектакль запретила цензура. Белинков в книге об Олеше правильно указывает, что «Список благодеяний» фактически был «списком преступлений» советской власти, в пьесе было выражено отношение автора к окружающей его действительности – к расстрелам, запрету на частную жизнь и на право высказывать свое мнение, к бессмысленности творчества в стране, где разрушено общество. В дневнике Олеша писал: «Все опровергнуто, и все стало несерьезно после того, как ценой нашей молодости, жизни установлена единственная истина: революция».

В 1930-е годы по заказу МХАТа Олеша писал пьесу, в основе которой лежала владевшая им мысль об отчаянии и нищете человека, у которого отнято все, кроме клички «писатель». Попытка выразить это ощущение была сделана Олешей в его речи на Первом съезде советских писателей (1934). Пьеса о нищем писателе была тоже запрещена цензурой.

Но она стала, по сути, правдивым предсказанием судьбы самого Олеши. Он умер от длительных запоев и перебоев сердца, от нищеты и голода. На Новодевичьем кладбище на его могиле нынче всегда лежат маленькие розы от почитателей его таланта, такие, какие он любил и носил в петлице пиджака.

Аркадий Белинков писал книгу «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша» – долго и мучительно. Только в 1976 году в Мадриде она была издана. Аркадий Викторович Белинков не дожил до ее появления шесть лет. Одно утешает: он всю жизнь настойчиво и убедительно боролся против сталинизма и его проявлений, поддерживал всех тех писателей, кто нес слово правды людям. Он не прекращал этой борьбы даже в темных

казематах тюрем и лагерей Карлага, и, выйдя оттуда, не пал духом, а, сказав смерти «Нет!», поборов минуту слабости, вновь взялся за знамя свободы слова и правды и не выпускал его до смертного часа, пока билось сердце в груди.

Из книги Белинкова об Олеше я знаю, что Аркадий любил строки стихотворения Маяковского:

«Я хочу быть понят моей
страной.
А не буду понят – что ж.
По родной стране
Пройду стороной,
Как проходит
Косой дождь».

Долгое время Белинков не был понят своей страной, и он прошел стороной в русской литературе, как проходил косой дождь. Но времена меняются, и сегодня мы говорим о Белинкове как о ярком представителе российского литературоведении прошлого века, как о человеке-борце за права людей в СССР.

Глава 18
Помоги надеяться, Господи

Известный литературный критик, поэт Юрий Александрович Айхенвальд был сослан в Караганду в 1949 году на 10 лет. В его учетной карточке сказано, что он был арестован «за антисоветские высказывания». Жил Айхенвальд в Москве, учился в педагогическом институте, кто-то из его сокурсников настучал, что он постоянно цитировал стихи Осипа Мандельштама о Сталине, особенно восхищался его строками:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кавказского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются глазища,
И сияют его голенища.
А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей,
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.
Как подкову дарит за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь,
кому в глаз.
Что ни казнь у него – то малина
И широкая грудь осетина.

В то время Юрий Айхенвальд посещал в Москве литературное объединение при издательстве «Молодая гвардия», где познакомился с сыном Сергея Есенина Александром Вольпиным и Наумом Коржавиным. Все они были настроены бороться с существующим строем, их даже окрестили «советскими декабристами». Они назначали друг другу свидания на Пушкинской площади, и там читали друг другу свои стихи. Особенно выделялся Наум Коржавин, вроде тихий малый, но когда он начинал читать стихи, то сама революция начинала бродить в его лике, и ненависть к советским вождям так и плескалась свинцовыми волнами в его глазах.

– Что ты все: Сталин да Сталин, а где же Ленин? – спрашивал

Юрий Наума. – Это ведь Владимир Ильич первым придумал суровую кару – высылать за границу писателей и профессоров, мыслящих по-иному, чем он. Да и расстреливать он любил неповинных.

– Что Ленин? Придет время, доберемся и до него, – отвечал Наум. – Только где доказательства его жестокости?

А доказательств у Юрия Айхенвальда хватало, и самых достоверных – его дед, литературный критик и эссеист Юлий Исаевич Айхенвальд был в 1922 году выслан из РСФСР за антикоммунистические взгляды. А идея высылки его и других русских интеллигентов принадлежала самому В.И.Ленину. 19 мая 1922 года Владимир Ильич писал любимому Феликсу: «Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» (писателей и профессоров, помогающих контрреволюции – В.М.) изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу».

И новое предприятие карающей революции было поставлено Дзержинским на широкую ногу. В конце 1922 года около трехсот виднейших гуманитариев России были посажены на грузовой пароход, спущены в черные от угля трюмы и отправлены в Европу навечно. Среди них были такие известные творческие люди как философы С.Н.Булгаков, И.А.Бердяев, Л.П. Карсавин, И.А. Ильин, историки С.П. Мельгунов, В.А. Мякотин, И.И. Лапшин, литераторы А.С. Изгоев, А.В. Пешехонов… Попал в ряды «счастливчиков» и дед Юрия – Юлий Исаевич Айхенвальд. И с тех пор весь род Айхенвальдов находился под бдительным оком органов безопасности, верных идеям Ленина – Дзержинского. И отцу Юрия в 1933 году скрутили руки и отправили в камеры Лубянки за связь с Бухариным, а затем расстреляли. А ведь он был всего-навсего экономистом, политикой всерьез не занимался. Но Александр Юльевич Айхенвальд имел неосторожность хорошо отзываться о Бухарине, его трудах… В 1938 году арестовали и мать Юрия… А затем взяли и его самого «на прицел». И, видимо, это было правильно с точки зрения властей – яблоко от яблони недалеко падает…

А «яблоко» созревало медленно, оно уже окончило два курса пединститута и все молчало – молчало. И вдруг, попав в литературные круги «Молодой гвардии», заговорило стихами Мандельштама, а затем и своими. Не допустим!

Наум Коржавин сказал Юрию:

– А ты что-то сам не пишешь ничего осуждающего о Ленине-Сталине? Боишься?

И Юрий твердо пообещал другу:

– Придет время, напишу!

Но ему не дали ничего против Ленина-Сталина написать. В

1949 году он уже стоял в толпе ссыльных москвичей на Сортировочной в Караганде и вдыхал пропахший углем воздух. И смотрел на снег, черный от угля, серый город, его бараки и думал: это все, конец! Это ад кромешный!

Но, оказалось, что в этом аду можно жить. К тому времени Караганда как бы распрямляла свои опущенные было плечи. Уже появился Новый город, продолжалось строительство жилых кварталов по улицам Джамбула, Ленина, Чкалова, Сакена, бульвару Мира, проспекту Сталина. Были возведены благоустроенные жилые дома, здания облисполкома, горного техникума, кинотеатра «Октябрь», заложен парк культуры и отдыха.

…Айхенвальд любил прогуливаться по скверу у памятника Орджоникидзе, где было много деревьев желтой акации, тополей, карагача… Правда, вначале он принял фигуру Орджоникидзе за Сталина, те же грубые сапоги, огромные тараканьи усища, курительная трубка в руке… Да, скульпторы в Караганде были не на высоте, памятник Пушкину на бульваре Мира и памятником-то язык не поворачивался называть..

Тоскливо было на душе. И если бы не созвездие талантов, сосланных в Караганду по подозрению в антисоветской деятельности, то Айхенвальд утонул бы окончательно в пессимизме. А так ему в Караганде руку помощи сразу протянули заброшенные сюда КГБ его друзья по несчастью.

Сегодня уже все забыли имя детской писательницы Эстер Соломоновны Паперной, арестованной в 1937 году по делу Ленинградского отделения Детгиза, большого друга Самуила Маршака. После «Алжира» ее не отпустили жить в больших городах, а определили в Караганду. Здесь она работала статистом в детской больнице, охотно посещала заседания литературного объединения при редакции областной газеты «Социалистическая Караганда». Тут она впервые увидела Айхенвальда, бледного, без единой кровинки в лице, плохо и грязно одетого (он работал электромонтером на разных стройках). Она пригласила его к себе в глинобитный домик, накормила и обстирала его…

Ничего нет сильнее дружбы, если она начиналась в Москве… Москвичи друг о друге пекутся, друг друга поддерживают. А поэты – тем более… Юрий Айхенвальд – частый гость Коржавина, Александра Есенина-Вольпина. Он поддерживает их антисталинскую позицию, настойчиво требует «бороться с властями не только словами, но и делом, вплоть до террористических актов». Об этом он говорит в кулуарах в перерывах на литобъединении, но его высказывания попадают не к друзьям народа, а к стукачам (были и такие в редакции). И в

сентябре 1951 года Юрия Айхенвальда вновь арестовывают, на этот раз за «террористические высказывания» и возвращают в Москву в Бутырскую тюрьму. Опять идет следствие… И во время его Юрий приходит к выводу, что ему уже пощады не будет, как бы не подвели под расстрел… Ему передают тайно записку с воли Александра Вольпина-Есенина, который советует ему притвориться душевнобольным. Это, мол, единственная возможность Юрия выжить. И Айхенвальд симулирует душевную болезнь, с этой целью пишет абракадабру-трактат шизофреника «Критика аксиомы существования», в котором сквозит одна мысль – человеческий род должен быть уничтожен, и это должны сделать коммунисты. Как ни странно, психиатры идут на поводу у Айхенвальда, и в конце концов после продолжительных бесед с ним признают его невменяемым. В 1952 году его переводят в Ленинградскую психиатрическую больницу тюремного тыла. Понадобилось три года, чтобы его «вылечить». Только в 1955 году с него снимают диагноз «шизофрения», а заодно и реабилитируют (дело закрывают за недоказанностью и в связи с истечением сроков следствия).

Надо сказать, время в психиатричке Айхенвальд проводит с пользой для себя, возвращаясь к творчеству. В этом его поддерживает верная супруга Валерия Михайловна Герлин, которая ни на минуту не забывает его. Будучи сама литератором и педагогом, она выносит написанные им стихи из психбольницы и публикует их то в Самиздате, то за рубежом. Образцом его тюремной лирики может быть стихотворение «Толкователь библии», написанное в больнице тюрьмы в 1953 году. Приведем его полностью, ибо оно хорошо передает его образ мышления и чувств того смутного времени:

Я, как бык, попался в клетку,
Я, как бык, попался в сети,
Я теперь за все в ответе,
Я катаюсь по траве.
Я у пули в пистолете
С давних пор был на примете,
Уж она меня пометит
Бороздой на голове!
А четыре автомата
В четырех углах поляны
Дожидаются расплаты
Лишь с земли я снова встану.
А четыре лейтенанта
В четырех углах поляны

Уничтожат пасквилянта
За его характер странный.
Но в кровавой дымке бреда
Обозначилось сиянье:
В безысходности – победа
Обреченных на закланье!
Белым дымом подымуся
Я до облаков.
Есть у Господа Исуса
Царство для быков.
Путь широкий, светлый, млечный, —
Я гулять там буду вечно
По земле из облаков!
Я себе сломаю шею.
Я рогов не пожалею.
– Лейтенант, копай траншею!
Пли!
В белом воздухе ныряя,
Я всплыву, как пробка,
К раю,
В белом воздухе ныряя,
Оттолкнувшись от земли!

Пессимизм никак не покидает поэта и после выхода из тюремной психбольницы. И чтобы вернуть Юрия на землю грешную, в суету сует Валерия Михайловна предлагает ему продолжить учебу в педагогическом институте. И он как бы оживает, попадая в студенческую среду, блестяще сдает экзамены и получает диплом учителя. Он становится преподавателем русского языка и литературы в школе, и довольно успешным.

Однако его неумолимо продолжает тянуть к собратьям по перу. Вначале он примыкает к маяковцам, молодым поэтам, которые выступали на площади имени Маяковского с вольнолюбивыми стихами. Затем, когда их разгоняют, а их организатора-диссидента Владимира Буковского бросают в тюрьму, он превращает свой дом в место встреч либерально настроенных интеллигентов-литераторов. Читают вслух стихи, обсуждают проблемы развития литературы в СССР, свободы слова. И довольно часто беседы за чаем сводятся к необходимости убрать цензуру, выпускать самиздатовские журналы и книги, больше публиковаться за рубежом. Здесь, в доме Айхенвальдов, опять звучат стихи Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, идет разбор средств и

приемов поэтического мастерства классиков. Здесь выступают с новыми произведениями друзья Юрия – собратья по карагандинской ссылке Наум Коржавин, Александр Есенин-Вольпин и примкнувшая к ним «божий одуванчик», поэтесса Эстер Соломоновна Паперная. Впервые гости «открытого Дома» знакомятся со стихами Николая Глазкова, который был знаменит еще тем, что снимался в роли «летающего мужика» Ефима в фильме Андрея Тарковского «Андрей Рублев». В декабре 1959 года Глазков напечатался в самиздатовском журнале «Синтаксис» Александра Гинзбурга, чем очень гордился. Он и Юрия Айхенвальда втянул в «пропащее, но благородное дело», познакомив его и Валерию Михайловну с Александром Гинзбургом и его командой – Галансковым, Лашковой и Добровольским. Благодаря этому стихи Юрия Айхенвальда печатаются за рубежом, а также в самиздатовских сборниках этой группы. Его стихи стали популярными в студенческой среде. Помню, как студенты филфака Львовского университета, где я учился, читали его стихотворение, посвященное смерти художника Л., с которым он был в одной камере и который умер в тюремной больнице.

Вот так резинкою стирают
Рисунок конченный с бумаги.
Лежит художник, умирает.
Не хочет супа из салаки.
Лежит, пришпиленный к пространству.
Его стирают.
Делать нечего!..
Глядит тюремное начальство,
Как белизна в окне просвечивает.
А он толкует о Моне,
Рисует спичками горелыми
На оборотной стороне
Коробок из-под сигарет.
То черный цвет, то серый цвет
Опять перекрывает белое…

В январе 1968 года в Москве прошел суд над Гинзбургом, Галансковым, Лашковой и Добровольским. Известный диссидент Владимир Буковский назвал его «отчаянной попыткой властей запугать интеллигенцию, навязать ей свои представления». «Власти опять пытались представить дело так, будто судят не за убеждения, а за «клевету». Но это – на экспорт! Своим же откровенно грозили – видите, что с вами будет!» – писал он в

книге «И возвращается ветер»…

Однако в стране началась невиданная до тех пор волна возмущения действиями мрачного департамента Юрия Андропова. Юрий Айхенвальд тоже подписал письмо протеста против суда над Гинзбургом и его группой. Вскоре он был за это уволен из школы, его травили в газетах и на собраниях. Больших сил стоило ему добиться восстановления в школе, однако он туда больше не вернулся, а стал работать «на вольных хлебах» как литературный и театральный критик, не теряя связей с зарубежьем. В 1972 году в Мюнхене выходит его книга стихов и прозы «По грани острой». И опять у него начались неприятности, ибо в ней он поместил очерк «Как нас увольняли», связанный с судом над Гинзбургом и Галансковым, преследованиями людей, вставших на их защиту.

И Юрия Александровича Айхенвальда все чаще приглашают на «спасительные» беседы в органы безопасности. В 1975 году он перенес обширный инфаркт на допросе в прокуратуре, едва остался жив. Но борьбе за гласность, свободу слова он не изменил до конца своей жизни. Его дом по-прежнему был открыт для либеральной интеллигенции и участников правозащитного движения. По этому поводу журналист Ю.О. Ким пояснил в журнале «Советский цирк» в 1991 году: «Есть в Москве дома, где двери всегда нараспашку, вечно толчется народ, а по семейным и общечеловеческим праздникам и датам набивается жуткая прорва гостей и стоит общий гвалт, равный по плотности табачному дыму, слоящемуся, как торт «Наполеон». Это обычно актерские квартиры, мастерские художников или учительские жилища. Айхенвальд и жена его Валерия Михайловна как раз и есть представители той породы настоящего русского учительства. Они и есть просветители по своему призванию, и именно таким, как они, наша несчастная средняя школа обязана тем, что хоть какая-то частица настоящего знания и культуры в ней сохранилась».

Вся беда в том, что со временем ряды друзей Юрия Айхенвальда – участников движения за права человека – значительно поредели. Скончался после 117 дней голодовки его большой друг по Караганде, правозащитник Анатолий Тихонович Марченко. За рубеж выдворили его сотоварища Александра Есенина-Вольпина. В США сбежал карагандинский побратим Наум Коржавин (неунывающий Эмка)… Перед отъездом Наум примчался к Юрию, всячески уговаривал и его покинуть СССР, «пока не поздно». Но Юрий ответил другу, показывая на свою грудь:

– Боюсь, что мое сердце этой небесной дороги уже не выдержит.

Тем не менее с больным сердцем Юрий продолжал писать и заниматься общественной работой. Он стал одним из учредителей общества «Мемориал», членом его Совета и многое сделал для восстановления имен литераторов, правозащитников Анатолия Марченко, Александра Есенина-Вольпина, Эстер Паперной, Николая Глазкова и других. Поэзия остается источником его сил и здоровья, он обращается к ней в самые трудные времена своей жизни.

Ах, стать бы мне китайцем,
Сшить синие штаны,
Со всеми объясняться
«Сю-сю» или «хны-хны», —
И стать совсем таким же,
Как и любой другой
Под Китежем, на Ижме
И над Москвой-рекой!
А то ведь нет покоя.
Пора глухой тоски.
Тревога без отбоя.
Сжимаются тиски.
Сдвигаются, сжимаются, —
Кто выскользнет из них,
Летит и ушибается
О камни стран чужих.
А мы проводим времечко,
Имеем интерес
Весь вечер лускать семечки
Про обыск и арест.
И все давно рассказано,
И ясно – что куда,
А петля не развязана.
И новая беда.
А друг-китаец сетует,
Советует, жует.
Про все перебеседует
И всех переживет.
Дай, Боже, сил не сделаться
Китайцем средних лет
И помоги надеяться,
Пока надежды нет!

Он скончался в июне 1993 года в Москве. Его похоронили на Домодедовском кладбище. Каждый раз, когда я лечу из

Домодедово в Казахстан на самолете, то вспоминаю этого прекрасного поэта и человека. И молюсь, чтобы люди не забывали его имя.

Глава 19
«Во всем виноват Сталин»

В спецархиве Карагандинского управления Комитета по правовой статистике и специальному учету при Генеральной прокуратуре РК я нашел карточку политзаключенной Фаины Борисовны Гамарник, 1899 года рождения, образование высшее, из служащих, врач. Она отбывала срок в Карлаге в лагерных пунктах Карабас, Кызылтау, Бидаик, опять Кызылтау, Просторное, Черубай-Нура. Прибыла в Карлаг 5 июня 1940 года из тюрьмы города Белебей Башкирской АССР, освобождена 4 ноября 1943 года.

Как оказалось, Фаина Борисовна – родная сестра советского государственного, партийного и военного деятеля, начальника политуправления РККА, первого заместителя наркома обороны Яна Борисовича Гамарника, который в обстановке массовых репрессий в 1937 году покончил жизнь самоубийством. Она была арестована как член семьи изменника Родины (ЧСИР), ей установили минимальный срок три года. Но по прошествии отсидки редко кого сразу выпускали из Карлага, освобождение затягивали до пределов, известных только начальству лагеря.

Вина Фаины Борисовны состояла в том, что она обратилась с письмом к Сталину, чтобы узнать судьбу жены Гамарника Блюмы Савельевны и его дочери Беты. И вот вместо того, чтобы ей дать ответ, ее арестовывают. Следователь, который вел дело Фаины Борисовны в минуту откровенности с упреком сказал ей:

– Если бы вы не писали Сталину, так никто и не знал бы, где живет старшая сестра того самого врага народа Гамарника. А так вы сами себя выдали. За любознательность надо платить!

И все же Фаина Борисовна верила, что, может быть, если не жена Гамарника Блюма Савельевна, то его дочь Бета жива. Она ведь была школьницей, совсем юной, ходила в кремлевскую среднюю школу, дружила с детьми Анастаса Ивановича Микояна, даже гостевала у них на Зубаловской даче. Молодость – вот та единственная сила, которая может спасти жизнь обреченной. А, может, Бету не дал на растерзание шакалам Ежова Анастас Иванович Микоян? Он ведь любил ее.

Ничего не знала Фаина Борисовна и о судьбе своей младшей сестры Клары Гамарник – Богомоловой. Та жила в Кривом Роге. Ее арестовали раньше Фаины – 2 августа 1937 года. Через 8 месяцев, а более точно 14 мая 1938 года ей установили срок – 8 лет. «Куда она попала, где сидит?» – спрашивала себя Фаня и не

могла ответить. В лагере она часто плакала, вспоминая детство, совместные игры с младшей сестрой. Клара была моложе ее на шесть лет, но разве это гарантия, что она жива? Однако все может быть…

И всякий раз с содроганием сердца Фаина Борисовна смотрела на новые группы женщин, прибывающих в лагерь. Нет ли среди них ее родственников? Долгое время она даже не догадывалась, что ее сестра находится рядом. Клара была направлена в Карлаг из Бутырской тюрьмы еще 24 августа 1939 года. Ее привезли в Карабас, затем забросили на отсидку в село Просторное. Там она работала то в поле, то на ферме. Летом ее использовали на сенокосе, осенью – на уборке урожая зерновых, зимой на откормочных площадках, где выращивали бычков на мясо.

Где-то в 1941 году Фаню из Кызылтау перевели в медпункт лагерного отделения Просторное. Хотя она имела высшее медицинское образование, ей доверяли только работу медсестры. Не успела она прокипятить инструменты, как конвоиры доставили первую пациентку, случайно проколовшую себе ногу вилами. Фаня подняла глаза на заключенную и увидела свою родную сестру. Это было страшное открытие, ибо Клара так сильно похудела и постарела, что только по ее темным глазам да родинкам на щеках можно было определить: да, перед тобой стояла родная сестра! И она тихо с удивлением произнесла ее имя:

– Клара!

И та, услышав знакомый голос сестры, как бы остолбенела. И только после слов Фаины: «Ты жива?» она бросилась в ее объятья, стала целовать ее обветренные, потрескавшиеся губы, сухие, красные от марганца руки. Не сдерживая себя, она заплакала навзрыд, слезы текли и текли, и она, не в силах остановить их, бросилась к крану и холодной водой стала обливать себе щеки, лоб, голову, чтобы успокоиться…

Казалось, их душевным разговорам не будет конца. И Фаина поняла, какое это большое неповторимое счастье чувствовать рядом дыхание близкого человека, держать в руках теплую ладонь сестры, огрубевшую от непосильных сельхозработ.

О брате не говорили. Когда Клара прошептала: «Наш бедный Ян», Фаина остановила ее резким движением рук:

– Считай, что он погиб за счастье народа.

Их встреча состоялась, когда уже шла война с фашистами. Черная тень Гитлера доходила и до степей Казахстана. А доблестные войска Советов все отступали и отступали. И возникала мысль: может быть, это отступление не было бы таким

стремительным, массовым, позорным, леденящим душу, если бы в живых оставались «враги народа», красные маршалы Тухачевский, Якир, Блюхер, Ян Гамарник. Кто знает…

Вскоре рана у Клары зажила, она начала ходить. Осведомители узнали, что сестры Гамарник встретились, находятся на одной лагерной точке. И, конечно же, настучали про это начальнику Карлага: родственникам вместе отбывать сроки запрещалось. И тот дал указание перебросить Клару в Жартас на строительство плотины и арыков. Расставались они тяжело, с криками и плачем, будто прощались навсегда. Тогда ведь ни у кого не было уверенности в завтрашнем дне. Тем более у сестер бывшего заместителя Народного Комиссара обороны Гамарника, «предателя и труса, побоявшегося предстать перед судом советского народа, покончившего жизнь самоубийством». Именно такие слова привел 12 июня 1937 года в своем приказе № 96 тогдашний Народный комиссар обороны СССР, маршал К.Ворошилов.

Что совсем печально и лицемерно, пройдет тридцать лет, и тот же Ворошилов в сборнике «Ян Гамарник» напечатает свою статью под заголовком «Товарищ в борьбе». И в ней он будет вовсю расхваливать Яна Борисовича Гамарника, поднимать его имя до небес, будто и не существовало 1937 года и будто Климент не клеймил позором своего соратника. Вот дословно цитата из этой статьи: «Вся сравнительно короткая жизнь Яна Борисовича Гамарника – это труд и ратный подвиг. От рядового коммуниста до крупного партийного руководителя – таков его путь. Он был настоящим большевиком-ленинцем. Таким он и останется в сердцах тех, кто знал его лично, в памяти всех трудящихся».

Не так ли и сейчас поступают некоторые проходимцы и перевертыши из бывшей партийной элиты? При Сталине они давали добро на гибель и арест многих демократично мыслящих людей, а теперь вовсю хвалят погибших «товарищей» в своих выступлениях и статьях. Смотришь на таких «идеологов» и диву даешься, как можно жить без капли совести и покаяния?

Сестры Гамарник снова встретятся в Москве уже после смерти Сталина, Берии и Ворошилова по просьбе дочери Яна Борисовича Гамарника Виктории. Да, она выжила! И сестры приедут к ней, чтобы вместе с племянницей отметить День памяти и скорби. И в этот день Бета расскажет им о своих двадцати годах, загубленных в детдоме, а затем в лагерях смерти в Красноярском крае. Только во времена оттепели она добьется реабилитации, добьется приема у первого заместителя председателя Совета Министров СССР А.И.Микояна, и тот, опустив голову, ей скажет:

– Никто из нас не считал твоего отца врагом. Он был предельно чистым и честным человеком, как и твоя мама, незаконно расстрелянная в Орловском централе.

В документах Виктории было постановление: «Выслать в Красноярский край как социально опасный элемент по биографическим данным». Она покажет его Микояну и спросит:

– А кто ответит за это беззаконие?

Микоян подумает и скажет:

– Во всем виноват Сталин.

Глава 20
Жена поэта утешала жену маршала

Бывший заключенный Карлага, экономист-плановик Асан Полтаржицкий опубликовал на страницах областной газеты «Индустриальная Караганда» свои воспоминания. В них он подтвердил факт пребывания в Карлаге на сельхозработах жены маршала Блюхера. В частности, он писал: «В Бидаикском отделении лагеря находилась жена маршала Блюхера Глафира Лукинична (член семьи изменника Родины). В Долинке она окончила учкомбинат и работала заведующей фермой».

Мне много раз приходилось бывать в хозяйствах, которые были лагерными отделениями Карлага, встречаться с бывшими заключенными. От них я узнал много новых подробностей о пребывании так называемых жен изменников Родины в лагерях смерти Сталина. Бывший главный зоотехник Чурубай-Нуринского отделения Карлага Степанида Васильевна Никишова восхищалась мужеством этих женщин. Они выходили в поле с серпами на уборку колосовых, напевая знаменитую тогда песню:

«А ну-ка девушки,
а, ну, красавицы,
Пускай поет о нас страна.
И доброй славою пускай прославятся
Среди героев – наши имена».

Правда, когда они пели эту песню, у многих из них на глазах появлялись слезы. Но не у всех. Храброй, независимой показала себя в Карлаге Глафира Лукинична Блюхер. Она любила повторять слово «безвременье».

– Мы живем в годы безвременья, – говорила она подругам и поясняла. – Как еще можно назвать наше существование, нашу жизнь? Мы ведь ничего не можем делать сами, мы все делаем по приказу наших душегубов. Нам остается только одно – гадать и ждать. И работать, работать. Может, со временем Казахстан, действительно, станет процветающей страной, и среди героев, его создающих, назовут и наши имена…

Надзирательниц она презирала и называла не иначе как «жабами» или «злыми бабами». За подруг же своих – политзаключенок – болела всем сердцем, поддерживала их морально.

– Не предавайся жали, не унывай, – утешала она всякий раз новенькую, присланную в лагерь. – придет время, и рухнет Карлаг. И назовут его Жальбищем, а не тюрьмой народа. И придут сюда экскурсанты, чтобы попечалиться о нашем прошлом, чтобы скорбеть о наших загубленных судьбах. Пусть они знают, что мы не были нытиками, не жалели себя, хоть и житье наше здесь жалостное, грустное и даже больше того заунывное… Не жалует царь, не жалует нас и псарь.

Многие политзаключенные, а позже вольнонаемные роптали или плакались, писали жалобы Сталину, Берии, лагерному начальнику. В личном деле № 175713 Глафиры Лукиничны я не нашел ни одной челобитной о своем освобождении, незаконном аресте, незаконном содержании в лагерях Карлага. Ее осудили за «антисоветскую деятельность», как зафиксировали писари Карлага в учетной карточке Г.Л.Блюхер-Безверховой. Начало срока – 13 октября 1938 года, освобождена только 23 октября 1946 года. Целых восемь лет в неволе! И все эти годы она ни разу не выступила в роли жалователя! У нее не было скорби о себе! А вот траур по своему мужу она носила все эти годы, одеваясь только в черное платье. И когда заходила речь о маршале, жалобно причитала:

– Родной ты мой, милый, за что же тебя? За что?

«География» ее мучительного отбывания срока поражает: Бидаик-Долинка-Бидаик-Долинка-Бидаик-Карабас. Ее перебрасывали из одного лагерного отделения в другое, будто бы боялись, что в ее защиту поднимутся политзаключенные Карлага. А все дело в том, что Глафира Лукинична не умела «держать язык за зубами». Она при всяком удобном случае рассказывала политзаключенным, каким замечательным человеком был ее муж Василий Блюхер, каким он был отважным в бою (под ним не единожды убивали коней, а он вставал и пешим с пистолетом в руках продолжал драться). Он первым в стране в 1918 году был награжден орденом Красного Знамени – по тем временам это феноменальный факт! И он, мужественный и твердый в поступках воин, в то же время оставался мягким и культурным человеком, хорошим семьянином, любящим отцом. Блюхер хорошо разбирался в литературе, поэзии. Особенно он любил стихи Эдуарда Багрицкого. К своим воспоминаниям о перекопском бое Блюхер поставил эпиграфом именно его поэтические строки:

«И, разогнав густые волны дыма,
Забрызганные кровью и в пыли,
По берегам широкошумным Крыма
Мы красные знамена пронесли».

В то время Глафира Лукинична не знала (да и не могла знать!), что в Карлаге отбывала свой срок и жена поэта Эдуарда Багрицкого – Лидия Густановна Багрицкая, 1896 года рождения, родившаяся в Одессе. Ее арестовали в Москве в 1937 году. Она жила в доме № 2 в квартире № 9 на проспекте МХАТа, работала портнихой. Арестовали ее «за контрреволюционную деятельность». В личном деле за номером 153777 я прочитал, что особое совещание при НКВД СССР осудило ее 1 декабря 1937 года сроком на пять лет. Прибыла она в Карлаг 13 января 1938 года московским этапом. Отбывала свой срок на отделении Коктенкуль до 8 августа 1946 года, затем была переведена в Карабас.

Здесь, в темных бараках Карабаса, они встретились – жена известного полководца Блюхера и жена известного поэта Багрицкого. Одна – в черном поношенном платье, другая – в темной телогрейке, от которой пахло навозом и прелыми листьями осени. Их огрубевшие на ветру, опухшие красные руки с огромными венами скрестились в дружеском пожатье, когда они познакомились. И только здесь Глафира Лукинична Блюхер, которой исполнилось к тому времени тридцать лет, вовсю расплакалась… Это были слезы мужественной женщины. Она плакала не по своей исковерканной сталинизмом судьбе. Она опять вспомнила нежные объятья своего мужа, его трепетные слова признания в любви к ней.

В декабре 1946 года подруги по Карабасу были освобождены. Лидия Густановна Багрицкая вернулась в Москву. И тут она узнала, что ее девятнадцатилетний сын Всеволод добровольцам ушел на фронт и погиб, сражаясь с фашистами. В Кунцеве, где жила семья Багрицких с 1925 по 1931 год, где прошло детство Всеволода, в Доме школьников один из стендов был посвящен сыну поэта. В 1958 году Лидия Густановна приезжала в Кунцево, заходила в дом, в маленькую квартиру, где они жили бедно, но счастливо. Со слезами на глазах стояла у фотоснимка сына в Доме школьников… Об этом сообщила в свое время кунцевская газета «Знамя Ильича», которую я разыскал в библиотеке имени Ленина в Москве.

А что произошло с женой маршала Блюхера? Чтобы пролить свет на ее судьбу, я написал письмо сыну Блюхера – профессору, ректору Свердловского инженерно-педагогического института В.В.Блюхеру. Ответа не получил. Может быть, нет уже в живых Глафиры Лукиничны? А, может быть, еще жива? Откликнется… Во всяком случае, женщин-заключенных Карлага мы не вправе

забывать. Это ведь их заботливыми руками выращивались в нашей степи первые деревья и лесополосы, первые цветы и травы…

В Центральный Казахстан весна приходит неожиданно. С яблоневых веток падают тяжелые комья снега, деревья оживают, покрываются розовыми цветами. Начинается большой праздник наших душ. И хочется низко поклониться тем, кто потом и горькими слезами полил эту землю, давая жизнь ее первым садам, выращенным за колючей проволокой Карлага.

Глава 21
Любимый цветок Каюма

Среди заключенных Карлага, Степлага, Песчанлага и других сталинских лагерей находилось немало местных жителей – выдающихся интеллигентов Казахстана. Не так давно в Долинке в музее жертв политических репрессий меня познакомили с личным делом заключенного Карлага, историка Каюма Мухамедханова. Он был основоположником абаеведения, первым среди литературоведов написал кандидатскую диссертацию под руководством Мухтара Ауэзова о поэтической школе Абая. Немало горя, лишений перенес из-за нее автор. Был репрессирован, отбывал незаслуженное наказание в Карлаге.

И вот я встретился с человеком, который хорошо знал Каюма, любил ходить на экскурсии, которые тот проводил в музее Абая в Семипалатинске. Это – директор ТОО «КарагандаГИИЗ и К*», доктор технических наук, заслуженный строитель Казахстана Виктор Никитович Попов. В то далекое время (пятидесятые годы прошлого века) он учился в Семипалатинском топографическом техникуме.

Так вот Виктор Никитович Попов утверждает, что уже в те годы учащиеся техникума интересовались историей Казахстана, жизнью и творчеством Абая… Как раз в свободное от посещения занятий время он побывал несколько раз в музее великого поэта-мыслителя, который размещался тогда в пяти тесных комнатках деревянного домика, где некогда гостил Абай, приезжая из степей в Семипалатинск. Экскурсии в музее проводил довольно симпатичный, высокий, седой человек с обычными очками в роговой оправе. Он прекрасно владел русским языком, с блеском вдохновения в глазах рассказывал о жизни и поэзии Абая, его учениках-поэтах. Это был писатель, ученый Каюм Мухамедханов. Он всегда был приветлив с молодыми посетителями, часто повторял им слова Абая: «Наука отроков питает».

Сам Президент Академии наук РК Каныш Имантаевич Сатпаев с глубоким уважением относился к Каюму Мухамедханову. Когда в 1947 году музей Абая в Семипалатинске был передан в ведение Академии наук Казахстана, то К.И. Сатпаев издал приказ о назначении К. Мухамедханова директором этого музея. Для того у первого Президента АН Казахской ССР были важные основания. Во-первых, К. Мухамедханов активно участвовал в организации государственного литературного музея Абая, который был открыт

в 1940 году, во-вторых, он был автором первого гимна Казахской ССР, постоянно изучал творческое наследие А. Кунанбаева и даже нашел его неопубликованные стихи.

У Каныша Имантаевича Сатпаева был прекрасный дар подбирать кадры, и преимущество он отдавал творческим людям. Именно такими были его соратники Николай Кассин, Василий Штифанов, Евней Букетов, Михаил Русаков… Именно таким был Каюм Мухамедханов, написавший и опубликовавший более 500 трудов на темы абаеведения.

Мало кто из молодых знал, что К. Мухамедханов очень сильно пострадал во времена сталинизма, но не в гибельные жестокие тридцатые, а в пятидесятые годы, когда волны репрессий вновь охватили казахстанский край. Поводом для его ареста послужило совместное постановление Президиума Академии наук Казахской ССР и Президиума Союза советских писателей Казахстана «Об итогах дискуссии по научному изучению жизни и творчества классика казахской литературы Абая Кунанбаева». Оно было опубликовано в республиканской газете «Казахстанская правда» 13 октября 1951 года. В нем, в частности, говорилось о больших политических ошибках М. Ауэзова, С. Муканова, Г. Исмаилова и других писателей, которые отошли от позиции марксизма-ленинизма, трактуя творчество Абая и его учеников. «Дело дошло до того, – сообщалось в нем, – что в апреле 1951 года объединенный ученый совет гуманитарных институтов Академии наук Казахской ССР принял и осуществил защиту политически вредной диссертации К. Мухамедханова «О литературной школе Абая», где под «видом учеников Абая превозносятся даже буржуазные националисты, которые, дожив до периода советской власти, превратились в ярых ее врагов».

С публикации этого материала и начались тернии ученого Каюма Мухамедханова. 1 декабря 1951 года он был арестован и привлечен к уголовной ответственности за антисоветскую националистическую деятельность. Подготовленный им и Мухтаром Ауэзовым труд «Ученики Абая» был уничтожен в типографии уже во время набора. В мае 1952 года Мухамедханов был осужден по статье 58 на 25 лет лишения свободы с конфискацией имущества. Но, как выяснилось, конфисковывать-то было нечего – у Мухамедханова всего богатства-то оказалось – одна библиотека. И ее конфисковали, а это более трехсот книг. И среди них уникальные, изданные в 18–19 веках, такие как «Русские современные деятели» (1881 год), «Европейская Турция» (1890 год), «Ислам и культура арабов» (1913 год), «Казахские песни и кюи» Затаевича (1901 год), «О Козы Корпеш и Баян-Сулу»

(1927 год) и другие. Не побрезговали чекисты и письмами Каюма, его перепиской с Мухамедханом Сейткуловым.

Тут надо пояснить, что Мухамедхан Сейткулов – отец Каюма. Он близко общался с лидерами партии «Алаш» Алиханом Букейхановым, Ахметом Байтурсуновым, Мухамеджаном Танишбаевым, Магжаном Жумабаевым. В 1937 году Мухамедхана Сейткулова арестовали и предъявили обвинение в том, что он является одним из активных участников антисоветской группы мусульманского духовенства, существующей якобы в Семипалатинске. В том же году его расстреляли как врага народа, бывшего алаш-ординца. Место захоронения Сейткулова так и не нашли до сих пор.

Сын, подобно отцу, был осужден несправедливо, предвзято. Из него пытались выбить показания против М. Ауэзова, но Каюм продолжал твердить: «Мухтар – порядочный человек. Его не троньте».

Свой срок Мухамедханов отбывал в Карлаге, в унылой степи, полной каменных пригорков. За два года он побывал в самых страшных отделениях Карлага – и в Карабасе, и в Долинке, и в Дарье, и в Кула-Айгыре. Поскольку в его личном деле была запись «годен к физическому труду», его больше использовали на тяжелых невыносимых работах – он дробил киркой огромные валуны и переносил камни к лагерям, где из них сооружали высоченные стены, чтобы оградить зоны заключенных от всего мира.

Недавно дочь Каюма Мухамедханова Дина передала ряд «секретных материалов» в Долинский музей памяти жертв политических репрессий. Среди этих материалов – письма Каюма Г. Маленкову, А. Фадееву, Н. Хрущеву о грубейших нарушениях законности, прав человека во времена сталинизма, о его невиновности. «Каменной стеной вставало передо мной равнодушие работников органов. Они, мне кажется, до сих пор придерживаются правила: «упавший да будет растоптан».

В 1953 году скончался вождь всех народов великий Сталин. И сразу сердце Каюма охватила надежда о возвращении на родину – в родной Семипалатинск. В декабре 1954 года, как утверждают, не без помощи Александра Александровича Фадеева приговор Мухамедханову был отменен, а сам он реабилитирован. Об этом свидетельствовала и справка первого заместителя прокурора Семипалатинской области Б. Кенжебекова, которую я нашел в папке личного дела заключенного Мухамедханова. Три года провел большой ученый в сталинских лагерях смерти, но никакой компенсации за это не получил. Как не смог он добиться и возврата книг, конфискованных у него в 1951 году.

Когда я рассказал В.Н. Попову о новых материалах на Мухамедханова, полученных мною в Долинке, то он воскликнул:

– Этот человек заслуживает о себе только самых добрых слов! Если бы не он, то мы ничего не знали бы об Абае, его школе, последователях. Каюм был лучшим знатоком и пропагандистом творчества Абая и его учеников. Я до сих пор время от времени перечитываю слова назидания Абая, которые читал, еще будучи учащимся Семипалатинского топографического техникума.

Тут Виктор Никитович немного помолчал, а затем продолжил:

– Я рад, что жил и учился в Семипалатинске. Этот город весь пропитан историей. В нем жил и творил друг Мухамедханова – ныне знаменитый Мухтар Ауэзов, автор известной книги «Абай». Здесь рождались пламенные стихи Шакарима. Тут отбывал ссылку Федор Михайлович Достоевский, великий русский писатель. Ныне в доме, где он жил и творил, тоже открыли музей.

Я на всю жизнь запомнил слова Мухамедханова о том, что наука отроков питает. Может, потому учился всегда отлично, после техникума окончил Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, аспирантуру, защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Я и сейчас продолжаю учиться, заниматься творчеством, готовлю к изданию новые труды по инженерным изысканиям в Жезказгане, Темиртау, Астане… Это все от наставлений Абая, Мухамедханова.

Как-то в магазине «Книжник» я приобрел новую книгу в серии «Жизнь замечательных людей» писателя Николая Анастасьева «Абай. Тяжесть полета». Автор не забыл упомянуть в этой книге имя Каюма Мухамедханова, много сделавшего для пропаганды творчества Абая Кунанбаева, его последователей, вспомнил книги первого абаеведа «Поэтическая школа Абая», «Поэты абаевской поры» и другие. И это закономерно – без Каюма мы ничего не знали бы не только об Абае, но и о таких значительных величинах как Магжан Жумабаев, Ильяс Джансугуров, Мукали Макатаев и других сильных поэтах.

Когда Каюм Мухамедханов вернулся из Карлага и вошел в музей Абая в Семипалатинске, то на одном из подоконников зацвел его любимый кактус. Говорят, кто это увидит, тот будет счастлив, ведь кактусы цветут один раз в сто лет. Каюм, действительно, стал счастливым человеком. После отсидки в Карлаге он еще 50 лет занимался творчеством, стал лауреатом Госпремии РК, первым лауреатом Международной премии имени Абая.

После смерти писателя – ученого в 2004 году в городе Семее благодарные потомки ему соорудили памятник. Но у всех ли

интеллигентов Казахстана, которых подвергали репрессиям, так удачно сложилась жизнь?

Глава 22
Алтер, соратник Зорге

Он был соратником знаменитого Зорге. Он дважды встречался с ним, доставляя ему деньги и золото высшей пробы. Он подписывал депеши в Москву коротко: «Алтер». В Польше его звали паном Брушенкевичем, в Китае и США он был мистером Зоверманом-Зоберманом и т. д. На самом деле его подлинная фамилия Король, имя, отчество Михаил Давыдович.

Он так же, как Зорге, был разведчиком и журналистом. Но до самого последнего времени сохранялась тайна его подпольной деятельности советского шпиона. Он умер, унося с собой эту тайну. В некрологе, посвященном ему, 10 декабря 1959 года опубликованном в газете «Красная Звезда», перечисляются все его места работы, кроме разведывательного управления… Но даже судя по этим анкетным данным, сразу понимаешь, что Михаил Давыдович Король был неординарным человеком, с высоким интеллектом и высоким полетом мыслей. И не зря он прожил свою жизнь. Для меня, например, стало приятным открытием, что он был главным редактором сценария кинофильма «Чапаев», который стал шедевром советской кинематографии. Дочь Михаила Давыдовича Майя Король сохранила рабочий сценарий кинокартины «Чапаев». На первой странице написано: «Нашему доброму Королю верноподданные авторы. Надеемся, что после просмотра фильма не велите казнить. В.Васильев, С.Васильев».

М.Д. Король принимал самое активное участие в создании и других замечательных лент советского кино «Встречный», «Анненковщина» и т. д. Ведь он в 30-х годах был председателем правления Совкино, ответредактором газеты «Кино». К тому времени его считали состоявшимся журналистом. Литературного опыта он набрался, работая литсотрудником, заведующим отделом газеты «Красная Звезда», редактором журнала «Военный Крокодил».

Ему пророчили хорошее будущее как журналисту. Но вдруг в 1934 году его, сорокалетнего, полного расцвета сил, вызывают в разведуправление. И вызывает ни кто-нибудь, а сам начальник РУ Ян Карлович Берзин, член РСДРП с 1905 года, немного позже прославившийся как главный военный советник в республиканской Испании.

– Мы о вас вспомнили, Михаил Давыдович, время такое настало, – четко сказал Берзин. – Вместе мировую революцию будем делать!

Еще в 1920 году М.Д. Король был завербован в советскую разведку, направлен в Польшу для создания красного подполья. Но через семь месяцев его арестовала польская контрразведка. Вскоре Короля приговорили к смертной казни через повешение. Вот тогда он впервые почувствовал боли в сердце. Как-то в камере потерял сознание, больно ударившись о цементный пол… Его дни были сочтены. Но однажды ему повязали темную непроницаемую ткань на глаза и повезли в неизвестном направлении… Когда сняли повязку, он увидел, что оказался в большом светлом кабинете перед огромным письменным столом, над которым висел портрет Иосифа Сталина.

– Где я? – мучаясь в догадках, спросил Михаил Король.

– Успокойтесь. Вы дома, в советском посольстве. Вы свободны, – ответил, вставая из-за стола, помощник советского Посла в Польше. – Завтра будете в родной Москве.

Оказалось, Михаила Давыдовича поменяли на какого-то польского священника, обвиняемого в терроризме и антисоветской деятельности в СССР.

Находясь в польской тюрьме, М.Д. Король вспомнил Киев, где родился, свое детство, юность. Никогда он не мечтал быть разведчиком, этаким советским Джеймсом Бондом, суперменом, не знающим жалости к врагам, жестоким и непоколебимым. Наоборот – он рос мягким мальчиком, большим мечтателем и книголюбом. Это, видимо, шло у него от отца – простого сапожника, страстно любившего книги Льва Толстого, но отвергавшего марксизм-ленинизм. Когда великий русский писатель скончался, его поклонник, собрав нажитой тяжелым трудом капитал, отправился к нему на похороны, заказав самый большой венок с печальными фразами любви и поклонения.

Отец Михаила всю жизнь повторял слова Льва Толстого о том, что если все добрые люди планеты объединятся против зла и насилия, то на земле наступят рай и благодать. Увы, добрые люди все не объединялись, детство и юность Миши проходили в непонятном хаосе борьбы понятий и смыслов. То призывали: за царя и Отечество, то за рабочий класс и Советы, то за большевиков, Ленина-Сталина. Михаил, по молодости, во все верил, ко всему относясь серьезно и раздумчиво. Экстерном окончив курс гимназии, он пошел служить в гренадерский пехотный полк. Затем – I мировая война, фронт, стрельба из окопов, полных пыли, а в дождь грязи и вшей… Получил тяжелое ранение, попал в госпиталь. Опять фронт, отличился в боях, стал кавалером Георгиевского Креста. Октябрьскую революцию встретил со вздохом облегчения, считая ее панацеей от войны, крови и бессмысленных убийств. Потому и согласился работать в

Политуправлении армии, а затем в разведке РККА. Дабы добить буржуев и проходимцев, всех тех, кто мешал строить новое свободное общество. Ему как разведчику дали кличку «Алтер». И в паспорте его обозначили Алтером Брушенкевичем перед отправкой в Варшаву.

В Польше ему пришлось несладко, большинство поляков было настроено агрессивно по отношению к революционной России, большевикам. И контачил он больше с рабочими, низкооплачиваемым людом, недовольным условиями своей жизни. Он закладывал основы рабочей партии Польши, вербовал в ее ряды сторонников марксизма-ленинизма. Но, увы, их было мало, к тому же, в их среде хватало стукачей-доносчиков… Видимо, на одного из них и натолкнулся Брушенкевич, бывая на занятиях кружка рабочих-марксистов.

Это очень черная страница в биографии нашего разведчика. Его одиссея началась с крушения создаваемого им корабля. Но в советской России понимали, что путь к победам мирового пролетариата не усыпан розами. То, что произошло на российской земле, не обязательно должно повториться в таком же виде на польской. Провалы пана Алтера Брушенкевича, видимо, не очень тронули руководство разведки. Что ж, молодому агенту опыта не хватало, не специально же он сдался польским панам. Может, покажет себя в стране на поприще журналистики, киноискусства? Ведь как говорил Сталин? «Кино – мощное оружие партии…» А там в руководстве кинематографом черт знает кто засел – большевиков не хватает.

Работа в «Красной Звезде», Госкино – самые светлые страницы жизни Михаила Давыдовича. Здесь, действительно, его талант нашел приложение сил, расцвел. Фильмы, созданные под его руководством, навсегда вошли в историю советского и мирового кино… И он надеялся, что до конца жизни будет служить великой музе, радуя людей оптимизмом и верой в коммунистическое завтра.

Но тут – вызов Берзина. «Я тебя рекомендую на работу за рубеж в Китай, Японию, США, – чеканил слова Ян Карлович. – Хватит тебе прохлаждаться в Госкино. Надеюсь, не подведешь?»

На всю жизнь Алтер запомнил встречи с Рихардом Зорге. Высокий, крепко сложенный, с красивыми чертами лица, обаятельной улыбкой – он сразу располагал к себе собеседника. Немецкий посол в Японии Отту был в восторге от знакомства с германским журналистом Рихардом Зорге, взял его под свое покровительство. Это помогло «Рамзаю» в короткое время создать в Японии разветвленную сеть агентуры, в которую входил даже личный секретарь премьер-министра Японии, принца Колоэ

Ходзуми Одзаки. Всего же в группе Зорге работало более 35 человек – в нее вошли немецкие, австрийские, югославские журналисты, японские чиновники, ученые, художники, врачи… «Человек, для которого не было тайн», – так назвали Зорге американские журналисты, ценя его мужество и расторопность. Как мы знаем, благодаря донесениям «Рамзая» большая часть дальневосточных войск Красной Армии в ходе битв с гитлеровцами была переброшена с Дальнего Востока под Москву и Сталинград. Рамзай точно радировал: Япония к войне с СССР не готова.

Сколько таких ценных донесений сделал Зорге! Для Алтера он был разведчиком № 1, примером отваги и преданности Родине. Но тогда о многих победных сообщениях Рамзая он еще не знал. Зорге, передав ему на словах слова благодарности разведуправлению, своей жене Екатерине Максимовой, грустно сказал:

– Наверное, мы уже никогда с тобой, Алтер, не встретимся… Но наше дело правое – мы победим.

Эти слова Зорге много раз вспоминал Михаил Давыдович, работая в США. Будучи резидентом советской разведки в Америке, он многое сделал по созданию торговых фирм, на средства которых содержалась разведагентура СССР в США. Немалые пачки долларов уходили из прибыли фирм на поддержание Коммунистической партии США. Высоко оценивая действия Алтера за рубежом, ему присвоили высокое звание бригадного комиссара.

М.Д. Короля вызвали из США только в 1938 году. Он долгое время раздумывал: ехать или скрыться в шумной стране небоскребов, стране богатств и свободы? Если ехать, где гарантия, что не расстреляют, не отправят в Сиблаг или на Колыму? Целая серия расстрелов прокатилась по СССР, убиты как враги народа видные военачальники М.Тухачевский, И.Якир, И.Уборевич, А.Корк, Б.Фельдман, В.Примаков, В.Путна. Покончили жизнь самоубийством Серго Орджоникидзе, Ян Борисович Гамарник… Что-то непонятное творилось в недрах его родной страны, где в огне чудовищной расправы погибали самые талантливые и достойные люди. Среди них – Ян Борисович Гамарник, которого хорошо знал Михаил Давыдович. Вместе они вступали в партию большевиков в 1916 году. Вместе организовывали январское восстание 1918 года в Киеве против контрреволюционной Центральной Рады. Ян Борисович был младше Михаила Давыдовича всего на два года, но называл Короля вежливо: «мой старший брат». Он и пригласил его на работу в Политуправление РККА, которое возглавлял.

Неужели вызывают в связи с делами «врагов народа»? Он настойчиво гнал эту мысль, но она все возвращалась и возвращалась… И, оказывается, не напрасно возвращалась. Едва Король коснулся ногой асфальта московских улиц, его вызвали на Лубянку. Выяснилось, что там давно завели «Дело» на Гамарника. В список участников контрреволюционной организации, которую якобы возглавлял Ян Борисович, попала и фамилия Короля. Больших душевных сил стоило бригадному комиссару откреститься от этого черного надуманного дела. Ведь с 1934 по 1938 годы он находился в США, и никак физически не мог состоять в этой якобы контрреволюционной организации Гамарника. Что касается самого Яна Борисовича, то мнение о нем у Короля самое положительное – во всяком случае, в годы совместной работы с ним. Тот был настоящим ленинцем, большевиком.

– Ага, сочувствуешь, – ехидно сказал следователь и показал на дверь:

– Пока отпускаем. А там поживем – увидим. Отныне безопасность не гарантируем.

Вскоре Короля уволили в запас, отобрали партбилет за связь с врагом народа Гамарником. Но работы, слава Богу, не лишили – вернули в Госкино.

Началась война – начались новые беды. Умерла преданная жена Фаня – рак груди… Его с дочерью Майей эвакуировали в Куйбышев. Просился на фронт, не призвали. В 1944 году арестовали, заточили в Лефортовскую тюрьму, задействовали по делу Гамарника. Санкцию на арест дал сам Кобулов, входивший в ближний круг Лаврентия Берии. К тому времени Ян Карлович Берзин, преданнейший партии человек, рекомендовавший Михаила Давыдовича во внешнюю разведку, был расстрелян без суда и следствия, и обращаться за помощью нашему Алгеру было больше не к кому.

В 1945 году М.Д. Король был приговорен особым совещанием НКВД к пяти годам ИТЛ. Отбывал свой срок в Сиблаге, затем в Карлаге, работая на шахтах угольного бассейна, а как стал болеть, перевели заведующим клубом лагеря. Да, Король много раз лежал чуть ли ни парализованный в медсанчасти, пока не схлопотал себе II группу инвалидности. В 1949 году вышел на свободу, но Москву для него закрыли. Вынужден был жить в селе Явлежка Североказахстанской области в качестве ссыльного, там руководил сельской художественной самодеятельностью… Только вдохнул глоток свободы как приговорили к 10 годам строгого режима ИТЛ. Опять Караганда, лагерь Новый Майкудук, лагерь Песчаный, всесоюзная зэковская инвалидка – Спасск…

Казалось, этому мраку не будет конца. Но легендарный Алтер не падает духом, он ведет себя достойно и горделиво. Однолагерник Марк Шнейдерман в своих воспоминаниях пишет: «Было лето 1954 года. Сталина нет. Но, как прежде, – в Песчаном лагере в Майкудуке – тысячи заключенных. Они строят в Караганде Дворец горняков, жилье для шахтеров, а сами живут в бараках лагеря. Комендантом был старший лейтенант Удодов. Он делает обход и натыкается на Короля.

– Ты кто?

– Складом ведаю.

– Еврей?

– Еврей.

– Ну, это дело для вас подходит. А специальность у тебя какая?

– Военный. Комбриг.

– Не может быть!

– А ты у Берии спроси!

Тут Король открывает воротник ватника и показывает шрамы, полученные в мировую и гражданскую войны.

Удодов опускает голову:

– Вы меня извините, батя.

В обеденный перерыв в барак вбегает сержант и кричит:

– Кто тут комбриг Король?

И вручает ему 20 пачек «Казбека».

– Начальник лагеря передал.

Однокамерник, будущий писатель Марлен Кораллов пишет:

«Интересный случай… Очередной этап еще имел в запасе карантинное время: закон отпускал десяток «проверочных» дней. Но разве Зотов вытерпит наше безделье? Настырный начальник производственной части лагеря не зря жует черный хлеб с белым маслом. Умеет придумать каждому особое сверхзадание. Но некий фраер из нового этапа уперся. И опять москвич. С гордой фамилией Король. Зотову доложили. Он зашелся от гнева, застучал ножками. «Сюда его, ко мне! Нарядчик – бегом!» Привели.

– Мне здесь королей не нужно. Я вам, нахлебникам, покажу, как объедать советскую власть! Нарядчик! К вечеру доложишь, сколько он наработает, король хренов…

Старый хрен, однако, не сник, не дрогнул.

– Я на твою власть столько наработал, что вся твоя контора не выпердит. Ты закона придерживайся, карантинное время не кончилось…

Повернулся и вышел. Зотов онемел. Что за король? Но карантина стал придерживаться, Короля не тронул, на черные

работы не погнал. Нерядовой случай!»

Вообще, о Михаиле Давыдовиче Короле у члена Союза писателей России Марлена Михайловича Кораллова – одни прекрасные отзывы. Они вместе отбывали срок в Майкудуке, их нары стояли рядом. Он имеет право рассказать о своих впечатлениях:

«Михаил Давыдович находил контакт с зэками разного интеллектуального уровня, возраста, национальности, профессии, склонностей.

Несмотря на огромную эрудицию, он держался просто, естественно, никогда не подчеркивая своего превосходства.

В зоне его уважали за честность, отзывчивость, чувство собственного достоинства, презрение к нашим мучителям, понимание происходящих после смерти Сталина событий. Он говорил, что «красноголовые» не желают терять кормовую базу и боятся выпускать на волю тех, кто слишком много знал и мог быть для них опасен.

Мы убедились в правоте его предположений: реабилитация, актировка, помилование коснулись в первую очередь уголовников, полицаев, некоторых иностранцев. Поэтому он не очень надеялся на свободу».

И все же она пришла! Тот же Кораллов пишет: «Дело Короля Москва нашла возможность пересмотреть. Из Главной военной прокуратуры дочь получила документ, сообщавший, что отец ее подлежит освобождению. Судимость с него снята. Верховный суд СССР подтвердил реабилитацию. Дальше в лес… Партколлегия при МК КПСС восстановила Короля в партии. Главное управление кадров Минобороны восстановило в звании бригадного комиссара. Оправданный получил персональную пенсию… Чего же боле?»

А боле – это желание Михаила Давыдовича рассказать о своей поруганной чести, о тысячах загубленных судеб, о том, что он пережил в сталинских лагерях Казахстана. Рассказать для того, чтобы навсегда поломать железную систему подавления личностей, их прав и свобод. С этой целью еще в Спасске он начал вести дневник. Сегодня он опубликован в книге дочери МД. Короля Майи «Одиссея разведчика: Польша-США-Китай-ГУЛАГ». Невозможно без внутреннего душевного волнения читать его. Что ни строка, то правда, что ни мысль – то крик души. С душевной болью пишет Михаил Давыдович о трагедии Бабьего Яра, где фашисты казнили и его отца, мать. Большой печали полны его строки о смерти Эйнштейна… Он гневно клеймит проклятием сталинизм, его создателя Сталина, породившего в СССР антисемитизм, выступает за честь и достоинство евреев, которых

незаконно преследуют и на свободе, и в лагерях… Вот некоторые выписки из дневника, направленные против сталинизма и его носителя Берии: «Новое слово в лагерном деле сказал Берия, имевший опыт тысячелетий, опыт Древнего Египта, Греции и Рима. Берия пронизал всю страну лагерями, и лагерный принцип сделал основой руководства всем: экономикой, политикой, культурой. Великий Берия, а в этом он действительно велик, страну разбил на зоны: подконвойную, расконвойную и бесконвойную…

…Приток контингентов лагерников, начиная с 1935 года, требовал постоянного увеличения штатов охранителей и воспитателей. «Зэка» росли, росли и «красноголовые». Эти два сословия начали играть значительную роль в жизни страны. А годы 1944, 45, 46 и 1949 – 50 дали такой прирост лагерного населения, который превысил все, что было до этого. Я отношу образование двух сословий и окончательное их оформление к 1950 году. Миллионы «врагов» внутри страны, содержащихся в особых условиях, и миллионы казачества, охраняющего и подавляющего этих «врагов».

Сословие зэка неодинаково по своему составу ни в каком отношении… Объединяли их два момента – гнёт и труд. Они, прошедшие через суд или ОСО, знали цену этой юриспруденции, этому правосудию, а совместный труд, принудительный труд объединял их воедино. Все создавалось руками и умом зэка. Инженеры, экономисты, врачи, архитекторы, заслуженные артисты, научные работники, профессора, заведующие предприятиями и бараками – все рычаги управления и быта зэка – было в руках зэка. Красноголовые были только вооруженными наблюдателями и по своему культурному уровню стояли ниже зэка».

Далее в дневнике приводятся десятки примеров тому в подтверждение. Один из них мне сразу запомнился. В Песчаном лагере в Майкудуке выступал с лекцией офицер НКВД об атомном оружии. Он завершил ее так: «Долой атомную бомбу и все атомы!» И Король сказал ему:

– Если уж замахиваться на все атомы, то лучше взяться за всю таблицу элементов Менделеева…

Фамилия «Менделеев» вызвала у лектора настороженность:

– А кто это он – этот Менделеев? – спросил он. – Откуда?

Нужны ли тут комментарии?

7 ноября 1959 года великомученик Алтер сочинил письмо в ЦК КПСС с просьбой опубликовать его в случае смерти. Он еще раз подверг резкой критике систему сталинизма, предупредил, что если она не будет разрушена, то СССР распадется… К

сожалению, завещание нашего героя не было исполнено. Великое государство распалось.

Глава 23
Агент Абвера

Среди заключенных Степлага было много шпионов, действительных и мнимых. Как-то в спецархиве прокуратуры РК мне показали учетную карточку агента Абвера, будущего писателя Павла Петровича Стефановского.

Судя по ней, он родился в 1918 году в Кисловодске в семье священнослужителя, учился в Московском лесотехническом техникуме на станции Правда. Получив диплом техника-лесника, был направлен на работу в лагеря НКВД. Долгое время трудился лесным техником в Юго-Восточном лагере НКВД на Дальнем Востоке, управление которого находилось на станции Волочаевка в 60 километрах от Хабаровска. Этот лагерь занимался прокладкой Байкало-Амурской магистрали, входил в состав Бамлага. Молодой специалист принимал участие в строительстве железной дороги «Волк», то есть Волочаевка – Комсомольск-на-Амуре. Он определял места вырубки лесов под просеки для прокладки стальной колеи, мостов, составлял необходимые карты. Неоднократно Павел бывал в Комсомольске-на-Амуре и убедился, что этот город строили не коммунисты и не комсомольцы, а заключенные. Шумиха в СМИ о комсомольско-молодежных бригадах строителей в дальневосточном городе была насквозь лживой. А вот что касается нехватки девушек на Дальнем Востоке, то это было правдой. И Павел считал закономерным движение Валентины Хетагуровой, которая обратилась со страниц «Комсомольской правды» к девушкам страны: «Приезжайте к нам на Дальний Восток. Здесь такая чудесная природа, такой богатырский край, здесь так много молодых красивых парней, которым нужно ваше внимание и ваша ласка. Приезжайте скорей!»

Призыв Хетагуровой был услышан, и пошло-поехало: на Дальний Восток стали прибывать вагоны девушек, жаждущих любви, чтобы образовать образцовые советские семьи. Но, увы, на лесосеках и на стройках домов романтичные искательницы семейных очагов находили, в основном, пожилых мужиков в зэковских телогрейках с давно небритыми лицами и пропахшими махоркой пальцами…

С одной из таких энтузиасток Павла познакомил начальник лагерного БРИЗа Анатолий Владимирович Куйбышев, брат знаменитого Валерьяна Куйбышева. Он получил 10 лет за антисоветскую пропаганду и агитацию, ибо считал, что его

младшего брата в 1935 году отравили в рабочем кабинете по указанию Сталина. Ему подсыпали смертельный яд в графин с водой, Куйбышеву стало плохо и он отпросился «домой немного отдохнуть». Был тогда Валериан Владимирович уже заместителем Председателя Совнаркома СССР и председателем Госплана СССР, он отвечал за ход выполнения первого пятилетнего плана, а это индустриализация всей страны. В.И. Ленин очень доверял Валериану Владимировичу, выдвигал его на самые ответственные посты в государстве, считал своим любимым учеником. Еще бы! Преданность вождю революции В.В. Куйбышев доказал на восточных фронтах гражданской войны, внеся большую лепту в разгром войск Колчака, атамана Анненкова, банд белогвардейцев и басмачей в Туркменистане… Он многое сделал для утверждения советской власти в Сибири и Казахстане, развития их экономики и культуры. Именно по инициативе Валериана Владимировича началось интенсивное изучение богатых месторождений Казахстана, строительство Балхашского медеплавильного завода, освоение Карагандинского угольного бассейна, медных руд в Джезказгане.

Анатолий Владимирович рассказывал о своем брате с восторгом и большой скорбью, что больше не увидит его. Они дружили в детстве и юности в Кокчетаве, живя вместе в доме, который получил их отец Владимир Яковлевич Куйбышев, будучи кадровым офицером царской армии (дослужился до чина подполковника). Владимир Яковлевич думал, что и его сыновья пойдут армейской дорогой, но вышло совсем по-другому. Первым к марксизму пристрастился Анатолий Владимирович, уже будучи на учебе в Омском кадетском корпусе… А когда в это же казенное заведение поступил Воля (так звали в семье Валерьяна), он и его стал водить в нелегальные социал-демократические кружки… Дальше-больше: вместе они распространяли прокламации, размножая их на множительных аппаратах-шапирографах, проводили первые маевки молодежи в сосновом бору под Кокчетавом во время каникул, распевали «Марсельезу»…

За все в жизни надо платить, а за революционные идеи тем более. В 1909 году братья были арестованы и заключены в Томскую тюрьму. Но и здесь они показали свой характер и революционный пыл – призвали политических заключенных к четырехдневной голодовке и провели ее… Узнав об этой дерзости сыновей их отец, верноподданный царя, скоропостижно скончался. А братьев Куйбышевых заключили в одиночные камеры, порознь, где продержали 5 месяцев, нещадно избивая до потери сознания.

– Только вера в революционные идеалы в наших душах не

погасла, – говорил Анатолий Владимирович. – Наоборот – мы еще больше верили в дело Ленина..

– А вот со Сталиным дружбы и тем более веры в него не вышло, – зло вздыхал А.В. Куйбышев. – А все потому, что не возлюбил он моего брата за широкомасштабное мышление, самостоятельность в принятии решений, настырность в делах. За то, что Валериан не согласовывал своих действий с ним, как с Лениным. Авторитет у брата в то время в массах был огромный, он даже по предложению Ильича был выбран секретарем ЦК, как и Молотов. А Сталина назначили Генеральным секретарем партии большевиков. Но если Молотов сразу нашел пути-дорожки к Иосифу, раболепствуя и отдавая поклоны ему, то мой брат и не думал преклоняться перед властолюбивым грузином. Он по-прежнему общался с В.И. Лениным, выполнял его поручения, игнорируя Сталина. За что позже и поплатился своей жизнью.

Много нового, а порой и непонятного узнал Павел от брата Куйбышева. И на всю жизнь запомнил его слова:

– Совет мой тебе: ни с какой партией, ни с каким Сталиным не водись, а больше веруй в Бога. Только один он и даст тебе силу в трудные времена, поможет и спасет твою душу…

Павел все больше привязывался к этому человеку, много пережившему в жизни, революционеру, который сердца своего не жалел ради счастья простых людей, а теперь ставшему «врагом народа», заключенным № 1, у которого отняли все, кроме Бога. Однако несмотря на тяжелые превратности судьбы Анатолий Владимирович оставался современным, не потерявшим тяги к знаниям человеком. Работая в большевистском подполье, он умудрился окончить Омский технологический институт, стать настоящим инженером. И он вносил немало рацпредложений по усовершенствованию технологии валки лесных великанов: сосен и лиственниц, доставки их потребителям. Павла удивляло изобилие книг на столе брата Куйбышева, но он как-то не придавал этому значения. Однажды Павел сказал Анатолию Владимировичу:

– По вечерам не знаю, куда себя деть, чем заняться. Скучно здесь – только и слушаю, как тайга шумит..

– Да, скуки зеленой в Волочаевке хватает, – согласился Анатолий Владимирович. – Но я нашел выход: хожу в библиотеку, вот видишь: книги беру, читаю… И скука уходит, жить становится интересней.

В тот же день проложил Павел дорожку к библиотеке. И не пожалел: увлекся чтеньем художественной литературы, стихами. Здесь встретил первую свою любовь. Она явилась к нему в лике хетагуровки Ирины Александровны Поповой. По профессии она

была пианисткой, но так как в лагере не было своего театра, ей дали работу библиотекаря. И она прилежно справлялась со своими обязанностями, ибо была очень начитанной девушкой. Кареглазая, с длинными темными прядями волос и симпатичными пухлыми губами Ирина сразу притягивала к себе как магнит. А Павел, стройный, подтянутый, чем-то внешне похожий на нее, приглянулся ей. И общее в беседах нашлось – они любили поэзию, любили рисовать. И начались прогулки в тайгу, вместе слушали гул высоченных лиственниц, собирали первые весенние цветы – адонис, однажды чуть ни свалились в огромную яму, на дне которой стоял железный капкан для тигра… Было и такое – затерялись в лесу, вышли, наконец, на лесосеку, а навстречу им огромный бурый медведь… Бросились бежать, спрятались в домике для охотников да так и остались в нем до утра… Все шло к тому, чтобы быть свадьбе.

Да тут неожиданный призыв в армию – попал Павел в 187 стрелковую дивизию Киевского особого военного округа. Вспомнил, как Ирина говорила ему: «У тебя, Павел, большой талант, ты поешь хорошо да и стихи читаешь превосходно – не губи свои способности, милый, развивай их…» Да и впрямь – с детства у Павла было огромное влечение к театральному искусству и музыке, в 1934 году его даже приняли в училище имени В.Э. Мейерхольда, правда, без стипендии, а без гроша в кармане далеко не уедешь. Пошел поступать в лесотехнический… В армии Стефановский взялся за организацию дивизионной художественной самодеятельности. И, вспоминая те годы службы в армии, он позже напишет в своей книге «Развороты судьбы»: «Я дирижировал хором, конферировал (с юмором), читал басни С. Михалкова, И. Крылова и рассказ деда Щукаря из «Поднятой целины» Михаила Шолохова».

В июне 1941 года начались сборы зенитных батарей у Днепра между Киевом и Черниговым. Едва расположились, разбили палатки, КП и места для орудий, радиостанции как грянула война. 22 июня в 3 часа утра посыпались немецкие бомбы на военные порядки СССР. Отступали тяжело, с кровопролитными боями, зло уничтожали танки и пехоту противника. А затем попали в окружение, многие были взяты в плен, в том числе Павел. Их гнали в Германию по степям Украины, и сердце обрывалось при виде горящих полей, хат и стогов сена… Их не кормили. Когда шли вдоль пшеничных нив, немцы останавливали пленных и толкали в плечи: «Рвите, кто сколько сможет, пшеничные колосья, в пути будете жевать русскую пшеницу, а то подохнете с голоду». Кое-кто пытался бежать вглубь пшеничных полей, но получал пули… Десятки патриотов навсегда

заканчивали свой жизненный путь на этих золотых нивах (а урожай 1941 года был, действительно, очень богатым). На всю жизнь Павел сохранил в памяти и такую картину: неизвестный солдат выбежал из колонны, разорвал на груди рубашку, закричал фашистам: «Стреляйте, гады! Пусть я умру на своей земле, но не буду рабом Гитлера!» Ясное дело, его убили.

Их привели в концентрационный лагерь на окраине Кременчуга. Здесь стали сортировать, кого куда. Павел попытался бежать, немец у колючей проволоки остановил, еще мгновение – и прозвучит выстрел! Павел стал креститься, немец снял палец с курка. Верящих в Бога они сразу не расстреливали, если красноармеец верит в Бога, то он во всяком случае не коммунист и не комсомолец. И постовой повел Павла в контору администрации лагеря. А там немецкие офицеры, узнав, что Павел сын священника, в партии не состоит, предложили ему перейти на их сторону, дав согласие на учебу в школе немецкой разведки Абвер. Всю ночь Павел не спал: «Изменить Родине? Ни за что!» Находившийся рядом на нарах солдат шепотом спросил: «Что не спишь? Предложили работу в разведке?» И не дождавшись ответа, с жаром сказал: «Соглашайся! Соглашайся, а то убьют как собаку. Мертвым ты уже никому не будешь нужен. А живым, может, еще Родине сослужишь добрую службу…»

Так Стефановский стал агентом Абвера. В 1943 году его с группой бывших советских офицеров выбросили с немецкого самолета на парашютах на побережье Белого моря северо-восточнее Архангельска. Они имели при себе рацию, гранаты, пистолеты, документы, сухой паек на несколько дней, несколько тысяч рублей советскими деньгами. Абвер проявлял большой интерес к порту, железнодорожному узлу, количеству эшелонов, перевозящих по ленд-лизу грузы и продукты с английских судов для фронта через Архангельск…

Но как только группа приземлилась на родную землю, Анатолий заявил «соратникам»:

– Наше время пришло! Мы дома. Радируем в немецкий разведцентр об успешном приземлении, а сами своим ходом в ближайшее управление «Смерш» с поднятыми руками…

Никто из подельников не возражал. Все только этим и жили – встречей с Родиной, переходом в Советскую Армию с повинной, добровольным признанием о связи с иностранной разведкой. Может быть, простят, дадут шанс доказать, что они тоже патриоты Родины?

Вскоре с «диверсантами» стал работать старший лейтенант контрразведки «Смерш» Михаил Дмитриевич Рюмин. Он лично доложил начальнику военной контрразведки «Смерш» Виктору

Семеновичу Абакумову о диверсионном отряде Абвера, и тот дал указание освободить явившихся с повинной от уголовного наказания, больше того – рекомендовал завербовать их в ряды «Смерша», открыть радиоточку «Архангельск» и с рации бывших абверовцев давать противнику военную дезинформацию о расположении иностранных судов в Архангельске, рейсах подводных советских лодок и так далее. Передавал дезинформацию старший группы Стефановский, потому такие «депеши» не вызывали у немцев ни малейшего подозрения.

Эта радиоигра продолжалась почти до Дня Победы. Противник посылал несколько раз самолеты в Белое море на поражение советских подводных лодок, английских судов, сбрасывал бомбы, но безрезультатно – ведь разведцентру сообщались выдуманные координаты.

Почти все самолеты Абвера близ Архангельска были сбиты. Несколько раз немецкая разведка сбрасывала новые группы парашютистов в северный район России, но опять – фиаско. Их задерживали отряды «Смерша».

Михаил Дмитриевич Рюмин был доволен работой с Павлом, даже хвалился, что представит его к ордену. Но медали и ордена за сорванные планы немецких служб, плененных и разоблаченных агентов Абвера получал он один. И благодаря этому вскоре пошел на повышение, став следователем по особо важным делам. Затем ему было присвоено звание капитана, майора, полковника, в конце концов, он был назначен заместителем Министра и одновременно начальником следственной части МГБ СССР.

Стефановский же после войны долгое время работал художественным руководителем Ансамбля песни и пляски Заполярья, а затем начальником клуба МВД Бауманского района города Москвы. Жизнь его наладилась, он получил квартиру в центре Москвы. Несколько раз отсылал Павел письма в Бамлаг на имя Ирины Поповой, но они каждый раз возвращались с пометкой: «Адресат выбыл». «Ах, Ирина, Ирина, далекая любовь моя, где же ты теперь? Если бы ты знала, сколько раз ты приходила ко мне во сне? Твои глаза успокаивали, нежили меня, твои уста шептали: «Все у тебя будет хорошо, не забывай нашу тайгу, книги, когда-нибудь ты напишешь о нашей любви…» Как-то опять написал Павел в Бамлаг, теперь на имя Анатолия Владимировича Куйбышева, может, жив еще, работает в Волочаевке? Письмо вернулось, кто-то на конверте сообщил: «Адресат скончался».

Какое тяжелое, непонятное время! И почему из жизни уходят только хорошие люди, невинно страдающие? И как часто «Господин Случай» меняет все резко и неотвратимо…

Однажды Павел случайно встретился в метро с полковником М.Д. Рюминым. Тот набрал вес, обрюзг… Хитровато взглянув на Стефановского он сказал:

– А я о тебе давно забыл. Оказывается, жив курилка. Хорошо, что напомнил о себе – рад встрече с тобой.

Через несколько дней Стефановского арестовали, бросили в тюрьму на Лубянку, обвинили в шпионаже в пользу Америки. Он никак не мог сообразить, почему в пользу США, если он был агентом Абвера? Значит, в пользу Германии! Потом выяснилось, что арестовали его по приказу Рюмина (вот что значит «Господин Случай»: лучше бы полковнику на глаза в метро не попадаться!). Тот в это время руководил следствием по делу Еврейского антифашистского комитета, члены которого якобы работали на Америку. Он уже отправил в лагеря сотни евреев, подозреваемых в шпионаже в пользу США, однако Сталин был недоволен Рюминым, слабы, мол, результаты руководимого им следствия по делу о «сионистском заговоре». И Рюмин из кожи вон лез, открывая все новые дела на сионистов и тех, кто служит Америке. В это же самое время он пишет несколько доносов на своего хозяина – Министра госбезопасности Абакумова, обвиняя и его в сионизме. Он достает давно забытое дело профессора 2-го Московского мединститута Якова Этингера, который признался в неправильном лечении секретаря ЦК партии А.С. Щербакова с целью его смерти. Рюмин тогда доложил об этом Абакумову, но министр госбезопасности отнесся к его заявлению легкомысленно, посоветовал это дело спрятать в долгий ящик, ибо оно шито белыми нитками.

А как же было на самом деле? Подозреваемого Этингера Абакумов вызвал на свой допрос в свой кабинет. «Говорите мне правду, Яков, не кривите душой», – попросил Абакумов. И поседевший от допросов Рюмина врач заявил, что Щербаков был очень больным человеком, обреченным на смерть (рак). И уже ничего нельзя было сделать медикам, чтобы его спасти. А Этингера арестовал Рюмин как еврея, чтобы раздуть «новое дело врачей» и настроить людей против иудеев. Стоило ли это делать?

Во втором доносе Сталину Рюмин вспомнил про его информацию Абакумову о создании в Москве молодежной подпольной группы «СДР» («Союз за дело революции»), направленной якобы против марксизма-ленинизма.

И этому делу Абакумов не дал ходу, так как не нашел в нем состава преступления. 15–17-летние мальчишки-евреи Слуцкий, Гуревич и остальные члены группы просто занимались болтовней. Кто-то из них во время курения в туалете школы сказал:

– Я бы давно убил Маленкова за то, что он антисемит, свою

жену-еврейку Жемчужину не пожалел, отправил в ссылку… Нужна новая революция, на этот раз против советских господ… Берии и Маленкова…

Абакумов решил ограничиться беседой с непутевыми мальчишками и дело, начатое Рюминым, закрыл.

Но члены Политбюро посчитали по-иному. Они вызвали Рюмина на беседу в Кремль. Присутствовали Сталин, Берия, Маленков, Молотов, Булганин. По предположению Молотова и Берии, которые видели в Абакумове конкурента на кресло Сталина, его сместили с поста министра госбезопасности, а затем арестовали. Дело Абакумова передали Рюмину.

И вот теперь новоявленный полковник спрашивает Стефановского:

– Ты помнишь, как я по указанию Абакумова завербовал тебя и еще четырех твоих подельников из Абвера в доблестный Смерш? Да вас тогда за измену Родины расстрелять надо было.

– Но ведь мы сами явились с повинной, просили послать нас на самый тяжелый фронт, чтоб биться с фашистами, – напомнил и Павел.

– Дело давнее, – продолжил Рюмин, – но мне надо, чтобы ты подтвердил, что это Абакумов дал приказ не трогать вас…

– Да откуда я знаю, что это Абакумов дал такой приказ! – взмолился Павел. – Я же с ним не контачил. Это вы с ним беседовали…

По всему было видно, что Рюмину ой как нужны были новые жарфакты на Абакумова… Вот и попался ему под руку Павел.

– Ну как хочешь, – сквозь зубы процедил Рюмин. – Ты у меня еще заговоришь, дорогуша-Павлуша.

И уже на следующем допросе сам Рюмин стал избивать резиновой палкой Павла. Вот тебе и высшее лицо СССР – заместитель Министра госбезопасности!

Как бы там ни было, вскоре Стефановский оказался в Экибастузе, а затем в Джезказгане в Степлаге. Он получил каторжный номер «Щ-316».

– Это тебе отметка на все 25 лет, – сказал ему дежурный офицер в лагере. – Доживешь ли, старик, до окончания срока?

«Доживу ли до свободы?» – спрашивал себя много раз и Стефановский. И где бы ни был, не забывал молиться Богу, как советовал ему Анатолий Владимирович Куйбышев.

Он пробыл в Степлаге до 1956 года. За это время в Москве арестовали и расстреляли Берию, Рюмина и других палачей народа. 19 декабря 1954 года расстреляли бывшего начальника «Смерш», Министра безопасности СССР Виктора Семеновича Абакумова. И если о смерти Берии, Рюмина Павел Петрович

нисколько не жалел, то весть о расстреле Абакумова его расстроила. Все-таки он был намного гуманнее и порядочнее своих предшественников Ягоды, Ежова и Берии. Он опередил время, отдавая приказы не расстреливать советских граждан, завербованных иностранной разведкой, если они никаких злодеяний против своего народа не совершали и добровольно заявили власти о том, что были завербованы немцами.

Что касается бывшего агента Абвера Павла Стефановского, то после лагерей Джезказгана он вернулся в Москву, долгое время работал заместителем директора детдома «Молодая гвардия» во Внуково. Здесь в тени берез и тополей на скамейке в большой аллее Павел Петрович рассказал мне о своей многострадальной жизни. Вскоре на аллее появилась его семья – супруга Татьяна Павловна и дочь Елена. Они увели отца в темнеющую даль внуковских лесов по грибы и голубику. И я подумал: хоть старость у этого рано поседевшего человека безоблачная, не отягощенная бременем невзгод и больших потерь…

Глава 24
Дружба, рожденная на Лубянке

Для читателей будет открытием, если я сообщу, что многих замечательных людей XX века отправляли в ссылку в Кокчетавскую область. В 1949 году в Москве прошла новая волна арестов «врагов народа». Среди них оказались аспирантка МГУ Наталья Запорожец, а также дочери писателя Артема Веселого – студентка университета Гайра и студентка пединститута Заяра. Их арестовали как социально опасных, долго держали на Лубянке. Именно там, в тюремных казематах, началась их дружба, которая продлилась всю жизнь, до полного освобождения из лагерей и счастливых встреч в родной и незабываемой Москве, до самой смерти. В 1949 году их отправили в Сибирь и Казахстан в пятилетнюю ссылку, их судьбы разошлись, но они не изменили дружбе, переписываясь.

Первой прибыла на станцию назначения Наталья Запорожец. Такой длительной «остановкой» для нее стал райцентр Володаровка Кокчетавской области. Она едва добралась туда, ибо была беременна на восьмом месяце. В володарской больнице Наталья родила мертвого ребенка. Хирург Иосиф Львович в сердцах воскликнул:

– Как можно было в таком состоянии гнать молодую женщину по этапу! Сволочи! Хорошо, что сама выжила!

Наталья Запорожец училась в МГУ на историческом факультете. Но преподавала она в Володаровской школе русский язык и литературу, немецкий и даже математику, но только не историю. Сей важный предмет преподавать ссыльной было не положено.

И еще одна многоговорящая деталь. Каждый месяц в село приезжал оперуполномоченный, и тогда под окном школы появлялся солдат с автоматом и кричал:

– Училка! На отметку.

Большой радостью для Наташи стал приезд в Володаровку ее мужа – художника Михаила Ройтера. Он решил разделить с ней ссылку, и ему разрешили совершить сей подвиг. В ссылке у Натальи родился сын Олег, и вскоре к ней приехала ее мать, чтобы помочь молодой семье растить ребенка.

Кстати, мама Натальи тоже отбывала свой срок как враг народа, но только на отделении Карлага – Жанаарка. Лишь вернулась горемычная в Москву, освободившись из лагеря, арестовали ее сына Феликса, а затем и дочь Наталью.

Феликс в 1948 году учился в Астрахани в техникуме, увлекался литературой. Там он и организовал литературный кружок, который постепенно преобразовался в молодежную организацию «Ленинская свободная мысль». Но разве могла быть в то время мысль свободной? Только-только на заседании кружка прозвучали нотки протеста против сталинизма, как сразу об этом узнали в органах безопасности. И, пожалуйста, появилось «групповое дело», и каждому – по 10 лет.

А Наталью взяли за «недоносительство» и «антисоветскую агитацию». Мол, знала-ведала о взглядах Феликса и молчала. Значит, не уважаешь вождя народов Сталина…

Наталья была красивой, общительной женщиной. Художник Михаил Ройтер так влюбился в нее с первого взгляда, что пронес это чувство через всю жизнь. Он приходил к зданию школы за Наташей, провожал ее домой. А затем усаживал ее на стул: «Позируй!». Так появились ее портреты «Наталья в ссылке».

Праздничными для Запорожец были дни, когда она получала письма от своих бывших сокамерниц-сестер Гайры и Заяры Веселой. Гайра отбывала свой срок в Акчатау Карагандинской области, а Заяра в Новосибирской области. Их арестовали как СОЭ, а вернее – как дочерей «врага народа». Их отец – Артем Веселый (литературный псевдоним) был довольно известным писателем, подлинное его имя – Николай Иванович Кочкуров. Его первую книгу «Реки огненные» высоко оценили Максим Горький и Александр Александрович Фадеев.

В 1925 году Артем Веселый побывал в творческой командировке в Ростове-на-Дону. Его встретил на железнодорожном вокзале донской писатель Павел Хрисанфович Максимов. Он организовал для Артема Веселого ряд творческих встреч с читателями, во время которых московский литератор рассказал о работе над книгой «Россия, кровью умытая». Вот эта книга и стала позднее поводом для ареста Артема Веселого, а затем и его расстрела. А преддверием этих кровавых событий стала публикация в «Комсомольской правде» убийственной рецензии на новое произведение писателя. Она была озаглавлена в духе того времени: «Клеветническая книга. О романе А. Веселого «Россия, кровью умытая».

Павел Хрисанфович Максимов, с которым я встречался в Ростове-на-Дону в 1971 году, пояснял мне:

– Все просто: в своей книге «Россия, кровью умытая» Артем Веселый ничего не написал о великой роли Сталина в гражданскую войну, он нигде не упомянул даже его имени… Вот и стал контрреволюционером, клеветником.

Его арестовали в конце октября 1937 года. А уже через пять

месяцев 8 апреля 1938 года Артема Веселого расстреляли. И только в 1956 году он был посмертно реабилитирован.

Как пишет в своих воспоминаниях Заяра Веселая, она со своей сестрой Гайрой через всю жизнь пронесла любовь к отцу, его призванию. Вернувшись в Москву, Заяра стала работать в издательствах. Она добилась переиздания книги отца «Россия, кровью умытая», написав к ней послесловие «Из истории создания романа».

Вскоре Заяра стала получать письма от читателей. Некто Загорулько написал ей:

«Ваш отец – честный писатель, в каждой его строке течет правда. Будучи сам коммунистом, он изображает большевиков как притеснителей и губителей народа. Так у него получается, ибо он стремится писать правду и правду. В главе «Хомутово село» он показывает трагедию русской деревни, которую разоряют дотла коммунисты. Мужик говорит красноармейцу, что не знает, как отбиться от Красной Армии. Всех по ветру она пустила, отбирая последних лошадей, подводы и зерно. Село гудит от возмущения, а голову спрятать некуда. Чуть что – шашкой по шее. Подыхают люди. Написать такое в 1936 году – подвиг».

Заяра читала эти строки письма, и слезы капали на него. Отца никогда уже не вернешь. Но его книги дошли до людей. А это самое главное для писателя.

Очень многое сделала Заяра для популяризации творчества поэтессы Анастасии Ивановны Цветаевой. Она повстречалась с ней в Пихтовке Новосибирской области, куда их сослали опричники Сталина. Вот как описала Заяра в своей книге «7-35. Воспоминания о тюрьме и ссылке» сестру Марины Цветаевой: «Отрешенный взгляд за стеклами сильных очков, короткая седая прядь, выбившаяся из-под старого платка, длиннополое пальто перепоясано ремнем…» Спустя годы Заяра заинтересуется стихами, написанными Анастасией в Пихтовке, издаст ее первую книгу в Москве. «Ой, Пихтовка, Пихтовка… Что терпит он, народ многострадальный, за годом год, за веком век!»

Заяра в конце концов добилась перевода ее из Пихтовки в Акчатау, затем в Караганду, вместе со старшей сестрой Гайрой трудилась на фабрике, в столовой… Но всем сердцем своим рвалась в Москву, полной культурных ценностей. Ведь в то время Караганда была глухой провинциальной столицей ГУЛАГа. Здесь можно было увидеть только ссыльных и бывших заключенных, офицеров лагерных управлений, горьких пьяниц, нищих и неудачников-алиментщиков, отпетых бандюг и жуликов… Вольных хватало, но все они были заняты больше зарабатыванием

хлеба, чем духовной пищей. Редко у кого в руках можно было увидеть книгу. В воздухе стоял смрад и мат, на улицах обычное дело поножовщина и стрельба друг в друга… И все же братья и сестры по духу встречались и на улицах Караганды – здесь можно было в то время увидеть опальных поэтов Наума Коржавина, Юрия Айхенвальда, сына Сергея Есенина Александра Есенина-Вольпина… В июне 1953 года в строительную контору, где трудилась Заяра, пришла весть, что она освобождена по амнистии… Наконец-то, желанная Москва распахнула и для нее свои врата. Для нее и для ее сестры Гайры. А вскоре они встретят на Цветном бульваре и счастливую Наталью Запорожец со своим мужем Михаилом Ройтером. Найдет свою желанную любовь и Заяра – ее законным рыцарем сердца станет бывший однокурсник, писатель-историк Владимир Брониславович Муравьев. Объединённые одними творческими интересами, они всю жизнь отдадут музе, не изменяя ей ни на йоту. Работая в библиотеке иностранной литературы, а затем в профкоме литераторов, Заяра задумает и издаст малую серию «Поэты – узники ГУЛАГА». Вместе с Гайрой она напишет монографию «Судьба и книги Артема Веселого». В 1989 году в издательстве «Советский писатель» выйдет сборник очерков узниц Гулага «Доднесь тяготеет». Своими воспоминаниями о сибирской и казахстанской ссылках в ней поделятся подруги Заяра Веселая и Наталья Запорожец. Так их дружба, начатая в душных тесных камерах Лубянки, пройдет через всю жизнь и найдет свое отображение в печальной повести о судьбе женщин ГУЛАГА.

Глава 25
Растоптанные судьбы

Подруга моей матери, бывшая заключенная Степлага Анна Стефанишина была в те далекие 90-е годы единственным моим источником информации о сталинских лагерях, событиях того времени, их творцах. Она первой мне рассказала о балерине, первоклассной переводчице Любови Леонтьевне Бершадской, которая в 1949 году вместе с этапом москвичей прибыла в кенгирское отделение Степлага. Стояли декабрьские морозы, и в зоне все кусты, деревья были покрыты белым инеем. На ветвях карагача висели небольшие тонкие сосульки. В бараках было так холодно, что окна покрывались льдом толщиной в палец.

Бершадскую определили на соседнюю нару, и она, усевшись там, неожиданно воскликнула:

– Здравствуй, Париж!

И заплакала. А, прекратив плач, объяснила, что еще в детстве мечтала попасть в Париж, увидеть Эйфелеву башню и Лувр, Елисейские поля, танцевать в Гранд-Опера…

Мать воспитывала ее на французской культуре, и уже в школе Люба Бершадская хорошо знала не только английский, но и французский языки.

Окончив среднюю школу, она поступила в студию классического балета при Киевском оперном театре. Многие запомнили ее высокой, стройной, в шубке из белого заячьего меха и белой шапочке с белыми пуантами в руках. Она никогда не отлынивала от занятий, она, казалось, парила в воздухе как ангел, когда танцевала на сцене в «Лебедином озере» Петра Чайковского.

Мать ей говорила:

– Наберешься опыта, будешь танцевать не только в Киеве, но и в Москве, Париже.

И Люба, действительно, танцевала в Москве, работая в Большом театре. Но ее заработка не хватало на жизнь. А тут брак с Иваном Федоровичем Королевым, малоимущим человеком, рождение троих детей (почти через каждый год – ребенок). Как-то на вечеринке в Большом театре познакомилась с американцем в военной форме. Он ей сказал:

– Вы хорошо говорите на английском. А нам в американской Военной миссии нужна переводчица. Если согласитесь у нас работать, будете жить богато, ни в чем не нуждаясь.

Так оно и случилось. Четыре года безоблачного счастья

пролетели как один миг. Казалось, благополучию жизни не будет конца. Но в 1946 году, когда у СССР начались холодные отношения с Америкой, ее неожиданно арестуют, делают «американской шпионкой», приговаривают к трем годам ИТЛ, отправляют по этапу в Сибирь в Мариинский лагерь (Кемерово). В 1949 году ее освобождают, но жить в Москве запрещают. А вскоре следует второй арест, и вот тебе: десять лет ИТЛ, и вместо Парижа – здравствуй, Кенгир!

Глубоко запавшие глаза, исхудалое потемневшее лицо, тонкие истощенные руки – такой приехала в джезказганский лагерь Бершадская. Но в ее грустных больших очах горел огонь любви к жизни, людям, и она, успокаивая подруг по несчастью, говорила:

– Ничего, все пройдет, все минует, будет и в нашей жизни Париж…

Все в Кенгирском лагере боялись бригадира Дусю Волынскую. Попасть в ее бригаду – заживо умереть. Ибо трудилась бригада до седьмого пота на каменном карьере, где молотом весом в десять килограммов каждая зечка должна была разбивать твердые глыбы. Вот в эту бригаду и определили Любовь Бершадскую, в то время худую и тощую как скелет. И она сразу же отказалась от этой тяжелой работы, ибо не смогла даже поднять молот. «Нет, будешь вкалывать!» – кричала Дуська, толкая в грудь новенькую.

Короче, Волынская настаивала на своем, Любовь отказывалась… Вечером Дуська написала рапорт – донос начальству, что Бершадская отлынивает от работы. Это возмутило Любу. И откуда только силы взялись – она бросилась на Волынскую, схватила её за оба борта телогрейки и что есть силы стала бить её головой об стенку. Та кричала предсмертным криком. Где-то, в глубине сознания, Люба понимала, что надо остановиться, что она может её убить, но сдержать себя было выше сил.

Дуська каким-то образом вывернулась из телогрейки, и с воплем попыталась удрать. Люба поймала её, схватила за волосы, повалила на пол и начала её бить по лицу ногами. Она не заметила, что на её крики сбежались лагерницы из нескольких бараков и наблюдали эту сцену избиения «блатнячки» интеллигенткой. Люба била свою жертву до тех пор, пока ее не оттащили от бригадирши. В своих мемуарах она вспоминала: «В барак прибежал врач, – спасали и Дусю, и меня. Это был настоящий приступ истерии, о котором я сейчас вспоминаю с содроганием.

После этого жуткого эпизода с Дусей мне дали «лёгкую» работу.

Уже не надо было ходить восемь километров туда и обратно, уже не нужно было орудовать десятикилограммовым молотом».

Ее направили в прачечную, где она стирала белье для солдат. А самое главное – Любу зауважали ее подружки по нарам, бараку – она была первой, кто дал достойную отповедь грубой и самовлюбленной Дуське, помыкавшей людьми на карьере.

Бершадская не раз затем показывала свой характер. Она могла смело постоять не только за себя, но и за подруг, которых обижали «придурки».

В лагере все знали ее номер на телогрейке «СШ-776», и по этому адресу отправляли к ней тех, кто нуждался в защите. Особенно ее заступничество пригодилось, когда в мужскую зону привезли 75 уголовников, воров. Некоторые из них на «объектах строительства» пытались обворовывать и женщин, но Люба Бершадская так избила первого же уголовника, что у того потекла кровь из ушей, он перестал видеть и слышать.

Как известно, 16 мая 1954 года в Кенгирском лагере началось восстание заключенных, которое длилось сорок дней и ночей. Бершадская приняла в нем самое активное участие, заключенные даже избрали ее в состав комиссии представителей восставших для переговоров с чекистскими генералами. Но однажды, когда комиссия заседала, в комнату влетел бледный, испуганный чекистский офицер и, взяв под козырёк, выпалил: «Товарищ генерал-лейтенант, лагерники доламывают забор!»

В самом деле, было слышно, как зеки-мужчины, достав где-то громадную железную рельсу, по команде: «Раз – два – взяли!» – громили забор.

Генерал Бочков вскочил и что есть силы рявкнул: «Стрелять!» Все вскочили, побледнели и растерялись. Любу как ветром сдуло со стула. Одним прыжком она очутилась возле Бочкова, схватила его за рукав генеральского кителя и, не помня себя, в истерике, начала кричать: «Не смейте стрелять в безоружных заключённых, не смейте, не смейте!»

Бочков не ожидал от Бершадской такого напора, лицо его покрылось потом, он не знал, что делать. А Бершадская продолжала кричать: «Не смейте стрелять!».

И вдруг, обессилив, генерал махнул рукой чекистам: «Отставить».

Об этом эпизоде сама Бершадская расскажет позже в своей книге «Растоптанные жизни», где многие главы посвятит восстанию кенгирцев.

Да, почти все жизни заключенных растопчут танки, которые по приказу черного генерала Бочкова стремительно ворвутся в лагерь и начнут давить живых людей.

Сама Бершадская свидетельствует об этом так:

«В танках сидели пьяные танкисты из специального карательного отряда, который был вызван генералом Бочковым для расправы с нами, безоружными заключёнными.

Вся процедура длилась не более сорока минут, но эти сорок минут унесли около пятисот жизней, и более семисот человек тут же буйно помешались, их погрузили в эшелоны и срочно увезли.

На наших глазах, посреди лагеря, Бочков построил свою «армию» и объявил всем благодарность «за хорошую службу».

«Служим Советскому Союзу!» – гаркнули в ответ пьяные убийцы и разошлись. За ними вышел и главный убийца Бочков.

Весь лагерь превратился в сплошные камни и обломки, по всей территории лежали трупы и раненые.

Начальник санитарной службы дал приказ доктору Фустеру заняться ранеными и спасти тех, кого ещё можно спасти. Фустер стал за операционный стол, ему ассистировал глазной врач.

Со всех концов заключённые стали приносить в одеялах и на руках раненых, стонущих, кричащих солагерников.

Фустер надел на меня белую шапочку и марлевую хирургическую маску (которую я до сих пор берегу) и попросил меня стоять у хирургического стола с блокнотом и записывать имена тех, кто ещё мог себя назвать. К сожалению, почти никто уже назвать себя не мог.

Раненые в большинстве своём умирали на столе и, глядя на нас уходящими глазами, говорили: «Напишите маме, мужу, детям» и т. д.

Когда мне стало особенно жарко и душно, я сняла шапочку и в зеркале увидела себя с совершенно белой головой. Я подумала, что, вероятно, почему-то моя шапочка была напудрена, я не знала, что находясь в центре этого неслыханного побоища и наблюдая всё происходившее, я за пятнадцать минут стала совершенно седой.

Тринадцать часов стоял Фу стер на ногах, спасая кого мог.

Наконец этот выносливый талантливый хирург сам не выдержал, потерял сознание, упал в обморок, и операции окончились…»

В тот же день Бершадскую вызвал к себе черный генерал, убийца Бочков (как его еще назвать?). «А, ты еще жива – член временного правительства!» – воскликнул он и дал команду солдатам избить ее.

Затем Бершадскую бросили во внутреннюю тюрьму. Там, с такими же зечками, она продолжала борьбу за свободу. Каким образом? Они пели гимн заключенных Кенгира. Да, оказывается, был такой. Его сочинил политзаключенный Степлага, украинский

поэт из Львова Михаил Сорока. Из окон тюрьмы неслось по всему лагерю:

У гарячих степах Казахстана
Сполыхнулыся спецлагеря,
Розыгнулись утомлени спины,
Бо стогнаты тэпер не пора…
Наше гасло: «Свобода
для усего народа!»
Мы не будем, не будем рабами,
Боротьбу доведэм до кинця.

В книге Бершадская написала: «Так мы пели, сопротивляясь генералам как могли, и пытались доказать им, что у нас тоже есть свои права». Но какое! Большую часть восставших отправили на прииски в Магадан, остальных в Курган – закрытую тюрьму, в лагерные пункты Потьмы (Мордовия).

Только в 1956 году Любовь Леонтьевна Бершадская была освобождена. И, надо же, она в конце концов переехала жить во Францию, в Париж, где и написала свою книгу воспоминаний «Растоптанные жизни». И есть там слова признания, идущие от всего сердца: «Здесь вдали от моей родины – я тоскую по ней, жалею ее, люблю ее, мою Родину, мою землю, мой язык, мой народ. Мой многострадальный народ».

О Л.Л.Бершадской правдиво рассказал в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ» Александр Исаевич Солженицын, в главе «40 дней Кенгира». Являясь участницей восстания заключенных, она сама подробно и объективно нарисовала картину страшных кровавых событий в сталинском лагере. Она сдержала свое слово, данное побратимам, которые провожали ее за рубеж на московском аэродроме. Они просили ее: «Люба, расскажи всему миру о нас, расскажи правду о нашей жизни, пусть мир узнает о нас!» Она долго слышала их голоса в Париже, где, наконец-то, ей удалось устроить свою жизнь. В своей книге Любовь Леонтьевна, между прочим, спрашивает: «Ну почему счастье приходит к людям так поздно? Неужели человек обязательно должен пройти через ад, прежде чем попасть в сад жизни». Увы, не всем заключенным повезло так, как Бершадской. Сколько их пало в битве роковой, мятежной, сколько судеб растоптано танками и серыми сапогами черных генералов в лагерях сталинизма!

Глава 26
Медальон княжны

В учетной карточке политзаключенной, члена семьи изменника Родины Юлии Иосифовны Соколовой-Пятницкой сказано, что она родилась в 1898 году в городе Курске в семье православного священника. Ее мать Лидия Соколова была дворянкой, высокообразованной женщиной. Она многое могла бы дать дочери в смысле ее воспитания, однако рано скончалась (в 1907 году). Юлю поставила на ноги сестра отца, тетя Аня, определив ее в гимназию в городе Льгове. Каникулы она проводила в имении деда недалеко от Курска. Там познакомилась с сыном соседа – юнкером Михаилом Тухачевским, подружилась с ним. Вместе они собирали в конце лета яблоки в саду Тухачевских, вместе читали вслух стихи Пушкина и Лермонтова, устроившись на скамейке у пруда с ивами. Позже Юлия говорила: «Если бы не революция, то я вышла бы, наверное, замуж за Мишу Тухачевского».

Затем были курсы сестер милосердия, «батальон смерти» на Западном фронте, мировая война. Там она сошлась с медсестрой, княжной Юлией Борисовной Урусовой. К сожалению, ее подруга вскоре умерла от тифа, оставив Юлии золотой медальон с фотоснимком своих родителей. Этот медальон не раз и не два защищал Соколову от разных напастей. Дурная немецкая пуля угодила бы в грудь сестры милосердия, да помог медальон, принявший на себя всю силу удара черного свинца. Когда Юлия, став храброй разведчицей армии Тухачевского, попала в руки колчаковцев, она вместо паспорта предъявила им медальон Урусовой, выдавая себя за княжну, и те отпустили ее восвояси с поклонами и уважением. Этот медальон спасал в жизни, и она боялась его потерять, берегла как зеницу ока.

Романов на фронте у Юлии хватало, ибо она была красивой женщиной. В конце концов вышла замуж за царского генерала, который в 1919 году перешел на сторону армии Михаила Фрунзе. Однако вскоре он был убит во время боя с бандой атамана Дутова. Похоронив мужа, Юлия осталась в политотделе в штабе Фрунзе. Однако вскоре, узнав об этом, командарм Михаил Тухачевский взял ее к себе в разведотдел четвертой армии. Под именем княжны Урусовой ее забросили как разведчицу в Челябинск в штаб колчаковского генерала Хонжина, откуда она передавала ценную информацию Тухачевскому. О ее подвигах на невидимом фронте подробно рассказал челябинский писатель

Марк Гроссман в своих книгах «Да святится имя твое» и «Годы в огне». Там же он описывает провал ее героической одиссеи. Контрразведка белых арестовала связного, который под видом нищего переходил фронтовую линию и передавал в штаб Тухачевского сведения от Княжны. Белые офицеры ворвались в дом купца, где она жила, все перевернули вверх дном, и, не солоно хлебавши, удалились. Затем снова произвели обыск во всех комнатах, вплоть до склада, где купец хранил бочки с солеными огурцами, но красную разведчицу не нашли. А, оказывается, она как раз и спряталась в одной из этих бочек с рассолом, около 15 дней просидела в ней, пока армия Тухачевского не взяла Челябинск. Ее, почти в полном беспамятстве, отправили в Москву в больницу. Там она познакомилась с Иосифом Пятницким, который навещал ее соседку по палате Машу Черняк, своего соратника по Московскому вооруженному восстанию. Увидев Юлю, старый большевик влюбился в нее, стал ухаживать за ней – приносил букеты цветов, коробки конфет. А полегчало молодой женщине, выводил ее на прогулки в парк больницы, а однажды даже покатал по Москве на своем служебном авто. Ведь тогда он был секретарем Московского городского комитета РКП(б).

Новое замужество принесло Юлии Соколовой немало женского счастья, в 1921 году у нее родился сын Игорь, а в 1925 году – Владимир. Пора любви, пора надежд – казалось, она длилась долго и конца ей не будет. Но наступил 1937 год, а вместе с ним в семью Пятницких пришло горе. Юлия лишилась своей опоры, своей гордости, любви своей – Иосифа Пятницкого. В ту пору он был одним из руководителей Коминтерна, и, надо сказать, опытным и умелым. Именно благодаря ему, в исполкоме Коминтерна был наведен порядок с распределением денежных средств для зарубежных Коммунистических партий, прекратились кражи золота, бриллиантов, других драгоценных камней. Не зря, когда Сталин перевел Пятницкого на работу в аппарат ЦК партии, Гарри Поллит, руководитель английской Компартии, бегал по коридорам Коминтерна и кричал: «Как Пятницкого не будет в Коминтерне? Коминтерн не может жить без Пятницкого!» (смотри книгу Владимира Пятницкого «Заговор против Сталина», Москва, Современник, 1948 год, стр.44)

Да, Юлия гордилась своим мужем. Еще 31 января 1932 года Надежда Крупская писала в «Правде» о нем: «…Ему 50 лет. Много пережито и много достигнуто. Пожелаем дожить ему до момента, когда поднимется буря мировой революции». Но Пятницкий так и не дожил до заветной бури мировой революции, зато попал в другой ураган – красного террора, поднятый Сталиным и его

опричниками в 1937 году. Осип стал жертвой своего дружелюбия и смелости выступать с критикой против великих мира сего. В 1937 году в СССР прошел июньский Пленум, на котором рассматривались вопросы об МТС и дополнительно по инициативе Сталина о дальнейшей судьбе деятелей правого уклона, и в частности Бухарина. К этому времени, несмотря на то, что написанная Бухариным так называемая Сталинская Конституция СССР была принята «под гром восторженных оваций» делегатами Чрезвычайного Восьмого съезда Советов единогласно, его выгоняют из «Известий», вокруг имени опального марксиста-ленинца разжигают костры склок и травли. Сталин приписал авторство Конституции только себе, а затравленный Бухарин молчит, не отстаивает права на свой труд. До этого ли было ему, если его делают «врагом народа».

На Пленуме Хозяин страны решает добить запуганного Бухарина, и потребовал покарать его и соратников правого блока за антигосударственную деятельность. Для этого наркому внутренних дел Ежову решил предоставить чрезвычайные полномочия.

Единственный, кто выступил против предложений Сталина, был Иосиф Пятницкий.

Как вспоминал Л. Каганович, профессиональный революционер Пятницкий потребовал погасить огонь ненависти к правым, заявил, что достаточно исключить Бухарина из партии. Этим следует ограничиться с тем, чтобы в дальнейшем использовать опыт и знания верного ленинца в народном хозяйстве.

Иосиф выступил также против предложения Сталина о предоставлении Ежову каких-либо чрезвычайных полномочий, сказав, что он груб с подчиненными, насаждает в НКВД садизм. Поэтому необходимо не усиливать ежовскую власть, а взять его и НКВД под особый контроль партии и народа.

Во время перерыва работы Пленума в кулуарах к Пятницкому подошли Молотов, Каганович и Ворошилов и посоветовали ему отказаться от слишком сумбурного выступления, мол, Сталин не доволен. Вячеслав Михайлович недвусмысленно намекнул Осипу о страшной судьбе семьи, жены и детей, если он не передумает, не откажется от своей крамольной речи.

Но, увы, Пятницкий не внял их гласу, он спросил онемевших товарищей Сталина:

– А как же быть с демократией? Разве я не имею права на свое суждение по всем вопросам?

Наивный человек! Конечно, нет. На следующий день на Пленуме выступил Ежов, и, не моргнув глазом, объявил, что

НКВД располагает проверенными данными о том, что Осип Пятницкий – предатель партии, он еще до революции работал осведомителем царской охранки, ему надо выразить политическое недоверие.

И что вы думаете? Почти все члены Пленума проголосовали за предложение Ежова, ибо догадывались, что за его спиной стоит всесильный душегуб Сталин. Против были только старые большевики Крупская, Воропаев, Каминский, воздержалась Стасова.

Вскоре Пятницкого арестовали, бросили в Лефортовскую тюрьму в 96 камеру. Конечно, Ежов оклеветал Пятницкого, никаких документов о том, что Осип был осведомителем охранного отделения не нашли да и не могли найти! Тогда Ежов и его кровавая команда сфабриковали дело на неудачного защитника Бухарина, будто бы он является шпионом в пользу Японии и других капиталистических стран, создал троцкистские организации в Коминтерне, готовил теракты против Кагановича и Сталина.

Пятницкого расстреляли прямо в тюрьме, так и не добившись от него признания в виновности. А его семью, как и предсказывал Молотов, пустили по ветру. Супругу Юлию Пятницкую арестовали в 1938 году как члена семьи изменника родины, отправили в рыбачий поселок Кандалакшу на берег Белого моря вместе с сыном Владимиром. Там ее вновь арестовывают, приговаривают к пяти годам за контрреволюционную деятельность. Отбывала она свой срок в Казахстане, в Шурубай-Нуринском отделении Карлага, а затем в Бурминском. И там за ней продолжают следить стукачи. Некий Моника пишет о ней в донесении оперчекистскому отделу НКВД в августе 1940 года: «Соколова – Пятницкая Ю.Н. во весь голос заявила, что власть захватили противники советской власти, что Сталин узурпировал власть…»

Ее посылали землекопом на самые тяжелые работы. В Бурме, например, на возведении Мухтарской плотины ей приходилось в сентябре-октябре работать по пояс в воде. В книге «Заговор против Сталина» Владимир Пятницкий, ее сын пишет: «Мама простудилась, заработала воспаление легких. В медицинской помощи ей отказали. Просто вынесли в кошар – сарай для овец, положили на голую землю и предоставили самой сводить счеты с жизнью. Там она и умерла, окруженная овцами. Похороны ее, по рассказу очевидцев, поручили двум уголовникам, которые зарыли труп где-то в степи».

В кармане рабочей телогрейки Юлии уголовники нашли медальон княжны Урусовой. Они долго любовались им, а затем

обменяли его на бутылку водки в Бурминском ларьке. С тех пор медальон больше никто не видел.

Никто не знает и места, где была захоронена Юлия Соколова-Пятницкая. Единственные свидетели – двое уголовников, распив бутылку водки из ларька, передрались и прикончили друг друга ножами.

А какова судьба сыновей Юлии Соколовой-Пятницкой, которые попали в детские дома НКВД? Старший сын Игорь вынес все страдания, хождение по мукам, вплоть до ареста, тюрем на Лубянке и Бутырке, осуждения на пять лет якобы за террор… Свой срок он отбывал в Долинском лагере под Карагандой. В августе 1949 года он был снова арестован, выслан навечно в ссылку в Норильск на этот раз за антисоветскую агитацию. В 1956 году его реабилитировали, и он сразу поступил в Московский инженерно-физический институт, где учился только на отлично. Затем он защитит кандидатскую диссертацию и станет известным советским изобретателем, создаст около 200 выдающихся изобретений.

А Володя? После детдома его направили в диверсионную школу, в годы Отечественной войны он партизанил в степях под Сталинградом, служил в полковой разведке знаменитой Донской казачьей конницы, дошел с боями до Вены. После Победы учился в институте, стал инженером-кораблестроителем. Вместе с Игорем он всю послевоенную жизнь собирал по крупицам многочисленные свидетельства людей о невиновности отца и матери, их преданности делу революции, России, СССР. И в 1956 году они добились полной реабилитации И.А. Пятницкого, Ю.Н. Соколовой-Пятницкой, Игоря Пятницкого.

Владимир Пятницкий в 1998 году издал свою документальную повесть «Заговор против Сталина», в которой рассказал всю правду о трагедии их семьи в годы сталинизма-тоталитаризма. Он писал: «Иногда мне кажется, что пережитое в «сталинскую эпоху» нашей семьей – родителями, Игорем, мною – все это было не с нами, а с кем-то еще, в другой жизни, на какой-то страшной и мрачной планете, которой управляют вселенские силы зла. Но все-таки это было с нами, с Россией».

Глава 27
Триумф Раевских

В 1931 году в нашем многострадальном крае был создан Карлаг НКВД. На территории нынешнего Абайского района появились лагерные отделения, такие, как Карабас, Долинка, Топар, Ялта, Спасск, Шерубай – Нура и другие. Заключенные Карлага, в основном, занимались сельскохозяйственным трудом, позже на базе отделений Карлага были созданы крупные механизированные совхозы.

Воротами Карлага в то время называли поселок Карабас. Здесь размещался крупный лагерь для политических заключенных, бараков для них не хватало. Саманными постройками с решетками усеяли даже близлежащие сопки. Люди сотнями погибали от голода и болезней. И до сих пор самое большое пространство в Карабасе занимают не предприятия и железная дорога, а кладбища.

Сегодня сюда приезжают потомки тех, кто невинно пострадал в годы сталинизма. Букеты гвоздик, как огоньки памяти, вспыхивают алым цветом то на одной, то на другой могиле.

Бывший начальник культурно – воспитательной части лагеря в Карабасе, девяностодвухлетний пенсионер Иван Алексеевич Ростов в 2008 году мне рассказывал:

– Карабас был пересыльным пунктом заключенных Карлага. Сюда привозили людей в теплушках из разных мест СССР. Порой их гнали из Караганды прямо колоннами пешком по степным дорогам… Многие погибали в пути, так и не дойдя до лагеря. Остальных в Карабасе регистрировали, кое-как обували, одевали, а затем распределяли по разным отделениям: кого отправляли в Долинку, кого в Джезказган, Балхаш, кого в Жартас…На волю заключенных тоже отправляли через Карабас. Но таких счастливцев было совсем немного, да и выглядели они как скелеты, ткни пальцем – рассыпятся…

Через эти ворота Карлага – особлагерь Карабас – прошли миллионы заключенных. Среди них было немало знаменитых, невинно пострадавших ученых, писателей, преподавателей, актеров, жен полководцев, поэтов. Особенно большими потоками они стали прибывать в Карабас в незабываемые по накалу трагедий 1936–1938 годы, когда по личному указанию Иосифа Виссарионовича Сталина в СССР начались массовые репрессии. За эти три года в Карабас поступило около миллиона заключенных, в основном, осужденных за контрреволюционные преступления.

Через «сито» Карабаса в то время прошла, например, сестра известного писателя Николая Алексеевича Раевского – Софья Алексеевна Раевская. Согласно справке № 95.775, выданной заместителем начальника управления Карлага, старшим лейтенантом госбезопасности П.Столяровым, она была осуждена 14 марта 1935 года особым совещанием НКВД СССР «за связь с зарубежной контрреволюцией» на три года. И только в 1937 году она поступает из ленинградских тюрем и лагерей в Карабас, а оттуда ее отправляют в Долинку. Сохранился документ «Опись вещей заключенной Раевской С.А. для вручения ей» от 23 апреля 1937 года. Он подписан дежурным по ОХРЕ Кобыловым и комротной Блабинской. В описи дан перечень необходимых узнице вещей: ботинки, тапочки, галоши, матрас, чайник, керосинка, подушка, телогрейка, шапка и так далее. Всего 103 рабочих дня в лагере понадобилось Софье Алексеевне Раевской, чтобы 27 августа ее освободили и направили на постоянное жительство в Караганду.

Перед отъездом из мест не столь отдаленных она сказала подругам:

– Я никогда не забуду Долинку. Музыку Чайковского и Мусоргского я впервые услышала здесь в ДК в исполнении симфонического оркестра профессиональных музыкантов Москвы – узников Долинки. В библиотеке лагеря я прочитала почти всего Пушкина и Лермонтова. Я здесь получила такое духовное развитие, что сама взялась за перо. Жаль, что подорвала здоровье на непосильных работах на полях совхоза НКВД. Но зато приобрела дружбу ярких самобытных людей, которые выступали против сталинизма и тотальной власти, за свободу личности в СССР.

Позже она всю жизнь благодарила своего брата, писателя Николая Раевского за то, что постоянно хлопотал об ее освобождении. В письме Сталину он объяснял, что Софья Алексеевна не просто дворянка, а «красная дворянка», ибо происходит из рода дворянина, героя Отечественной войны 1812 года, русского генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского. Во время войны с французскими захватчиками он успешно командовал корпусом, отличился в боях под Смоленском, Бородино (батарея Раевского), Малоярославцем. Он был близок к декабристам, его знал Александр Сергеевич Пушкин.

Неизвестно, дошло ли письмо до самого Сталина, но вскоре Софью Алексеевну Раевскую освободили. Как рассказала мне местный краевед, бывший главный хранитель областного музея изобразительного искусства Тамара Александровна Угланова,

Софья Алексеевна поселилась в Караганде в небольшом глинобитном домике вместе со своей матерью и дочерью, которые приехали к ней из Ленинграда. Сохранилась часть дневника С.А.Раевской, в котором она описывает посещение с матерью могилы отца. На том месте, где его схоронили, уже не было кладбища, там расположилась запретная зона строительных укреплений лагеря. И когда они туда подошли, «в ту же минуту налетела сторожевая собака, а издали уже бежал часовой и дал выстрел в воздух… Но мамочка уговорила собаку («собаки меня любят», – говорила она), а парень с винтовкой быстро понял, в чем дело, и дал ей попрощаться с папочкой (могила была цела). Завтра надо было ехать в Караганду. И это был октябрьский вечер 1937 года. Милая, она попрощалась навсегда, взяла горсточку земли, и уже в темноте дошли домой».

В Караганде Софье Алексеевне не повезло – вначале скончалась ее дочь, а затем и мама. Ей долгое время помогал брат – писатель Николай Алексеевич Раевский, которого судьба забросила в Алма-Ату. Он присылал ей посылки, денежные переводы…

Своего брата Софья Алексеевна боготворила. Через всю жизнь он пронес любовь к Пушкину, его книгам. А привила ему эту любовь его прабабушка Софья. Она говорила пятилетнему Николаю: «Вот, Колечка, когда ты подрастешь, то вспомни, что я рассказываю тебе сейчас. Когда мне было 16 лет, на одном балу я видела Александра Сергеевича Пушкина, а моим учителем в Патриотическом институте благородных девиц был Николай Васильевич Гоголь. Когда подрастешь, узнаешь, какие были это великие люди».

И он всю жизнь изучал творчество А.С. Пушкина. Даже во время Брусиловского прорыва в Карпатах поручика Раевского можно было увидеть с томиком Пушкина в руках. Не расставался он с ним и в Карловском университете, где учился на естественном факультете, и в Париже на учебе во французском институте, и в тюрьмах гестапо. 31 декабря 1943 года Раевский записал в дневнике: «Хотел бы конца войны, как и все, но боюсь, боюсь большевизма – не за собственную шкуру только, за многих дорогих мне людей, за все, что есть хорошего в европейской культуре, за право жить не по указке духовного хама… Для себя же лично – пережить две недели после конца войны. Кто-то сказал, что это будут самые страшные две недели».

Но пережить страшные две недели после войны ему не удалось. Уже 13 мая 1945 года Раевский был арестован советскими властями. Его по статье 58-4 «б» «за связь с мировой буржуазией» приговорили к пяти годам исправительно-трудовых

лагерей и трем годам поражения в правах. Пунктом отбывания наказания был определен Минусинск.

Край каторжан – так называли эту пристань на реке Енисей. Раевский работал санитарным братом в медсанчасти Минусинского угольного бассейна, и перед ним прошли сотни умирающих политзаключенных, работающих на шахтах. Но, впрочем, он зачастую их как бы и не замечал, ведь он начал писать книги о Пушкине, и все больше погружался в минувшие века. «Новые декабристы», – говорил он о зеках Сибири.

В 1960 году Николай Раевский после освобождения из сталинских лагерей приехал в Алма-Ату, где работал в институте клинической и экспериментальной хирургии. Он, владеющий восемью иностранными языками, переводил статьи по разным разделам хирургии, участвовал в создании музея истории медицины в Казахстане. Но главным для него оставалась любовь к литературе, Пушкину, которую он воплощал в собственные книги. Теперь их знают все – это «Если заговорят портреты», «Портреты заговорили», «Друг Пушкина П.В. Нащокин». С сестрой Соней Николай Алексеевич начал переписываться в 1951 году, когда точно установил ее адрес. Но свидеться им удалось значительно позже.

В 1965 году у Раевского в издательстве «Жазушы» вышла книга «Если заговорят портреты» из серии пушкиноведения. Он приехал в Караганду и увез к себе в Алма-Ату на постоянное местожительство сестру. Софья Алексеевна в Алма-Ате начала писать книгу мемуаров «Карабас – мрачные ворота Карлага», но преждевременная смерть вырвала из ее рук перо… В этой книге она самое большое место намеривалась уделить своему брату Николаю, который тоже познал тернии сталинизма в лагерях Сибири. Она говорила: «Его спас Пушкин, любовь к этому поэту у него была такая всепоглощающая, что он забывал порой, где находится, что ест и пьет… Был бы в руках томик Пушкина, а что вокруг, неважно… И в тайге можно писать о Пушкине! С этой мыслью он жил, это его и спасло в лагерях Сталина».

Саму же Софью спасла вера в талант брата. Она писала ему ободряющие письма из Карабаса, Долинки, Караганды. Не стало папы, мамы, схоронила свою дочурку, сама еле держусь на ногах, но хотя бы ты не падай духом и добейся всего намеченного по Пушкину, мы все так мечтали об этом, поддерживая твой порыв воспеть великого русского поэта – вот лейтмотив ее писем, обращений к брату. И он не подвел! И это был большой триумф семьи Раевских.

Глава 28
Муза в зэковской робе

Разве можно забыть музу в зэковской робе, поэтессу, медсестру Руфь Мееровну Тамарину? Она долгое время работала в редакции «Казахстанской правды». Я часто встречал ее и в здании Союза писателей Казахстана, где она была литературным консультантом. Именно тогда, а более конкретно – в 1982 году она подарила мне книгу – справочник «Писатели Казахстана» в память о республиканском совещании руководителей областных литературных объединений. На нем я присутствовал как председатель Джезказганского областного литературного объединения «Слиток».

Из подаренной мне Руфь Тамариной книги я узнал, что она – участница Великой Отечественной войны. К сожалению, ее постигла участь певицы Руслановой, отвоевав, она неожиданно становится «врагом народа». Да, да, в 1948 году ее арестовывают, обвиняют в шпионаже в пользу США и дают 25 лет каторжных работ. Конечно, со временем ее реабилитируют. И не только ее, но и ее мужа, и ее родителей. Она всюду будет возить с собой четыре справки о реабилитации.

Р.Тамарина рассказывала мне о том, как воевала, будучи санинструктором, и как вывозила с поля боя раненых солдат. Позже она напишет обо всем этом более подробно в своей книге «Щепкой – в потоке»… (Алма-Ата, «Жазушы», 1991).

«Лодка-долбленка, которую волоком тащишь по снегу, тяжела сама по себе, а если в ней раненый – вдвое, раненый всегда тяжелей здорового», – в этих словах Руфь такое ощущение войны, такая точность переживаний медсестры, что думаешь: так мог написать только тот, кто побывал в сизом мареве пороха и огня, спасая жизнь однополчанам.

Меня опечалило и поразило, что человек, прошедший три года Отечественной войны, доказавший в боях свою преданность Родине, вдруг в послевоенные годы становится государственным преступником. Разве может даже с точки зрения самой сложной психологии и логики происходить такая метаморфоза с человеком? Только-только ее демобилизовали, только-только она вновь взялась за стихи, пошла на занятия в литературный институт, и, смотрите, готовая шпионка в пользу США! Разуму не поддается такое. «Жестокий век! Жестокие сердца!»

А, оказывается, чекистам не хватало обычного жилья. После войны в Москве строили мало, и надо было как можно больше

москвичей посадить за решетку, чтобы захватить их жилплощадь. И полезла в столицу всякая мразь в погонах Берии, и снова началась «чистка», в результате которой Москва лишилась цвета интеллигенции: мудрецов, философов, поэтов, врачей. Жила Руфь Тамарина в небольшой квартире в Москве, да и ту потеряла. И кто, вы думаете, туда поселился? Ее следователь Серегин. То-то он так рьяно вел дело Руфь Тамариной, которая якобы затаила зло на Советскую власть и вредила, как могла.

– На допросах мне по шесть-семь часов подряд вдалбливали в голову, что я американская шпионка, – говорила Руфь Тамарина – И я стала спрашивать себя: а, может, это правда? И следователь МГБ Серегин сразу же ухватился за мои сомнения: да, это правда, торжествовал он, я докажу…

И доказал, уличив ее в связях с американским журналистом Робертом Магидовым, высланным из СССР осенью 1947 года. Вся беда в том, что Руфь, действительно, знала этого зарубежного корреспондента, он ведь приходил в Дом кино, где она работала, смотрел новые советские фильмы. Но какую секретную информацию она ему могла передать? Как в СССР пишут стихи? Как делают кино?

Чекистам нужны были шпионы США, очень много шпионов! Иначе зачем они сами нужны стране? С классовой борьбой вроде покончено, теперь ловим шпионов. Та же Руфь Тамарина – чем не находка для МГБ? Доказать, что она – стопроцентная шпионка, конечно, невозможно. Да и зачем это? Ведь все равно формулировочку найдем – приговорить к «вышке» «по подозрению в шпионаже в пользу США». Обратите внимание: не за сам шпионаж, а только за «подозрение» в нем. Подозреваем и точка. А ведь подозревать можно кого угодно. Всю страну, весь народ можно подозревать! И всю страну, весь народ за колючую проволоку, в грязь, нечистоты, к расстрелу…

Боже мой, что творилось! Бедная Руфь, что она сама пережила, ожидая казни. Ее темные мягкие волосы стали жесткими и белыми за одну ночь! И она долго не верила, что жива, когда ей объявили о великом помиловании Сталина, который смертную казнь заменил ей 25 годами каторги.

Руфь Тамарина попала на каторгу в Степлаг. И с удивлением открыла для себя, что здесь собрался высокоинтеллигентный народ! Тут, например, отбывала свой срок Слава Борисовна Майнфельд, начальник цеха коробки скоростей автозавода имени Сталина. В 1930 году директор предприятия, создатель отечественного автомобилестроения И.А.Лихачев посылает ее в числе ста инженеров ЗИСа в США в Детройт учиться у Форда, как делать автомобили. Всего год она была на практике, и убедилась,

что Генри Форд – великий человек, изобретатель, а его системе не чужд человеческий фактор. Он хорошо платил рабочим, многих из них выдвинул в руководители. Он дал работу десяти тысячам больных, инвалидов, они получали у него на заводе полную ставку! К нему имел доступ каждый рабочий. Форд беседовал запросто, как с равными, даже с мусорщиками. Когда Слава Борисовна рассказывала обо всем этом взахлеб на заводе, ее слушали, затаив дыхание. Но она забыла об одном: времена круто изменились, и если до 1945 года СССР дружил с Америкой, то в 1946 году началась так называемая холодная война. И хвалить Форда, его технику, его гуманизм в то время было равносильно измене Родине. К тому же, Слава Борисовна была женой известного врага народа, доктора Левина, обвиненного в убийстве Горького и его сына Максима в марте 1938 года на знаменитом сфальсифицированном Ягодой бухаринском процессе «правотроцкистского блока».

И, конечно, в среде рабочих и специалистов завода имени Сталина было немало осведомителей. И они настучали на Славу Борисовну, и ее второй раз арестовали и дали срок – 15 лет. А первый раз она отсидела за «дело Левина» как член семьи изменника Родины, и ее вытащил из Темниковских лагерей смерти сам Лихачев в 1944 году. Но, как видите, недолго была Майнфельд на свободе.

Руфь Тамарина рассказывала в редакции не только о себе – о десятках, сотнях участников Великой Отечественной, которые кровь не жалели для Великой Победы, но которых после ее прихода «отблагодарили» за все, сослав на острова ГУЛАГа. Их смешали с оголтелыми бандеровцами, предателями Родины, дезертирами, мародерами и вместе с ними бросили в глухую степь под Карсакпай на медные и свинцовые рудники и угольные копи Байконура. Вот вам и слава победителей!

С горечью писала об этом Руфь в своих лагерных стихах:

«Какая жалкая судьбина!
Верблюды. Степь. Двадцатый век.
И под штыком киркует глину
Полупещерный человек»

Их, действительно, делали «полупещерными» людьми. Я много раз слышал от бывших зэков Кенгира упоминание о кирпичном заводе, где они трудились. Когда я приехал на этот завод где-то в 1983 году, он еще вовсю работал. И ручной труд здесь процветал вовсю! Люди заходили в горячие печи и, обливаясь потом, устанавливали там формы из глины. А затем в

пыли под палящим солнцем лопатами бросали уголь в топки. Дышать было нечем, люди падали от жары в печах, топках прямо на землю. При мне «скорая» увезла одного рабочего, который забился в конвульсиях, как эпилептик, на горячих кирпичах.

Каково же было здесь, на объекте «Кирзавод», Руфь Тамариной? Ее подругам по бараку? Не представляю даже. Но всякий раз, когда по заданиям редакции «Казахстанской правды» я бывал на медных рудниках, в Джездах или Карсакпае, то вспоминал напутствие Руфь Тамариной:

– Пишите правду о Карлаге, о тех местах. Сколько там полегло людей, сколько искалеченных судеб! Все самое тяжелое в кенгирских местах было построено силами зэков. Все, все – и рудники, и Кенгирское водохранилище, и медьзавод, и железная дорога Рудник-Джезды, и даже первые парки. Почему вы не пишите об этом?

С особой нежностью Руфь Тамарина вспоминала тех, кто даже в жестоких условиях Степлага не сломался, не пал духовно. Помнила она, например, Елену Яковлевну Рабинович, диктора Всесоюзного радиокомитета, учителя знаменитого Юрия Левитана, сидевшую в Степлаге второй срок. Она активно организовывала в лагере художественную самодеятельность, даже поставила спектакль «Русалка» по музыке Даргомыжского. Кстати, балетные эпизоды в этом спектакле вела репетитор большого театра Анна Владимировна Скородумова.

Сама Руфь Тамарина как бы руководила здесь кружком любителей литературы и начинающих поэтов. Среди особо талантливых всегда отмечала Любовь Рубцову и Анну Зинину. Она им любила повторять: «Душа обязана трудиться и день, и ночь». И один раз в неделю они собирались в красном уголке КВЧ и обсуждали написанные стихи. Позже по выходу из лагеря Люба Рубцова стала профессиональным поэтом в Сибири, издала три книги отличных стихов. Анна Зинина печаталась в «Казахстанской правде». Она стала лучшим бригадиром «Промстроя» в Кызыл-Орде, председателем комиссии по культуре горсовета.

Стихи Рубцовой и Зининой хотел издать в Москве в коллективном сборнике зеков ГУЛАГа степлаговский поэт Вадим Попов, но его кончина помешала это сделать. Взялся было за благородное дело кенгирский поэт Коля Башлыков, до этого живший в одном бараке с Александром Исаевичем Солженицыным в Экибастузе, да вот беда – закрыли издательство «Советский писатель», а вместе с тем умерла последняя надежда на публикацию коллективного сборника.

Руфь Тамарина работала в Степлаге медсестрой на

кирпичном заводе, а когда женскую зону перевели в Никольский, – библиотекарем. Там она встретила свою первую настоящую любовь – донского казака, строителя Михаила Гавриловича Морозова, вышла за него замуж. Вместе их перевели в балхашский лагерь, откуда они после XX съезда партии были отпущены на свободу. И началась вольготная литературная жизнь Руфь Тамариной вначале в газете «Балхашский рабочий», затем в республиканской «Казахстанская правда». Когда она встречала меня в Алма-Ате, то всегда передавала привет в Джезказган и Никольский всем, кто ее помнит.

Надо сказать, мои родители в то время жили в Никольском. И к маме часто заходили ее подруги – продавцы из магазинов, геологи, шахтерки. Встречались среди них и бывшие заключенные Степлага, оставшиеся на поселении в Никольском. Я запомнил Анну Стефанишину с ее мужем Володей. Она нехотя вспоминала свое прошлое, Степлаг. А Володя вообще молчал, и если начинал говорить, то только о своем радикулите, о том, как надо его лечить. Показалось мне, что были они людьми безобидными, зла людям не чинили. Анну все называли «хромоножкой», она сильно припадала на правую ногу. А вот, как она стала хромой, Анна не рассказывала никому. И только в книге Руфь Тамариной я прочитал, что Анна Стефанишина во время подавления восстания заключенных в Степлаге в 1954 году попала под танкетку, и та «просто стесала ей походя кусочек пятки. Она осталась хромоножкой, но живой».

Анна гордилась тем, что строила города в степи. В мае 1955 года женский лагерь из Джезказгана перевели в поселок Никольский, и Анна работала в бригаде, которая рыла большие квадратные ямы для опор ЛЭП-500, собирала каркасно-щитовые двухэтажные дома, с них-то и началась жизнь зэчек в горняцком поселке. Вскоре построили баню, целых две столовые… Анна долгое время дружила с Руфь Тамариной, которая работала в Степлаге то медсестрой, то библиотекарем… И она мне сказала:

– Вот Вы стихи пишите, и Руфь Тамарина все писала… Только Вы жизнь прославляете, а она ее проклинала, ибо была пессимисткой…

Проклинала ли? Не знаю, не ведаю, но, судя по ее книгам, думаю, что Руфь тоже была оптимисткой.

Вот недавно прочитал ее стихи из цикла «Кенгирская тетрадь», и мне сразу запомнились строчки:

Но мы недаром дети века —
Умеем временем дышать.
Быть не рабом, но Человеком

Нас и штыками не лишат!

Пессимистка? Навряд ли.

Глава 29
Незабываемые встречи

С Жаиком Кагеновичем Бектуровым я встречался неоднократно, и всякий раз он производил на меня впечатление высокообразованного человека, который не чуждается общения с людьми, к какому бы сословию они ни принадлежали. Поражали его умные, чуть печальные глаза, быстрый все понимающий взгляд.

Однажды я лежал в больнице партактива, а в соседней палате лечился Бектуров. Он мне не жаловался на болезни, как это делают почти все постаревшие люди. Он просто произнес:

– Все это от сталинских лагерей.

Я уже знал, что молодые годы Бектурова как раз пришлись на время репрессий. Не обошли стороной сталинские палачи и Жаика Кагеновича, обвинив его в национализме, хотя более интернационального человека я не встречал в жизни. Дружелюбие, приязнь к людям разных национальностей – все это сквозило в каждом его слове, в каждом движении его лица и теплом пожатии рук. Он похвалил меня за документальную повесть «Выстрел Александра Фадеева» о самоубийстве писателя и посоветовал мне продолжить творческий поиск по темам сталинизма. Сам он как раз работал в то время над повестью «Последние дни Сакена» и рассказал мне много нового, интересного о его супруге Гульбахрам Батырбековой, с которой он несколько раз встречался в Алма-Ате и Караганде. Она тоже попала в число «врагов народа», но только как ЧСИР (член семьи изменников Родины), отбывала свой срок в Алжире (Акмолинском лагере жен изменников Родины). Она сохранила верность Сакену Сейфуллину до конца своей жизни, немало сделала для его реабилитации и популяризации. Так что в повести «Последние дни Сакена» два героя: писатель Сейфуллин и его супруга Гульбахрам, объединенные большой дружбой и любовью.

Жаику Кагеновичу легко было писать книги и статьи о сталинских репрессиях, ибо он сам пережил их. В1942 году он был арестован по ложному обвинению НКВД и приговорен к 10 годам лишения свободы. Отбывал он свой срок в самом жестоком сталинском лагере – Ивдельлаге, где работал даже на лесоповале. О сталинских репрессиях он опубликовал роман «Танба», в котором раскрыл всю жестокость и тупость следователей того времени, палачей Сталина.

Как-то мы вместе отдыхали на скамейке в сквере больницы, после лечебных процедур, и я спросил у Бектурова, встречал ли он небезызвестного любимца Сталина Берию? Бектуров ответил, что видеть ему черного Маршала не приходилось. А вот ближайший друг и соратник Берии, нарком внутренних дел Казахской ССР Н.К. Богданов несколько раз сам допрашивал Бектурова. Чекист-палач отличился еще в Ленинградской области тем, что лично расстреливал ни в чем не повинных рабочих и колхозников, фальсифицируя на них дела как на врагов народа. И в Казахстане Богданов «не подвел» – он создал громкое дело о «националистах», по которому необоснованно было арестовано 130 советских и партийных работников. Но этого ему показалось мало, и он привлек к черному делу еще 500 человек, в том числе известного нам Бектурова, в то время работавшего редактором дивизионной газеты.

Жаик Кагенович рассказал мне, что Богданов был прямо-таки копией Берии в смысле стиля поведения и действий. В отношениях с людьми он отличался высокомерием и стремлением сделать им зло. На допросах Богданов говорил Бектурову, что сотрет его в порошок, что если он не признает себя виновным, то его люди составят акт о собачьей смерти Жаика и бросят в яму, которая зарастет бурьяном. Так что никто даже не узнает, где он похоронен. Эти слова повторяли все следователи, которые вели дело писателя.

Садистские замашки Богданова, видимо, хорошо одобрялись Берией, потому что в 1946 году тот был назначен заместителем Министра внутренних дел СССР. И опять по указанию Берии расстреливал, вешал, травил, отправлял в особлагеря талантливых и честных людей. В общем, скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты…

Жаик Кагенович радовался тому, что в моем лице нашел единомышленника, что я тоже заинтересовался лагерной темой. При встречах со мной на бульваре Мира или в областной администрации он всякий раз спрашивал, над чем работаю, что пишу…

Жаик Кагенович проявлял живейший интерес к каждому литератору области, ведь он одно время был ответственным секретарем, затем – председателем Карагандинского межобластного отделения Союза писателей Казахстана. Он ревниво следил за творчеством членов литературных объединений «Магнит» в Темиртау и «Слиток» в Джезказгане. Когда я ему сказал, что на заседаниях «Слитка» молодые поэты изучают сейчас творчество Какимбека Салыкова, он поддержал эту акцию.

– Какимбек – прекрасный поэт и человек, – сказал он. – Его сборник стихов «Медная лань» от Бога…

Почти обо всех писателях Сарыарки Жаик Кагенович отзывался тепло и сердечно. Он дружил с такими прозаиками и поэтами, как Евней Букетов, Амен Азиев, Михаил Балыкин… Вместе с ними он выезжал на стройки Казахстанской Магнитки, а затем писал взволнованные статьи о первостроителях Темиртау и металлургах. Он подсказал Балыкину идею создания поэмы о молодых строителях «Казметаллургстроя»…

Жаик Кагенович несколько раз встречался с Касымом Аманжоловым, с большим уважением отзывался о его творчестве, постоянно хвалил его поэму «Мартбек», посвященную Герою Советского Союза, карагандинскому шахтеру М.Мамраеву. В 1985 году в издательстве «Жазуши» вышел коллективный сборник стихов «Песни о тебе, Караганда». Одним из его составителей был Жаик Кагенович Бектуров. Он предложил включить в этот сборник стихотворение Касыма Аманжолова «Акын и шахтер», опубликованное в 1948 году в переводе с казахского языка на русский Ильей Сельвинским, что и было сделано. А содержание стихотворения таково: шахтер обращается к поэту с призывом шагать с ним рядом, в ногу, прославлять его труд под землей. И поэт вторит этому призыву:

Шахтер, ты прав…
Когда народ идет вперед,
То впереди поэты!
Их долг прямой
Идти в забой
Для боевой Победы.

Не правда ли, это стихотворение Касыма Аманжолова актуально и сегодня, когда музы молчат, не поднимая на пьедестал славы в поэмах и стихах героев сегодняшнего дня – горняков и металлургов?

Жаик Кагенович Бектуров мне говорил:

– По сути, стихотворение Касыма Аманжолова «Акын и шахтер» стало заглавным в том сборнике. Касым как бы повел за собой целую плеяду поэтов, объединив их темой шахтерского труда…

Ж. К. Бектуров гордился тем, что ему доверили подготовку к выпуску большой поэтической книги, посвященной Караганде и ее труженикам. Сейчас уже стали забывать, что в 1984 году Указом Президиума Верховного Совета СССР Караганда в год своего 50-летия была награждена орденом Трудового Красного

Знамени за заслуги трудящихся города в социалистическом строительстве, их большую роль в индустриализации страны и значительный вклад в обеспечение разгрома немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне. В связи с этим событием и был осуществлен выпуск коллективного сборника стихов «Песни о тебе, Караганда».

По предложению Бектурова в коллективный сборник поэзии были включены стихи о шахтерах не только Аманжолова, но и других его любимых поэтов Жубана Молдагалиева, Михаила Львова, Алексея Брагина, Абдуллы Салехова, Любови Шашковой… Мне думается, эту давно забытую книгу не мешало бы переиздать, ведь на полках книжных магазинов да и библиотек давно нет литературы о Караганде, нашем крае, тем более стихов.

Я запомнил Жаика Кагеновича Бектурова как писателя старшего поколения, который заботился о воспитании молодой литературной смены, до конца дней своих не выпускал из рук пера. Мы благодарны ему за создание мужественного образа Сакена Сейфуллина, его побратимов, погибших от рук сталинских палачей, за исторические очерки о Ш. Валиханове, Алтынсарине, Достоевском, Г. Потанине…

Я на всю жизнь сохранил добрую память о незабываемых встречах с Жаиком Кагеновичем, его обаятельной улыбке и теплом пожатии рук.

Глава 30
Корчагин новых идей

Кирилл Свиридов надоел мне своими телефонными звонками. Наконец, я не выдержал и сказал ему:

– Приходи. Выпьем чаю, поговорим о литературе.

Вскоре он предстал передо мной со своим старым японским зонтиком – глаза красные, ревел что ли? И я спросил:

– Что случилось, друг?

Он нехотя сел на стул.

– Ты разве не знаешь, – Марченко умер… «Голос Америки» подает сообщение об этом как важнейшее…

Кирилл Свиридов дружил с Марченко, вместе с ним сидел в Карлаге. Он восхищался этим человеком.

– Таких людей мало, – говорил мне Свиридов. – Он добивался создания справедливого общества, а вокруг один мрак и обман…

Все началось с того, что Анатолия Марченко за драку в общежитии Карагандинской ГРЭС с чеченцами арестовали и приговорили к двум годам заключения в Карлаге. Это была первая огромная капля несправедливости в его жизни. Дело в том, что Анатолий в драке не участвовал, он просто стоял у стены и наблюдал, как большие придурки дубасили друг друга без пощады. И вначале его хотели сделать только свидетелем случившегося. Но он встал на защиту арестованных, объясняя возникновение драки плохими условиями жизни в общежитии, а также во всей Караганде, где голод и холод доводит людей до отчаянных шагов. Самим на жизнь не хватает, а тут еще новые рты – депортированные, вроде чеченцев. И все прибывают и прибывают, да в таком количестве, что в общежитии уже мест даже на полу не будет хватать.

Офицер госбезопасности слушал его, слушал да как рявкнет:

– Заткни свой фонтан! А то за антисоветские высказывания залетишь в железную клетку лет на десять.

Но Анатолий до того распалился, что уже не мог остановиться. Он заявил, что Хрущев только одно и любит что сало жрать, что ему на интересы народа наплевать. Так разгорячился, что не заметил, как наручники на руках его щелкнули. И только тут спохватился: да что же это я? Но было уже поздно.

В Карлаге он не бунтовал, не дергался по пустякам, часто половину еды Кириллу Свиридову отдавал. И все в одну точку смотрел, пока его по плечу не хлопнешь. Однажды сказал

Кириллу:

– Давай отсюда сбежим.

Свиридов поперхнулся едой:

– Как сбежим?

– Да очень просто. Колючую проволоку перережем и в степь. А там на дикую лошадь – и в Иран, а оттуда в Америку, нет лучше во Францию. Весь мир увидим.

– Нет, на такую авантюру я не согласен, – угрюмо ответил Кирилл и добавил: – Вот моя Франция, вот моя Америка…

И он раскинул руки, показывая на столовую да на окна – решетки, за которыми виднелись бараки с черными крышами да убегающая вдаль к горизонту желтая степь.

Тем не менее работающий в лагере санитаром Марченко в 1960 году совершил сам побег из лагеря. Его разыскивали повсюду – не нашли. Заключенные перешептывались: «Ищи ветра в поле»!

Однако вскоре краснопогонники сообщили: «Поймали вашего санитара на границе СССР с Ираном. Расстреляют»!

И, может быть, расстреляли бы. Да Марченко вовремя написал о несправедливом к нему отношении в Верховный Суд Туркмении, и там его приговорили к шести годам лагерей за измену Родине.

Но что для Марченко тогда была Родина? Он повторял вслух за Блоком: «Родину я ненавижу, но люблю идеал человека». Часто в тюрьмах вспоминал встречи в Караганде с Наумом Коржавиным, Александром Есениным – Вольпиным, Сашей Айхенвальдом. Он ходил вместе с ними на занятия литобъединения при редакции областной газеты, которым руководил «старик» Николай Пичугин. Тот всегда говорил молодым поэтам: «Не воображайте, не ставьте из себя гениев. Вы такие же люди, как все, и потому живите, как все, просто и спокойно, конечно же, не расставаясь с пером».

В тюрьме Ашхабада Анатолий начал писать книгу о советских политических лагерях смерти «Мои показания». Завершил ее уже после освобождения в городе Александрове Владимирской области, где работал грузчиком. Ю. Даниэль, ознакомившись с ней, опубликовал ее в самиздате в 1967 году. Книгу заметили за рубежом и переиздали в ряде стран в Европе. Так Марченко попал в «черный список» Андропова, за ним усиливается слежка органов безопасности. «Коль однажды пытался бежать в Иран, повторит попытку снова», – рассуждали на Лубянке.

Но Марченко больше не изменяет своей Родине, зато стал активнее участвовать в правозащитном движении. «Хочу справедливости во всем»! – вот девиз его жизни в Москве. И 22

июля 1968 года он выступает с открытым письмом об угрозе вторжения советских войск в Чехословакию. Письмо звучит по Би-би-си, в зарубежной прессе. Марченко арестовывают.

– Тебе давно запрещено жить в Москве, – кричат на него на Лубянке. – Ты нарушаешь паспортный режим! Мало тебе владимирских проселков, бараков Карлага – поживешь в Ныробском Лагере.

Через год его должны были освободить, но ему прибавили еще два года за то, что в своих произведениях порочит советский общественный и государственный строй.

Только в 1971 году он выходит на свободу и уезжает в Тарусу, любимое место Паустовского. Здесь пишет автобиографическую книгу «Живи как все». Но самое ценное его приобретение – это его любовь, которая постучалась в сердце. Его ненаглядной стала единомышленница, правозащитник Лариса Богораз. Прогуливаясь по осенним аллеям Тарусы, они вместе обсуждают пути обустройства России, во всем поддерживая Солженицына и Сахарова, методы борьбы за освобождение политзаключенных СССР. Лариса дружила с супругой академика Сахарова – Еленой Георгиевной Боннэр. По ее подсказке в 1968 году Богораз вместе с шестью правозащитниками вышла на Красную площадь на первую публичную акцию протеста в СССР против оккупации советскими войсками Чехословакии. За это ее приговорили к четырем годам ссылки. Возвратившись в Москву, она продолжила активное участие в правозащитном движении, работала в Самиздате, редактируя бюллетень «Хроника текущих событий», выступала в поддержку Солженицына и Сахарова.

А тогда, прогуливаясь по аллеям старой Тарусы, Лариса Богораз вместе со своим мужем Марченко строили грандиозные планы по утверждению демократии в СССР… Но этим планам не суждено было сбыться. Марченко опять отправили в ссылку в Восточную Сибирь. Едва отбыл ее, – снова осудили за антисоветскую агитацию и пропаганду, приговорили к 10 годам содержания в лагере строгого режима и пяти годам ссылки.

Но борцы за демократию так просто не сдаются, не впадают в панику. 4 августа 1986 года Анатолий Марченко объявил голодовку с требованием освободить всех политзаключенных в СССР. Он голодал 117 дней, его кормили ежедневно через шланг питательной смесью. Это был настоящий подвиг человека, борющегося за права людей в СССР. На этот подвиг обратили внимание все радиостанции мира, большинство газет. О нем рассказал Горбачеву Сахаров. И Михаил дал команду освободить заключенных, осужденных по политическим статьям, а Марченко в первую очередь. Но было уже поздно – не выдержав терний

голодовки, Анатолий Марченко скончался в больнице Чистопольского часового завода, куда был переведен для лечения. Это произошло в 1986 году 8 декабря, когда шел крупный снег и дули штормовые ветры. Казалось, сама природа не хотела хоронить борца за справедливость и правду. В 1988 году Анатолия Марченко посмертно наградили премией имени А. Сахарова.

– Вся жизнь этого бесстрашного человека прошла в борьбе за дело демократии, свободу людей, – говорил мне его солагерник Свиридов в 1986 году. – Анатолия Марченко можно смело назвать Корчагиным новых дней и новых идей… Кстати, книгу «Как закалялась сталь» он любил до невероятности, не расставался с ней даже в лагерях и тюрьмах. Он отвергал коммунизм, но во – всю поддерживал целеустремленную личность Корчагина, его стальной несгибаемый характер.

Сам Свиридов давно уже покинул Караганду. Он облюбовал себе маленькую деревушку в Новосибирской области и оттуда прислал мне два-три письма, вспоминая работу с Марченко на Карагандинской ГРЭС. Вскоре мне сообщили, что мой адресат скончался. В его комнате ничего особого не нашли, лишь небольшой фотопортрет Марченко с автографом.

Глава 31
Тюльпаны Мониковской

Помню, когда в Джезказгане я руководил областным литературным объединением «Слиток», на одном из занятий поднялся любитель литературы Анатолий Мякишев и спросил:

– Можно я почитаю стихи Нинель Мониковской?

– А кто такая Мониковская? – сразу заинтересовались молодые писатели.

– Она – узница нашего Степлага, – поспешно ответил Анатолий. – Недавно я был в Калуге, зашел в местное общество узников сталинских лагерей, встретился с ней… Нинель Петровна, когда узнала, что я из Джезказгана, чуть с ума не сошла от радости. Она мне подарила свою книгу «Годы утрат и минуты счастья», а в ней ее стихи, написанные в Кенгире…

И Анатолий начал читать:

Я задыхаюсь в палящей жаре
Желтых, безводных степей Казахстана.
Медью пропитано все на земле,
Медь и в названье самом Джезказгана.

Годы промчатся, вернусь я в тайгу,
Только вступлю под зеленую крону,
Я как ребенок в слезах упаду
В этот ковер необъятный, зеленый.

Буду я воздухом свежим дышать,
Склонятся сосны, приблизятся ели.
Буду в траве до заката лежать,
Плавно качаясь в ее колыбели.

Старый мой друг, не забудь обо мне,
Прибереги свое грозное пенье.
Вновь подари мне в лесной тишине
Веру, надежду, любовь, вдохновенье!

В зале установилась тишина, а затем раздались в унисон голоса:

– Давай еще почитай – чудесная поэзия!

И Анатолий продолжил читать стихи Мониковской,

написанные ею в лагпункте Кенгир в 1947–1951 годах.

Что значит обид ядовитое жало,
Что значит отрада кипучей борьбы?
Не в залах салона – на нарах узнала
Томленье царицы и голод рабы.

Возможно, резка, и мой стих неуклюжий.
И мне, как и всем, суждено умереть.
И все ж до конца разбродяжу я душу
И с ней до конца буду сметь и хотеть.

Мониковская сильно растрогалась, когда узнала, что на территории бывшего лагеря поднялся медеплавильный завод и обогатительные фабрики, что на берегах Кенгирского водохранилища возник чудесный город Джезказган с гранд-отелем и магазинами, музеем космонавтики и профилакторием для горняков и металлургов, великолепным памятником первостроителям города.

– Меня тоже можно назвать первостроителем Джезказгана, – с гордостью сказала Нинель Петровна. – Только я строитель под номером СО-862.

Белый прямоугольник именно с такими цифрами и буквами ей вшили в телогрейку на спину, левый рукав и правую сторону подола, как только ее привезли в Степлаг… Вскоре из вновь прибывших в лагерь в 1947 году сформировали две строительные бригады. Одну возглавила Мониковская, другую ее подруга Зина Царева, бывшая разведчица.

В своей книге «Годы утрат и минуты счастья», которую Нинель Петровна подарила Мякишеву, она писала, вспоминая Кенгир:

«В квадратных ямах месили глину с соломой, делали саман, и из него возводили пятиметровой высоты стену между нашим лагпунктом и мужской зоной хоздвора. На ней установили железные стойки, натянули проволоку и подключили ток высокого напряжения, дабы никому не повадно было «войти в связь» и этим нарушить высокую нравственность лагерных правил. Жара, глина, ветры, замки на дверях – очень уж тошно было в первые месяцы».

Наконец, их вывезли за зону. Основные работы – строительство. Балка Костен-Голт-Сай. На пяти сопках, расположенных цирком, стоят сторожевые вышки. Пространство между ними заполняют три ряда «ежей» из колючей проволоки. Из строений – небольшая прорабская будка, она же – обогревалка.

Нинель Петровна продолжает рассказывать в книге: «Строим насосную станцию. Грунт – спрессованный глиною щебень, а под ним – сплошная монолитная плита, – ни кирка, ни отбойный молоток не берут. Пробуем бить кувалдой вдвоём, попеременно по 20–30 ударов. За день набиваем по 2–3 килограмма каменной пыли. Сутками жжём костры, ночью, когда резко холодает, вольнонаёмные заливают плиту водой, появляются трещины. В них забиваем металлические клинья. Потом приходят взрывники, бурят шпуры, взрывают. Здесь будет город заложен!»

Как следует из книги, бригада Нинель Петровны долго трудилась на строительстве плотины, затем – на возведении обогатительной фабрики, и, наконец, на кирпичном заводе. Это был невероятно тяжкий труд. Но дар поэтического восприятия мира у Мониковской не пропал. И в первую же весну в лагере он проснулся с новой силой. Сама Нинель об этом написала так:

«В конце апреля степь преобразилась: куда ни глянь, – сплошные ковры тюльпанов. Они здесь совсем не такие, как в садах, – на коротких стеблях, которые противостоят здешним ветрам. Алые, жёлтые, сиреневые… Красота неописуемая! Через пару недель это всё выгорает, и только шары «перекати-поля» носятся по песку и пыли, с утра разрисованными следами переползавших ночью змей. Постигаем, что такое скорпион, фаланга, тарантул, – их тут в изобилии. Жара свыше 10°, а ветер как из раскалённой печи».

Ветер сушил висок,
Чуть холодил с утра.
Вновь на зубах песок.
Марево и жара.

Сегодня мне – 22…
Доля моя горька.
Руки сжимаю едва —
Так тяжела кирка!

Чудится: вдалеке
Кто-то костёр развёл.
Это в степном песке
Алый тюльпан расцвёл.

Каждое лето, каждую зиму она ждет весны, чтобы в сопках собрать букетик тюльпанов и подарить их любимому человеку. Таковой для нее стала француженка, парижанка, нейрохирург Жанна Кофман. Она была незаконно обвинена в шпионаже в годы

Отечественной войны, хотя преданно служила Красной Армии, являясь старшим инструктором по альпинизму в частях особого назначения на Кавказе. Жанна буквально выходила Нинель, когда та заболела тропической малярией и впала в горячечный бред…

Не зря Мониковская посвятила ей теплые стихи с надеждой встретиться в Париже… Вручала она букетики скромных степных тюльпанов прибывшей этапом в Джезказган киноактрисе Татьяне Окуневской, которую буквально боготворила. До ее сознания никак не доходило, как органы безопасности могли так поступить с талантливейшей женщиной, отправив ее в самое пекло Бетпакдалы. И за что? Только за то, что дала пощечину самому Абакумову, шефу этих выродков – краснопогонников, который по пьянке приставал к ней в ресторане, требуя, чтобы она была с ним и только с ним. Гордая и независимая женщина, знаменитая киноактриса, жена лауреата Сталинской премии, писателя Горбатова, Татьяна Окуневская и в лагере держалась с достоинством и независимостью. Она охотно откликнулась на просьбу Нинель помочь ей составить сценарий очередного концерта. И когда Нинель задумала поставить поэму Пушкина «Руслан и Людмила», взялась за написание главной женской роли, то Окуневская занималась с ней актерским тренингом, даже подарила ей свое концертное платье для выхода на сцену. Эстрада лагеря дала новую профессию Нинель, она стала актрисой. Подаренные ей зрителями – зеками аплодисменты были для нее лучшими в мире. В своей книге она написала: «Вот ведь и за колючей проволокой бывают подарены душе минуты величайшего счастья, когда и сама эта проволока уже где-то за кадром».

Она любила дарить цветы своим подругам по сцене…. А в Кенгирском лагпункте в ту пору собралось немало талантливых женщин – известная в Киеве певица Александра Конько, пианистки Софья Виноградова и Галина Морозова, балерина Валентина Игнатьева, балетмейстер А. В. Скородумова-Кемниц, художница Эльза Лацис…. Всем-всем тюльпаны за их песни, рисунки, пьесы, танцы. Все выше и выше по сопкам карабкалась Нинель, собирая алые цветы.

Подруги тоже не обижали ее. Эльза Лацис нарисовала портрет Мониковской на обратной стороне почтовой открытки. Шура Конько посвятила ей песню «Ой, Днипро, Днипро»… А когда Нинель лагерные власти решили перевести из Кенгира в Карабас, и настали минуты прощания с подругами, они ей подарили великолепное теплое одеяло, сшитое из небольших кусков ваты.

Впереди Нинель ожидал пересыльный пункт Карабас, а затем

Талды – Кудук – лагпункт Карлага. Здесь было просторнее, небо выше и звезды чище – тут не было конвоя, ходи вольно, привыкай. И тюльпаны в карагандинской степи были крупнее и красивее, чем в Джезказгане, ибо земля для них была богаче и плодороднее.

Работала теперь Нинель самостоятельно – то на ремонте ферм, то на конном дворе. Научилась ездить на лошадях, ухаживать за ними. Должность у нее была такая – кучер, она возила в лагерь на телеге уголь, воду, корма.

После смерти Сталина как будто тяжесть с души упала, повеяло свободой. И точно – 15 мая, когда в степи опять зацвели тюльпаны, ее освободили. Однако местом жительства Нинель определили не матушку Россию, а опять же Карагандинскую область, хотя она всей душой рвалась в русский город Торопец, где родилась. В годы войны ее мать попала в оккупацию, а Нинель с группой 15-летних девушек из Торопца добрались до Свердловска. Здесь она училась в школе ФЗО на токаря, затем работала помощником мастера на заводе. Она постоянно думала о матери, что с ней, где она? И вдруг Нинель арестовывают как члена семьи изменника Родины. Мать приговаривают к расстрелу, Нинель пишет прошение о ее помиловании, но ответа не получает. Может, все-таки маму помиловали? Где она, где?

В Караганде Нинель устроилась в подсобное хозяйство комбината «Карагандауголь» в Петровке, работает на выращивании овощей. Тут она получает из Москвы свидетельство о смерти матери 16 мая 1944 года и справку о ее реабилитации. Реабилитируют, ясное дело, и Нинель.

Россия, родная Россия! Больше ни одного дня в Казахстане! Она едет в Торопец, чтобы хотя бы разыскать могилу матери, но, увы, никаких следов. Нинель переезжает в Калугу, работает в профессиональном театре актрисой, затем заместителем директора. Все свои сбережения тратит на поездки в Болгарию, Венгрию, Югославию, Австрию, наконец, Францию. «Стою на Монмартском холме и шепчу себе: «Милая моя подруга по Кенгиру Жанна, где ты? Я в твоем Париже, хорошо бы нам встретиться… Но ветер отвечает: Жанны давно уже нет, Нинель, как и твоей матери…»

В Калуге Нинель Петровну Мониковскую избрали председателем правления Калужской областной ассоциации жертв незаконных политических репрессий. Здесь ее дом и последний причал ее долгой многотрудной жизни. Об этом она сама написала в стихах «Пристань»:

Жизнь меня бросала, жизнь меня качала,
То теплом окутав, то испив тоской.

Но однажды как-то я, сойдя с причала,
Поднялась по тропке в город над рекой.

Думалось, случайно привела дорога.
Отойду в сторонку, дам покой ногам.
Перышки почищу, отдохну немного
И подамся дальше к новым берегам.

А навстречу люди. Тут и стар, и молод,
А навстречу храмов ясные кресты.
А вокруг старинный, добрый русский город,
Да леса былинной, дивной красоты.

И промчались годы, отошли сомненья.
Подарил мне город счастье и покой.
И я знаю твердо: стала ты последней,
Близкой и желанной, пристань над Окой…

Где-то на прошлой неделе ко мне в Караганду из Джезказгана заехал Анатолий Мякишев. Поставил чемодан.

– Вот, дорогой учитель, снова еду в Калугу навестить Нинель Петровну.

– Жива ли?

– Жива. И, как прежде, любит тюльпаны Казахстана, во всяком случае, так написала мне, приглашая в гости. Я везу ей как подарок горсть луковиц степных тюльпанов. Как думаешь, Нинель Петровна обрадуется? Приживутся ли наши цветы в Калуге?

Глава 32
Обреченный на страдания

Среди примечательных узников Долинского отделения Карлага можно назвать имя Главного маршала авиации, дважды Героя Советского Союза Александра Александровича Новикова. Да, да, прославленные военачальники тоже плачут…

О нем мне как-то говорил бывший начальник Центра правовой статистики и информации при прокуратуре Карагандинской области, полковник Виктор Васильевич Горецкий, детство и юность которого прошли в Долинке. Жители этого мрачного поселка часто видели маршала авиации Новикова подвыпившим. В первые дни и недели появления в Долинке он часто гонял зэков – бывших офицеров за водкой в близлежащие ларьки и магазины. Таким образом он хотел заглушить страшную боль обиды, которая его охватила после ссылки в Карлаг. Он, шатаясь, выходил на дорогу и кричал с нескрываемой иронией:

– Да здравствует дорогой товарищ Сталин! Спасибо ему за мою счастливую жизнь.

Когда Новиков бросил пить и ругаться, его стали чаще видеть в библиотеке лагеря. Он взялся всерьез за написание мемуаров и с жадностью прочитывал литературу о Ленинграде, о Великой Отечественной войне, сам охотно рассказывал читателям о военных летчиках, которые храбро защищали небо великого города в годы войны с фашистскими оккупантами. Ведь он в то время был генерал-майором авиации, командовал ВВС Северного, а затем Ленинградского фронтов. С апреля 1942 года он был командующим ВВС Советской Армии. Как представитель ставки Верховного Главнокомандующего координировал боевые действия авиации нескольких фронтов в Сталинградской и Курской битвах, в ряде операций при разгроме японской Квантунской армии. О нем уважительно писали многие литераторы, военные летчики. Заслуженный военный летчик СССР, Герой Советского Союза, генерал-полковник Василий Васильевич Решетников в своей книге «Обреченные на подвиг» отметит две звезды Героя А.А. Новикова. Первую – за крушение фашистских кенигсбергских укреплений авиацией СССР и вторую – за разгром японской Квантунской армии.

Казалось, слава никогда не обходила стороной Новикова. А зарождалась она в боях за Ленинград. И протрезвевший Александр Александрович хотел рассказать о боевом пути советских летчиков в небе под Ленинградом, а будет время, и о

других орденоносных Победах. Так в Долинке он начал писать свою книгу «В небе Ленинграда», которая выйдет только в 1970 году.

За что же сослали нашего героя в Долинку? Здесь существует несколько версий. Самая верная – это вечно не затухающий конфликт Маршала авиации с сыном Сталина Василием. Дочь командующего ВВС СССР Светлана Новикова в мемуарах «О своем отце» об этом рассказывает так: «Надо сказать, что Василий Сталин имел все основания быть лично недовольным маршалом авиации А.А. Новиковым. Всё образование сына вождя составляли незаконченная средняя школа, Качинская военная школа летчиков и годичное пребывание на авиакурсах усовершенствования командиров эскадрилий. В начале 1942 года, тогда ему был 21 год, Василий имел уже чин полковника, занимал должность начальника инспекции ВВС КА. Сам Сталин хотя бы внешне поддерживал миф о своей скромности в быту, тогда как его сынок, пользуясь своим особым положением и попустительством подхалимов, совершенно беззастенчиво попирал военные порядки и вообще вел себя как разгулявшийся купчик: безобразия, пьянки, кутежи и дебоши. Будучи тогда командующим ВВС Красной Армии и зам. наркома Обороны СССР по авиации, А.А. Новиков потребовал от Василия неукоснительного соблюдения воинской дисциплины и попробовал хоть как-то укоротить его замашки. Так, в частности, из трех машин, которые имел в личном распоряжении Василий, оставил ему одну, как и полагалось по должности. Хотя Новиков прекрасно понимал, что Сталин не мог быть в неведении как относительно небывалого служебного взлета сына, так и относительно его поведения. Кроме этого, в конце 1945 г. А.А. Новиков не подписал представления о присвоении 24-летнему полковнику В.И. Сталину звания генерал-майора авиации… Самолюбие юного полковника было задето, он почувствовал, что у нового командующего крепкая рука и что его «вольнице» пришел конец. Василий начал интриговать. Он ждал лишь удобного случая, чтобы рассчитаться с маршалом».

И, надо сказать, такой случай вскоре ему представился. Один из боевых летчиков рассказал по – пьянке Василию, что в годы войны Новиков якобы принимал на вооружение заведомо недоброкачественные и недоработанные самолеты, заставлял авиапредприятия выполнять план «любой ценой», чего добивался, кстати, сам Иосиф Сталин. Цена за это получалась очень дорогая – в фронтовом небе аварии шли за авариями, погибали наши летчики. Но это в боевых сводках не показывалось, скрывалось…

Обо всем этом Василий рассказал своему отцу. И вождь сразу

создал комиссию по расследованию этих «грязных дел» во главе с заместителем наркома обороны Н. А. Булганиным. Тот сразу понял, чего добивается Иосиф Виссарионович, и уже в марте 1946 года освобождает А.А. Новикова от занимаемой должности.

Вскоре Министр госбезопасности Абакумов арестовывает опального маршала, а вместе с ним наркома авиапромышленности А. И. Шахурина и большую группу руководителей ВВС, авиапредприятий. Так на свет появилось «Дело авиаторов», шитое белыми нитками.

С Маршалом авиации обращались как с заклятым врагом народа. В первый же день, как он писал сам, его втолкнули в какую-то комнату, сорвали маршальскую форму, погоны, выдали рваные штаны и рубашку. А затем начались избиения. Следователи СМЕРШа хотели, чтобы Новиков оклеветал себя, признался в том, что это он вместе с Шахуриным специально добивались выпуска бракованных самолетов, работая таким образом в пользу фашистской Германии.

Но вскоре следователям СМЕРШа этого показалось мало – во главе «заговора» они решили поставить не Новикова, а самого Жукова. Это было в русле намерений Сталина, который хотел устранить Георгия Константиновича от лавров Победы, приписывая их только себе, только своей гениальной личности.

Дочь Маршала авиации, журналистка Светлана Новикова писала: «На Лубянке каждый день были ночные допросы, которые заканчивались к пяти утра. А в шесть – уже побудка. Да и за тот час, который ему давали отдохнуть, невозможно было уснуть нормально. В малюсенькой камере постоянно горела 500-свечовая лампочка. Поворачиваться на живот было запрещено. И вот когда он был в таком состоянии – обессилевший, измученный бессонницей, ему подсунули бумагу – донос на Жукова, отпечатанный на машинке. Он подписал. Но это сейчас легко обвинять, а тогда не подписать было невозможно. Донос был составлен малограмотно, никакой конкретики там не было. А суть этого доноса тоже была абсурдной – якобы все победы и заслуги Жуков приписывал себе. Сталину нужна была крупная наживка на крупную дичь. Он просто использовал отца для устранения Жукова, вот и появились шесть томов так называемого «авиационного дела».

Забегая вперед, скажем, что 4 декабря 1954 года в Ленинграде состоялся суд над бывшим министром Государственной безопасности Абакумовым и несколькими следователями, фабриковавшими под его руководством дела, по которым уничтожались невинные люди. На этом процессе Новиков, уже реабилитированный, с восстановленным воинским

званием и наградами, давал свидетельские показания: «Допрашивали с 22 по 30 апреля ежедневно (письмо Новиков подписал 30 апреля), потом с 4 мая по 8 мая… Морально надломленный, доведенный до отчаяния несправедливостью обвинения, бессонные ночи… Не уснешь, постоянный свет в глаза… Не только по причине допросов и нервного напряжения, но и чрезмерная усталость, апатия, безразличие и равнодушие ко всему – лишь бы отвязались – потому и подписал – малодушие, надломленная воля. Довели до самоуничтожения. Были минуты, когда я ничего не понимал… я как в бреду наговорил бы, что такой-то хотел убить такого-то… Заявление на Жукова по моей инициативе? Это вопиющая неправда… со всей ответственностью заявляю, что я его не писал, дали печатный материал…».

Новиков подружился с маршалом Жуковым еще при защите Ленинграда. Он говорил, что и назначение его на должность командующего ВВС Красной Армии произошло не без рекомендации Жукова. Сколько же надо было «потрудиться» палачам, чтобы довести до состояния трусости дважды Героя Советского Союза, бесстрашного летчика!

В 1946 году Председатель Военной Коллегии Верховного суда СССР, генерал-лейтенант юстиции А.А. Чепцов подписывает обвинительное заключение по «Делу авиаторов». А.А… Новиков приговорен к 5 годам заключения в ИТЛ. Однако великий Сталин недоволен – он добавляет маршалу еще один год.

В Долинке А.А.Новиков постоянно казнит себя за то, что смалодушничал, подписал злополучное письмо на Жукова, к которому относился с большим уважением и любовью. Совесть заела его до того, что он чуть было не спился. Произошло и такое – хотел застрелиться, но начальник лагеря, полковник Соколов вовремя выбил из его рук пистолет.

Между тем, Георгий Константинович Жуков постоянно добивался справедливости по отношению к Новикову, требовал его освобождения. И в 1953 году в Караганду прилетает из Москвы спецсамолет за Новиковым. Начальник Карлага Соколов возвращает ему форму Маршала и провожает его из Долинки до самолета в Караганду на служебном автомобиле.

Казалось бы, все точки над «i» проставлены. Но Жуков не успокаивается, добивается назначения Новикова командующим авиацией дальнего действия, заместителем Главнокомандующего ВВС. На этом посту Александр Александрович находился с 1953 по 1955 годы, затем его назначают начальником Высшего училища гражданской авиации.

Кое-кто из литераторов сейчас пишет, что якобы Жуков до конца дней своих не мог простить Новикову его слабости,

допущенной при подписании доноса на него. Ничего подобного! Об этом свидетельствует и недавно найденная записка Г. К. Жукова в ЦК КПСС от 19 ноября 1956 года. В ней он требует наказания председателя Военной Коллегии Верховного суда СССР А.А.Чепцова за то, что санкционировал в 1946 году арест Главного Маршала авиации А.А. Новикова, способствовал его незаконному осуждению. И Чепцов был снят с занимаемой должности, устранен от всех дел.

Так завершил историю с Новиковым наш прославленный полководец, показав еще раз миру свои настойчивость и справедливость, особо проявленные в годы борьбы с фашизмом и не утраченные до конца его жизни.

Глава 33
Жертвы репрессий – художники

В Долинском музее памяти жертв политических репрессий меня познакомили с отчетом начальника политотдела Карлага НКВД, майора Егорова о массово-политической работе, проводимой в лагерях и среди населения Карагандинской области в сороковые годы. Согласно этому отчету культурно-воспитательных мероприятий в Карлаге проходило тьма-тьмущая, к ним привлекались самые популярные Музы в зэковских робах. Только в совхозе НКВД в 1945 году работало 12 клубов и 13 красных уголков, где действовало 20 кружков художественной самодеятельности, 14 драматических театров, четыре хора и две музыкальные студии. Особо в отчете выделяется работа Долинского центрального клуба. Силами артистов-заключенных в 1945 году в этом клубе были поставлены пьесы Константина Симонова «Русские люди», Александра Островского «Бесприданница», Александра Корнейчука «Фронт», оперетта Имре Кальмана «Марица», опера Петра Ильича Чайковского «Евгений Онегин» и другие. В Акмолинском отделении прошло восемь спектаклей и семь концертов. Не отставало от «Алжира» Просторненское отделение, где осуществили постановку девяти драматических произведений и дали пять концертов.

С удовольствием майор госбезопасности Егоров упоминает в отчете о работе агиткультбригад. В Долинке в таком культурном подразделении было всего шесть человек, но они дали свыше пятидесяти концертов. И выступали не только на клубной сцене, но и на полевых станах, зерновых токах во время посевных кампаний и уборочной страды. Декорации к спектаклям, концертам, костюмы для крепостных актеров разрабатывались в художественных мастерских Карлага в Долинке.

С удивлением я узнал о том, что в составе крепостных больших и малых театров находились такие выдающиеся артисты как мать знаменитой балерины, киноактриса Рахиль Мессерер-Плисецкая, графиня Мариетта Капнист, киноактриса Татьяна Окуневская, возлюбленная адмирала Колчака – художница и поэтесса Анна Васильевна Тимирева-Книппер, ученица знаменитой певицы Лидии Руслановой – Антонина Иванова, скрипач Анатолий Карпенчук и многие, многие другие. А в художественных мастерских в Долинке отбывали свой срок не менее знаменитые мастера кисти Владимир Стерлигов, Юло Соостер, Петр Соколов.

Офицеры Карлага смотрели на муз-каторжан как на крепостных. Знатных артистов можно было выпросить у начальства для своего театра, художественной самодеятельности. Когда секретаря партбюро Бурминского отделения Якуба стали упрекать в том, что у него есть хороший клуб, но в нем нет культурной работы, он заявил начальнику политотдела Карлага Егорову:

– Где быть спектаклям, если у меня нет профессиональных артистов? Дайте мне зэков-актеров, и дела наладятся.

Что удивительно, ему сразу выделили из Карабаса заключенных – режиссера Анну Лацис, киноактрису Мариетту Капнист и художницу Анну Тимиреву-Книппер. Вместе они поставили в клубе Бурмы пьесу итальянского драматурга Карла Гольдони «Забавный случай». На этом спектакле присутствовало более 500 человек военизированного состава, а также местные жители.

Киноактрису Татьяну Окуневскую по прибытии из Москвы в Караганду сразу направили по просьбе начальника Степлага в Джезказганский лагерь, чтобы она подняла там художественную самодеятельность. И это Окуневской удалось сделать – она на высоком уровне провела в зоне концерты в честь 1 Мая, Дня Победы. В КВЧ (культурно-воспитательная часть) она создала хор, балетную группу, драмкружок. Саму Окуневскую на каждом концерте встречали буквально оглушительным ревом – она изумительно исполняла песни «Катюшу», «В бой, славяне, заря впереди», вальс из кинофильма «Мост Ватерлоо».

Именно благодаря стараниям артистов крепостных театров культурно-массовая работа в Карлаге «все улучшалась и улучшалась». Конечно, звезд кино и театра не одаривали премиями и призами, но если командному составу, лично начальнику Карлага нравились их выступления, то им был обеспечен дополнительно черпак каши из ячменной половы и двести граммов черного хлеба.

Но только ли ради дополнительного пайка старались знаменитые зэки на сцене? Конечно, нет. Судя по воспоминаниям той же киноактрисы Татьяны Окуневской, она давала концерты в Степлаге ради того, чтобы не потерять свои профессиональные качества, чтобы на изможденных лицах заключенных появлялись улыбки радости от соприкосновения с искусством. Ради этого взялся за скрипку и музыкант с Украины Анатолий Карпенчук, ради этого вновь запела Антонина Иванова…

К тому же, эзопов язык театра, песен, манера исполнения позволяли артистам донести до зрителей всю полноту их ненависти к сталинскому режиму, сочувствия к униженным и

оскорбленным.

Журналист Артур Фридрихович Герман в 1988 году в газете «Индустриальная Караганда» в статье «Бытие определяет сознание?», опубликованной под рубрикой «Мемориал памяти», напомнил о высокой миссии интеллигенции – бороться со сталинизмом во всех его проявлениях, бороться с беззаконием. Представители искусства, культуры даже в условиях концлагерей не молчали, как могли, несли слово правды людям. А. Герман отбывал свой последний срок большей частью в Долинке, здесь в зоне работал большой русский хор под руководством И.И. Попова, драмтеатр Е.П. Мезенцевой, театр оперетты режиссера М.О. Лера.

«Лагерные «боссы», как римские рабовладельцы, жаждали зрелищ», – писал А. Герман. Но всегда ли они их получали в таком виде как хотели? Драмтеатр поставил спектакль по пьесе А. Островского «Бесприданница». Начальник лагеря кричал: «На что намекаете, сволочи?». И спектакль запретили.

Во время одного из концертов певица Антонина Иванова, указывая пальцами на первые ряды, где восседали только офицеры Карлага, громче обычного воскликнула:

«Зачем, зачем, о люди злые,
Вы их разрознили сердца?»

Офицеры были к тому времени под хорошим подпитием, и не поняли намека певицы. Зато ее выкрик сразу «расшифровали» простые люди – жители Долинки и заключенные, дружно зааплодировав.

Слава богу, в тот раз обошлось без стукачей и доносителей. Иванова благополучно, как мы знаем, была освобождена из Карлага по просьбе своей наставницы Руслановой в августе 1953 года. Лидия Андреевна обратилась лично к Георгию Константиновичу Жукову, который после смерти Сталина стал первым заместителем министра обороны СССР, и тот вызволил из неволи подругу Руслановой.

Не молчали в злую эпоху сталинизма за колючей проволокой Карлага и каторжане-художники. В этом отношении, пожалуй, нет более колоритной фигуры, чем мастер кисти Соколов. Петр Иванович родился в Москве, учился в Париже и Петрограде. Его карьера вызывала зависть у коллег – он дошел до должности главного художника Большого театра Союза ССР.

Согласно личной учетной карточки № 90635, П.И. Соколов был осужден в 1935 году на три года лагерей. Осудили его за антисоветскую агитацию и пропаганду, так как он постоянно

высмеивал самого Хозяина и его ставленников. Он считал, что после убийства Кирова в высших кругах страны не стало мыслящих людей. Ему было жаль расстрелянных верных ленинцев Зиновьева, Каменева, он проклинал Ягоду. Соколов был знаком с Авелем Енукидзе, покровителем балерин Большого театра. И секретарь президиума ЦИК СССР, близкий и верный друг Сталина А. Енукидзе тоже неожиданно стал врагом народа.

В Карлаге в саманной мазанке Соколов пишет большую картину «Политбюро», на которой изображает правителей СССР в виде разных кукол – марионеток. Его друг, художник Виктор Васильевич Стерлигов, тоже заключенный, предупреждает:

– Брось, Петр Иванович, эту затею – обличать правителей. Рискованно! Они придут в ярость и расстреляют тебя.

Но Соколов не внял голосу друга. Больше того – он обиделся на него: «Вы ничего не понимаете… Надо бороться».

Когда расстреляли Ягоду, Хозяин дал некоторое послабление политическим заключенным, сократив им сроки наказания. Попал под милость Сталина и Петр Иванович Соколов. Его освободили из Карлага досрочно 9 апреля 1937 года.

Однако и на свободе он никак не мог ужиться со сталинизмом. Опять взялся за свою картину «Политбюро» и по доносу стукачей НКВД снова был арестован. На сей раз его не помиловали – в подвалах Лубянки он был расстрелян как враг народа, точная дата его гибели не установлена до сих пор.

Под стать П.И. Соколову своим характером был и художник Юло Соостер, которого арестовали в Таллине в декабре 1948 года «за попытку нелегального перехода государственной границы Советского Союза» якобы с группой бывших однокурсников. В 1950 году его приговорили к 10 годам ИТЛ и направили в Карлаг. Но он не сломался в лагерях, работал художником в доме техники в Долинке, тайком делая рисунки на антисталинские темы, изображая зону и каторжан. Его жена Л. Соостер писала в своих мемуарах: «За это у него могли быть большие неприятности, но иначе Юло не мог».

Судьба к Соостеру была более благосклонна, чем к Соколову. Он боготворил Никиту Сергеевича Хрущева за то, что тот развенчал культ личности Сталина, раскрыл тайну его преступлений против народа. Именно благодаря свежему ветру демократических перемен Ю. Соостер был досрочно освобожден и реабилитирован в 1956 году. Он был счастлив, что ему удалось устроиться и жить в Москве, где он познакомился и дружил с Булатом Окуджавой и Эрнстом Неизвестным.

Как много сделал Хрущев для освобождения политических заключенных, так много «дров наломал», пытаясь руководить

искусством и литературой. На выставке в Манеже у Юло спросили про одну из картин: «Это что такое?». Он ответил: «Это лунный пейзаж». Стоявший рядом Хрущев начал кричать на Юло: «Я тебя за границу вышлю, я тебя в лагерь отправлю!». Юло хладнокровно сказал: «Я там уже был».

Л. Соостер, супруга художника, позже справедливо написала: «Юло никогда не понимал, как может искусство программироваться начальством. Он был абсолютно свободен. И ему казалось, что его загоняют в клетку, из которой он не мог найти выхода».

Долго не могли найти выхода из клеток многие музы в зэковских робах. Это касается прежде всего великого писателя, лауреата Нобелевской премии А.И. Солженицына, которому запретили писать в Экибастузском особлагере. Понадобились десятки лет, чтобы он сумел доказать свою правду, отстоять право писателя на свое видение мира… А чем не угодил сталинскому режиму Александр Леонидович Чижевский? Только тем, что он мыслил неординарно, связывал воедино несвязуемое, угадывал по бурям на солнце общественные волнения на земле и доказал возможность продолжительной жизни человека в космосе?

И Солженицын, и Чижевский при жизни добились славы, открыв и подняв новые пласты мировой литературы и науки. А сколько страшных трагических историй хранит Карлаг, когда только за слова о свободе личности в СССР прямо в степи расстреливали представителей творческой интеллигенции. Так, пала от пуль убийц НКВД в Долинке художница Вера Михайловна Ермолаева, скончался от голода и болезней в Корнеевке мастер кисти с мировым именем Генрих Фогелер.

Через Карлаг прошли тысячи великих муз. Среди них – друг по гимназии А.И. Солженицына, мастер кисти Сергей Михайлович Ивашев-Мусатов, прототип художника «шарашки» Кондрашева в романе Александра Исаевича «В круге первом». Он был осужден в 1947 году за чтение крамольной повести Д. Андреева «Странники ночи». Целых семь лет содержался в Карлаге. Некоторые искусствоведы утверждают, что его лагерные работы не сохранились. Однако это не так. Узник Карлага, писатель Юрий Грунин в своей книги «Спина земли», рассказывая об Ивашеве-Мусатове, пишет: «Я храню сделанный им с меня карандашный набросок. Короткие легкие штрихи… Такого графического мастерства и индивидуальности стиля я еще не встречал». Рисунок был сделан 11 февраля 1951 года на первом лагпункте первого отделения Степлага.

А.И. Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ» вспоминает о художнике Ивашеве-Мусатове в связи с

рассуждениями о тлетворном влиянии лагерей на осужденных. Он ссылается на его высказывания о том, что от самого заключенного в этих ужасных условиях зависело: сделаться животным или остаться человеком.

Ивашев-Мусатов оставался человеком. Он и других интеллигентов поддерживал на высоком сознательном уровне, не давая им падать духом. Особенно он любил художника Льва Михайловича Премирова, добавляя ему душевных сил в творчестве. Даже после освобождения из Карлага он продолжал дружить с Премировым, оставшимся в ссылке в Караганде, высылал ему из Москвы ободряющие письма.

Великий прозаик А.И. Солженицын об Ивашеве-Мусатове написал, что тот не знал одного состояния – равнодушия…

Это же можно сказать почти о всех музах Карлага, которые упорно и настойчиво в самых жестоких условиях лагерей несли большую культуру в степь, показывая местным жителям на высоком художественном уровне классические пьесы, знакомя их с опереттами и даже операми знаменитых композиторов, устраивая выставки талантливых картин. Безусловно, музы Карлага оставили глубокий след в душах тех, кто соприкасался с их культурой, искусством, литературой.

Глава 34
Возвращение Павла Воронкина

Среди заключенных Степлага было немало художников, писателей. Однажды в кафе села Улытау я увидел картину Шишкина «Утро в сосновом бору». Сбоку внизу «шедевра» стояла подпись: копия художника Воронкина. Я задумался: где-то я уже встречал эту фамилию. И мне вспомнилась редакция областной газеты «Джезказганская правда». Я дежурил по номеру, и вдруг в дверь постучали. Я крикнул:

– Входите!

И тут на пороге комнаты появился высокий красивый мужчина в темных очках, с тростью. Он попросил у меня номер газеты, посвященный съезду участников восстания в Степлаге. Я сказал, что такого не выпускали.

– Как? – взволнованно воскликнул незнакомец. – Неужели свободы слова не прибавилось! Такое событие в нашей жизни, а вы молчок…

Я предложил незнакомцу чаю, он охотно согласился, присел на одиноко стоящий в моем кабинете табурет.

Оказалось, что пришедший на тусклый огонек дежурного редакции не кто иной, как известный в Узбекистане художник Павел Данилович Воронкин. Он приехал в Джезказган на съезд участников восстания в Степлаге, потому что «сам хватил немало горя от сталинского режима». В 1949 году он был арестован, и уже 9 января 1950 года официально обвинен в шпионаже в пользу Америки и Англии. Военный трибунал войск МВД определил ему 25 лет с отбыванием в ИТЛ особого режима. Так он попал в наш знаменитый Степлаг на медные рудники. Он бы там умер от силикоза или туберкулеза, если бы ни его тяга к искусству. В свободное время в клубе культурно-воспитательной части лагеря Павел рисовал по памяти живые картинки, которые запомнились с детства – Владивосток, залив Петра Великого, бухту Золотой Рог, белоснежные пароходы и яхты… Бригадир зэков-горняков увидел несколько его рисунков и крякнул:

– Здорово!

И, подумав, спросил:

– А меня с бригадой запечатлишь?

Павел «запечатлил» бригадира с ребятами, да так натурально, близко к действительности, что сам удивился, как могло такое получиться. И вот слух по лагерю пошел: у нас на руднике гениальный художник объявился, прямо-таки Репин! И слух этот

до высокого руководства дошел. И начальник шахты назначил его художником-оформителем, чтобы наглядную агитацию оживить. И стал Павел Воронкин многим известен. Ведь он писал картины передовиков на Доску Почета масляными красками, создавал плакаты и лозунги, которые читали все: «Да здравствует КПСС – авангард народа!», «Наше будущее – в наших руках» и т. д.

Не забывал Павел писать и самобытные картины, опять же море, Владивосток, где родился… Как-то нарисовал карандашом портрет отца, и бригадир спросил его:

– Кто это? Не контра ли?

Павел не стал объясняться. Зачем? Узнают – засмеют, издеваться начнут, ведь он – сын дальневосточного капиталиста.

… Да, его отец – Данила Воронкин – до знаменитой Октябрьской революции был на Дальнем Востоке солидным владельцем пароходов, которые ходили из Владивостока в крупные порты Японии, Китая, Гонконга, Индонезии и даже Австралии. Многие морские волки-капитаны приходили к отцу и приносили Павлуше необыкновенные диковины голубых глубин в подарок – огромные раковины, розовые кораллы, морские звезды, меч-рыбу… Кто-то подарил ему обезьянку по имени Малышка, а боцман, седой и, судя по всему, добряк, даже зебру из Африки доставил… Все это забавляло Павлушу и делало его жизнь светлой, интересной и счастливой, во всяком случае, так он думал. Он, не знающий с детства ласки матери (она умерла сразу после родов ребенка), довольствовался добротой и вниманием моряков, приходивших в их дом. Это было как бы компенсацией Бога за преждевременный уход матери в заоблачные выси.

Но где-то в 1919 году отец Данила вынужден был бежать из Советской России со всей семьей. Он заколотил досками двери и окна своего большого дома о семи комнатах на Первой Речке, конюшню… Где-то в подполье дома он схоронил банку с золотыми царскими червонцами, надеясь, что большевиков всех перебьют, и он вернется в родимое гнездо и раскопает клад-загашник…

Прощай, милая, родная до боли Россия! И чем дальше уходил пароход от дальневосточных берегов, тем печальнее становилось лицо отца. А когда земля российская скрылась за тяжелой завесой тумана, скупые слезы побежали по щекам Данилы… До этого Павлуша никогда не видел отца плачущим.

… Якорь парохода впервые загрохотал близ берегов Китая. В конце концов отец обосновался в Шанхае. Здесь Павел получил, как говорят сейчас, среднее образование. Затем по воле отца учился в университетах Англии и Америки. А когда Данила узнал, что сын хочет стать художником, то отправил его учиться

живописи в Гонконг.

Вскоре отец умер. И тут, как на грех, по радио прозвучало выступление Вячеслава Молотова. Премьер-министр СССР обратился к соотечественникам за рубежом с призывом вернуться домой. В память Павла врезались его слова:

«Возвращайтесь на родину! Мы с радостью примем вас и обеспечим вашу жизнь всем необходимым».

Правду ли говорил Молотов? Можно ли верить этому человеку? Судя по тем временам, конечно, можно! СССР разгромил фашистскую Германию, всюду воспевали Сталина как Миссию-освободителя от горя горемычного, конца Света. Жизнь в России налаживалась, становилась лучше, хватало и хлеба, и сахара, и даже масла. Родная тетка Павла, которая жила в Ташкенте, написала ему: «Дорогой мой племянник Павлуша, сиротливый ты мой! Как же тебе без отца-матери, родственников жить в чужеземной стране?

Приезжай лучше в Ташкент ко мне, у нас на хлеб-соль хватит и для тебя. Квартира у меня большая, уютная. Есть светлая комната – в ней ты устроишь художественную мастерскую».

Как ни откликнуться! Тем более, что в Гонконге он чувствовал себя совсем одиноким человеком. Конечно, колебался, но зов предков был сильным, все-таки он – русский, его родина – Россия. Он все чаще представлял себя на вершине сопки во Владивостоке, а внизу – город с кирпичными домами, а дальше – бухта Золотой Рог, вся в солнечных бликах, и, наконец, российские пароходы, и приветливо машет флажками матрос судна, идущего в Японию с русским лесом и металлом…

Первые дни пребывания в СССР были для Павла прямо-таки золотыми. Он решил определиться у тети в Ташкенте. Но ехать туда задумал через Владивосток и Москву.

Первый же пароход унес его в далекое детство весело, покачиваясь на голубых волнах… А вот и его малая родина, порт семи морей – Владивосток!

Павлу не терпелось побывать в доме отца Данилы, он быстро разыскал его в долине Первой Речки. Хозяева оказались радушными, угощали пирогами с медвежатиной. Когда же узнали, что Павел хочет разыскать клад Данилы, то с огорчением вздохнули:

– Поздновато ты явился, дорогуша. Клад твоего отца мы еще до Отечественной войны нашли, сдали государству. А положенные нам 25 процентов на еду да на охотничье ружье потратили…

И все же они Павла в Москву без денег не отпустили, а на вокзале, провожая его, подарили ему охотничье ружье, купленное

за счет клада. Так с этим ружьем и устроился наш возвращенец в гостинице «Россия» в Москве.

Москву того времени он запомнит на всю жизнь. Здесь он познакомился со своей первой любовью – Юлей. Она была администратором гостиницы «Россия». Высокая, красивая брюнетка с необыкновенно изящными длинными пальцами, которые он любил целовать. На первых порах Юля казалась недоступной высокомерной женщиной. Но это только была ее внешняя личина, за которой пряталось доброе гостеприимное сердце.

Их прогулки по Москве, залы Третьяковки, ее картины, Пушкинский музей – все это осталось навечно в его памяти. С Юлей договорился: как приедет в Ташкент, обустроится, сразу сообщит ей и будет ждать ее приезда. Но случилось непредвиденное – едва он прибыл в столицу Узбекистана, побыл немного у тети, как его арестовали, обвинив в шпионаже в пользу США и Англии. Приехавшая к нему в гости Юля тоже была схвачена органами госбезопасности, и ОСО определило ей 5 лет пребывания в ИТЛ. Ее тоже отправили в Степлаг – в женскую зону. Там они снова нашли друг друга во время восстания в лагере в 1954 году, когда была сломана кирпичная кладка между мужской и женской зонами.

Эту встречу невозможно описать простыми словами. Она показывала ему свои пальцы, которые стали толстыми и корявыми от тяжелой работы на свиноферме, и рыдала: «Ты, Павлуша, никогда их уже не поцелуешь…» Но он кивал в разные стороны своей поседевшей головой, приговаривая: «Напрасно ты так думаешь, голубушка. Вот вырвемся на свободу, я буду работать, а ты отдыхать и твои пальцы снова станут изящными и тонкими, как в Москве. Ты снова будешь принцессой». И он целовал ее огрубевшие руки и соленые губы горячо и страстно, как в первые дни знакомства…

Вскоре наших героев освободили, но в Москву не пустили. Пришлось возвращаться в Ташкент. И жить бы им поживать, горюшка не знать, но фортуна опять отвернулась от них.

Правда, несколько лет были безоблачными и даже радостными. В местном издательстве в Ташкенте сразу оценили графические работы Воронкина, его иллюстрации к узбекским народным сказкам, повестям и рассказам местных писателей. Свои офорты, картины Павел представлял несколько раз на выставках в Москве и был удостоен Почетных грамот и Дипломов Союза художников СССР.

Ему очень повезло на супругу. Юля была очень простой женщиной, без высшего образования, но у нее существовало одно

прекрасное качество – она невероятно любила природу. Воронкин купил за городом дачу, семь соток, и все свободное время они с Юлей проводили там. Правда, Павел и на даче не расставался с мольбертом, но всегда помогал Юле сажать клубни картофеля, поливать грядки, окучивать их. В саду выросли березы, яблони, груши, огромный дуб… Павел любил обнимать его, приговаривая: «Дубок, родимый, дай мне твои силы и твое здоровье – все выдержу, выстою и своего добьюсь». Наверное, дубок давал ему много энергии, потому что в то время Павел работал очень энергично, с подъемом.

Но вскоре все стало складываться самым неудачным образом.

Однажды его вызвал к себе директор издательства и сказал тихо, но властно:

– Ты должен отблагодарить меня за то, что я тебя содержу. Отныне каждый месяц ты будешь отдавать мне 30 процентов своих гонораров и зарплаты. Все так делают. Мне эти деньги нужны для Министра, разных мероприятий.

Павел возмутился: «За свой труд я и так ничего не получаю. Почему я должен отдавать честно заработанное? Так не пойдет!»

Директор мрачно рассмеялся:

– Да я пошутил!

Отказав руководителю во взятках, Воронкин и не думал, какой шквал невзгод обрушил на себя. Его больше не продвигали по службе, ему отказывали в поездках в Москву для участия во всесоюзных выставках, его лишали разных премий. Зато всякие бездари, художники-графоманы, отдающие 30 процентов зарплаты директору, процветали. Им – первый калач и первая рюмка на всяких празднествах, им – почет и уважение, в президиумах они сидели на первых рядах, обласканные взглядом хозяина.

Когда его представили к ордену, а затем по непонятной причине отказали, Павел вообще впал в тоску и уныние.

Как могла, изо всех сил его поддерживала Юля. Он держался. Но вскоре его должность сократили. И тут Павел не упал на больничную койку, не бросил мольберт и кисть. Он взялся за поделки – рисовал копии с картин Шишкина, Левитана и продавал их на рынке. Они быстро расходились, и Павел был при деньгах. Он уже мог позволить себе одну-две рюмки водки в роскошных ресторанах, сидя под созданными им копиями картин знаменитых передвижников.

Но Юля не чувствовала себя счастливой, она говорила Павлу:

– Ты загубишь себя, мой дорогой. Ведь ты тратишь свой талант не по назначению. Твои графические работы самобытны, оригинальны – в них твой почерк, стиль, твоя душа… А что

копии? Это все не твое, это все чужое. Какой же ты художник?

Слова жены глубоко ранили Павла. Но она была права – зарабатывая не самым приятным способом, он спасал себе жизнь, но губил свой талант. Где же выход?

Когда Павел гостил в Москве у своего побратима по Степлагу, писателя Павла Стефановского, тот ему посоветовал:

– А что тут мудрить? Меняй квартиру в Ташкенте на московскую, и весь лад… В Москве и работу, и друзей настоящих обретешь…

Но на Ташкент москвичи не соглашались. В конце концов состоялся вариант: Ташкент-Казань. И Павел с Юлей, не жалея ни о чем, выехали в Татарстан, и там наш художник устроился опять на работу.

Но беда не ходит одной. Вскоре скончалась Юля. Бросился было за ружьем, чтобы покончить с собой, но не нашел его. Вспомнил, что Юля продала ружье еще в Ташкенте, когда он оказался без работы и без денег. Обычно он приносил домой каждый вечер буханку хлеба, возвращаясь из издательства, а тут появилась Юля с хлебным караваем. На вопрос: «Где взяла деньги?» ничего не ответила. Но Павел догадался: с ковра на стене исчезло охотничье ружье, которое ему подарили во Владивостоке. Так он ни разу и не выстрелил из него…

Павел приехал в Джезказган, чтобы встретиться с такими же горемычными, как и он. Степлаг оставил тяжелый след не только в его судьбе, но в жизни сотен других людей. Однако он не терял веру в то, что подобное больше не повторится… Жаль только одно: журналисты мало пишут о погубленных, тех, у кого сталинизм отнял все: дом, семью, любимую… В его судьбе хотя бы была Юля! Как она бежала ему навстречу, когда он ворвался в женскую зону, пробив проход в стене-перегородке. Как нежно обнимала его!

Ее выпустили из Степлага сразу после восстания заключенных, реабилитировали. Но она не уехала из Джезказгана, устроилась дамским мастером в парикмахерскую вольного городка и таким образом ждала освобождения Павла. И дождалась – в декабре 1955 года Павла амнистировали, сняли с него телогрейку зека с номером, даже выдали какую – то сумму денег и открыли ворота лагеря. Свободен! Его встречала Юля. И они больше не расставались 30 лет, жили вместе душа в душу.

После смерти Юли наш художник дал себе слово больше не жениться. И вот Павел снова в лагерных местах своей первой и единственной любви. Он даже сходил в парикмахерскую, где работала его Юля, как раз напротив редакции. И его порадовало, что нашлись товарки, которые ее помнили и очень печалились,

когда узнали от него, что Юли уже нет в живых.

…Вскоре мой рассказчик замолчал, тяжело встал с табуретки, опираясь на трость, и тепло пожал мне руку.

«Не забывайте писать о прошлом», – эту его последнюю фразу помню до сих пор. И, скажу честно, давно мне хотелось написать о любви Павла и Юли, рожденной в Москве, арестованной в Ташкенте и вновь обретенной в лагерях Джезказгана… Нет, никакие силы зла и насилия не могут загубить любовь, если она настоящая!

Я проводил Павла Даниловича Воронкина до калитки, и долго смотрел, как этот человек с мужественным красивым лицом и крепкими плечами, прихрамывая, шел по пыльной улице Джезказгана… Казалось, он шел с думой о своей любимой в бессмертие.

Позже я узнал, что вскоре после нашей встречи Павел Данилович Воронкин скончался в Москве, в раковом центре, куда лег на лечение. В руках у него нашли фотографию Юли. Это была его последняя весна…

Глава 35
Жизнь и смерть Тухачевских

Страницы жизни и смерти красного маршала Михаила Николаевича Тухачевского еще долго будут притягивать к себе историков и писателей. Ведь в его героической и печальной судьбе до сих пор немало «белых пятен», о ней возникало и возникает много противоречивых толкований. Во времена Иосифа Сталина Тухачевского сделали «врагом народа», шпионом германской разведки, вредителем армии. Но прошли десятилетия, и выяснилось, что никакой он не враг народа, а верный его сын, талантливый военачальник и целеустремленный человек. И теперь в его честь названы улицы и пароходы, большой исторический очерк о нем вошел в книгу «Сто великих россиян» (Москва, «Вече», 2000 год).

Казалось, правда восторжествовала! Но нет, опять в ряде книг донельзя унижают имя маршала М. Н. Тухачевского, безвинно расстрелянного в 1937 году. Мол, и стратег он был никудышний, да и человек нецелеустремленный, слабовольный. К тому же, действительно, германский шпион – его завербовала в тридцатых годах немецкая разведка, он передавал ей ценнейшие сведения о новых видах вооружения Красной Армии. Более того – он был связан с Л. Троцким, Н. Бухариным и под их руководством организовал заговор против Сталина.

Откуда все это снова пошло, из каких источников? Да все из тех же – фальсифицированных, ложных документов, состряпанных во времена Сталина Ежовым и его командой. В личном деле М. Н. Тухачевского до сих пор хранятся его так называемые «признательные показания». В частности, он писал прыгающими во все стороны буквами, почти неразборчиво: «Я был связан по заговору с Каменевым, Якиром, Енукидзе, Бухариным, Пятаковым, Смирновым, Ягодой, Осипяном…Еще в 1928 году я был втянут Енукидзе в правую организацию. В 1934 году я лично связался с Бухариным, с немцами я установил шпионскую связь с 1925 года, когда ездил в Германию на учения и маневры. При поездке в 1936 году в Лондон Путна устроил мне свидание с Седовым (сыном Л. Троцкого)…»

Обыватель сразу воскликнет: вот видите, Тухачевский сам пишет: заговор, установил шпионскую связь…Так рассуждать, значит, не знать, не признавать пыток, сделать вид, будто бы не было принуждения со стороны следователей НКВД, будто бы Тухачевского не избивали до потери памяти… Еще в 1957 году в

печати были опубликованы материалы КГБ, Прокуратуры СССР, Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, Института марксизма-ленинизма, из коих следовало, что садисты Сталина не гнушались ничем, они, как фашисты, могли вонзить арестованным под ногти иглы, раскаленные докрасна на огне, усадить их на ржавые гвозди, припечь лицо пламенем свечи, выбить глаза… Когда члены комиссии по реабилитации Тухачевского подняли его личное дело, то оно было сплошь покрыто пятнами крови маршала. В заключении центральной судебно-медицинской лаборатории Министерства обороны СССР от 28 июня 1956 года говорилось: «В пятнах и мазках на листах дела № 967581 обнаружена кровь… Некоторые пятна крови имеют форму восклицательного знака». То есть маршала били наотмашь, со всей силой, так, что у него из носа, горла, ушей кровь шла фонтаном.

И если вначале Тухачевский отрицал свою вину, то через несколько дней его довели до такого состояния, что он готов был подписать все, что угодно, лишь бы его больше не терзали. Но авторы книг просталинского толка вопят: «Он ведь признал свою вину, признал!». Так и хочется им сказать: если бы Вас мучили, как Тухачевского, то и вы, дорогие наши сытые и откормленные партократы, признались бы в одночасье в тысяче злодеяний, которых никогда не совершали.

В своей книге «Незабываемое» Анна Ларина – Бухарина (издательство АПН, 1989 год) рассказывает о непоправимом большом горе матери М. Н. Тухачевского. Мавра Петровна, вспоминая расстрелянного сына, то и дело плакала навзрыд. Это происходило в Астрахани, куда ее отправили в ссылку. И, сидя на камне на берегу мутной Волги, она причитала:

– За что же вы Мишу? Он не мог изменить России, партии.

Да ее сын и не изменял Родине, коммунистам. Как он мог стать предателем большевиков, если его любил, обожал самый главный из них – Ленин. Владимир Ильич во всеуслышанье не раз и не два благодарил М. Н. Тухачевского за разгром колчаковских войск, за подавление антоновского мятежа, за освобождение Кронштадта. Не так давно я был в Петропавловске, и здесь местные краеведы с восторгом рассказывали мне о знаменитой петропавловской операции, разработанной Михаилом Николаевичем в гражданскую войну, в результате которой армия Колчака потерпела сокрушительное поражение на берегах Ишима от красноармейцев и буквально через месяц сдала Омск. За эту победу Тухачевский был награжден Почетным Революционным оружием – позолоченной шашкой с вмонтированным в ножны орденом Красного Знамени.

Говорили петропавловцы и о важной роли Тухачевского в техническом перевооружении Красной Армии. Именно благодаря ему, в СССР был создан реактивный научно-исследовательский институт, который разработал минометы смерти – знаменитые «Катюши», наводившие ужас на солдат Гитлера. В память о больших заслугах М. И. Тухачевского перед народом в Петропавловске его именем названа одна из центральных улиц.

Я уже писал в своей книге «Черные розы маршала» о том, что в Карлаге отбывала свой срок сестра Тухачевского Елизавета Николаевна Арватова-Тухачевская. Она была арестована сразу после расстрела Михаила Николаевича 14 июля 1937 года. До 22 декабря находилась в Бутырской тюрьме, а затем была отправлена в Карлаг. Вначале ее держали в Спасском отделении, а затем – в Шурубай-Нуринском.

Так вот в своих воспоминаниях «В тени монумента», опубликованных в журнале «Огонек», Е.Н. Тухачевская-Арватова рассказала, что ее брат считался не только выдающимся полководцем, за что его уважали Ленин и Троцкий, – он был прекрасным оратором, педагогом, превосходно читал лекции в Военной Академии. Но именно поэтому его и отстранили от кафедры. Сталину не нужны были мыслящие офицеры, генералы, маршалы, его устраивали малограмотные «винтики» и «болтики». А Тухачевский разводил в Академии свободомыслие, учил курсантов розмыслу. То затеет беседу о том, насколько будет экономичней расход топлива на самолетах боевых, если сбавить вес летчиков и парашютистов хотя бы на пять килограммов… А то поднимет вопрос: что если создать бомбардировщик с двумя подвешенными к нему истребителями? Наконец, утверждает вслух: надо, мол, так модернизировать армию, чтобы обойтись без пехоты и лошадей, только за счет авиации, танков, пушек, ракет выигрывать любое сражение. Мол, конница Буденного и Ворошилова – это вчерашний день армии.

Конечно, все читанное вслух Тухачевским доходило до ушей малограмотных красных маршалов. Буденный заявил Тухачевскому как-то при очередной встрече:

– Своими заумными лекциями вы позорите Красную Армию.

Михаил Николаевич язвительно ответил:

– Так вам, Семен Михайлович, при вашем кругозоре не все объяснить можно!

Ворошилов требовал от Сталина убрать от него подальше «ителлигентика», тот якобы забалтывает дела. Однако Иосиф Виссарионович неожиданно напомнил Клименту, что лекции Тухачевского в свое время высоко чтил сам Ильич, одобрял их, они хранятся в личной кремлевской библиотеке Ленина. На счет

Тухачевского Сталин отнес тогда моторизацию и вообще реконструкцию Красной Армии.

Каково это было слушать Ворошилову? Еще больнее стало ему, когда в 1931 году генсек вопреки его просьбам убрать Тухачевского со всех постов назначил интеллигентика-теоретика начальником вооружений Красной Армии, а затем сделал его заместителем председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам.

Сталин хорошо понимал, что со старой гвардией, к каковой, бесспорно, относился Климент Ворошилов, далеко не уедешь. И он решил дать простор действиям Тухачевского, пусть на деле покажет, каковы его проекты и задумки. И надо сказать – Тухачевский оправдал доверие Сталина. Именно благодаря его инициативе в России задолго до войны стали производить в огромном количестве танки и самолеты, радиостанции и пушки.

В фашистской Германии глубоко сознавали, насколько опасно иметь в противниках сильную Красную Армию во главе с сильными полководцами, такими, как Тухачевский. И вскоре разведка Гитлера, используя атмосферу репрессий в России, фабрикует письмо якобы написанное Тухачевским о намерении свергнуть режим Сталина и его подручных. Вождь получает несколько анонимных клеветнических писем о поведении Тухачевского за рубежом, где тот якобы устанавливал подпольные связи с врагами советского народа. Эти анонимки были явно написаны под диктовку «луганского слесаря, маршала Клима».

Как бы там ни было, в конце концов Тухачевского арестовали по ложным наветам, созданным по желанию любимца Сталина Ворошилова, который завидовал могучему полководческому таланту своего заместителя и нашептывал на него вождю при каждом удобном случае. И Сталин начал верить в то, что Тухачевский способен на всякое, что он давно пошел против линии сталинской партии.

Надо сказать, в то время великий инквизитор вводит в силу закона пытки. В архиве Президента России сохранилась стенограмма Пленума ЦК КПСС 1957 года, на котором Молотов заявил, что в 1937 году было принято специальное решение Политбюро, разрешающее физические меры воздействия на арестованных. В некоторых сейфах обкомов партии сохранилась разъяснительная телеграмма за подписью Сталина по этому поводу с таким текстом: «ЦК ВКП (б) разъясняет, что применение физического воздействия в практику НКВД допущено с 1937 года с разрешения ЦК. Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей пролетариата. Спрашивается: почему социалистическая разведка

должна быть гуманнее в отношении заклятых врагов рабочего класса».

Читаешь эти строки и думаешь: что, господа партократы, не проняло? Ваш вождь Сталин всегда мудро поступал? Даже тогда, когда уничтожал самых преданных России и ленинской партии людей? Ведь вместе с Тухачевским по делу так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» прошло более 400 военных, среди них такие выдающиеся деятели армии и флота как Якир, Уборевич, Путна, Корк, Примаков и другие. И у каждого из них признания в измене партии и народу были вырваны с помощью «огня и железа».

В 1937 году, узнав о заговоре Тухачевского, сподвижник Врангеля по Крыму, белый генерал А. А. Фон Лампе, откровенно радуясь новому шквалу судебных разбирательств с врагами народа в СССР, писал своему другу, бывшему белому генералу Кусонскому: «В России жертвами теперь являются те, кого мы и сами без колебаний повесили бы».

Жестокости Сталина не было предела. Узнал он, что русский царь Иван Грозный искоренял своих врагов, изменников родины «со всем их родом», вплоть до внуков и внучек. И в том же 1937 году по НКВД издается приказ за № 00486 о том, что «впредь всех жен изобличенных изменников родины, правотроцкистских шпионов арестовывать одновременно с мужьями». На самом же деле – арестовывали не только жен врагов народа, но и их матерей, сестер и братьев, сыновей и дочерей.

Так сразу после расстрела М. Н. Тухачевского были арестованы его братья Александр и Николай. Им вменили статью о недоносительстве, и вскоре они тоже были расстреляны на Лубянке. Их жены Мария Викентьевна и Зинаида Федоровна были приговорены к восьми годам лагерей и отправлены в Карлаг. Я нашел карточки этих заключенных в спецархиве прокуратуры области. И выяснил, что Мария Викентьевна Тухачевская была арестована в Москве в 1938 году, отбывала свой срок в Акмолинском лагере (Алжире) все восемь лет. Только 15 апреля 1946 года она была освобождена. Зинаида Федоровна Тухачевская тоже была арестована в Москве в 1938 году, затем сидела в Карлаге, вначале в Алжире, а после в поселке Батык.

И Мария Викентьевна, и Зинаида Федоровна считали, что им еще повезло, они остались живыми, вернулись в Москву. А вот все остальные их родственницы сгинули с земли-матушки навсегда, неизвестно даже где их могилы. Мать Михаила Николаевича Тухачевского Мавра Петровна вначале обреталась в Астрахани, в ссылке, затем ее вывезли в Казахстан, где она и скончалась в 1941 году. Жена М.Н.Тухачевского Нина Евгеньевна, как и ее муж,

была расстреляна в Москве на Лубянке. Старшая сестра маршала Софья Николаевна после пребывания в Томском лагере была отправлена в ссылку в Чимкент и там вскоре умерла. Две другие сестры его Ольга Николаевна и Мария Николаевна также были направлены в Томский лагерь, там следы их теряются, дальнейшая их судьба неизвестна до сих пор. Наконец, младшая сестра М.Н.Тухачевского Елизавета Николаевна, как я уже писал, отбывала меру наказания в Карлаге.

В своих мемуарах Елизавета Николаевна Тухачевская пишет о том, что судьбы членов семей изменников Родины постоянно «висели на волоске», в любой момент их могли расстрелять. Да так оно и было. Комиссия, созданная после XX съезда партии, обнаружила записку Ежова Молотову, в которой перечислялись более четырехсот фамилий жен врагов народа. Ежов предлагал выслать их из Москвы. Молотов наложил резолюцию: «расстрелять». И что вы думаете? Все они были расстреляны.

Жизнь и смерть Тухачевского, судьбы всех членов его семьи – это яркий пример бесчеловечности сталинской тоталитарной системы, которая не щадила самых преданных родине людей. В то же время это и вечное осуждение диктаторов коммунизма, которые на словах вели народ к светлому будущему, а на самом деле уничтожали его, загоняя под смертоносный огонь пистолетов и винтовок лучших его представителей.

Глава 36
Улица Ермекова

Бывший ректор Карагандинского политехнического института, Герой Социалистического Труда Абылкас Сагинович Сатинов очень заботился о том, чтобы из стен вуза выходили всесторонне развитые специалисты, чтобы их тянуло к звездам, чтобы в их душах бурлила большая духовная жизнь. И хотя он сам больше тяготел к техническим дисциплинам, тем не менее всегда находил время поинтересоваться работой кафедр общественных и гуманитарных наук. Он искренне радовался новым переменам в обществе, которые позволяли по-иному взглянуть на многие явления, переосмыслить события прошедших лет.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Карагандинского технического университета Машакар Жунусовна Сулейменова мне говорила:

– Абылкас Сагинович всегда обладал чувством нового. Его остро интересовали вопросы порождения сталинизма, увековечивания памяти жертв политических репрессий. Он возмущался, почему ученые-общественники Казахстана отстают от России, не изучают как следует те политические и экономические условия, которые породили сталинизм, а то и вовсе избегают этих тем. Вы же хорошо знаете, напомнил он мне, что у нас был мощный бастион сталинизма – Карлаг, что в Центральном Казахстане благодаря репрессированным и депортированным в тридцатые-пятидесятые годы были построены шахты и заводы, водохранилища и каналы, парки и даже сады. Чем не тема для новой диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук?

Этот совет Абылкаса Сагиновича сыграл решающую роль в моей судьбе. Я подумала: почему бы, действительно, мне не взяться за эту тему? Долгие годы я собирала и изучала соответствующие материалы, и в 2001 году защитила кандидатскую диссертацию об исторической роли депортированных народов и репрессированных социальных групп в развитии народного хозяйства Центрального Казахстана в 1930–1940 годы. Это позволило мне читать лекции и проводить занятия на новой качественной основе. Ведь я так много нового узнала за это время!

Работая в архивах, я обнаружила неожиданно для себя, что строительством Карагандинского угольного бассейна занимались не только и не столько коммунисты и комсомольцы, как писали

ранее советские ученые, а спецпереселенцы, так называемые бывшие кулаки и другие социально и политически опасные люди, сосланные в Казахстан, в основном, из разных районов России. Именно они приняли самое активное участие в строительстве новых крупных шахт: шахты «А» имени Костенко, шахты «Б» имени Бокимера, трех мощных шахт: № 20 с годовой мощностью 600 тысяч тонн, двух вертикальных № 31 и 33/34 каждая мощностью по 750 тысяч тонн. Именно они добывали плановый и сверхплановый уголь в самых опасных, полных метана, забоях.

Многое мне подсказал для написания диссертации Абылкас Сагинович. Он ведь 13 лет своей трудовой деятельности отдал шахтам Караганды, хорошо их знал. Это были голодные, полные тревог годы. Как рассказывал Абылкас Сагинович, дипломный проект горного инженера он осуществлял как раз на шахте № 31, довольно плотно заполненной кадрами спецпереселенцев. Условия работы там были не из легких – большая водообильность, тяжелая кровля и малая мощность пласта «Четырехфутовый». Неустроенность быта шахтеров-спецпереселенцев, живущих в грязных запыленных бараках, плохая еда, даже отсутствие бани приводили к тому, что обессиленные и обескровленные рабочие из числа спецпереселенцев падали от болезней прямо в забоях, бились в невероятных судорогах, проклиная Сталина и его политику. Многие из них больше не возвращались на поверхность, погибая под землей.

Когда студент-практикант Сагинов впервые спустился на горизонты шахты № 31, то увидел перед собой черно-желтые лица исхудалых шахтеров, ползающих, как скелеты, на четвереньках вдоль ленты транспортера. Они вручную лопатами бросали уголь на нее, они никак не могли разогнуться, так низок был штрек.

Один из них, по прозвищу Гнусавый, тыкая в Саганова пальцем, крикнул: – Ты зачем пришел сюда? Молодой, красивый, а туда же – в преисподнюю, ад? За что же тебя наказали?

– Я сам пришел сюда, – неожиданно заговорил Абылкас. – Я пришел сам сюда, по собственной воле, чтобы помочь вам, облегчить шахтерский труд. Я – будущий инженер, помощник начальника участка. Хочу поддержать вас.

– Поддержать нас? – зловеще загрохотал голос Гнусавого в лаве. Он засмеялся, его плечи стали трястись от смеха. – Э-э, дорогой парниша, зри в корень: чтобы поддержать нас, надо уничтожить Сталина и его клику, дабы все мы были свободными, как люди Америки.

Позднее Сагинов узнал, что вся основная масса шахтеров состояла из таких вот Гнусавых. В конце 30-х годов в угольной

промышленности Центрального Казахстана трудилось около 20 тысяч переселенцев. Много это или мало? Наверное, много, если учесть, что весь коллектив треста «Карагандауголь» тогда не превышал 30 тысяч человек. Это позже через десятилетия кадровый корпус шахтеров, ИТР достигнет численности 120 тысяч человек. Но ведь и количество шахт возрастет, и добыча угля подскочит до 50 миллионов тонн горного топлива в год! И, конечно же, этому будет радоваться Абылкас Сагинович, умудренный к тому времени человек, ученый-угольщик, много сделавший для усовершенствования разработки угольных месторождений высококлассной и безопасной техникой…

А тогда? Растерянно смотрел он на Гнусавого, слушал его крики о кромешном аде, усатом кавказце, палаче народов Сталине, и… все больше утверждался в мысли: он будет нужен этим людям, этим лавам… Может, придет время, и в этих черных забоях станут добывать уголь одни машины-роботы, а человек, как Бог, будет восседать в диспетчерской и руководить ими с пульта управления, следя за ними по экрану промышленного телевидения… И уже не будет никаких переселенцев, «кулаков» да и их поработителей – НКВД, всей этой грозной сталинской системы уничтожения людей.

А.С.Сатинов резко махнул рукой, как бы отбрасывая свои горькие воспоминания, и твердо сказал Машакар Жунусовне Сулейменовой:

– Так что разрабатывай, дорогой человек, новые духовные пласты общества. Нам необходимо хорошо, на научной основе осмыслить те трудные, мучительно трудные годы, когда над людьми каждый день висел дамоклов меч тоталитаризма. Да и люди должны знать всю правду о нашем горьком, многострадальном прошлом. Стройки коммунизма рождались не под победные фанфары медных труб стройотрядов комсомольцев-добровольцев под руководством партии коммунистов, а под дулами винтовок и пистолетов своры чекистов Ягоды, Ежова и Берии.

Однажды Машакар Жунусовна пришла к Сагинову, чтобы он поставил автограф на своей книге «О пройденном пути». Абылкас Сагинович сразу спросил:

– Ну как дела с диссертацией?

Сулейменова призналась:

– Туго идут дела с диссертацией. Маловато материала по угольному бассейну.

– Не может быть! – воскликнул Абылкас Сагинович. – Больше покопайся в архивах… К тому же, ты можешь расширить рамки диссертации, включив в нее участие репрессированных в

становлении и развитии металлургической промышленности, сельского хозяйства региона. Ведь это будет открытием для многих карагандинцев, что на рудниках Жезказгана работали, в основном, одни заключенные, они же и были передовиками производства, стахановцами. Пора уже научиться говорить правду, пора сорвать покров лжи со многих страниц советского прошлого…

И вдруг добавил:

– Надо бы тебе, Машакар, познакомиться поближе с Дюсетаем Аймагамбетовичем Шаймухановым. Он дока по истории угольно-металлургической промышленности Центрального Казахстана, депортированных и репрессированных народов в годы сталинской эпохи. Обязательно поможет!

Как в воду смотрел Сагинов, – Дюсетай Аймагамбетович оказался щедрым на отдачу человеком. Он не только помог составить Машакар план будущей диссертации, но и поделился копиями ценных архивных материалов по Карлагу. Кандидатская диссертация Сулейменовой сразу обросла новыми интересными фактами. Так, только из этой диссертации можно узнать, что в 1942 году на шахты Караганды было мобилизовано пять тысяч военнообязанных спецпереселенцев, которые работали на них до конца войны. Причем, все эти трудармейцы находились в шахтах на положении заключенных, их могли за дезертирство, невыход на работу расстрелять в любой момент, им могли месяцами не платить. Жили они, как и зэки Карлага, в бараках и землянках с узкими окнами.

В 1937 году на шахтах прошли аресты лучших специалистов как «врагов народа». Под репрессии попали многие опытные руководители треста «Карагандауголь» такие как Дрей, Лаухин, Смертюк, управляющий трестом Троицкий и другие. Во вредительстве были обвинены руководители шахты имени Горького заведующий Ф.Ф.Налетов, инженер Н.Д.Посметухов. Одни были расстреляны, другие попали в Карлаг.

В то время Сагинов мало что слышал о карагандинских лагерях. Впервые о них в открытую заговорили только после смерти Сталина, особенно после восстания заключенных в Джезказгане в 1954 году.

– Что это было за восстание, кто его возглавлял? Где можно узнать обо всем этом? Если это не раскрытые страницы, значит, их надо раскрыть.

Короче говоря, Сагинова интересовало буквально все, что было связано с репрессиями сталинизма. И это его волнение, интерес к трагическому прошлому передались Сулейменовой. В конце концов, Абылкас Сагинович прав: ее диссертация будет

нужна людям, желающим знать всю правду о Карлаге.

В 2007 году мне довелось участвовать в работе областной научно-практической конференции «Политические репрессии XX века», которая проходила в институте повышения квалификации учителей. На этой конференции выступила и кандидат исторических наук М.Ж.Сулейменова. Порадовало, что ее доклад отличался новизной фактов… Одно меня опечалило: жаль, что этот доклад не слышал Абылкас Сагинович, его уже не было среди нас… Ведь он так помог Сулейменовой советами, настроил ее на создание кандидатской диссертации о сталинских репрессиях в Центральном Казахстане. Причем, любил подчеркивать, что любые исторические явления надо отображать объективно, ничего не придумывая и не воображая…

Да, Абылкас Сагинович не терпел фальши, надуманных фактов. Он считал, что в исторической науке дороже всего истина, правда. И нельзя в угоду злободневности перегибать, тенденциозно освещать отдельные события. Он очень возмущался статьей «Пусть их имена останутся в памяти народа», опубликованной в газете «Орталык Казахстан» 17 февраля 1994 года. В этой статье авторы попытались изобразить горного инженера Шаймагана Серикова «жертвой колониальной политики и геноцида», якобы он скончался от кровоизлияния в мозг из-за того, что его начали преследовать за национализм. Абылкас Сагинович хорошо знал Шаймагана, он вместе с ним учился в 1932–1933 годах в Карагандинском горном техникуме, постоянно сталкивался с ним по работе в угольной промышленности. Это был удачливый во всем человек, никто его никогда не преследовал, не увольнял и тем паче не сажал в Карлаг. Наоборот – в тяжелом 1938 году он был избран депутатом Верховного Совета республики, затем его повторно избирали в парламент Казахстана в 1947, 1951 годах. Он окончил после войны Высшие инженерные курсы, работал управляющим трестом «Ленинуголь», ему было присвоено звание «Генеральный горный директор III ранга». Так что его карьера была светлой и радостной, увенчанной признанием и славой. Но он с детства страдал гипертонической болезнью, в 1952 году, когда стояла неимоверная жара, перестал пить таблетки и скончался от кровоизлияния в мозг. При чем здесь колониальная политика и геноцид? Неужели нельзя быть объективными и в угоду конъюнктуре не изображать жертвой сталинизма того, кто ею не был? Неужели примеров репрессий не хватает? Та же газета справедливо пишет в этой же статье о преподавателе Каркаралинского педагогического техникума Имаме Алимбекове, что он стал жертвой сталинского террора. Абылкас Сагинович

хорошо знал Имама Алимбекова, когда учился в Каркаралинском педагогическом техникуме. Это, действительно, был человек богатого кругозора, достойный сын своего народа. И он в 1937–1938 годы был безвинно репрессирован за то, что состоял в рядах партии «Алаш-Орда». А Шаймаган Сериков никаким репрессиям не подвергался, никто его в национализме не обвинял. Зачем же выдумывать то, чего не было? Надо писать достоверно, как можно сильнее приближаться к истине. Высасывать факты из пальца не стоит, когда речь идет о святом деле – восстановлении правды истории.

Сагинов всегда был против фальсификации любой науки, а истории Казахстана тем более. Он говорил: зачем сгущать черные краски там, где их и так хватает? Конечно, тоталитарный режим, отсутствие демократической системы нанесли немалый вред не только казахскому, но и всему советскому народу. 1937 год является позорной страницей в истории СССР. Вместе с тем нельзя отрицать того факта, что при советской власти Казахстан достиг многого. В результате была совершена подлинная культурная революция. Ведь никто не будет отрицать того факта, что до 1928 года в Казахстане не было ни одного высшего учебного заведения, и лишь при советской власти были организованы более 50 вузов, ряд научных учреждений, Национальная Академия наук. Нельзя при этом отрицать помощь братских народов, населявших СССР. Пример учебы многих молодых казахов на Украине – достаточно красноречивое подтверждение проявления братской дружбы народов. Ни для кого нет секрета, что и президент РК Нурсултан Назарбаев получил первоначальное профессиональное образование металлурга на Украине, в Днепродзержинске.

Создание крупной индустрии в Казахстане, превращение республики из отсталой аграрной в индустриально – аграрную – все это тоже результат единства народов СССР, советского интернационализма. Охаивать все, что было достигнуто при советской власти, совершенно недопустимо. Не вина рядовых людей в том, что делалось в верхах, когда у власти стояли Сталин, Молотов, Каганович, Берия. Это с их согласия и по их указанию в советских концлагерях за ржавыми решетками гибли миллионы людей… И об этом надо писать правдиво, пришло время предавать гласности те документы, что лежали и лежат годами под грифом «секретно» в архивах области, особенно по Карлагу.

Признаться, и меня Абылкас Сагинович привлек к теме политических репрессий во времена сталинизма. Как-то я написал очерк о знаменитом певце Вадиме Козине, который

пострадал в годы тоталитаризма и большую часть своей жизни провел в лагерях на Колыме. Его разыскала в Магадане карагандинка Дина Акимовна Климова. Разыскала и призналась в любви. Вернувшись в Караганду, она организовала на своей квартире музей Козина, таким образом, собрав вокруг себя поклонников его таланта… Очерк о встречах Д.А.Климовой с Вадимом Алексеевичем «Воспоминание о романсе в исполнении Козина» я опубликовал в газете «Казахстанская правда», затем его перепечатал московский еженедельник «Неделя». Абылкас Сагинович любил песни в исполнении опального певца, и он мне сказал:

– Молодец! Только почему один Козин, Магадан? Ты поинтересуйся, сколько таких талантливых людей как Козин пребывало в злополучном Карлаге! Об этом никто не знает, ибо никто об этом не пишет. Старая пресловутая болезнь века – страх – все еще витает в душах людей, даже журналистов, писателей, вот никто и не трогает секретные материалы специальных архивов Карлага, отмалчивается. Конечно, молчание – золото, слово – серебро… Но только не в этом святом деле. Возьмись за него – ты станешь первооткрывателем!

Тогда я подумал: действительно, жить в Караганде, иметь под боком архивы сталинских лагерей и не поработать в них во имя правды прошлого, несправедливо погибших людей – Бог не простит мне этого, совесть моя журналистская сгинет, и тогда прощай, творчество!

Начальник УВД области, генерал Владимир Петрович Шумиленко не был удивлен, когда я обратился к нему с просьбой получить доступ в спецархив. «Как можно отказать собкору! – воскликнул он. – Работайте…»

И, перейдя на шепот, продолжил:

– Тут недавно наш начальник архива Виктор Васильевич Горецкий учетную карточку писателя Солженицына нашел. Тот отбывал срок в Карлаге в Экибастузе… И об этом никто не писал…

Так, получив разрешение на доступ к тайным материалам архива по Карлагу, я обрел новую тему в своем творчестве. И ей посвятил многие годы своей жизни. И первым среди братьев по перу рассказал о пребывании в лагерях смерти не только писателя, лауреата Нобелевской премии Александра Исаевича Солженицына, но и ученого А.Л.Чижевского, матери знаменитой балерины Майи Плисецкой – киноактрисы советского немого кино Рахиль Мессерер Плисецкой, гражданской жены адмирала Колчака – поэтессы и художницы Анны Тимиревой-Книппер, писателя Михаила Зуева-Ордынца, поэта Николая Заболоцкого,

ученого-историка Льва Гумилева, киноактрис Мариетты Капнист и Татьяны Окуневской… Это был триумф моей публицистики, ведь мои очерки на лагерную тему публиковались в журналах «Простор» и «Нива», республиканских газетах «Казахстанская правда», «Караван» и даже в Москве в популярной газете «Труд». Я издал пять книг на эту тему «Черные розы маршала», «Созвездие талантов», «Звезды ГУЛАГа», «Не склонив головы», «В долине слез».

А все началось с обычной беседы с Абылкасом Сагиновичем о Козине… Вот что значит вовремя сказанное доброе слово и добрый совет авторитетного человека, аксакала науки! Он хотел сохранить для потомков негасимый свет воспоминаний о жертвах сталинского террора, чтобы мрачное и трагическое прошлое больше не повторялось, и привлекал к лагерной теме всех, кто мог помочь, как он выражался, святому делу.

Сам Абылкас Сагинович немало сделал для того, чтобы сохранять память о тех, кто жестоко подвергался сталинским репрессиям. Больше того – рискуя быть освобожденным от должности ректора, он устраивал на работу в вуз бывших политических заключенных и ссыльных. Его поступки были благородны и правильны. Ведь в большинстве своем бывшие «враги народа» – это высокообразованные, неординарные люди, свет и ум науки и образования СССР. Скольких ученых, преподавателей спас он от произвола властей, выручил из беды!

Все в Казахстане чтят знаменитого теперь ученого-математика Алимхана Абеуовича Ермекова. Отстаивающий независимость Казахстана еще в сталинское время, он был репрессирован как алаш-ордынец. В 1955 году после тюрем и лагерей он, Алимхан Абеуович, седоволосый, приехал в Караганду и долгое время не мог устроиться нигде на работу. Чиновники шарахались от него, как от прокаженного. В конце концов он пришел в политехнический институт к Сагинову.

– Тогда мы долго беседовали, – рассказывал Абылкас Сагинович, – и меня до глубины души тронула история судьбы этого скромного, замечательного человека. Он встречался с Владимиром Ильичем Лениным по поводу автономии Казахской республики, с всемирно известным ученым-путешественником Г.Н.Потаниным, помогал ему записывать казахские предания, легенды…

И это, действительно, так. Материалы архивов мне рассказали, что именно Алимхан Ермеков, еще совсем молодой, тридцати лет от роду в должности члена Центрисполкома Казахской ССР в мае 1920 года командируется в Москву с докладом «О положении Казахского края вообще, и по вопросу о

границах в особенности». Тогда ему удалось добиться возвращения Казахстану ряда важных территорий, ранее переданных Россией монастырям, скотопромышленникам, казачеству.

Среди этих территорий следует отметить 70-верстную полосу на северном побережье Каспия, принадлежавшую в то время Астраханской области. Сегодня нашему государству это обеспечивает выход к Каспию и владение запасами нефти и газа, с которыми в значительной мере связывается экономическое и политическое будущее суверенного Казахстана.

В августе того же года Алимхан Ермеков был докладчиком на заключительном заседании Совнаркома РСФСР по вопросу о проекте Декрета об Автономной Казахской Республике. Декрет был принят и обнародован 26 августа 1920 года.

К успехам научно-педагогической деятельности Алимхана Ермекова следует отнести открытие в Каркаралинске школы и педагогического техникума, в котором учились будущий академик О.А.Жаутыков, член-корреспондент Академии наук А.Ж.Машанов, А.Сембаев и генерал К.Бошев.

В 1921 году Алимхан Ермеков свел Каныша Сатпаева с магистром геологических наук М.Усовым, что во многом определило путь талантливого юноши до Президента АН Казахстана. К поступлению К.Сатпаева в Томский горный институт готовил родственник Алимхана Тариф.

Алимхан Ермеков первым в республике разработал математическую терминологию на казахском языке и еще в 1935 подготовил и издал учебник по Высшей математике.

В сталинских лагерях смерти Алимхан Ермеков отсидел в общей сложности 18 лет. В 1930 году вдвоем с Мухтаром Ауэзовым они были ошельмованы за отстаивание национального суверенитета республики.

Абылкас Сагинович Сагинов волновался, вспоминая первую встречу с Алимханом Ермековым, просьбу того дать ему приют и работу в Карагандинском политехническом институте.

– Как я мог отказать Алимхану Ермекову, – говорил он. – Как я мог от него отречься, как это сделали другие администраторы от науки! Тем более, что передо мной стоял первый крупный математик республики, в свое время работавший профессором кафедры математики нескольких вузов!

Сагинов сразу же принял А.А.Ермекова на работу, проявив при этом немалую гражданскую смелость. Позже чиновники не раз намекали Абылкасу Сагиновичу на дерзость «единоличного решения».

Сагинов отвечал:

– А вы бывали на лекциях Алимхана Абеуовича? Приходите…

И приходили, и убеждались, что лекции Ермекова были доходчивыми, отличались глубиной изложения материала.

А как много сделал Сагинов для увековечивания памяти Алимхана Абеуовича, когда тот в 1971 году скончался! Сразу после похорон Ермекова Сагинова вызвали в обком партии и долго распекали за то, что он организовал ему слишком «пышные проводы», дал в газете слишком хвалебный некролог…

– Вы разве не знали, что Алимхан Ермеков – известный алаш-ордынец, – кричал на него высокопоставленный чиновник. – Еще раз так поступите, сами лишитесь вех регалий…

Но Сагинов продолжал биться за имя Ермекова, не боясь мести высоких начальников. И справедливость восторжествовала – Алимхан Ермеков был полностью реабилитирован, его доброе имя восстановлено. В главном корпусе института была установлена мемориальная доска в честь А.А.Ермекова, а его именем названа одна из магистральных улиц Караганды…

Глава 37
Тайна кончины Фогелера

В свое время я сообщал в республиканской газете «Казахстанская правда» о потрясающем факте: известный мастер кисти Генрих Фогелер, человек с мировым именем, скончался во мраке неизвестности в селе Корнеевка Карагандинской области: надломленный, без средств к существованию и творчеству. Парадокс: величайший антифашист пострадал… от антифашистов. Это могло произойти только в эпоху сталинизма, которая преданнейших социализму людей превращала во врагов.

Годы пребывания Фогелера в Корнеевке долгое время скрывала сталинская охранка, но, как говорят, правда сильнее солнца: она все равно рано или поздно пробивает тьму неизвестности и несправедливости. Периодом жизни Фогелера в Корнеевке заинтересовались многие зарубежные журналисты и писатели.

Интерес к этой оригинальной личности привел и меня в Корнеевку. И передо мной открылись новые факты из жизни замечательного художника на казахстанской земле.

Как же попал Фогелер в Корнеевку?

Местные старожилы помнят специальный указ Президиума Верховного Совета бывшего СССР о ликвидации АССР немцев Поволжья, санкционированный Сталиным. Принимался указ без детализации, и этим сразу воспользовались рьяные его исполнители из НКВД. Немцы были не просто эвакуированы, а выселены (известно, что между статусом эвакуированных и высланных большая разница). Причем, выселены были не только из районов Поволжья, но и из всех европейских сел и городов, включая Москву. Многие из них попали в Сибирь, а большинство в северные и центральные отдаленные районы Казахстана. Выселяли всех подряд, без разбору, и отправляли на так называемый «трудовой фронт». Сотни их попали в Корнеевку и близлежащие села ныне Бухаржырауского района. Тут было и голодно, и холодно, ссыльные подвергались унижениям… Многие не выдерживали. На корнеевском кладбище десятки так называемых братских могил. Забывали даже установить табличку, кто здесь похоронен.

С большой группой ссыльных попал в Корнеевку и Фогелер. Еще совсем недавно он был в зените славы, в мае 1941 года Москва восторженно приняла выставку его работ. И вдруг – чрезмерная, неоправданная жестокость, только потому, что он –

немец…

В списках спецпереселенцев бывшего Ворошиловского района за 1942 год трижды упоминается фамилия Фогелера. Биографические сведения о нем не очень богаты: «Фогелер (Фогель) Генрих Эдуардович. Немец. Год рождения 1872. Место рождения – г. Бремен, Германия. Профессия – художник. Академик. Социальное происхождение – купеческое, образование высшее, беспартийный».

Однажды я встретил бывшего председателя Ворошиловского райисполкома, ветерана труда, пенсионера Прокофия Авксентьевича Хлебова. Было ему тогда 88 лет, но он сохранил хорошую память, живость общения с людьми.

– Эшелон немцев-спецпереселенцев из Москвы прибыл на станцию Нуринскую, – вспоминал Хлебов. – Оттуда мы людей отправляли в колхозы. Помню, 17 сентября 1941 года наш райисполком рассмотрел вопрос: «О руководстве приема, размещения и устройства немцев». Была создана специальная комиссия, я ее возглавлял. Мы определили, сколько переселенцев направлять в тот или иной колхоз. В среднем получалось где-то по 150 человек на одно хозяйство. Генрих Фогелер вместе с другими переселенцами попал в колхоз «Первое Мая». Для их перевозки и багажа было собрано более 30 подвод, из расчета 5 человек на подводу. Тягловой силой, в основном, были быки. Детей, больных, престарелых перевозили на конских бричках… Устраивали их в селе к кому попало. Ведь специальные помещения – общежития для спецпереселенцев – не были подготовлены. Указ-то Сталина был неожиданным, честно говоря, мы к приему переселенцев не были готовы.

В Корнеевке я разыскал свидетелей пребывания Фогелера в Казахстане. Один из них – пенсионер Василий Платонович Лукьяненко, который и поныне живет в Корнеевке по адресу: улица Тракторная, 3. Именно в его доме и жил Фогелер. В то время у Василия Платоновича и его супруги Александры Дмитриевны было десять детей, из них пятеро сыновей.

– И все же мы выделили Генриху Эдуардовичу отдельную комнату, – рассказывал Василий Платонович Лукьяненко. – Договорились, что он будет выплачивать нам за постой и питание ежемесячно по 150 рублей. Как политическому эмигранту ЦК МОПР СССР назначил Фогелеру пенсию в размере двухсот рублей. Вот на эту «академическую» пенсию и рассчитывал художник… Но, увы, он ее так и не получил. А нам не хотелось тревожить его с оплатой, хотя время было суровое, голодное. Но мы понимали, без нашей помощи переселенцам не выжить, вот и делились с Фогелером последним куском хлеба…

– Каким был в то время Генрих Эдуардович, как он выглядел?

Отвечая на этот вопрос, Василий Платонович Лукьяненко сказал:

– Был он тихим, молчаливым. С карандашом никогда не расставался: то письма писал, то делал небольшие рисунки…

– Сохранились ли рисунки Фогелера? – спросил я.

– О судьбе их я ничего не знаю, – ответил Лукьяненко. – Чувствовал себя наш постоялец плохо, болел, кашлял… Видимо, рисунки отправлял сыну в конвертах… Ранней весной скончался, мы его на корнеевском кладбище схоронили.

Да, 14 мая 1942 года семидесятилетнего Генриха Эдуардовича Фогелера не стало. Но удивительное дело – созданные им в Москве картины продолжали бороться против фашизма, против войны. Многие из них послужили основой для плакатов и листовок. Известно, что еще в 1934 году в Москве вышла книга «Два мира», в которой были опубликованы 34 карикатуры Фогелера под заголовком «Третий рейх». И не случайно в «особом» списке гестапо среди тысяч немецких антифашистов, подлежащих казни, числилось и имя Генриха Фогелера.

Я навестил дом, в котором провел свои последние дни Фогелер. На нем обычная табличка: улица Тракторная, 3. А сколько ни искал глазами мемориальную доску, не нашел.

К счастью, в Корнеевке я встретил немало энтузиастов, разыскивающих материалы о Фогелере. В местной школе по инициативе пенсионерки – учительницы Анны Густавовны Гропп и дочери Маргариты Иосифовны Вольф, которая пошла по стопам матери, – преподает немецкий язык в школе, создан отряд юных следопытов по изучению жизни и творчества знаменитого художника. Анна Густавовна показала мне книгу немецкого писателя Вернера Хомана «О жизни Фогелера (1932–1941 гг.)».

Оказывается, В.Хоман неоднократно бывал в Корнеевке, подарил школьникам свою книгу. Весь путь Фогелера, одного из лучших мастеров стиля модерн (имя его входит во все учебники мира по этому направлению искусства), предстает в этой книге.

Но у нее не было конца – до самого последнего времени пребывание Фогелера в Корнеевке было покрыто мраком забвения. Вспомним, что сюда были сосланы не только Фогелер, но и художница Гейнц, фармацевт Маркус, инженер-механик Пальм и многие другие. Вместе с Фогелером в Корнеевку прибыло 150 немцев-ссыльных. Среди них и учительница немецкого языка, уже названная Анна Густавовна Гропп.

– Я не могла знать, что вместе с нами окажется сам Фогелер! – волнуясь, вспоминала она. – Людей немецкой

национальности в селе было много. Знакомиться мы начали не сразу, боялись НКВД. Сколько полезного, героического могли бы мы сделать на фронтах Великой Отечественной войны, сражаясь против фашизма плечом к плечу с остальными. Но Сталин решил иначе, и это так унижало, что даже не хотелось жить…

Недавно в музее Фогелера, созданном в сельской школе, появилось несколько новых документов из наследия художника. Среди них – дневниковые записи, сделанные Генрихом Эдуардовичем в Корнеевке, его последнее письмо сыну Яну. Эти документы проливают дополнительный свет на период жизни Г.Фогелера в Корнеевке. Вот строки из дневника Фогелера, написанные в 1941-42 годы.

1941, октябрь. Сильная вьюга. Я и еще 9 москвичей на строительстве плотины. Работать плохо. Шторм. Роем котлован в глинистом грунте. Размеры котлована 9х5 метров. Начали работу в 10 часов 30 минут. Закончили в 11 часов 30 минут. За работу получили по килограмму хлеба.

10 ноября. На плотине работал с 10 до Ичасов 30 минут и с 2 до 3.30 минут. Получил 600 граммов хлеба.

11 ноября. Вторник. Тяжелая работа с ломом в мерзлой земле.

13 ноября. Работал с ломом на плотине с 10 часов до 2.30.

15 ноября. Суббота. Смерзшаяся земля. Сильные снежные заносы. Не работали. Дома для эвакуированных немецких семей все еще не приведены в порядок. Крыши дырявые. Потолки осыпаются…

12 декабря. Вот уже около месяца я без денег. Мое положение ужасно. Один человек, которого я почитаю за богача, одолжил мне 13 рублей 50 копеек. В качестве врача работает Лиза, юная симпатичная студентка, которая не имеет опыта лечения человеческого организма.

13 декабря. Мои старые добрые очки. Они пропали в поезде. Несколько утешают меня другие, но они для близкого чтения. Только они могут оказать мне помощь, если я хочу писать. Я пишу и рисую картины битвы. Это действует на настроение немецких солдат, открывает им глаза на правду, направляет их взгляды против убийцы – Гитлера и заставляет думать о спасении Германии перед ее закатом.

31 декабря. Последний день уходящего 1941 года. Белые, покрытые инеем верблюды, запряженные в низкие сани, появились на улицах.

1 февраля 1942 года. Моей пенсии все еще нет…

1 марта. Пенсионную книжку должны прислать из Москвы. Это утверждает почтмейстер, сказавший мне это еще в ноябре.

Должен хозяину 400 рублей, другим эвакуированным 160 рублей… Мое положение, как у нищего…

А вот строки из последнего письма Генриха Фогелера из Корнеевки сыну Яну: «Любимый Ян! Десять лет назад началась моя интенсивная антифашистская работа. Это выход сборника карикатур для Коминтерна под заголовком «Третий рейх». Картина «Белый террор» была как бы предисловием этой вещи. Потом я организовал антифашистскую выставку под эгидой МОПР в парке культуры, написал пять больших картин о преступлениях фашизма и создал макеты «Э.Тельман в тюрьме», «Борьба негров в Америке», «В застенках гестапо»… Часть моих работ пошла в центральный антирелигиозный музей. Когда началась война против советской страны, я стал работать по составлению листовок с текстом и рисунками и по радио обратился с призывом к немцам Германии. Работу над листовками продолжаю, высылаю их в политическое управление Академии им. Фрунзе.

Я послал также много заявлений относительно моей пенсии, которая мне жизненно необходима. Шесть месяцев я уже без всяких средств при маленькой поддержке, которую эвакуированные мне оказывают, а одно время приходилось питаться только водой. Но пенсии все нет и будет ли? Я болен, я без средств, мое положение вряд ли облегчится, наступает катастрофа.

У меня порвалась одежда, ноги мокрые и холодные, ибо я хожу в дырявой обуви, иногда другие добрые эвакуированные угощают меня ложечкой теплого супа.

…Печалит меня моя болезнь, опять вступила в тяжелую форму из-за того, что я промерз во время сильного бурана, стараясь выполнить норму на строительстве плотины путем долбления мерзлой земли ломом. Я шесть месяцев болен, ночью почти не сплю, к тому же встаю по восемь-десять раз по нужде. При всем этом негде постирать белье (в районе нет мыла), а без ванны я совсем беспомощен. В прошлую зиму только ванны стали моим спасением от этой ужасной болезни. Теперь я стал получать от колхоза хлеб, за который расплачивается за меня один эвакуированный. Но холодная вода с хлебом для моей болезни не является лечебным средством. Иногда хозяин, а большей частью его жена, угощают меня чаем. Иногда я целый день лежу на своей скамейке, хозяйка начинает думать, что я скончался, и ею овладевает страх, что такая неприятность может произойти в ее доме. На моем животе образовалась злокачественная язва. Это совсем лишает меня надежды на выздоровление.

Мое гигиеническое состояние можно описать как плохое. Мое

состояние, как у старой паршивой собаки, которая ожидает смерти. При этом я чувствую тягу к труду и опечален, что нахожусь так далеко от вас. К нашим руководящим работникам ни проникнуть, ни попасть сегодня невозможно. Из своего опыта я знаю, что эти люди бесконечно загруженные. Как и вожди нашей партии и правительства, они заботятся об участи своего народа, а не об одиноком человеке, который может и хочет стать снова трудоспособным, несмотря на свои 70 лет.

Любимый Ян, Соня, примите мой привет, может быть, последний. Г.Фогелер».

Это письмо увидело свет только сейчас, спустя полвека после его написания.

По настоянию сына Г.Э.Фогелера Яна Фогелера, доктора философских наук, профессора Московского университета, на корнеевском кладбище был установлен памятник художнику-антифашисту.

Проваливаясь по пояс в сугробы, я еле добрался до него. Долго стоял у покрытой льдом гранитной доски, на которой было высечено имя Г.Э.Фогелера. История многие десятилетия хранила тайну ссылки и кончины великого художника, но жизнь взяла свое.

Глава 38
Против сталинского режима

Как я уже писал, после выхода книги «Звезды ГУЛАГа» мне стали приходить письма читателей. Юрий Иванович Васнецов из Усть-Каменогорска, выразив автору книги благодарность за память о невинно пострадавших, в то же время написал: «Ваша книга интересна, потому что она правдива. Вы честно показали униженных сталинским режимом, издевательства над ними. Но в книге надо бы усилить, на мой взгляд, одну мысль – зэки боролись! Они не только роптали, занимаясь тяжелым трудом на рудниках, творчеством в специальных конструкторских бюро – они яростно выступали против существующего строя. Неужели у вас в записной книжке нет таких фактов?»

Конечно, есть, дорогой Юрий Иванович. И ваше замечание верное. Что становится очевидным сегодня, – со сталинским режимом боролись не только взрослые, но и юноши, девушки, даже малолетние.

Да, малолеток в то время судили и сажали не только за уголовные преступления, побеги из школ ФЗО, но и за политику! В послевоенные годы в СССР росло недовольство сталинским режимом.

И люди не только роптали по квартирам, там и тут возникали вспышки протеста против Сталина, ЦК, коммунистической партии. В книге «Архипелаг ГУЛАГ» А.И.Солженицын довольно подробно рассказывает о судьбах некоторых «детей НКВД». Малолетний Юра Ермолов в 14 лет написал листовку: «Долой Сталина!» Тут-то его и схватили, дали 58–10 и посадили с малолетками-урками.

А Зоя Лещева сумела его превзойти. Она в детдоме подговорила ровесников разломать гипсовую статую Сталина. И что вы думаете? Однажды утром голову статуи нашли отбитой, перевернутой и в пустоте ее – кал. Террористический акт! И дали Зое Лицевой десятку. До восемнадцати лет она была в общих лагерях, а затем в особых. Ее можно назвать второй Зоей Космодемьянской, так храбро и мужественно она держалась на допросах, никого из сообщников своих не выдала, взяв всю вину за содеянное на себя.

Не все читатели знают, что в 1947–1949 годы в Воронеже действовала молодежная организация антисталинской направленности. Она просуществовала около двух лет. Вскоре ее раскрыли, «бунтовщиков» всех арестовали, долгое время держали

в тюрьмах и лагерях. Большинство членов организации попало в Казахстан, о чем свидетельствует Анатолий Жигулин в своей книге «Черные камни» (Москва, издательство «Книжная палата», 1989 год). В ней, в частности, он пишет о своих друзьях по борьбе со сталинизмом: «Особенно тяжел был лагерь в Джезказгане для Игоря Струкова. Он еще в детстве лишился ног (одной – выше, другой – ниже колена) – попал под трамвай. В лагере Игорь работал из-за инвалидности в ППЧ (планово-производственной части) и по мере возможности помогал Давиду (Буденному – авт.), которому приходилось туго в рудной шахте. В том же лагере оказались и другие мои друзья-подельники: В.Рудницкий, Н.Старозубцев, А.Селезнев».

Уму непостижимо, что сразу после Великой Победы в СССР поселился «дух свободы». Казалось, авторитет Сталина был непререкаем, его политика не подлежит никакой критике. И вот находятся юнцы, которые подвергают сомнению необходимость участия советской армии в корейской войне, оказания братской помощи «добровольцам» Китая. Они выступают за возрождение в СССР частной собственности, ибо колхозы довели крестьян до нищеты, поселив в них бациллы неверия в социалистические методы хозяйствования. После Великой Победы вместо роста заготовок хлеба в ходу шло их снижение. В 1949 году урожайность зерновых в стране достигла катастрофической отметки – около 8 центнеров с каждого гектара, такого низкого урожая не было в России с 1914 года. Люди пухли от голода и в городах, и в деревне, хлеба не хватало. Чтобы выжить, многие горожане подавались в села, воровали последнее зерно в амбарах. Да и сами крестьяне вынуждены были прямо с поля тащить хлеб, чтобы как-то прокормить свои семьи. Тогдашний министр внутренних дел С.Круглов ежемесячно докладывал Сталину о хищениях хлеба. К примеру, он доносил ему, что в декабре 1946 года было «привлечено в уголовной ответственности за хищение хлеба 13559 человек, в январе 1947 года – 9928…» По этому поводу Дмитрий Волкогонов в своей книге «Семь вождей» написал: «Голод в стране не пугал Сталина, и он не мог «опуститься» до закупок хлеба у империалистов!»

КПМ – Коммунистическая партия молодежи с антисталинской платформой была создана в Воронеже в 1947 году учениками девятого класса 7-й мужской средней школы – Борисом Батуевым, Юрием Киселевым и Валентином Акивираном. По сведениям одного из членов КПМ, отбывавшего свой срок в Джезказгане, Игоря Струкова, буквально за несколько месяцев в антисталинскую гвардию было принято 63 человека. Ее программой предусматривалось свержение «обожествления»

Сталина, изучение и распространение в массах подлинного марксистского учения. Организация была нелегальной. На ее собраниях обсуждались незаконные сталинские массовые репрессии, раскулачивание, «Письмо Ленина к съезду», в котором он дал нелестную характеристику Сталину. Анатолий Жигулин, член КПМ, отмечал, что «вся эта информация, во всяком случае, часть ее шла к нам из семьи Бориса Батуева». Борис был сыном второго секретаря Воронежского обкома партии Виктора Павловича Батуева, судя по всему, очень вольнолюбивого человека. Во всяком случае он дома не раз говорил о кровавых деяниях великого диктатора, о подневольном труде миллионов заключенных ГУЛАГа, высмеивал «Краткую биографию» вождя, Краткий курс истории ВКП(б).

– Ну, как же это все примитивно написано! – восклицал Виктор Павлович Батуев. – Достаточно пятисот слов, и краткая биография готова. Со страницы на страницу одни и те же слова о Сталине: великий вождь, учитель, друг, полководец. А уж словосочетания: с именем Сталина, во имя Сталина повторяются десятки раз как рефрен. Наконец, «Сталин – это Ленин сегодня!». Не абсурд ли?

Некоторые из членов КПМ, которые отбывали свои сроки в Джезказгане, приняли участие в кенгирском восстании в 1954 году. Рассказывая об этом восстании в главе «Сорок дней Кенгира» в книге «Архипелаг ГУЛАГ» А.И.Солженицын особо подчеркнул роль полковника Капитона Ивановича Кузнецова в организации и проведении этого мятежа, направленного против сталинского режима. Действительно, Капитон Иванович многое сделал для того, чтобы превратить стихийный бунт, вызванный расстрелами и убийствами невиновных зэков, в организованное восстание. Конечно, он делал ставку и опору прежде всего на молодежь.

Много раз я встречался с ветераном Великой Отечественной войны и труда, почетным гражданином города Караганды Степаном Григорьевичем Косенко. В годы войны он прошел боевой путь от Брянска до Берлина. В послевоенное время долгие годы работал народным судьей второго участка Джезказганского рудника. Он часто бывал в зонах Степлага, стал свидетелем волнений зэков в Кенгире. И он мне сказал:

– Кузнецов был их кумиром! Именно он точно и грамотно сформулировал требования заключенных. И в конце концов добился пересмотра многих дел, особенно по 58 статье, досрочного освобождения несовершеннолетних, молодых…

С большой группой заключенных были освобождены досрочно и наши молодые воронежцы. В Воронеже их встречали

поседевшие матери, повзрослевшие невесты. Правда, на перрон вокзала пришли не все – многие не выжили, скончались от сердечных приступов, инсультов, ожидая возвращения опальных сыновей.

Однажды мне неожиданно позвонил из Германии Николай Александрович Бобков, бывший начальник участка ЦОФ «Восточная». Его жена – немка, и она увезла его жить на свою родину. И он взял с собой мою книгу «Звезды ГУЛАГА», и теперь спрашивал, нет ли у меня лишних экземпляров, чтобы подарить своим новым русским друзьям в Германии. И я ему сказал правду: книга «Звезды ГУЛАГА» разошлась, но скоро выйдет ее продолжение – новая книга «Черные розы маршала». И я обязательно ему вышлю несколько экземпляров.

– Выделаете большое дело! – сказал Н.А. Бобков. – Мои папа и мама тоже были репрессированы… Тысячи людей погибли! Об этом забывать нельзя.

Он заплакал. Это были слезы очищения от горьких воспоминаний о загубленных жизнях не только его родителей, но и миллионов зэков страны Советов. И я подумал, как хорошо, что мы живем в иное время, эпоху демократии и раскрепощения личности от догм коммунистической идеологии. Мы можем, наконец-то, говорить и писать правду!

Глава 39
Они не хотели писать о Сталине

«Уважаемый Валерий Михайлович! Кто из знаменитых писателей России находился за колючей проволокой Карлага? За что они были осуждены? Алексей Волков. Город Жезказган».

Тема очень интересная. До сих пор в разной критической литературе умалчивается, например, что в Степлаге на рудниках Джезказгана отбывал свой срок русский писатель Александр Ильич Зонин. Сейчас редко кто его вспоминает. Между тем А. И. Зонин был первопроходцем морской исторической темы в советской художественной литературе. Он написал ряд книг о больших патриотах России – повесть об известном русском мореплавателе В.М.Головнине «Капитан «Дианы», роман о П. С. Нахимове «Жизнь адмирала Нахимова», роман о С. О. Макарове «Воспитание моряка».

Сам Александр Ильич был интересным человеком, морским офицером, страстно любящим российский флот, его живые боевые и революционные традиции. Воспитанный в духе большого почитания замечательных людей России, ее военачальников, адмиралов и капитанов дальнего плавания, он сумел выковать в себе лучшие их качества – преданность делу революции, России, умение постоять за правду, высокий профессионализм.

В гражданскую войну Александр Ильич Зонин был комиссаром полка, участвовал в боях за освобождение Одессы, Ровно, Полоцка, Пскова от белогвардейской накипи. За мужество и отвагу, проявленные при подавлении кронштадтского мятежа в 1921 году, он был награжден орденом Красного Знамени. Затем его назначают редактором газет 16 армии и Туркестанского фронта, журнала «Политработник».

В годы Великой Отечественной войны Александр Ильич в звании капитана 3 ранга отважно и доблестно служил на Балтийском и Северном флотах. Он участвовал почти во всех крупных боевых походах советских кораблей, ходил даже на подводных лодках. В тяжелые дни сентября 1941 года, когда фашисты рвались к Ленинграду, А. И. Зонин был в морской пехоте. Погиб командир батальона балтийцев, Александр Ильич принял командование этим боевым порядком на себя, отбрасывал гитлеровцев подальше от рубежей Ленинграда, поджигая их танки бутылками с черной горячей смесью Молотова.

В 1948 году Зонин участвовал в походе группы кораблей из

Балтики в Баренцево море. Он находился на штабном корабле «Ангара», где подружился с начальником военно-морских учебных заведений, адмиралом Львом Анатольевичем Владимирским.

Лев Анатольевич был крупным морским военачальником, в годы Отечественной войны руководил действиями кораблей отряда высадки в Керченско-Феодосийской десантной операции, затем командовал Черноморским флотом, эскадрой Балтийского флота. Он поддержал творческие усилия Зонина по созданию романа о народном герое, человеке предельного мужества и отваги, адмирале Нахимове, дал превосходную рецензию на его книгу.

К сожалению, книга о жизни адмирала Нахимова будет издана только в 1956 году. После похода в Баренцево море А. И. Зонина необоснованно арестуют, обвинят в антисоветской агитации, пропаганде и отправят в особлаг Степлаг. На рудниках Джезказгана он узнает о том, что его супруга, писательница Вера Кетлинская публично отказалась от него, дабы сохранить свое положение в обществе, партбилет и членство в Союзе писателей.

И он не осудит ее, не порвет отношения с ней, а только будет восторгаться мудростью Веры Казимировны, сумевшей избежать мучительного плена в лагерях сталинизма. Ведь ее как члена семьи изменника Родины непременно упекли бы в этот ад!

Он любил свою Веру, всячески поддерживал ее в творчестве, хотя и удивлялся ее наивности и слепой вере в идеалы коммунизма. Когда она завершила свою известную книгу «Мужество» о первостроителях Комсомольска-на-Амуре, он упрекнул ее в том, что повесть написана однобоко, слишком много в ней парадного глянца и мало правды о той многотрудной жизни. Ведь первостроителями Комсомольска-на-Амуре были заключенные, невинно пострадавшие от режима Сталина. И надо было не одни вольные бригады комсомольцев-добровольцев в книге показать, но и каторжан, на чьем поте, муках и был заложен и возведен славный город в тайге.

Но Вера не слушала Зонина:

– Дорогой ты мой, если я всю низменную правду напишу, кто же это напечатает? Нужен пафос, нужны новые Корчагины.

Да, у них были разные пути в творчестве и разный подход к изображению истории и действительности. Зонин потому и не брался за актуальные сегодняшние темы, ибо сразу заведомо знал: придется лгать и довольно крепко. Кетлинская вопреки правде жизни выступала в книге больше как политик, чем писатель. Она создавала советскую публицистику будней, в основном, восторженными розовыми красками, подстраиваясь под идеологию сталинизма. У нее все коммунисты, комсомольцы

говорят правильные вещи, а беспартийные – это либо враги народа, либо те, кого надо перевоспитывать. Зонин не мог себе позволить такого, ибо он обладал чистой писательской совестью.

И пока Вера упивалась славой и Государственной премией, восхваляла великого Сталина, его ударные стройки, Александр Ильич считал в Карлаге тягостные, полные лишений дни, которые приближали его к освобождению. Погружаясь в глубины меднорудного темного царства, он продолжал мысленно сочинять свою новую книгу о моряках. Конечно, Сталину и воспитанным коммунистами «соколам» в его книгах не было места, как прежде, не было и не будет.

Со временем Вера Кетлинская тоже поймет развращающую и пагубную силу культа личности Сталина, связанные с ним произвол и бездушие. Она напишет, наконец-то, более или менее правдивый, достойный имени писателя роман «Иначе жить не стоит», в котором осудит сталинизм и проклянет вождя всех народов за репрессии и расстрел самых талантливых сыновей России.

Но Александр Ильич этой книги Веры не увидит. За год до ее издания он уйдет из жизни неожиданно для всех в расцвете творческих сил. Согласно завещанию писателя-моряка похоронят его в Баренцевом море. Вот выписка из вахтенного журнала корабля:

«Баренцево море. 31 мая 1962 года, четверг. 21.13. Урна с прахом писателя-моряка предана морю…Ветер северо-восточный, 4 балла, видимость – бмиль, дождь».

Казалось, природа России плакала, что ушел из жизни замечательный писатель-маринист Зонин. Плакало, поливая палубу корабля дождем и штормовыми волнами, Баренцево море, которое он воспел в своих книгах. Молча вытирали слезы рукавами бушлатов моряки – почитатели его таланта.

В том же лагерном отделении Степлага на джезказганских шахтах и карьерах содержался на отсидке еще один прекрасный советский русский писатель Николай Иванович Кочин. Он первым в советской литературе начал разрабатывать колхозно-деревенскую тему, опередив намного в этом плане Михаила Александровича Шолохова с его «Поднятой целиной».

Кочин родился в 1902 году в селе Гремячая Поляна Нижегородской губернии. Печататься стал рано – в 18 лет. Он хотел стать деревенским поэтом, как Сергей Есенин. И, естественно, его первое произведение – это стихи «Молодым», опубликованные в газете «Нижегородская коммуна». С этой даты Кочин и ведет отсчет собственным литературным делам, хотя стихи свои считал слабыми в художественном отношении. Но, с

другой стороны, именно благодаря им, появилась его чистая, ясная проза.

Первый рассказ Кочина «В лесах» был напечатан в «Комсомольской правде», а это уже признание его таланта. Сюжет рассказа незамысловат: мужики подозревают сельского учителя в колдовстве и заживо сжигают его на костре. Со всей силой душевной ненависти обрушивается писатель на тупость мышления и беспросветную дремучую жизнь провинциалов в теплых тулупах. Жалкая и незавидная их участь: они так и не прочитают за всю свою жизнь ни одного стихотворения Пушкина! Они родились с пустотой в глазах, с ней и умрут Но кто в этом виноват?.

Опубликование рассказа в «Комсомольской правде» дало огромный толчок развитию прозы Кочина. Он замахивается на создание романа «Девки», и успешно одолевает этот барьер. Но вот беда: в редакциях рукопись романа бракуют или вообще не читают, схоронив в долгих ящиках.

Когда Александра Фадеева избирают членом редколлегии журнала «Октябрь», то в письменном столе редактора он замечает незавидную серую папку, а в ней рукопись романа Кочина «Девки». Начинает читать, и так увлекся, что не заметил, как прошел день. К вечеру он вошел в кабинет главного редактора журнала А. Серафимовича и, сияя как майское солнышко, воскликнул:

– Вот расчудесная талантливая вещь! А вы говорите: выветрились писатели на Руси!

А. Серафимович был потрясен слогом Кочина, злободневностью романа и сразу сдал его в набор. В течение пяти лет роман выдержал семь массовых изданий. Такого в советской литературе еще не было!

За колючей проволокой Карлага Николай Иванович Кочин держался как-то особняком. Работал он маляром лагпункта и страдал от этого невероятно.

– Никакая кисть не может заменить пера! – говорил он соседям по нарам. – Жаль, что мне запретили писать…

Ему, действительно, запретили писать. Во-первых, в своих романах Кочин никак не показывал великую роль партии, Сталина в преображении села. Во-вторых, он выступил необдуманно против надуманного Горьким соцреализма, терпеть не мог высказывание великого пролетарского писателя: «Если враг не сдается, его уничтожают». По мнению Кочина, именно это изречение Горького дало возможность Сталину философски оправдать массовые репрессии в СССР.

Хотя Максим Горький увидел в Кочине «крупного разумного

писателя», добрым словом отозвался о его книгах, Николай Иванович, судя по всему, был неблагодарным коллегой. Он первым выступил в прессе за возвращение городу Горькому его исконного названия Нижний Новгород.

Николай Кочин, конечно же, в конце концов был реабилитирован. В 1976 году в знак признания его таланта издательство «Художественная литература» выпустило собрание сочинений писателя в трех томах. Во вступительной статье «Судьба земли, судьба России» литературовед Всеволод Сургатов в адрес Кочина произнес немало доброжелательных слов, но, как в прежние времена, скромно умолчал о том, что Кочин подвергался репрессиям и отбывал свой срок в Степлаге, ибо не хотел писать о Сталине.

Безусловно, обо всех писателях, побывавших в Карлаге за свои убеждения и свободу мысли, не напишешь. Я только сообщу вам, что в архивах области хранятся личные дела или карточки заключенных – поэтов Михаила Кудинова, Вадима Попова, Анны Барковой, Юрия Грунина, писателей Михаила Зуева-Ордынца, видного историка, прозаика Николая Гумилева.

А как не назвать имя лауреата Нобелевской премии, писателя Александра Исаевича Солженицына, который впервые открыл лагерную тему в советской литературе! Именно в лагере Карлага в Экибастузе он впервые задумал свои гениальные произведения «Один день Ивана Денисовича», «Архипелаг ГУЛАГ» и другие. Но об этом вы уже знаете.

Глава 40
Генри Фуко

Просматривая в спецархиве Карагандинской областной прокуратуры материалы о женщинах-узницах Карлага, я обнаружил, что среди них находилась жена боевого летчика знаменитой эскадрильи «Нормандия – Неман» Г.Фуко.

Как же она попала в Карлаг? Оказалось, ей очень хотелось узнать, как погиб ее муж. И она обратилась в органы НКВД с просьбой выяснить причины гибели ее любимого Генри. И вот вместо того, чтобы дать вразумительный ответ на просьбу жены Фуко, ее арестовали и отправили в Карлаг.

Меня заинтересовал Генри Фуко. Может быть, его судили в годы Отечественной войны? И жена Генри, как тысячи других женщин – членов так называемых семей изменников Родины (ЧСИР), пострадала за это?

Выяснилось, ничего подобного! В книге «Нормандия – Неман» французский военный летчик Франсуа де Жоффр (Москва, 1960 год, Военное издательство Министерства обороны Союза ССР) несколько раз тепло вспоминает лейтенанта Генри Фуко, пишет об его отваге, храбрости и самоотверженности. Герой Советского Союза, полковник Василий Иванович Лукашин также в своих мемуарах «Против общего врага» (Москва, 1965 год, Военное издательство Министерства обороны Союза ССР) описывает ратные подвиги французского летчика, его воздушные бои. В частности, он вспоминает, как во второй половине 31 августа 1943 года летчики полка «Нормандия» в составе десяти «яков» вылетели на боевое задание, чтобы прикрыть накануне освобожденную нашими войсками Ельню. «Над городом завязался воздушный бой, в котором десять французских летчиков смело атаковали несколько групп вражеских бомбардировщиков, – писал В.И.Лукашин. – Первой меткой очередью сбил Хе-111 Дюран, а Фуко, Леон, Риссо и Матис огнем пушек подожгли трех «Фоккеров». Теперь на боевом счету полка «Нормандия» стало сорок шесть сбитых самолетов»…

Участвовал Генри Фуко в боях за освобождение Смоленска и Рославля. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1944 года он был награжден орденом Отечественной Войны II степени. К сожалению, Генри не смог принять участие в церемонии вручения орденов, которое состоялось 15 февраля на аэродроме полка «Нормандия» – в это время он находился в госпитале.

Из книги Франсуа де Жоффра можно узнать и о том, как погиб Генри Фуко. 16 апреля 1944 года русское командование поручило «Нормандии» воздушную оборону Тулы. «В ожидании возможного нападения немцев, – писал Франсуа да Жоффр, – учеба продолжается. 21 апреля, около полудня, лейтенант Фуко выполнил «замедленную бочку», заканчивая свой утренний вылет. Чтобы исполнить эту классическую фигуру высшего пилотажа, он на большой скорости начал переворачиваться на спину. Высота 100 метров. Внезапно машина резко пикирует. Четверть секунды, и страшный взрыв потряс лагерь. Пламя… Дым… Ничего не осталось ни от Фуко, ни от его самолета.

– Может быть, он недостаточно оправился от тяжелого ранения, полученного им в прошлом году, – в сильном волнении говорит нам Лефевр. – У Фуко получилось уплотнение позвоночника. Из-за этого он чувствовал головокружение, иногда даже терял сознание.

Мы не отвечаем.

Бедный Фуко! Только это мы и можем произнести, провожая его останки в маленькую березовую рощу, которую мы, увы, начинаем посещать слишком часто».

Узнала ли причину гибели отважного Генри его жена? Видимо, в конце концов узнала. Сейчас трудно судить об этом. Она просидела в Карлаге многие годы как «враг народа», затем была реабилитирована.

О ее пребывании в лагерях смерти Сталина однажды в Москве мне рассказала жена художника Юло Соостера Лидия Израилевна Соостер. Она дружила с Галиной Фуко в Москве. Оба учились в художественном училище. В апреле 1946 года Галину Фуко арестовали неожиданно за антисоветскую агитацию. А вскоре вслед за ней привезли на Лубянку и ее подругу. Их обвиняли в том, что дружат с кем попало. Они ходили в ресторан «Метрополь», там познакомились с американским корреспондентом. Вскоре он уехал в Америку, но якобы его тлетворное влияние на них осталось. Не зря они в художественном училище пропускали политзанятия, говорили, что эти занятия им изрядно надоели. Следователь спрашивал, почему им туфли иностранные нравятся, почему в кино ходят только на иностранные фильмы, вам, мол, что: ничего советское не нравится?

Так подруги попали в сталинские лагеря. Лидию отправили в Тайшет, оттуда – в Караганду, в Песчанлаг. Попала Лидия в Чурубай-Нуринское отделение, вокруг «ни одного деревца, нещадное солнце и полное отсутствие воды». Лишь копры шахт вдали да всякие там миражи вроде озер и даже морей.

В Песчанлаге Лидия и встретилась снова с Галиной Фуко. Московская подруга посоветовала ей переговорить с художественным руководителем крепостного театра Гердой Мурре. Она замечательная певица, была примадонной таллинского театра «Эстония», пела вместе с Георгом Отсом. Когда ее арестовали, она была беременна и родила в тюрьме от страшных переживаний мертвого ребенка.

Гер да Мурре определила Лидию в хор, которым руководила. Та была ей за это очень благодарна, ведь она уже хорошо знала, что такое физический труд в лагерях. В Тайшете она работала на лесоповале «лошадью», впрягалась в санки с древесиной и везла их по снегу на склад. И в Песчанлаге ей маячил бы тяжкий труд на шахте, если бы не подсказ Галины Фуко.

Подруга познакомила ее с остальными актерами театра. Так, драму вела Марина Лебедева, дочь известного в то время актера из Малого театра. Запомнили подруги художницу Олю Пшенорскую из Львова, акробатку Жанну Анупанову, художницу из Финляндии Керти Ноорт, заведующую костюмерной Лиду Музалевскую, балерину Альдону Моршалайте, режиссера Люсю Залесско.

Галина Фуко участвовала во всех концертах агитбригады. Ведь она была конферансье. И справлялась с этим отлично!

В 1953 году скончался Иосиф Сталин. Подруг перевели в Долинку, там они выращивали яблоки, смородину, сливы, малину.

И однажды Галину Фуко вызвали на поминание погибших французских летчиков. Прямо из Долинки повезли ее на кладбище в Москву. Там подруги спрашивали, почему у нее на щеках появились черные пятна, а это были обморожения лица во время сорокоградусных морозов в Казахстане.

Из Москвы Галина Фуко в Черубай-Нуру не вернулась. Ее реабилитировали, дали прописку в столице. О дальнейшей ее судьбе ничего неизвестно. Жаль, конечно.

Одно скажу определенно: благодаря своему маленькому поиску я открыл для себя новую страницу героической и трагической жизни семьи Фуко. И почему-то подумалось, как хорошо, что национальный герой Франции Генри Фуко не узнал о той страшной участи, что выпала на долю его жены Галины в бывшем СССР. Этого ли заслуживала она?

В Акмолинском лагере жен изменников Родины Карлага отбывала свое незаслуженное наказание и супруга другого известного человека – первого организатора ВЛКСМ в СССР, теоретика комсомола Лазаря Шацкина – Татьяна. Она всегда рассказывала подругам с восхищением о своем муже, о его яркой,

содержательной жизни. Да, Л.Шацкин был человеком, который не боялся говорить правду, старался быть честным и ответственным за каждое слово в отличие от будущих комсомольских вожаков, погрязших в пьянстве и разврате. В 15 лет он вступил в партию большевиков, не подозревая, что связал свою судьбу с бандой оголтелых политических преступников, для которых власть и деньги – весь смысл существования, «борьбы за светлое будущее».

Лазарь незабвенно верил Ленину, пошел за ним, воспевая его труды. Именно он уговорил Владимира Ильича выступить на III съезде РКСМ со знаменитой речью «Задачи Союза молодежи».

Л.Шацкин был председателем исторического заседания съезда, когда на нем выступал Ленин, то и дело жестикулируя, выбрасывая руку вперед.

Однако бывает же такое – сплошь слепое подчинение старшим по возрасту! Порой чувствуешь, что делаешь не то и не так, свернуть бы в сторону с разбойничьего большака, своей тропою пойти, радостно и счастливо посвистывая, как дрозд. Ан, нет, так и тянет под лоно старших. А они одобрительно говорят: смотрите, Лазарь-то, он вожак неплохой, молодежь движется за ним, вот пусть и займется созданием Коммунистического Интернационала молодежи (КИМа). Что, не сможет? Поможем. Посоветуем. Убедим.

И сам Ильич беседует с Шацкиным, убеждая его в необходимости поездки за рубеж для организации КИМа. И выдает ему документ, который удостоверяет, что «тов. Шацкин едет по партийному поручению и что его вещи никакому осмотру и обыску не подлежат. Прошу все советские власти оказывать ему содействие. В. И.Ленин».

И Лазарь Шацкин создает Коммунистический Интернационал молодых, а также РКСМ, подготовив для этого необходимые основополагающие документы: программу, устав… При этом он подчеркивает, что «самодеятельность есть основа юношеского движения». Что касается взаимоотношений комсомола с партией, то организационно комсомол самостоятелен, а идейно подчинен партии.

И вот вам первая осечка! Шацкина подверг резкой критике Л.Каганович, в то время заведующий орготделом ЦК ВКП (б). Он заявил: «Партия не может стать только священной Меккой, куда идут лишь помолиться Магомету. Партия – это живой и действенный руководитель, и поэтому отделить ее организационное руководство от политического – нельзя».

Будучи секретарем ЦК РКСМ, Лазарь Шацкин выдвинул лозунг: «Борясь, мы будем учиться, и, учась, мы будем бороться!» И следовал ему всю жизнь, учился в Институте Красной

профессуры, где в то время преподавали такие выдающиеся личности как теоретик партии Николай Бухарин, ответственный редактор газеты «Известия» Иван Гронский… Боролся, как мог, с серостью и бюрократизмом в деятельности партии и комсомола, отстаивал ленинские принципы работы с молодежью, прежде всего демократию. Его поддерживали, поощряли коммунисты, подставляя ему теплое отцовское плечо. Но до поры-до времени…

Их терпению пришел конец, когда Лазарь Шацкин, уже будучи членом Центральной Контрольной Комиссии ВКП (б), печатает в «Комсомольской правде» в номере от 18 июня 1929 года статью «Долой партийного обывателя». В этой статье он пишет о равнодушии коммунистов, их молчаливом согласии со всем, что творится «вверху». Это может привести к тоталитаризму, рождению культа личности генсека.

Да, Шацкин прозорливо предупреждал, но никто его голосу не внял. Конечно, никто, кроме органов НКВД… По указанию чекистов его статью буквально громят на всех собраниях партийных и комсомольских организаций, ибо он забыл упомянуть в ней о партийной дисциплине, по сути, выступил против нее, поэтому вносил разброд в ряды партии и комсомола..

Счастливые люди, кто ни о чем не думает, не размышляет, не пишет, не сочиняет, кто не ставит перед обществом никаких проблем! В этом Лазарь вскоре убедился, попав под нещадную критику почти всех газет Союза. Вскоре его по указке Кагановича исключают из членов ЦКК ВКП (б), а затем из партии с формулировкой «за двурушничество». Его называют «учеником Бухарина», а последователей любимца Ленина, как правило, подводят под расстрел.

Вот вам и свобода слова, свобода печатных выступлений! 10 января 1935 года Л.А.Шацкин был арестован, долгое время сидел в политической тюрьме города Суздаля. Он почти каждый день посылал письма своей жене Татьяне, советовал ей расторгнуть брак с ним, дабы ей не оказаться в стане «жен изменников Родины». Она так и сделала, вскоре вышла второй раз замуж за друга Лазаря, тоже комсомольского работника Владимира Фейгина. Но и тот оказался «учеником Бухарина», был арестован и расстрелян. Так она стала женой сразу двух «врагов народа», попала в Карлаг в Акмолинское отделение, хотя к политике никакого отношения не имела, больше интересовалась искусством, хотела стать музыкантом. Она и Лазаря-то полюбила не за его зажигательные комсомольское речи, а за то, что он виртуозно играл на пианино и скрипке…

Просматривая материалы заключенных Карлага, я то и дело натыкался на разбитые сталинизмом семьи, трагические судьбы

людей, потерявших от репрессий мужа, жену, сестру, мать, детей. Не потому ли и сейчас в России мало семей, ведь в лагерях люди привыкали к одиночеству, вечной разлуке…

Особенно горестно складывалась доля женщин – матерей, у которых отбирали детей. Тоскуя по ребенку, заключенная Марина Иванова впала в депрессию, стала невпопад то хохотать, то плакать. Она попала в бараки Макатая, где содержали психически неполноценных женщин, и вскоре скончалась от моральных мук.

Судьбы женщин-заключенных были напрямую связаны с судьбами их детей. А те, как правило, были обречены на медленную, но верную смерть. В документе под грифом «секретно» начальник политотдела Гулага НКВД, бригадный комиссар Васильев сообщал в 1939 году начальнику управления Карлагом: «По вашему лагерю отмечается крайне высокая смертность среди детей заключенных матерей». И далее приводил такие факты. Только за сентябрь и октябрь умерло 98 детей, в основном, от воспаления легких.

Васильев предложил: «Немедленно устранить моменты, приводящие к массовым простудным заболеваниям среди детей». К сожалению, он не объяснил, что это за «моменты» и как их устранить. А самый главный «момент» заключался в том, что в бараках для детей и детских яслях гуляли сквозняки, помещения не отапливали даже в самые сильные дожди и морозы.

Каково было матерям – видеть трупы своих детей, которые вывозили на подводах в степь и сбрасывали там в глубокие темные ямы – братские могилы? Многие из них не выдерживали, сходили с ума и погибали в лагерных отделениях для психически больных. С 1942 по 1944 годы в Карлаге умерло 540 женщин.

Жена последователя Ленина Николая Бухарина – Анна Михайловна Ларина чудом выжила в лагерях Сталина, потеряв в домах НКВД своего сына Юрия. Она нашла его только через двадцать лет, помогла ему получить высшее образование. Юрий Бухарин стал известным художником.

Но таких вроде бы благополучных на исход случаев в жизни зэков было мало. Сталинская система подавления личности несла в каждую семью трагедию, уничтожая самые ничтожные связи между женой и мужем, матерью и детьми. Ужас и произвол царили в каждом городе бывшего СССР, позволяя палачам Сталина уничтожать самое ценное на земле – семьи.

Глава 41
Ялта Карлага

Мне давно хотелось побывать в нашей карагандинской Ялте, что расположена недалеко от Топара. Что это за поселок, когда он возник? Признаться, впервые про Ялту я прочитал в книге Светланы Гронской «Здесь я рассадил свои тополя…» (Москва, издательство «Флинта», 2005 год).

Рассказывая о жене поэта Павла Васильева Елене Вяловой, писательница неожиданно для меня упомянула Богом забытую Ялту. Оказывается, в ней в годы правления Сталина было лагерное отделение Карлага, там-то и отбывала свой срок жена поэта.

Конечно, я не удержался и написал письмо С.Гронской в Москву с просьбой рассказать об этом подробнее. И вот читаю ее строки: «У меня дома хранится маленькая книжечка, озаглавленная «Лучшие». Эту книжечку тетя Лена составила из стихов поэтов, которых любила, у которых училась писать. В книжке записаны стихи Блока, Пастернака, Лермонтова, Есенина, Ахматовой, Бунина, Асеева, Шелли и… вкраплены строки арестованного мужа. На обложке книги написано: «Ялта, 1946 год». Разумеется, к Крыму эта Ялта отношения имела мало – так назывался один из участков казахстанских лагерей».

Далее Светлана Ивановна Гронская рассказала мне, что в Ялте Елена Вялова возила на быках разные грузы. Не раз и не два на арбу с волами погружали трупы заключенных, их сбрасывали в огромные рвы, вырытые в районе нынешнего санатория «Жартас». Там же, в Ялте, вместе с другими зэками Елена делала из глины, навоза и соломы саманные кирпичи и строила мазанки. Конечно, никакой техники не было, месили все ногами, затем укладывали формы и высушивали на палящем жарой казахстанском солнце. Так что Елену Вялову-Васильеву вполне справедливо можно назвать первостроителем карагандинской Ялты.

Упоминает в своем письме Гронская и подруг Елены Вяловой по лагерю – Сару Вейсман, Клару Гамарник, Веру Вонлярлярскую… Все вместе они участвовали в Жартасе на строительстве плотины и прокладке арыков.

В Ялте в тоскливые дождливые вечера, забившись в бараке на верхние нары, Елена Вялова как раз и вспоминала стихи любимых поэтов, и записывала их в книжечку, сделанную из половинок тетрадных листов. Открывается она стихотворением Блока «Перед

судом»:

Что же ты потупилась в смущеньи?
Погляди, как прежде, на меня.
Вот какой ты стала – в униженье,
В резком, неподкупном свете дня!
Я и сам ведь не такой – не прежний.
Недоступный, резкий, смелый, злой.
Я смотрю смелей и безнадежней
На простой и скучный путь земной.

В Ялте Елена Вялова немало рисовала, у ее племянницы Светланы Гронской до сих пор хранятся картинки с казахскими мотивами: интерьер юрты с ковром, домбра, необозримая казахская степь с лошадьми, которые пасутся у небольшой реки…

Какова же сегодняшняя казахстанская Ялта, помнят ли ее жители первостроителей поселка – благородных заключенных сороковых-пятидесятых годов? Коллеги меня останавливали, предупреждали: зачем тебе туда ехать, увидишь ужасное зрелище, черную дыру, умирающих старух, развалины прежних мазанок… О чем писать?! Ветер по темному пепелищу и кресты вдалеке…

Но все оказалось не так уж пугающе серо. Сразу за поворотным знаком «Ялта» открылось приятно выглядящее кафе. Хозяйка кафейного заведения Гульнар Толеуовна Бахраева оказалась председателем производственного кооператива «Светоч», который дает местным жителям работу. Во владении кооператива – 650 гектаров зерновых, два гектара многолетних и однолетних трав, подсолнечника.

Гульнар Толеуовна еще четыре года тому назад выкупила у государства не только эту землю, но и молочно-товарную ферму, откормочные площадки. Сюда завезли элитных бычков казахской белоголовой породы из бывшего совхоза «Просторненский», овец и коров. Сейчас у нее в кооперативе около ста голов казахской белоголовой, более 500 овец, есть лошади.

Конечно, ровесников заключенной Елены Вяловой и ее подруг в прежней лагерной стороне уже не найти. И никто из ялтинцев не помнит сталинских времен. Старожилом здесь считают Валентину Григорьевну Толкунову. Ей уже за восемьдесят, из них более 40 лет она живет в Ялте. Высшей точкой расцвета поселка она считает семидесятые-восьмидесятые годы, когда в Ялте были красивый клуб, два детских сада, баня, школа, 42 двора. Она работала телятницей в Ялтинском отделении Топарского совхоза, ее уважали, чествовали на всех собраниях. Валентина Григорьевна показала мне, не скрывая гордости, высшую

государственную награду – орден Трудового Красного Знамени, а также золотую медаль ВДНХ.

И тут же с печалью в голосе сказала:

– Кому это сегодня надо? Последние годы наш поселок был погружен во мглу, ибо даже электрического света не было. Обходились керосиновыми лампами, как во времена концлагерей. Водоснабжение прекратилось, черпали влагу из старых, забитых грязью колодцев. Клуб, детсады, школу, баню закрыли. Люди бросились наутек из Ялты кто куда. Из 42 дворов осталось только восемь. Все дома пришельцы из Караганды на кирпичи разобрали.

Валентина Григорьевна благодарит судьбу за то, что в Ялте появилась «местная помещица» Гульнар Бахраева, которая приостановила окончательное разрушение поселка. Опять в домах зажглась лампочка Ильича, люди на работу потянулись. Дочери Толкуновой все теперь при деле – Наталья трудится ветеринаром на ферме, Вера – дояркой, Лариса поваром в кафе.

Конечно, в Ялте жить – миллиардером не быть. Но уже хорошо, что за кои-то годы ялтинцы впервые увидели и заимели бумажные деньги. Доход идет от Гульнар Бахраевой, а ее доход – от продажи мяса и молока на рынках Топара, Абая и Караганды. Она особенно влюблена в казахскую белоголовую породу быков и коров, которую вывели ученые-заключенные – академик Цнам и профессор Василец.

Когда-то в советские хрущевские времена ребята местной Ялтинской школы начали поиск материалов о политических заключенных, которые трудились в Топарском отделении Карлага. И сделали для себя немало интересных открытий. Так, они узнали, что на здешних землях одно время пребывала не только жена поэта Васильева, но и сестра маршала Советского союза Михаила Николаевича Тухачевского, расстрелянного в 1937 году, – Елизавета Николаевна Тухачевская-Арватова.

Ребята нашли ее статью в журнале «Огонек» под заголовком «В тени монумента», в которой она вспоминает Карлаг, бараки, голод и тиф.

Слезы появлялись у юных следопытов, когда они читали мемуары Елизаветы Тухачевской. И тогда они предложили поставить в Ялте памятный знак о выдающихся заключенных, которые страдали и погибали здесь за колючей проволокой. Но, как всегда, идею в верхах одобрили и спокойненько забыли.

Сейчас об этом думает местный предприниматель Гульнар Толеуовна Бахраева. «Этот год обещает быть урожайным, кормов заготовили впрок достаточно, – рассуждает она. – На откорме бычки приличный вес наберут, реализуем – доход возрастет. И прежде всего мне надо наладить в поселке водоснабжение. А там

и за новое социальное дело возьмусь – памятник жертвам политических репрессий в Ялте поставлю…»

Никто из нынешних казахстанских ялтинцев не был в настоящей Ялте у Черного моря. Но многие из них мечтают о возрождении своего села, чтобы жить культурно и зажиточно, как живут люди в Крыму. Тем более что рядом с их родным селом плещется большое Топарское водохранилище, чем-то похожее, пусть очень отдаленно, на Черное море…

Глава 42
Золото и серебро Сарры

В своей статье «Думы о Карлаге», опубликованной в журнале «Простор» № 9 в 2001 году, полковник юстиции Виктор Горецкий сообщает, что в Долинке Карлага отбывала наказание жена видного военачальника времен гражданской войны, командарма первого ранга Ионы Иммануиловича Якира Сарра Лазаревна Ортенберг.

Она развелась с мужем в злополучном 1937 году, когда его уже расстреляли. Добрые люди из Гослитиздата Украинской ССР, где она трудилась секретарем, подсказали ей, что надо бы развестись с Якиром, иначе ее тоже сделают врагом народа и упекут в спецлагеря, а их сына Петра сдадут на растерзание чужим дядям в детдом НКВД.

Перепуганная женщина поспешила с разводом, хотя ей делать этого не хотелось, ибо она очень любила Ивушку, как тепло называла своего мужа Иону Якира. И все же в тяжелые часы раздумий предчувствие больших бед привело ее к малоутешительному решению. Позже она назовет это «слабостью души», и будет делать все возможное, чтобы вернуть Иону Якиру его славное имя, заработанное отважным трудом на кровопролитных фронтах гражданской войны. Она будет рассказывать всем об его мужестве, проявленном в боях с белобандитами. А что Якир был таковым, свидетельствуют многие публикации его современников, товарищей по борьбе за ленинские идеи. Участник гражданской войны, крупный военачальник РККА Семен Аралов в своей публикации «Ленин вел нас к победе» отмечает: «В боях Якир зарекомендовал себя талантливым, отважным командиром. Действительно, Ленин был им доволен. Части Якира дрались мужественно, стойко. Это они, окруженные частями деникинцев с востока и петлюровцами, белополяками с запада, шли с непрерывными боями 28 дней, прорывая вражеское кольцо. И это кольцо было прорвано. Более того. Части Якира освободили тогда Житомир и Киев, отбив у противника громадное количество скота, продовольствия, они в ходе боев хорошо пополнились за счет добровольно присоединившихся крестьян – бедняков и середняков.

И.Э. Якир всегда с честью выполнял поставленные перед ним задачи. Не зря он трижды был награжден орденами Красного Знамени (1919, 1919, 1930 годы). Приходится очень и очень сожалеть, что он, как и некоторые другие лучшие представители

партии в Красной Армии, погиб во время культа личности Сталина».

К образу Якира проявлял неподдельный интерес и наш карагандинский писатель Жаик Бектуров. В его библиотеке на самом видном месте красовалась книга журналиста П. Бабенко «И.Э. Якир (очерк боевого пути)», выпущенная в Москве в Госполитиздате в 1963 году. Она вся испещрена пометками писателя. После прочтения очерка на 78 странице книги он пишет: «Проклятие (стократное) Сталину!» Так, видимо, на Бектурова повлияло описание гибели Иона Якира в сталинских застенках Лубянки.

В своем предсмертном письме видный военачальник писал: «Я честный и преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы. Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной, честной работе на виду партии и ее руководителей… Я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма».

В момент расстрела И.Якир выкрикнул:

– Да здравствует партия. Да здравствует великий Сталин!

Уже этого предсмертного эпизода из жизни Ионы Якира достаточно для того, чтобы понять, каким преданным человеком партии Ленина он был. Содрогаешься от мысли, что накануне выстрела он славит своего великого убийцу. Конечно же, стократное проклятие Сталину! Правильно написал красным карандашом свой короткий комментарий в книге Бектуров. Я целиком и полностью присоединяюсь к писателю.

А тогда в черно – кровавом 1937 году сталинисты, как фашисты, праздновали свою Пиррову победу. Вместе с Якиром была уничтожена вся элита Красной Армии – М. Тухачевский. И. Уборевич, И.Корка, Б.Фельдман, В. Примаков, В. Путна… Накануне их убийств был расстрелян лучший товарищ И.Э. Якира – командир корпуса И. И. Гарькавый, с которым он прошел свой боевой путь. В статье «О дорогом и любимом», опубликованном в сборнике воспоминаний «Командарм Якир», Сарра Лазаревна вспоминала: «Иона очень любил Гарькавого. И уж совсем невозможно передать, что пережил Иона Эммануилович, когда в начале 1937 года Гарькавого арестовали. Иона толкался в НКВД, ездил к Сталину. Но все напрасно – везде отказ. Везде косые взгляды: а тебе-то что?

Но дружбе с Гарькавым он не изменял, отстаивал фронтовика до конца дней своих, думая, что товарищ все еще жив…

Да, он ценил высоко и непреходяще дружбу с братьями по оружию. А таковыми у него были М. Фрунзе, Г. Котовский, Я

Гамарник, П. Баранов, Лаврентий Картвелишвили…

«Однажды под утро из домашнего кабинета мужа, – рассказывает С.Л. Якир, – до меня донеслись странные звуки, похожие на всхлипывание. Перепуганная я вбежала в комнату и увидела такую картину: Петр Баранов и Иона Якир, обнявшись, рыдали, как рыдают в большом горе безутешные женщины. Оказалось, что умер Фрунзе».

И, однако же, все они тогда, в эпоху массовых репрессий, продолжали надеяться, что правда восторжествует. «А что если убрать Сталина? – мучительно думал в те времена Тухачевский. – Вместе с ним погаснет и костер никчемных партийных инквизиций». Якир, выслушав Тухачевского, яростно замахал руками: «Что ты, Миша, Бог с тобой, давай лучше свои усилия направим на новейшее вооружение Красной Армии. А то, гляди, Германия ударит нас по скулам, а нам защищаться нечем».

Якир был из плеяды военачальников Тухачевского, который считал, что будущая война будет войной передовой техники на земле и в небе, предрекал скорый закат кавалерии, за что его невзлюбили Ворошилов, Буденный и другие старые служивые кавалеристы. Якир хорошо понимал их борьбу взглядов и всегда брал сторону Тухачевского. По предложению Якира в 1925 году в СССР была создана первая в стране специальная школа по подготовке кадров для механизированных войск. Именно на Украине по его инициативе была создана значительная часть первых механизированных соединений Красной Армии, на вооружении которых уже тогда находились новейшие виды танков, самолетов, артиллерии, противотанковые мины, пеленгаторные стенды и так далее.

– Большая драка будет с немцами, большая! – любил повторять Якир. – И мы должны быть к ней готовы!

Однако участвовать в этой большой драке опальному Якиру не привелось, его не стало. Жену Ионы Сарру Лазаревну, несмотря на развод с ним, сослали в ссылку в Астрахань вместе с сыном Петром, а затем арестовали и обвинили в антисоветской агитации и недоносительстве о вредительской работе мужа в армии. В лагерях сталинизма она пробудет с 1937 по 1954 годы – целые 17 лет! Ее будут освобождать по истечении сроков наказания, и затем тут же опять судить и водворять в ИТЛ, то за скрытие фактов контрреволюционной деятельности мужа, то за антисоветскую агитацию. После Сиблага в 1949 году ее в третий раз осудили на 8 лет ИТЛ, которые она отбывала до марта 1955 года а Карлаге.

Какой ее помнят в Долинке? Мать полковника Горецкого в то время работала библиотекарем в Долинке, и она рассказывала

сыну, что Сарра Лазаревна была у нее самой активной читательницей. Видимо, она учла суровые уроки Сиблага, когда ей за «длинный язык», резкие высказывания о Сталине и его подхалимах добавили восемь лет лишения свободы, и почти ни с кем не разговаривала, боясь стукачей.

Она обычно говорила:

– Что сейчас беседовать на запретные темы? Придет время, напишу всю правду, тогда и узнаете обо мне и Якире.

Она была отважной и суровой женщиной. Лентяям не потакала, хулиганов ненавидела. Лицо ее было непроницаемым и даже казалось равнодушным по всему и всем. Только один раз на ее глазах появились слезы.

– Почему вы плачете? – спросили ее.

– Мой Петенька весточку прислал, – и она потрясла в воздухе письмом от сына.

Заключенные долгое время не знали, что у Сарры Лазаревны есть сын и что он тоже осужден. Между тем, это было, было… Когда в Астрахани С. Л. Якир арестовали, то ее сына Петра бросили в детприемник НКВД. А на третий день за ним ночью приехали люди в черных плащах и бросили его в тюрьму. Из камеры было видно широкую Волгу, песчаные желтые пляжи, на них юноши и девушки играли в волейбол… Почему так: для одних – свобода, а для других – темная камера и решетки поперек окон? Несмотря на то, что Петру не исполнилось 15 лет, его направляют на пять лет в особлагеря Сталина за антисоветскую агитацию. А в феврале 1945 года дают еще восемь лет лишения свободы, на этот раз за «разглашение сведений, не подлежащих оглашению». Это как? А очень просто – нельзя было рассказывать ровесникам, что его отца знаменитого Якира расстреляли как врага народа.

Ясное дело, в конце концов Петр Ионович Якир стал видным советским диссидентом. Да и как могло быть иначе? Ему психику сломали еще в юные годы, ничего светлого, хорошего он не видел в лагерях смерти, сталинских тюрьмах. В начале 60-х годов сам Петр Якир писал: «Как-то Сталин сказал, что сын не отвечает за отца. И обманул. Во всяком случае, меня и моих друзей. Много лет я, мальчишка, потом юноша, затем взрослый человек, «отвечал» за отца, к тому же ни в чем не виновного. Каких только обвинений не предъявляли мне – одно нелепее другого!»…

И странное событие, уже в 60-х годах, когда ветер свободы стал дуть в наши паруса, Петра Якира опять обвиняют в антисоветской агитации. За что, почему? Да за диссидентскую деятельность, идеологический терроризм против Советов, СССР.

Поселившись в Москве вместе с матерью, Петр в 1957 году

был принят в Московский историко-архивный институт. Затем в 1962 году начал работать в институте истории Академии Наук СССР, поступил в аспирантуру, стал работать над кандидатской диссертацией, посвященной истории Красной Армии.

Его в этих делах поддерживала мать. Она вовлекала сына в работу над созданием сборника «Командарм Якир», посоветовала ему написать детские воспоминания об отце. И он высказал всю правду о Якире-старшем, благодаря его за воспитание в нем чувств гуманизма, совести и стремление к справедливости. Отец говорил ему: «Я очень хочу, чтобы ты стал настоящим человеком» (Сборник воспоминаний «Командарм Якир», Воениздат, 1963 год).

И Петр старался быть таким. И в лагерях, и вне их. В 1967 году он подписывает коллективное письмо диссидентов в ЦК КПСС против реабилитации Сталина, которую хотел осуществить незабвенный сталинист Леонид Брежнев. В день 90-летия со дня рождения великого кормчего 21 декабря 1969 года он участвует в демонстрации против рецидивов сталинизма в стране на Красной площади. В 1972 году в Лондоне выходит его книга «Детство в тюрьме» (без разрешения советской цензуры). Его поздравляют с успехом побратимы – борцы со сталинизмом Владимир Буковский, Александр Вольпин – Есенин, Виктор Красин и другие. Они все собираются на квартире Якира, разрабатывают новую тактику борьбы с тоталитаризмом. В своей книге «И возвращается ветер. Письма русского путешественника», изданной в Москве в 1990 году, Владимир Буковский вспоминает: «Помню, уже в семидесятом году собрались мы у Якира подписывать очередную петицию в защиту Солженицына – в связи с присуждением ему Нобелевской премии. Как водится, Якир сидел на телефоне и обзванивал всю Москву, собирая подписи знакомых. Тут кто-то в шутку предложил ему позвонить Хрущеву – ведь по его распоряжению впервые опубликовали Солженицына. Сказано – сделано. К телефону подошла Нина Петровна, а потом и сам Никита. «Вы слышали новость?» – спросил Якир. «Какую?» «Ну как же, Солженицыну дали Нобелевскую премию!» «А как же, как же, оживился Никита, – слышал, конечно. Я теперь все новости узнаю по Би-Би-Си». – «И как вы это оцениваете? Ведь вы первый разрешили его напечатать». – «Да, помню, Твардовский сказал мне, что это высокохудожественное произведение. Я ему поверил». – И, помолчав, добавил: – Что ж, Нобелевскую премию зря не дадут».

Конечно, мы не решились просить подписать нашу петицию, но, думаю, проживи он лет десять не у дел, непременно оказался бы в числе подписантов. Двигался он явно в этом направлении, и его мемуары, конечно, вовсе не были делом случая».

Погоня за призраками свободы в СССР в конце концов привела Петра Ионовича Якира опять на скамью подсудимых. Его осудили вместе с Виктором Красиным за антисоветскую агитацию к трем годам заключения и к трем годам ссылки. Отбывал наказание в ссылке в Рязани, чем очень гордился, – ведь Солженицын «тоже в этом городе хватил немало горя и разочарований».

Мать предупреждала его: «Остановись!», но Петр не внял ее разумному голосу. В 1969 году он вместе с Виктором Красиным создал в СССР инициативную группу по защите прав человека. Она направила Обращение в комиссию ООН про правам человека.

После этого П. Якир попал в очередной большой конфликт с властью, и вскоре его арестовали, предварительно сделав обыск на московской квартире. У него отобрали книги, газеты, листовки Самиздата, выпуски «Хроники текущих событий». И рукописи статей об отце.

Мать не выдержала очередного вала преследований со стороны КГБ (ее вечно вызывали на допросы), и в 1971 году скончалась. В наследство сыну она оставила столовое серебро, взятое ею во время гражданской войны в особняке Браницких в Белой Церкви. Она любила есть этими серебряными ложками супы. При этом приговаривала; «Слово – серебро, молчание – золото». И вразумляла Петра: «Больше молчи, легче будет жить».

Эти слова матери Петр часто вспоминал в Рязани. Идеалы большой революции и так называемой правды таяли в нем как сахар-рафинад. После ссылки в Рязань, вернувшись в столицу, он замкнулся в себе, не хотел видеться с друзьями по Самиздату, все время сидел дома над диссертацией… Его утешением до конца жизни оставались супруга Валя, с которой он обвенчался еще в Сиблаге, его дочь Ирина, так похожая красотой своего внешнего лика на бабушку. «Если бы только была жива мама, она порадовалась бы за нас, – думал глубокими ночами Петр, работая над диссертацией. – Я стал серьезней и мудрее. Я понял: слово – серебро, молчание – золото».

И он тихо стучал серебряной ложкой Браницких, размешивая сахар в стакане горячего чая. Серебро бывшего помещика, бежавшего за рубеж, стало единственным материальным свидетелем бурной и пламенной жизни семьи Иона Якира, нежного Ивушки и грозного командарма времен гражданской войны.

Глава 43
Сосны Крестинской

Она любила возить с собой сосновые шишки, дарить их людям, сажать семена в землю. Она говорила подругам, что если бы каждый из них вырастил хотя бы по одной сосне, то весь мир преобразился бы в лучшую сторону, а воздух стал чище и здоровее для организма человека. Она любила сидеть под соснами в Енисейске во время ссылки в этот далекий красноярский край. И, глядя на высоченные хвойные деревья, думала: вот такие бы в Акмолинское отделение Карлага или в Бетпакдалу, в Джезказган – природа вокруг ожила бы, влажнее стал бы горячий сухой ветер, дующий из песков пустыни.

Да, судьба уготовила ей самые тяжелые лагеря сталинизма – Алжир. Джезказганлаг, была она на пересылке в Ташкенте, теперь вот в Енисейске в ссылке в поликлинике работала детским врачом, ведь она по образованию педиатр. Об этих летах ее таежной эпопеи расскажет в 2001 году ее подруга, писатель Ольга Григорьевна Шатуновская в книге «Об ушедшем веке». Она сразу отметит, что Вера Моисеевна Крестинская, рожденная в деревне Телыни Ковенской губернии в 1885 году, была отличным медиком и трудностей не боялась. «По вызовам ходила, иногда далеко, – пишет О. Шатуновская. – Я с ней ходила, ее чемоданчик «Первая помощь» носила. Спросит: «Оля, вы сегодня со мной пойдете? Мне сегодня далеко идти». – «Пойду, Вера Моисеевна».

А до ареста В.М. Крестинская работала главным врачом детской больницы имени Филатова в Москве. Ее мужем был видный партийный и государственный деятель, профессиональный революционер, нарком финансов Советской Республики Николай Николаевич Крестинский. В 1937 году 20 мая его арестовали как «врага народа», судили, затем расстреляли. А в феврале 1938 года арестовали Веру Крестинскую. Как сказано в ее учетной карточке, 19 июня 1938 года она была приговорена ОСО при НКВД СССР как ЧСИР к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. Ее отправили в Алжир, куда она прибыла 10 августа 1938 года из Бутырской тюрьмы.

В 1939 году арестовали и ее дочь Наталью Николаевну Крестинскую. Об этом Наталья сама рассказала доктору исторических наук, писателю Николаю Попову так: «В июне 1939 пришла и моя очередь. Полгода в тюрьме. 35 допросов, ссылка в Актюбинск. Была такая категория – ЧСИР – член семьи изменника Родины. Мы с матерью носили это клеймо долгие годы».

Так вот, покинув Казахстан, Наталья Николаевна Крестинская, работая в Москве, станет кандидатом медицинских наук, заслуженным врачом РСФСР. Она всю жизнь будет вспоминать, как в Казахстане издевались над людьми, как «сытно» их кормили… Ее мать, прибыв в «Алжир», весила около ста килограммов, а уже через год ее вес «достиг» 48 килограммов – кожа и кости.

Мужество Веры Крестинской в том, что она не отказалась от своего мужа – «врага народа», наоборот – дала показания о его честности и преданности народу. Как можно было обвинить в антисоветчине человека, который стоял у истоков газеты «Правда», голодал и мерз на царской каторге, во время гражданской войны был секретарем ЦК РКП большевиков? Помню, когда я писал во Львовском университете дипломную работу о первых журналистах газеты «Правда», то сразу же обратил внимание на материалы Крестинского, полные боли и печали за судьбу русского народа, погибающего от нищеты и бесправия.

Еще во времена пребывания в вильненской тюрьме в 1905 году Николай Николаевич познакомился с молодой симпатичной девушкой Верой, которая была связной большевиков-подпольщиков. Она стала его невестой, а затем и женой. И всю жизнь поддерживала милого Колю, не покидая его ни на секунду даже за рубежом. Она была врачом по профессии. Когда Каплан ранила Ленина, Вера дежурила днем и ночью у постели вождя. Со своей маленькой дочкой Наташей и мужем она навещала Ильича в Горках, когда его здоровье пошатнулось окончательно.

Она всем рассказывала, какой замечательный у нее муж, как его высоко ценил Ленин. Если кто-либо приставал к Владимиру Ильичу с вопросами по истории партии и государства, тот говорил: «Спросите у Крестинского, он все помнит».

Сталин ненавидел умного и демократичного Николая Крестинского, который дружил с Бухариным. И все делал для того, чтобы уничтожить его как личность. На столе Сталина долго лежал снимок, на котором были запечатлены в Берлине в 1926 году советский посол в Германии Н.Н. Крестинский и нарком иностранных дел СССР Г.В. Чичерин. И этого документа ему хватило, чтобы папу Колю обвинить «в связях с германской разведкой».

Когда на постыдном суде председательствующий В.В. Ульрих задал вопрос Крестинскому, признает ли он свою вину в предъявленном обвинении, тот гордо ответил: «Я не считаю себя виновным!»

Тем более не признала его виновным и самая главная его

судия – дорогая Веруня, которая каждый день приходила к стенам тюрьмы и махала ему красной косынкой, чтобы поддержать его дух и великое мужество.

В 1937 году Сталин в беседе с кинорежиссером Сергеем Эйзенштейном рассказал о применявшемся русским царем Иваном Грозным способе искоренения изменников родины «со всем их родом», вплоть до внуков и внучек. Чем Сталин – не Иван Грозный? Уничтожать «врагов народа», так целыми семьями, целыми династиями. И с 1937 года в стране начались судебные процессы по осуждению членов семей изменников родины. На заседании Политбюро ЦК было принято постановление с грифом «секретно», в котором рекомендовали НКВД «всех жен осужденных изменников родины, членов правотроцкистской, шпионско-диверсионной организации заключать в лагеря не менее чем на 5–8 лет». Местом отбывания наказания были обозначены и спецлагеря в Казахстане.

И уже по данным архивов на первое января 1939 года в Карагандинском ИТЛ, в двух его спецотделениях – Акмолинском и Спасском – насчитывалось 6.187 членов семей изменников родины. Одной из первых в Алжир доставили Веру Моисеевну Крестинскую. Она чудом выжила. В Москве она рассказала журналистам, как в лагерях охранники насиловали женщин, заставляли их мыть полы и посуду, стирать белье в домах начальников. Многие узницы «Алжира» работали пастухами на самых отдаленных точках, годами не слышали радио, не читали газет.

О пребывании супруги Н.Н. Крестинского Веры Моисеевны в «Алжире» впервые сообщили в своей книге «Карлаг» доктор исторических наук Д.А.Шаймуханов и кандидат исторических наук С.Д.Шаймуханова. Как многие жены «изменников родины», она в первые же дни пребывания в лагере в сорокаградусный мороз выходила на «внешнюю» работу на озеро, расположенное близ бараков, рубила камыш, которым обогревали лагерные помещения. Зэчкам выдавали карболовый вазелин, которым они смазывали руки и лица. Однако это не помогало – почти все женщины получали обморожения. В феврале 1939 года заместитель начальника ГУЛАГа Леонюк проверял Акмолинское спецотделение и обнаружил, что во время сильных морозов на работы на озеро направляли полураздетых заключенных, в результате чего было обморожено 90 человек.

В том же 1939 году зимой в «Алжире» побывал капитан госбезопасности Лютый. По его данным, в Акмолинском спецотделении тогда находилось более четырех тысяч женщин. Все они были похожи на скелеты. Плохое питание, нехватка воды,

отсутствие постельных принадлежностей, одежды и обуви – все это тактика подчиненных народного комиссара внутренних дел Ежова. Не зря его самого и руководящие кадры НКВД по указанию Сталина расстреляли! В своей докладной записке новоиспеченный чекист Лютый потребовал более гуманного отношения к заключенным, как указывал вновь назначенный главный палач страны Берия. Лютый отметил, что прежде всего следует наладить полноценное рациональное питание. И что вы думаете? Наладили. Но наладили, как всегда, на бумаге… Уже в августе того же года начальник отдела снабжения Карлага Левандовский сообщал, что все в «Алжире» в ажуре. К записке своей он приложил меню столовой лагеря на неделю, подписанное заведующим производством Никитиным. Судя по нему, заключенных кормили, как генералов НКВД. В архиве прокуратуры Карагандинской области мне показали это богатое меню на 11–18 августа 1939 года. В нем перечисляются щи с мясом, рыба отварная, рагу из овощей, галушки и даже плов!

А на самом деле? Заключенная Г. Степанова-Ключникова в своих мемуарах «Казахстанский Алжир» пишет: «Чувство голода никогда не оставляло. Организм изнывал, просил белков, жиров, витаминов. Пайка черного хлеба, черпак баланды, чайная чашка каши-размазни – вот неизменное наше питание, из месяца в месяц, независимо от времени года». О том же говорила карагандинскому литератору Жаику Бектурову жена талантливого писателя Сакена Сейфуллина, расстрелянного в 1937 году, Гульбахрам Батырбекова, вкусившая все «прелести Алжира»: «Кормили нас капустой, гнилой картошкой и сырым, непропеченным хлебом. Когда началась война, условия жизни стали еще хуже. Каждое утро в «Алжире» старик из вольнонаемных расстилал палатку, складывал голые трупы «валетом», заворачивал, отвозил на подводе в степь. Хоронили под номерами, бирочку к левой руке привяжут – и по сто человек в братскую могилу, на ней колышек – тоже под номером».

Довелось побывать Вере Крестинской и в Джезказганском исправительном трудовом лагере, созданном в 1940 году на берегу реки Кенгир. Там не хватало врачей, и ее переводят из Алжира в Джезказган. Она трудилась в медпункте женского отделения лагеря. Здесь было не лучше, чем в Алжире. Женщин заставляли работать на строительстве Кенгирского водохранилища, ТЭЦ, кирпичном заводе, на обогатительной фабрике и на каменных карьерах. Почти все они страдали авитаминозом, ибо питание их было никудышним, кормили даже протухшей рыбой, промерзшей капустой.

В 1948 году она попадает в ссылку в город Енисейск

Красноярского края. Она пишет дочери: «Могла ли бы я когда-нибудь подумать о том, что окажусь в знаменитой енисейской ссылке, сюда в эти края ссылались в 17 веке участники крестьянских восстаний под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева, а в 19 веке – декабристы, петрашевцы, народники. Здесь неподалеку от Енисейска в селе Шушенском в 1897–1900 годах отбывал свой ссыльный срок незабвенный Владимир Ильич Ленин. Стою на пристани реки Енисей и вспоминаю твоего отца Николая Николаевича Крестинского, как далеко меня забросила близость с этим человеком, верным товарищем Ленина».

В Енисейске Вера Моисеевна подружилась с литератором Ольгой Григорьевной Шатуновской, которая работала личным секретарем Степана Шаумяна, редактировала в Баку газеты большевиков, хорошо знала Анастаса Микояна. Ее арестовали в 1937 году, когда она работала в издательстве «Академия», приписали троцкизм, дали 8 лет ИТЛ. Она отбывает свой срок во Владивостоке, Магадане. Благодаря хлопотам Анастаса Микояна ее возвращают в Москву. Но в 1948 году из-за указа об аресте всех освобожденных политических она бежит от чекистов в Кзыл-Орду, где работает в филиале Маслопрома. Однако и здесь ее настигает рука НКВД, ее арестовывают и ссылают на вечное поселение в Енисейск. Там она изучает медицинский массаж, становится медсестрой, знакомится с Верой Моисеевной Крестинской. Вместе они посадили во дворе поликлиники аллею сосен и отдыхали там летом на скамеечках для выздоравливающих пациентов, во время обеденного перерыва. Это общение и привело их к многолетней дружбе.

В Енисейске Вера Михайловна стала впервые настойчиво хлопотать о посмертной реабилитации Крестинского. Ольга Григорьевна помогала ей как могла. Благодаря этому она начала серьезно изучать процесс по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока», разоблачению «троцкистско-бухаринских бандитов». Все подсудимые на том процессе, за исключением Крестинского, полностью признали себя виновными. Каким мужеством надо было обладать в то время, чтобы сказать сталинским палачам твердое «нет»! Да и были ли они виноваты в создании заговора против Сталина, существовал ли этот заговор?

В 1954 году О.Г. Шатуновскую освобождают из ссылки, а затем реабилитируют. Она прощается с Верой Моисеевной в аллее сосен, навсегда покидая Енисейск. Обнимая верную подругу Веру, Ольга обещает довести дело о реабилитации Крестинского до конца.

– Чтобы не забыла своих слов, вот тебе на память! – восклицает Крестинская и протягивает Ольге крупные шишки сосен, собранные на аллее.

И надо же такому случиться – О.Г. Шатуновскую в Москве восстанавливают в партии, назначают ответственным партконтролером комиссии партийного контроля при ЦК КПСС, ей доверяют проводить реабилитацию невинно репрессированных. А это около 20 миллионов жертв сталинизма (только за 1935–41 годы), из них 7 миллионов расстрелянных, лишь 180 тысяч вышли на свободу, остальные погибли в лагерях. Среди них – павший от рук палачей Сталина, преданный Ленину Н.Н. Крестинский, за дело которого берется Шатуновская и доводит его до конца в 1963 году.

Вообще, справедливости ради надо сказать, что подруга Крестинской О.Г. Шатуновская провела в КПК большую работу по реабилитации не только Н.Н. Крестинского, но и других видных ленинцев – Г. Е.Зиновьева, Л.Б. Каменева, Г. Я. Сокольникова, Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, О. А. Пятницкого и других. Она разыскала и исследовала материалы об организации Сталиным убийства Кирова и Орджоникидзе, о разгроме Сталиным Коминтерна… Результаты огромной поисковой исследовательской работы О. Г. Шатуновской в КПК составили 64 тома, благодаря ее усилиям в СССР начались публикации статей и книг о реабилитации невинно пострадавших в годы сталинизма.

Вера Моисеевна была реабилитирована тоже в 1954 году. И подруги постоянно встречались в Москве. Последний раз их встреча произошла в 1963 году. Вера Моисеевна пришла к Ольге Григорьевне в КПК поблагодарить ее за реабилитацию Н. Н. Крестинского и увидела в ее рабочем кабинете сосновые шишки, которые она подарила ей в Енисейске. И она сказала Шатуновской:

– Оля, теперь ты можешь убрать с подоконника сосновые шишки, ты ведь сдержала слово, пусть они больше не напоминают тебе о Крестинском…

– Рано еще убирать их, Вера, – горько вздохнула Шатуновская. – Реабилитация невинных только начинается… Будешь помогать мне?

– Обязательно буду, – радостно ответила Крестинская. – Правда должна торжествовать для всех.

Но вскоре после этой встречи Вера Моисеевна Крестинская скончалась. На ее похоронах Ольга Григорьевна Шатуновская поклялась хранить память о ней вечно. «Она как врач много полезного сделала людям, сохраняя жизнь детям многих

заключенных, – сказала Ольга Григорьевна. – Она до конца жизни сохранила верность своему мужу, боролась всеми силами за его реабилитацию. Я обязательно напишу о ней в своей книге воспоминаний как о замечательном человеке».

И Ольга Шатуновская опять сдержала свое слово. В книге воспоминаний «Об ушедшем веке» она тепло и сердечно написала о Вере Моисеевне Крестинской, которая прошла сталинские спецлагеря «Алжир», Джезказган, ссылку в Енисейске, но осталась верной своей профессии врача, преданной памяти мужа. Ее в лагерях и в ссылке все любили. «Она известна была всем – врач, жена посла», – завершает свой рассказ Ольга Шатуновская.

Глава 44
Рожденная лагерем

Когда в Карабасе я разыскал бывшего начальника КВЧ лагеря, полковника Ростова, то он дал мне список заключенных – участников художественной самодеятельности 40-50-х годов. Среди них значилась и переводчица Нина Дмитриевна Монич, которая родилась в Москве в 1906 году, работала старшим преподавателем кафедры немецкого языка в Академии химической защиты. В начале войны с фашистами она отправила в эвакуацию в Тарусу к подруге детей и родителей. Затем поехала туда и сама с тем, чтобы спасти их от нашествия немцев и переправить в Алма-Ату. Но неожиданно для себя попала в оккупацию и вынуждена была остаться там. Тогда стояли сильнейшие морозы, магазины были на замке, и чтобы спастись от голода, Нина Дмитриевна с детьми собирала на полях колхозов оставленный урожай – картошку, колосья пшеницы, кормовую свеклу. Тем и спасались.

В ноябре 1941 года немцы намеривались отправить Нину Дмитриевну в концентрационный лагерь в Германию с группой других тарусских женщин. Однако узнав, что она неплохо владеет немецким языком, оставили ее в местной комендатуре. В течение трех недель она проработала переводчицей у коменданта Тарусы старшего лейтенанта В. фон Поттхаста. С его слов объясняла жителям поселка о разрешении властей собирать хворост в лесу, мерзлые овощи на плантациях. В. фон Поттхаст любил русскую литературу, искусство и порой беседовал с Монич о жизни писателей и художников России. Он был удивлен, что вблизи Тарусы находился дом-музей знаменитого русского живописца В.Д. Поленова, все собирался туда съездить да не успел. Вскоре ему пришлось упаковать чемоданы и бежать восвояси из Тарусы – в нее вошли советские танки и пехота. Освобождение!

Н.Д. Монич вернулась с семьей в Москву, о чем радостно сообщила мужу в воинскую часть, где он служил. Но радость была преждевременной… Кто-то сообщил в органы, что Нина Дмитриевна была в оккупации, служила у немцев переводчицей. Ее арестовывают, и в 1942 году приговаривают к 10 годам ИТЛ «за переход на сторону врага». Так Нина Дмитриевна попадает в наш Карабас, центральный пересыльный пункт Карлага. И здесь она встречается с сестрой мужа Аней. Ее тоже «за оккупацию» держали вначале во Владимирской тюрьме, затем направили на станцию Карабас. По совету Ани, чтобы не умереть от тоски и

отчаяния, Нина Монич начинает вести записи в дневнике для будущей книги. «Пусть весь мир узнает о наших душевных муках и бедах, – говорит она Нине. – Пусть сама История оправдает нас!»

О Карабасе в дневнике Монич написано немало. Она радовалась тому, что это – не тюрьма, не Лубянка и не Таганка, где даже неба не видно. Она писала: «Вот мы, наконец, и на КАРАБАСЕ! Во-первых, Карабас оказался небольшой железнодорожной станцией, куда мы прибыли утром, в конце сентября 1942 г. Идти на этот раз было недалеко, и по дороге не было почти никаких строений.

Вскоре мы увидели колючую проволоку, а за ней низкие глинобитные постройки с земляными крышами и чисто побеленными стенами. Ворота растворились, и нас впустили в большой двор, обнесенный колючей проволокой. Как бы ни высока была колючая проволока, натянутая на большие столбы, все-таки это – не стена, не серый камень или красный кирпич. Кругом ВСЕ было видно.

Были видны невысокие горы, кольцом окружавшие поселок. «Сопки» – по местному названию. Видно было высокое небо.

Двор порос сухой травой. Можно было сидеть в бараке, можно было ходить по двору. Ты был в «зоне», как называлось пространство, оцепленное колючей проволокой. Пускай ночью вдоль зоны бегали громадные злые псы на длинных цепях и шагали часовые. Все-таки по двору можно было ходить. Можно было сидеть на сухой траве. Никто не ходил за тобой по пятам. Даже в уборную, которая была внутри зоны, можно было ходить одному, сколько раз тебе захочется.

Бараки были похожи на большие землянки. Низкие, темные, с земляным полом, обмазанным глиной. Нары были совсем необыкновенные – они были плетеные, как корзины».

В своем дневнике Нина рассказывает и о встрече с Аней, сестрой мужа, ее большой доброте и скоропостижной смерти от туберкулеза. Вот этот отрывок: «Мы успели подробно рассказать друг другу обо всем, что произошло с нами за время нашей разлуки. После отъезда из Таганки Аня все эти месяцы была во Владимирской тюрьме (в г. Владимире). Там ее разыскали дети и привезли передачу. Там же ей зачитали постановление Особого Совещания о вынесении ей приговора – со сроком наказания 5 лет. После этого она и была направлена, тоже через Свердловск, на ст. Карабас.

Аня очень изменилась за это время. Сильно осунулась, лицо было устало; она сильно кашляла. Но она еще не потеряла своей обычной энергии и немедленно пошла на работу, в местную

пошивочную мастерскую.

Аня вставала на рассвете, натягивала старое ватное полупальто (еще домашнее) на худенькие плечи и отправлялась на работу. Возвращалась вечером с карманами, набитыми кусками хлеба, которыми она немедленно со мною делилась.

По вечерам мы сидели вместе на нарах и подолгу разговаривали. Аня часто плакала, вспоминая о детях. Но главным источником ее слез была Я. Она очень жалела меня, считая, что я сразу пропаду в лагере. Я не сумею, расталкивая более слабых, бежать за котелком супа, не сумею сохранить свою «пайку» хлеба. Сильные и беспощадные бандиты, которыми полон лагерь, забьют меня, и я вскоре погибну. Ведь я не представляю себе – что такое лагерь!

В тюрьме мы жили в очень тяжелых условиях, сильно голодали, но никто ни у кого ничего не отнимал. Там мы были среди равных, нас окружали такие же женщины, как мы сами. А в лагере – полно настоящих преступников, таких, каких мы еще никогда не видали – бандитов, воров, убийц… Эти страшные люди ненавидят нас, политических.

– Бедная, бедная Нина! – приговаривала Аня, обнимая меня. – Если бы нам удалось сидеть вместе, я всегда бы заработала кусок хлеба шитьем и помогла бы тебе! Я бы грудью своей защитила тебя от злых людей! Ведь я видела больше горя, чем ты, лучше знаю жизнь. Ты же пропадешь! Ты же сразу пропадешь! Ведь не лагерь страшен, люди страшны! – И она плакала, сжимая меня в своих объятиях, как ребенка.

Бедная дорогая Аня! Ты не знала, что судьба судила иначе. Как ни трудно мне было, но я все-таки выжила, а ты – погибла и не вернулась больше к жизни».

Из Карабаса Нина Дмитриевна Монич попадает на участок Кула-Айгир, работает на строительстве плотины на реке Чурубай-Нура, затем на току, в огородной бригаде, наконец, в художественной мастерской стеклянных изделий. Руководителем мастерской была М. Нариманова, жена отравленного чекистами председателя ЦИК Азербайджана Наримана Нариманова.

За время пребывания в Карлаге что только не пережила Нина – отеки тела, малярию, дистрофию, гниющие раны до костей на ногах. Ее вылечила лагерный врач Софья Петровна Менжинская, сестра Вячеслава Рудольфовича Менжинского, бывшего председателя ОГПУ. Он сменил на этом посту Дзержинского, которого называл «не только великим террористом, но и великим чекистом». Сам Менжинский ни тем, ни другим не стал, ибо постоянно болел. Он жил, как сам говорил, с «глубоким пониманием зигзагов человеческой души», и от этого ему было

больно и тяжело невыносимо. Все черные дела в органах он доверял Генриху Ягоде, постоянно устраняясь от каких-либо действий. Он скончался, не совершив ни одного братоубийства. Однако его тоже на процессе Ягоды назвали «врагом народа», а его сестру сослали в Карлаг, непонятно за что.

Но врачом Менжинская была отличным. Она лечила отварами трав, народными методами и добивалась успеха. С большой благодарностью о ней написала в своем дневнике Монич, отметив, что Менжинская спасла сотни жизней больных Карлага.

Нелегкая судьба выпала и на долю мужа Нины Дмитриевны – В.М. Монича, попавшего в плен и почти замученного в немецком концлагере. Но он выжил. Выжил! Вернулся счастливый в Москву, но едва акклиматизировался, как его упекли в советские концлагеря на 20 лет ИТЛ. Свой срок он отбывал рядом с Ниной Дмитриевной в Карлаге, лежал в больнице Карабаса, работал на плантациях картофеля в Джартасе, строил там плотину, каналы для полива полей. Там заработал инвалидность, но успел вернуться в Москву, где вскоре скончался.

Все это – новые факты, новые эпизоды из жизни заключенных сталинских лагерей. Только удивляешься правде, которая стала просачивается в последнее время со страниц документов тех лет. На основе своих записей Нина Монич, вернувшись в Москву, напишет книгу воспоминаний, которую высоко оценит Константин Симонов. В 1971 году он напишет Нине Монич: «Ваши записки произвели на меня большое впечатление своею искренностью, прямотою, своей, как мне кажется, объективностью в оценке и худых, и хороших людей. Мне показалось, что Вы человек не склонный к преувеличениям ни в ту, ни в другую сторону, и стремящийся быть справедливым ко времени, к обстоятельствам, к людям, хотя и пережили в жизни очень много тяжелого.

Читал Ваши записки с большим интересом и вниманием, они хороший, серьезный, искренний человеческий документ. Они написаны человеком живым и деятельным, продолжавшим думать не только о себе, но и о других людях, и о своем участии в жизни общества и тогда, когда, казалось бы, можно было уйти целиком в себя, в свои беды, несчастья. Видимо, эти свойства Вашей души и Вашего характера и помогли Вам пройти через выпавшие на Вашу жизненную долю трудные испытания.

Меня, когда я читал Ваши записки, волновало и то, что на Вашей дороге в разных положениях, в разное время, в разных местах встретилось так много хороших людей, добрых, верных людей. Наверно, и даже, конечно, это тоже помогало жить. Но не

только в этом дело. Дело в том, что эти хорошие люди – необыкновенно важная часть нашего общества, и они проявляли свои лучшие человеческие черты в самые трудные наши времена. И когда об этом, иногда вспоминая прошлое, пытаются забывать или не хотят помнить, это не верно. И, наоборот, очень верно, что Вы помните этих людей, самых разных и отдаете им должное».

К сожалению, записки Н.Д. Монич были опубликованы лишь в 1997 году, после ее кончины. Она хотела расширить главы о Карлаге, Караганде, но не успела. Дело в том, что после освобождения из лагеря Нина Дмитриевна не могла долго выехать в Москву, жила в Караганде. Она работала секретарем конторы банно-прачечного и парикмахерского хозяйства города, затем бухгалтером-расчетчиком. Вместе с ней в Караганде жила дочь Ника, а также внук. Только в 1957 году Нина Дмитриевна была реабилитирована, выехала с дочерью и внуком в Москву. Началось ее второе рождение, полное творческих устремлений к созданию книги мемуаров. Это были лучшие страницы ее жизни, это было раскрытие писательского дара в себе, о котором она и не подозревала. Словом, вторая жизнь человека-созидателя, писателя, рожденного лагерем.

Глава 45
Телохранитель Гитлера

В Карагандинском областном архиве я познакомился с учетными карточками военнопленного, бывшего секретаря-телефониста, телохранителя Гитлера, обершарфюрера СС Рохуса Миша. Свидетель самоубийства фюрера, ныне 98-летний пенсионер считает, что не надо было Германии нападать на СССР – это безумие Гитлера. Русских никогда не сломишь, русские – крепкий, живой народ.

Уникальный поразительный факт: под Карагандой в Спасском лагере для военнопленных сразу после разгрома фашистских орд отбывал свое наказание личный секретарь-телефонист, телохранитель Гитлера обершарфюрер СС Рохус Миш. Его учетные карточки недавно мне предоставила для ознакомления бывший директор Карагандинского областного государственного архива Людмила Анатольевна Киселева. Из них я и вычитал скупые данные о ближайшем подручном фюрера: национальность – немец, год рождения – 1917, место рождения – район Опельн, с. Альт-Шалкендорф, Верхняя Силезия, Польша. Профессия – маляр. Окончил восемь классов народной школы. Беспартийный. Вероисповедание – католик.

Обершарфюрер СС Рохус Миш согласно найденным документам был пленен в Берлине 2 мая 1945 года. И через несколько дней его вместе с адъютантом Гюнше, денщиком Линге, шеф-пилотом Бауром доставили в Москву в Бутырскую тюрьму. Как следует из рассказов Рохуса Миша, опубликованных в различных изданиях, он сразу понял в московской тюрьме, что русских следователей больше всего интересовало поведение Адольфа Гитлера в последние дни войны, подробности его самоубийства. Как оказалось, этот вопрос занимал самого Сталина. Когда Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков из Берлина 1 мая сообщил по телефону Иосифу Виссарионовичу о самоубийстве Гитлера, которое произошло 30 апреля в 15 часов 50 минут, Сталин, немного помолчав, сказал:

– Доигрался, подлец. Жаль, что не удалось взять его живым.

И тут же спросил:

– Где труп Гитлера?

Жуков ответил:

– По сообщению немецкого генерала Кребса, труп Гитлера сожжен на костре.

И тут Сталин потребовал:

– Дайте подробное сообщение о самоубийстве Гитлера. Как бы Кребс не схитрил…

В своих показаниях Рохус Миш как раз подробно и подетально описал последние дни жизни Адольфа Гитлера и Евы Браун. Автор известной в Германии книги «Закат» Иоахим Фест и автор книги «Катакомбы» Уве Банзон считают, что Рохус Миш до сих пор «является самым достоверным источником информации из ближайшего окружения фюрера».

Да, судя по всему, в своих показаниях Рохус Миш был правдив и объективен. Он показал, например, что Адольф Гитлер, чувствуя приближение краха Вермахта, уже 12 апреля 1945 года перестал выходить из бункера. Оживление на лице фюрера появилось только тогда, когда ему сообщили, что скончался американский президент Рузвельт. Гитлер закричал:

– Они не будут воевать с нами, они выступят против СССР!

Но его прогноз не оправдался. И уже 22 апреля он обессиленным голосом прошептал:

– Война проиграна, я остаюсь здесь, а вы все свободны.

30 апреля в бункере Адольфа Гитлера вроде бы раздались выстрелы. Но Рохус Миш их не слышал. Он вошел в кабинет покончившего с собой Гитлера через 15 минут после случившегося. Увидел мертвую Еву Браун, голова которой лежала на груди Адольфа.

– Я испугался, – говорил Рохус. – И сразу бросился бежать по тоннелю, соединявшему бункер с рейхсканцелярией, докладывать своему боссу о трагедии. Когда я вернулся, труп Гитлера уже лежал на полу, покрытый одеялом. После этого его потащили в сад на сожжение.

Вскоре известный всему миру министр пропаганды Йозеф Геббельс последовал примеру Гитлера, убив своих шестерых детей и уговорив жену вместе с ним покончить с собой. Магда собственноручно влила в рот спящим дочерям и сыновьям синильную кислоту. Затем супруги покончили с собой.

Конечно, говорил на допросе Рохус Миш, Геббельсу уже надеяться было не на что, верить в кого-либо тоже, но зачем же уничтожать собственных детей? Тем более, что у Геббельсов была возможность спасти их. За несколько дней до самоубийства этой семьи бункер посетила германская легенда-летчица Ханна Райч, известная своей храбростью и фанатичной преданностью Гитлеру. Она прилетела «спасти фюрера». Но Адольф ей сказал: «Ханна, вы принадлежите к тем, кто умрет вместе со мной. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из нас попал к русским в руки…»

И он дал Ханне ампулу с ядом. Однако знаменитая летчица

не пожелала следовать за обожаемым фюрером и другим не советовала.

Она как раз и предложила Магде Геббельс: «Если вы хотите здесь остаться – это ваше дело, но я могу улететь с вашими детьми». Однако та со злостью ответила Ханне: «Дети останутся со мной».

Долго выясняли следователи у Рохуса Миша, каким способом покончил Гитлер с собой, и ничего вразумительного от него не добились. Выстрелов он не слышал, но личный камердинер фюрера Линге ему доказывал, что они все же прозвучали. Хотя… никаких револьверов ни на столе Гитлера, ни на полу Рохус не видел. Скорее всего фюрер отравил себя цианистыми соединениями, смерть Евы Браун тоже наступила от яда. Позже Рохус Миш читал материалы Нюрнбергского процесса, в них так и утверждалось. Советские военные врачи исследовали обожженный труп Гитлера, найденный 4 мая в полузасыпанной яме, и установили во рту фюрера кусочки стекла от ампулы с ядом. Медицинская комиссия, обследовавшая труп Евы, пришла к заключению, что и она умерла от цианистого калия.

Экс-телефонисту фюрера довелось довольно прилично посидеть в Бутырской тюрьме. И он вспоминает, что не было дня, чтобы к нему не подсаживали осведомителей-информаторов из числа завербованных в НКВД немцев. Такие же «наседки» вталкивались и в камеры адъютанта Гюнше, камердинера Линге, шеф-пилота Баура…

Из учетных карточек Рохуса Миша следует, что он отбывал свой срок наказания (25 лет) вначале в лагерях для военнопленных на Урале, затем в Караганде. В лагерь № 99 (Спасск) он прибыл 16 мая 1948 года, где содержался два года.

Надо сказать, об этом лагерном времени у Рохуса Миша остались самые печальные воспоминания. Расположенное в 45 километрах от Караганды Спасское особое лагерное отделение ОГПУ – НКВД – МГБ считалось тем гибельным страшным местом, откуда мало кто возвращался живым. В 1948 году, когда Миш был доставлен в этот лагерь, здесь находилось 27 тысяч 735 военнопленных, в том числе 12 тысяч 557 немецких. Все они содержались в бараках, которые зимой плохо отапливались, более того – наружные двери не закрывались, и холодный ветер со снегом врывался в помещение, наметая сугробы у нар. Многие военнопленные получали обморожение рук и ног. Многие заболевали туберкулезом, дизентерией. Питание было как наказание – черствый хлеб, похлебка с прошлогодней протухшей капустой. А если это не будешь есть – умрешь.

И умирали – ежегодно до двух тысяч новых крестов

появлялось на погосте, расположенном прямо за воротами лагеря. Кресты были хорошо видны за колючей проволокой, когда над сопками поднималось жаркое солнце.

Если бы Миш не верил в бога, то он, конечно, тоже дал бы «дуба». Спасали молитвы и просьбы о помощи.

Военнопленные всегда были самой дешевой рабочей силой в мире. Их использовали в Караганде на шахтах, кирпичном и ремонтно-механическом заводах, в строительных управлениях. В трестах «Карагандауголь», «Металлургстрой», «Шахтострой», «Жилстрой» и на других предприятиях в 1949 году работало более 15 тысяч военнопленных.

Рохус Миш принимал участие в строительстве Нового города, поселка Новый Майкудук, музыкальной школы, столовых, бань, стадиона… Пригодилась профессия далекой юности – он красил крыши домов, подъезды, полы и окна… Когда вернулся в Германию, то тоже занимался вначале малярным делом. А затем, сколотив небольшой капитал, открыл свой магазин строительных материалов. Он до сих пор торгует в Берлине обоями, лаками и красками.

Конечно, Рохус Миш длительное время скрывал, что он был секретарем – телефонистом у Гитлера. Сейчас 95-летний пенсионер признается:

– Если бы я, будучи в плену, всем рассказывал, что работал с Гитлером, что сотню раз на день подключал к его домашнему телефону 12-00-50 Геббельса, Геринга, Гиммлера, Бормана, что удостаивался их рукопожатий, когда они приходили в бункер к фюреру на разные совещания и беседы, то меня давно убили бы антифашисты.

Помнит Миш и словесные издевки советских охранников над военнопленными. Один из них всегда говорил Рохусу:

– Вы ведь хотели любоваться просторами СССР, вот и наслаждайтесь!

В 1949 году немецких военнопленных начали интенсивно отправлять на свою родину. 1 апреля 1950 года в Спасском лагере осталось всего 875 военнопленных. Вскоре дождался своего часа освобождения и Рохус Миш. Он, конечно, не очень любит вспоминать Караганду, Спасск, Бутырку, последние дни Гитлера и Евы Браун. И поэтому каждый раз повторяет:

– О чем говорить… Не надо было нападать на СССР – это безумие Гитлера. Русских никогда не сломишь, русские – крепкий, живой народ.

Глава 46
Лаборатория смерти Ягоды

Мало кто знает, что в Карлаге отбывали свой срок родственники наркома НКВД Генриха Ягоды.

В архиве КНБ по Караганде и Карагандинской области хранится дело № 2133 заключенной Карлага Фриды Григорьевны Фриндлянд-Ягоды – сестры могущественного монстра внутренних дел. Она была арестована сразу же после расстрела «любимого брата Генриха» в 1937 году. 28 августа того же года особым совещанием при НКВД СССР она была осуждена как член семьи изменника Родины к заключению в ИТЛ сроком на восемь лет.

Отбывала свое наказание Фрида Григорьевна вначале в Темниковском лагере, затем в Сегежском. С 1941 по 1945 годы она содержалась в Карлаге, о котором говорила, что это «ад и черный чад», смертельный отстойник для вдов и родственников героев революции.

Брата своего Генриха Григорьевича Ягоду она как раз и относила к героям революции. И часто говорила подругам по нарам:

– Генрих служил верой и правдой идеям революции, Сталину, а тот, мерзавец, предал всех и вся, загубил моего братишку…

В 1946 году Ф.Г. Фриндлянд-Ягода была освобождена, ее определили на вольное поселение в Караганду в районе Нового города. Однако в 1949 году ее вновь арестовывают, предъявляют обвинение в том, что она якобы проводила «среди населения антисоветскую агитацию, клеветала на условия жизни трудящихся в Советском Союзе».

В ее личном деле собрано немало доносов и так называемых свидетельских показаний о том, что, где, когда говорила Фрида. Так, учителя школы имени Крылова написали, что Фриндлянд-Ягода постоянно жалуется, будто бы «много работает, а получает с гулькин нос, голодает». Свидетели подтверждают, что сестра Ягоды, действительно, «ядовитая ягода», она всем твердит, что Караганду плохо снабжают продуктами, одеждой, в магазинах везде очереди, а народ безмолвствует, ибо боится кары сталинских органов.

Короче говоря, за все эти высказывания Ф.Г. Фриндлянд-Ягоду снова приговаривают к ИТЛ сроком на десять лет. Причем, определяют содержать ее в особом лагере, поскольку «совершенные ею преступления являются особо опасными» (архив КНБ по Караганде и Карагандинской области. Дело 0456, лист

36).

Отправляют ее в июле 1949 года в Степной лагерь. И только спустя шесть лет, в 1955 году, особлаг заменяют ссылкой.

Бедная, несчастная Фрида Григорьевна! Ее судьба еще одно подтверждение глупости и жестокости сталинской системы, когда не только высоких политиков, ученых, поэтов, но даже простых смертных, обывателей ставили к стенке только за слова! Не то сказал, не так выразился – и вот ты уже «враг народа»! Правда, личное дело Ф.Г. Фриндлянд-Ягоды заканчивается вроде бы «благополучно». 24 февраля 1958 года она получает справку о реабилитации. А было ей тогда 59 лет. Больше 18 лет она промучилась в лагерях за смертные грехи брата.

– Да, наш Генрих был грешен, он уничтожал людей, – признавалась сама Фрида Григорьевна. – Он не только давал команды расстреливать, но и создал лабораторию по изготовлению ядов для умерщвления врагов Сталина. Но, скажите, причем тут я? А за что страдали наши родственники, мои сестры? Мы все стремились воспитывать Генриха в гуманном духе, хотели дать ему высшее медицинское образование, сделать его врачом, чтобы он, как Чехов, помогал людям, а не губил их.

И, задумавшись, продолжала:

– Во всем виновато стремление Генриха к власти… Он хотел ее все больше и больше, как денег. А так как, по определению большевиков, вся жизнь – жестокая борьба, и что в борьбе с классовым врагом закаляется характер, то Генрих и закалял свой характер, устраняя с помощью пистолета и яда всех, кто стоял на пути Сталина. И в благодарность за преданность хозяину получал от него всякие привилегии, высокие должности…

Генрих ни в кого, ни во что не верил, кроме как в идеи партии большевиков. Будучи атеистом, он не верил даже в Бога. Правда, перед расстрелом он стал молиться, прося Бога отпустить ему грехи.

А грехов у Ягоды хватало с избытком. В своей книге «Сталин: жизнь и смерть» Эдвард Радзинский пишет: «Именно он в первые годы советской власти опутывает страну сетью осведомителей, при нем формула Ленина «каждый партиец должен быть чекистом» сильно расширяется – теперь чекистом обязан стать каждый гражданин. И пошла-поехала писать губерния: один на другого, даже каждый на себя строчит доносы. Первое шумное дело Ягоды – открытый процесс так называемых «шахтинцев» – вредителей на шахтах Донбасса. 53 инженера вредили производству угля, ломая техническое оборудование, энергетику. Они были обвинены в том, чего не делали, они стали первыми врагами народа мирного советского времени. Сталин радовался,

пожимая руки: налицо не затухание, а возгорание классовой борьбы. Значит, он прав, утверждая, что классовая борьба обостряется.

Натравливая людей друг на друга, настойчиво внедряя и поощряя систему доносов, Ягода добился небывалых успехов в уничтожении людей, прежде всего мыслящих, интеллектуальных. На его совести так называемые процессы «Промпартии», «Югостали», раскрытие гигантского заговора, во главе которого якобы стояли Троцкий, Каменев, Зиновьев и другие оппозиционеры. Они будто бы создали во всех городах обширнейшей России террористические группы, готовые в любой момент выступить против Сталина и партийных, советских, государственных деятелей, преданных ему. А ведь никакого заговора не было и быть не могло! И Троцкий, и Зиновьев, и Каменев больше теоретики, чем практики. И если Троцкий во время ускользнул из цепких лап НКВД, скрываясь за рубежом, то Зиновьев и Каменев еще во что-то верили, оставаясь в СССР. И напрасно верили! Следователь Черток орал на Каменева: «Почему не бежали за границу? Вы – трус. Сам Ленин сказал это. Если мы вас выпустим – первый встречный комсомолец ухлопает вас на месте. Спросите любого пионера: «Кто такие Зиновьев и Каменев?» Он ответит: «Враги народа, в дни Октября штрейкбрехеры».

Короче говоря, Ягода помог Сталину избавиться от бывших вождей революции, его соперников за высший трон в партии и СССР. Он во время по подсказке хозяина организовал гибель Горького, Куйбышева, Менжинского, Чичерина, используя старый, испытанный на Востоке метод умерщвления людей с помощью ядов.

Организованная Ягодой специальная лаборатория ядов еще долго существовала при НКВД и после его ухода из жизни. С ее помощью загублены не одна и не три жизни. Ею пользовались и Ежов, и Берия, и Абакумов…

Когда маршал Югославии Иосиф Тито вышел из-под влияния Сталина, хозяин решил его убрать. Как? С помощью быстродействующего, смертоносного газа, разработанного в НКВД. Посол СССР Григулевич должен был вручить Тито коробку с бриллиантовым перстнем. Маршал после ухода посла открывает коробку, меряет перстень, и внезапно умирает от паров яда.

Иосифу Тито повезло, тщательно продуманная операция сорвалась из-за неожиданной смерти вождя народов.

Но во времена властвования Сталина ни одна операция не была сорвана. И Ягода сегодня справедливо предстает на страницах книг не только как палач знаменитых людей,

выдающихся личностей, но и как организатор и проводник массовых кровавых убийств людей. На сооружение канала Москва-Волга по его приказу были согнаны тысячи голодных заключенных со всего Гулага, и почти все они остались лежать на берегах этого великого канала в сырой глиняной земле. Всего в лагерях Ягоды погибло более трех миллионов человек.

Но Сталин все равно был недоволен Генрихом. Слишком медленно действовала лаборатория его убийств, мало, слишком мало репрессий, не тот революционный размах, слишком долго возятся с каждым троцкистом, зиновьевцем.

У Ягоды была одна маленькая слабость: после каждого расстрела заключенных он подбирал пули, которые разили насмерть «врагов народа». Он заворачивал их в бумажки, на которых делал надписи: «Зиновьев», «Каменев»… Почти весь ящик его стола был набит этими револьверными сплющенными пулями. Когда Сталину рассказали об этом, он равнодушно спросил:

– Всего-то один ящик?

Фриндлянд-Ягода долгое время скрывала, что она сестра того самого кровавого Генриха. Когда ее спрашивали: «Ваша фамилия?», она отвечала: «Фриндлянд». И только после того, как ее реабилитировали в феврале 1958 года, в возрасте 59 лет, она открыто говорила, что ее брат – Генрих Ягода.

Последние годы в Караганде Фрида Григорьевна жила вместе со своей сестрой Таисеей в одной квартире в доме близ здания банка «Туран-Алем». Старожил Караганды, инженер-экономист Максим Максимович Шохор в 1959–1965 годы работал в угольном институте КНИУИ. По его словам, в библиотеке этого института на раздаче книг как раз и трудилась Фрида Григорьевна. Была она начитанным человеком, разговорчивым. От нее Максим Максимыч узнал, что вся семья Генриха Ягоды была репрессирована. Его мать Мария Гавриловна была осуждена на восемь лет, и в первый же год своего пребывания в Томском лагере не выдержала, скончалась от сердечного приступа. Его жена была расстреляна почти одновременно с ним. Пять его сестер были отправлены на различные острова Гулага, каждая получила срок – не менее восьми лет. Но этот срок давали для запевки, как говорится. Мы уже знаем, что сама Фрида Григорьевна вместо положенных восьми отстучала все восемнадцать лет.

Сын Генриха Ягоды Гарик попал в детдом. Оттуда он послал своей бабушке Марии Гавриловне в Томский лагерь два письма. Вот содержание первого: «Дорогая бабушка, милая бабушка! Ты у меня осталась одна на свете, и я у тебя один. Если я не умру,

когда вырасту большой, а ты станешь совсем старенькая, я буду работать и тебя кормить. Твой Гарик» А вот второе письмо: «Дорогая бабушка, опять я не умер. Это не в тот раз, про который я тебе уже писал. Я умираю много раз. Твой внук».

У сестры Ф.Г.Фриндлянд-Ягоды Таисии Григорьевны Мордвинкиной-Ягоды была дочь Виола. После своей реабилитации она с трудом разыскала ее в одном из детдомов. Но Виола уже была воспитана как ребенок сталинского НКВД, она считала свою мать «врагом народа» и, следуя морали пионера Павлика Морозова, готова была в любой момент унизить и предать ее, отталкивая дорогую родительницу от себя все дальше и дальше.

Таисия Григорьевна очень переживала такой разрыв с дочерью, и все делала для того, чтобы разбить эту стену отчуждения. Где лаской, где добрым словом, она в конце концов оттаяла ледяное сердце дочери. Виола поступила в мединститут, затем переехала в Ленинград. Она позвала жить к себе мать, и та с удовольствием навсегда распрощалась с постылой Карагандой. К сожалению, в дороге, немного не доехав до Питера, она скончалась.

Не прижилась в Караганде и Фрида Григорьевна. Ее все время тянуло на запад, и в конце концов она уехала к дочери в город Горький, где и скончалась.

Сталинская система подавления и уничтожения людей породила тысячи и тысячи трагедий семей, казней, расстрелов, убийств. В 1956 году на историческом двадцатом съезде КПСС был развенчан культ личности Сталина, и сразу открылись многие тайны страданий и мучений обездоленных семей политических осужденных. Ученые до сих пор бьются над вопросом, почему происходили массовые кровавые преступления против народа, почему возник Идол всесилия и уничтожения всего живого на российской земле. Давайте над этим вопросом задумаемся и мы.

Глава 47
Штирлиц в Караганде

Давно я завел в своем архиве папку «Подвиги карагандинцев в Великую Отечественную войну». В ней собираю не только свои статьи и корреспонденции на эту тему, но и материалы моих коллег. Готовя очередной материал, среди собранных вырезок из газет я увидел статью своего коллеги, краеведа Юрия Попова, в которой он впервые упомянул о прототипе главного героя телесериала «Семнадцать мгновений весны» – Штирлица (майора советской разведки Исаева). Им оказался работник КГБ, журналист Норман Михайлович Бородин. В пятидесятых годах он работал в качестве старшего литературного работника в редакции областной газеты «Социалистическая Караганда».

Юрий Попов встречался со знаменитым писателем Георгием Вайнером, и тот ему сказал:

– Именно Бородин стал прототипом Штирлица. Мы с братом в 1967 году познакомили Нормана с Юлианом Семеновым, они стали часто встречаться, беседовать. В конце концов эта дружба вылилась в роман «Семнадцать мгновений весны».

Но кто же такой Норман Михайлович Бородин, какова его героическая биография разведчика? При очередной встрече со мной главный редактор областной газеты «Индустриальная Караганда» Владимир Рыжков порадовал меня своей находкой. В редакционном архиве он нашел пожелтевший листок приказа № 78 от 31 мая 1952 года, который звучал так: «С сего числа временно зачислить на работу в качестве старшего литературного работника редакции тов. Бородина Нормана Михайловича. Оклад по смете. Редактор газеты «Социалистическая Караганда» Я. Муляр».

Но как Бородин появился в Караганде? Его путь в столицу казахских шахтеров был тернист и долог, как и каждого разведчика.

Норман Михайлович Бородин родился в Чикаго в 1911 году в семье революционеров-эмигрантов. Его отец – Михаил Маркович Грузенберг был соратником Ленина, дипломатом, известным коминтерновским деятелем. Его партийная кличка – Бородин. В 1907 году под этой фамилией его направляют в США для создания там Коммунистической партии. В 1919 году Ленин подписывает решение об его назначении первым генеральным консулом РСФСР при правительстве Мексики. Затем Михаил Маркович занимается реорганизацией партии коммунистов в

Англии, а далее его назначают политическим советником Сунь Ятсена в Китае. Затем Михаила Марковича возвращают в Москву, он работает заместителем наркома труда, главным редактором газеты для американских инженеров и рабочих, ведущих строительство московского метрополитена «Moscow news».

Ясное дело, сын М.М. Грузенберга Норман идет по стопам отца. Он унаследует от него ясность и пытливость ума, стремление к знаниям и открытиям. У него хорошие организаторские способности. В одном из интервью писатель Георгий Вайнер сказал:

– Норман Бородин и его семья – потрясающий материал для грандиозного романа. Норман, выполняя заветы отца, стал с молодых ногтей закордонным разведчиком, знал все основные европейские языки и говорил на них, как по-русски…

Этому, конечно же, способствовало не только общение с отцом, но и получение образования Норманом в Ленинградском мореходном училище, а затем в университете в Осло, а также в Военно-химической Академии РККА, радиотехническом институте в США. К тому времени он, завербованный органами безопасности, был уже заместителем нелегального резидента в Америке Исхака Абдуловича Ахмерова, руководил тремя ценными агентами… В годы Великой Отечественной войны наш Штирлиц появляется в Берлине и под видом американца трудится в миссии швейцарского Красного Креста. Он так же, как Зорге в Японии, оперативно передает ценные секретные сведения в Москву. Его действия как советского разведчика не смогли раскрыть ни гестапо, ни Абвер. В Берлине он держит связь со многими опытными агентами органов безопасности СССР, в том числе со знаменитой эмигранткой России, киноартисткой Ольгой Константиновной Чеховой. Мой старший наставник, знакомый нам писатель Василий Ефимович Скоробогатов в своей книге «Генерал Берзарин. Дойти до Берлина», подаренной мне 20 февраля 2009 года, рассказывает об О.К. Чеховой: «По-видимому, ее завербовал Владимир Георгиевич Деканозов, бериевский земляк. В ноябре 1940 года его привез в Берлин Вячеслав Молотов, усадив матерого чекиста в кресло посла. С его подачи Ольга Чехова активно служила Чека, внедрилась в немецкое сопротивление нацистскому режиму. Сотрудничала с «Красной капеллой» (подпольная антифашистская организация в Берлине – автор), полковником генерального штаба, графом Шенком фон Штауффенбергом и другими запредельно храбрыми людьми… Обласканная вниманием, она появлялась в обществе фюрера и министра пропаганды, в обществе персонажей, связанных с Гиммлером и Канарисом».

Далее В.И. Скоробогатов рассказывает о таком факте. Когда наши войска ворвались в Берлин, ее разыскали и схватили агенты органов контрразведки «Смерш». В багажном отсеке самолета доставили в Москву. Там ею занимались могущественный шеф «Смерша» В.С. Абакумов и генерал НКВД В.Н. Меркулов. Всеволод Николаевич выговаривал ей, что из-за ее агентурного сообщения 17 июня 1941 года он получил разнос от руководства. А было так. Сообщение Ольги Чеховой о том, что «все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР закончены, и удар можно ожидать в любое время», было предоставлено Сталину. И вождь народов написал на нем резолюцию: «т. Меркулов может послать ваш источник к е… матери. Это не «источник», а дезинформатор. И. Ст.».

Ольга Чехова осенила себя крестом.

– Всеволод Николаевич! Клянусь: моим источником там, в Берлине, был сам фюрер.

– Верю, верю, – ответил старый чекист, улыбаясь.

Что правда, то правда. Гитлер любил приглашать великую актрису на большие приемы, беседовать и фотографироваться с ней. Он ей полностью доверял, ибо она имела в мужьях лучшего летчика Геринга – капитана люфтваффе Йепа. К тому же, сама была обаятельной и красивой. Если бы знал Гитлер, кому он выбалтывал порой свои тайные замыслы. И не только Гитлер, но и многие крупные промышленники, высшие представители нацистской иерархии. Не зря за свой подвиг разведчицу О.К. Чехову после Победы наградили орденом Ленина.

Бородину же в этом плане не повезло. В 1949 году в Москве развернулась борьба с космополитизмом, и многих евреев делают «врагами народа». К таковым причисляют и отца Нормана – Михаила Бородина. Несколько лет его держат в Лефортово, – в 1953 году, не выдержав тяжелых испытаний судьбы, он там и умирает.

Нормана как члена семьи изменника Родины, социально опасного элемента в 1949 году арестовывают, а в 1951 – определяют в ссылку в Караганду, затем милостиво предоставляют ему место литературного сотрудника в редакции областной газеты «Социалистическая Караганда».

Вот тут-то и раскрывается во всю новая грань большого таланта нашего Штирлица. Он – способный журналист, литератор! Именно так написал мне о нем бывший ответственный секретарь областной газеты «Социалистическая Караганда», а ныне пенсионер, проживающий в Санкт-Петербурге, Иван Никанорович Держиев, который трудился с ним в редакции с 1952 по 1953 год. В то время в газете работали такие ассы

журналистики как Ф. Боярский, Н. Пичугин, А. Сергеев, С. Иоффе, В. Слепцов, Я. Муляр и другие.

И.Н. Держиев вспоминает, что Норман Бородин в общении с людьми был ровен, никогда не пытался возвысить себя над коллективом. Но держался он как-то особняком, в капустниках не участвовал, избегал тех, кто дружил с «зеленым змием». Он, действительно, был похож по манере поведения на Штирлица, в редакции ничего лишнего не произносил, говорил лишь по делу.

Бородин очень любил ездить в командировки, побывал, наверное, во всех городах и районах области. Как написал мне Держиев, бывало, «отпишется» из очередной поездки и опять в путь. И далее:

«Норман остался перед глазами такой «летний», плотный, выше среднего роста, темноволосый мужчина в белоснежной нейлоновой рубашке и серых брюках, затянутых коричневым плетеным ремнем. Весь такой отутюженный, импозантный. Впрочем, таким подтянутым был всегда».

У него был псевдоним «Н. Борисов», но больше он любил подписывать свои материалы собственной фамилией «Н. Бородин». Он прекрасно владел не только пером, но и фотоаппаратом. Многие его очерки были о чабанах, агрономах. Так, 23 июня 1953 года он печатает в газете материал о чабане совхоза имени Сталина Каркаралинского района Нурлане Отарбаеве и сопровождает его отличной фотографией героя. Бывал он и на предприятиях Темиртау, Сарани, в цехах Карагандинского рудоремонтного завода, на шахтах. Его хорошо знали Аукебай Кенжин, в то время работавший заместителем начальника комбината «Карагандауголь», ученый-угольщик Абылкас Сагинов, в то время директор Карагандинского филиала Всесоюзного угольного горного института (БУГИ). Общался Бородин и с заведующим отделом агитации и пропаганды обкома партии С. Брондорфом, заместителем председателя облисполкома Ф. Даненовой.

Правильно написал Юрий Попов в своей статье о том, что карагандинские страницы жизни Бородина открыли ему путь в большую журналистику. Где-то в 1954 году Нормана Михайловича реабилитируют, восстанавливают на службе в КГБ СССР. Он возвращается в Москву. Долгое время работает начальником отдела по работе с иностранными корреспондентами. В 1961 году Бородин становится главным редактором редакции политических публикаций Агентства печати «Новости». Но это уже другая история, иной сказ. Одно скажу, что это Бородин поддержал первые шаги известных писателей – братьев Вайнеров, это он долгое время вынашивал идею об

издании книги мемуаров Маршала Советского Союза Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления». Она вышла в издательстве Агентства печати «Новости» в 1971 году, а затем была выпущена рядом зарубежных издательств.

В 1974 году Нормана Михайловича Бородина не стало. Не стало человека, немало сделавшего для приближения Великой Победы над фашистами. Настоящего профессионала, разведчика с чистой совестью и репутацией, который никогда не думал о секундах свысока, всегда помнил о своем долге. Как поется в знаменитой песне Роберта Рождественского, помнил «от первого мгновенья до последнего».

Глава 48
Бескозырка царевича

Лежа на нарах первого лагерного отделения Степлага в Джезказгане, Андрей Антонович Озеровский довольно часто вспоминал свое далекое детство, юность, отца, мать. Родился он 15 июля 1914 года в дворянской семье в Санкт-Петербурге. До революции они жили в Царском Селе. Его отец Антон Озеровский был полковником, возглавлял личную охрану императора. В свободное время нередко брал с собой сынишку покатать на машине из царского гаража. Автомобиль был шикарный: откидной верх, золотые ручки, вместо гудка – груша. Нажал, и машина вовсю гудела, созывая пассажиров. А среди них часто оказывались дети царской семьи – царевич Алексей, его сестры. Отец очень хотел, чтобы его сынишка подружился с Алексеем в будущем, был ему преданным товарищем, как Меньшиков Петру I. Может быть, так бы оно и произошло. Однажды сын Николая II подарил ему шапочку-бескозырку с голубыми ленточками. И сказал Андрею: «На дружбу!».

Он очень дорожил этим подарком царевича, и хранил его вплоть до ареста в 1944 году. Когда в Польше, куда они бежали от большевиков сразу после отречения от престола царя Николая II, отец обосновался работать на железной дороге, то Андрей еще долго носил бескозырку, а затем забросил ее в сундук со старыми родительскими вещами. Но иногда доставал ее, показывая однокашникам из гимназии, а затем учительского института, куда поступил. Но больше всего любил он рассказывать ребятам о Царском Селе, большом озере и огромных деревьях у здания лицея, где учился Александр Сергеевич Пушкин. Именно туда на прогулку любила водить Андрейку гувернантка. И там, пристроившись на скамейке у пруда, она показывала и читала ему стихи великого поэта. Так Мария Федоровна прививала Андрею с детских лет любовь к Пушкину, которую он пронес через всю жизнь, грамотность, тягу к литературе.

И уже в Польше, учась в институте, Андрей подрабатывал себе на жизнь, давая уроки русского языка и литературы детям польских помещиков.

После окончания института Андрей долго не мог устроиться на работу по специальности, и ему пришлось хлебнуть «рабочего пота» слесаря и механика в мастерских по ремонту автомобилей, мотоциклов и велосипедов.

Как-то отец принес ему фотоаппарат, который купил в

комиссионном магазине, и сказал:

– Вот тебе – источник чистых доходов. Займись, это же не только деньги, но и творчество!

И, действительно, как увлекся фото, что-то приятное и возвышенное появилось в душе, ушли ожесточение и напряжение, связанные с работой в ямах мастерских. С удовольствием окунулся в мир иной: фотографировал улицы и проспекты Варшавы, костелы и зори над парками, ксендзов и прихожан… Мир стал оживать, становиться прекраснее, интересней.

А вскоре Андрей стал посещать драматический кружок. И первое, что прочитал на сцене, это были стихи Пушкина «Воспоминания о Царском Селе», где «венчалась славою счастливая Россия, цветя под кровом тишины».

Но как раз этой самой тишины никогда не хватало России. Сразилась с фашистской Германией – едва русские вышли победителями. И в 1944 году Андрей стал врагом народа по воле большевиков. Во время обыска нашли бескозырку цесаревича Алексея:

– Что это?

– Подарок сынишки царя! – ответил Андрей.

– Вот еще одно свидетельство, что ты – враг народа, – сказал представитель СМЕРША. – Приобщим к делу.

Он был арестован в июле 1944 года. И уже 16 декабря того же года приговорен по 58 статье за укрывательство, измену Родине к 10 годам сталинских лагерей. Из князя да в грязи!

Передо мной копия учетной карточки политзаключенного Андрея Антоновича Озеровского, любезно предоставленная спецархивом Генеральной Прокуратуры РК. Где только он ни побывал, отбывая свой срок: в лагерях Мордовии, Брянска… Но хуже всего ему пришлось на медных рудниках Джезказгана, где запросто можно было получить от пыли туберкулез, силикоз и так далее. Люди гибли сотнями. Может, такое случилось бы и с Андреем, да вскоре перевели его в Котурское отделение Карлага близ Долинки. Там не хватало рядовых рабочих в животноводстве, строителей. Со временем здесь создадут совхоз «Путь Ильича», который будет специализироваться на овощеводстве, молочном, племенном скотоводстве. На центральной усадьбе (ныне село Юбилейное) зэки построят среднюю школу, детский сад, Дом культуры. Андрею Антоновичу выпала судьба возводить фермы, кошары. Перед освобождением трудился в степи пастухом – овцеводом. И это были самые золотые для него дни. Вблизи джайлау бил родник, стояло впритык друг к другу несколько диких яблонь. Андрей Антонович вешал на их ветви простыню и одеяло, получалась чудесная тень,

и он устраивался под нее, беря с собой книги. Позже он говорил мне:

– После Рудника мне работа в степи казалась величайшим наслаждением, я как бы попал в санаторий на свежем воздухе. И яблочки-дички были для меня вкуснее всех фруктов на свете. Так уж человек устроен: благодарить за все Бога своего, даже в самый тяжелой, несправедливой жизни находить лучи света.

Он наблюдал в степи за солнцем с самого раннего утра до позднего вечера, когда оно медленно садилось на землю как расправленная сковорода, затмевая глаза медным огнем. Неожиданно затихал ветер, и землю охватывали спокойствие и тишина, желанная прохлада.

Это было как в раю! И весть о долгожданном освобождении его застала в этой златой степи. Скотник Иван Петрович примчался с фермы и закричал:

– Меня прислали на подмену. А тебя ждет свобода! Собирайся в свой любимый Санкт-Петербург.

Сразу вспомнилось пушкинское, родное:

«Оковы тяжкие падут.
Темницы рухнут,
И свобода
Вас примет радостно
у входа,
И братья меч Вам отдадут…»

Снова в памяти промелькнуло детство, Царское Село, подарок царевича Алексея – морская бескозырка с ленточками по бокам… Любимый, родной Санкт-Петербург! Неужели снова пройдусь по Невскому проспекту, загляну в дом книги… И он запел:

«Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек…
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек…»

Иван Петрович присел рядом на землю:

– То-то, дружище! Поздравляю с вольностью…

Но до Царского Села, Санкт-Петербурга Андрей Антонович так и не добрался. Даровав ему свободу, советская власть отправила его на вечное поселение в совхоз имени Тельмана. Спасибо Гулагу и за это! Не в темных же сводах шахт медь

добывать – силикоз и туберкулез наживать!

Просторы Сарыарки всегда привлекали эмоционального Озеровского своей скупой красотой и широким прозрачным небом. Освободили его в 1954 году, как раз началось освоение целинных и залежных земель. Вовсю в совхозе разворачивали машинно-тракторный парк, и количество тракторов довели до восьмидесяти, комбайнов до пятидесяти. Тут-то и пригодились его знания слесаря и механика, приобретенные еще в Польше и закрепленные на рудниках Джезказгана. К поломанным комбайнам порой добирался пешком по 5–7 километров с мешком инструментов через плечо.

Как-то за запчастями на материальный склад направили, познакомился с заведующей Надеждой Жуненко. А вскоре в любви ей признался. И она ему сказала:

– Вот и дождалась я своего князя…

– А ты как узнала, что я и впрямь по происхождению князь? – спросил Озеровсий.

– Да это по твоей осанке, воспитанности, манере держаться, говорить видно, – ответила Надя.

Пришло время – у них родилась дочь. Назвал ее Озеровский Евгенией в честь своей матери.

О милая, родная мама, она так заботилась о его культуре, образовании, чтобы он вырос интеллигентным человеком! Только все это не пригодилось ему в казематах сталинизма. Хотя в личном деле А. А. Озеровского № 34099 и отмечалось: «Образование – высшее, профессия – педагог», он так и не был приобщен к работе по специальности. И заниматься любимым делом – фотографированием ему не разрешали. Что фотографировать? Толпы оборванных, голодных людей, столбы пыли в карьерах, кладбища до самого горизонта, да черное солнце за колючей проволокой? Увольте! Попадут такие снимки за рубеж – что скажут об СССР?

Андрей Антонович утешал себя тем, что ведь не один он был отлучен в стране Советов от любимой профессии, любимых дел. Среди соседей по нарам в Степлаге он встретил, например, композитора Бруно Дементьева, автора знаменитой песни «Огонек». Его не подпускали к пианино в КВЧ. Ведь он не культработник, а разнорабочий!

В разнорабочих тогда ходили многие интеллигенты России – писатель Александр Ильич Зонин, доктор биологических наук, князь Андрей Владимирович Трубецкой, генетик Владимир Павлович Эфроимсон, поэт, художник Юрий Грунин… С ними Андрей Антонович встречался в здании культурно-воспитательной части, куда ходил на занятия хора и драмкружка.

Это его только и спасало – приобщение к пению художественной самодеятельности, общение с элитными людьми. А фото дело? Снова Андрей Антонович взялся за фотографирование, когда переехал со своей семьей из совхоза в Караганду, устроился работать на шахту «Северная». Трудился он на знаменитом тогда участке, который возглавлял лауреат Государственной премии СССР А. К. Романюта. Зарплата была высокой, и однажды Озеровский купил себе модный в то время фотоаппарат «ФЭД». А еще полный набор пластинок песен в исполнении Федора Шаляпина – своего любимого певца.

Я познакомился с Андреем Антоновичем на занятиях хора «Вдохновение» в ДК горняков, когда он уже был закоренелым пенсионером. Накануне встречи с ним узнал от партийного работника Сары Сабировны Яхиной, что он в возрасте 90 лет вступил в ряды партии «Нур-Отан». Уникальный случай! Отвечая на мой вопрос, что побудило его на такой поступок, Андрей Антонович ответил:

– Я вступил в партию «Нур-Отан» потому, что во главе ее стоит Нурсултан Абишевич Назарбаев, любящий Казахстан и казахстанцев, всем сердцем служащий народу.

С верой в Назарбаева, его партию он прожил последние свои годы. И на творческой встрече с писателями в библиотеке в Михайловке он с гордостью показал всем нам свой партийный билет. Это был итог его большой, полной трагических эпизодов жизни. И связан он был с верой в будущее Казахстана, его людей.

Глава 49
Звезды футбола

Когда я бываю в Москве, то всегда нахожу время постоять хотя бы несколько минут на Тверской улице у дома № 19. Здесь на нем укреплена мемориальная доска: «В этом доме с 1961 по 1996 годы жил основатель спортивного общества «Спартак» Николай Петрович Старостин».

Кто такой Н.П. Старостин, наверное, знают все, прежде всего болельщики футбола. Напомню, что это прекрасный советский футболист и хоккеист, заслуженный мастер спорта СССР. Он был трижды награжден орденом Ленина, орденами Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством», Звездой Героя Социалистического Труда.

Но за этими наградами, орденами долгое время скрывали, что в годы войны Н.П. Старостин был осужден как враг народа на десять лет отсидки в сталинских лагерях, и прошел их, как говорится, от звонка до звонка.

За что же так пострадал корифей советского футбола? Сам Николай Петрович считал, что во всей этой истории был виноват неудавшийся футболист, страстный болельщик, шеф МВД, черный маршал Берия. Да, еще будучи хилым болезненным юношей, Лаврентий с охотой гонял футбольный мяч на стадионах, чтобы укрепить свое здоровье. Николай Старостин вспоминал, как в начале двадцатых годов сборная Москвы играла в Грузии против сборной Тбилиси. Левым полузащитником у грузин играл Берия. А Старостин в сборной Москвы был правым крайним нападающим. И он постоянно обыгрывал не очень техничного Берию в единоборстве, на большой скорости отрывался от него и бил по воротам. В конце концов Старостин забил гол, что и решило судьбу поединка.

С годами Николай Петрович забыл об этом эпизоде из своей жизни. Но злопамятный Берия помнил… И вот в 1939 году опять встреча с Лаврентием Берией. К тому времени он набрал административной силы. Будучи Министром МВД, он стал почетным председателем спортивного общества «Динамо», и болезненно воспринимал все его неудачи. В то время на всю страну гремел славой футбольный клуб «Спартак», и это унижало Берию. В 1939 году в полуфинальном розыгрыше Кубка СССР «Спартак» встречался с тбилисским «Динамо» и победил. Затем он обыграл ленинградскую «Зарю» и получил желанный Кубок. И вдруг команда «сверху»: «Спартаку» переиграть полуфинальный

матч с тбилисцами. Старостина вызывают в ЦК, и заведующий отделом агитации и пропаганды Александров ему намекает, что надо проиграть «Динамо». Так, мол, желает сам Берия!

Но Лаврентий Павлович абсолютно не знал характера спартаковцев. Они вопреки его желанию опять выигрывают у «Динамо», причем, с разгромным счетом 3:0. Берия со злостью покидает правительственную ложу. Он хотел похвастать перед Сталиным, доложить ему о победе грузинских футболистов, а тут такой позор! Этого Берия не мог простить братьям Старостиным – прославленным футболистам «Спартака». И в 1942 году всех их четырех Николая, Александра, Андрея и Петра арестовывают, чтобы обезглавить «Спартак», долго держат в тюрьме на Лубянке. Их обвиняют в терроре против партии и правительства. Но Молотов говорит Берии: «Это уж слишком!» Тогда Маршал Смерти обвиняет Старостиных в пропаганде нравов буржуазного спорта. И вот вам каждому по 10 лет лагерей!

В каких только местах не отбывал свой срок Николай Старостин! В Ухте, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре. Долгое время он находился в Карлаге, тренировал футбольные команды Акмолинска и Алма-Аты. В те годы разыгрывалось первенство Гулага, и каждый начальник лагеря хотел иметь свою сильную футбольную команду. Тренером многих лагерных команд был Старостин. Он позже признавался: «Футбол спас мне жизнь».

И вот меня заинтересовал вопрос: был ли известный футболист и тренер Николай Старостин в Караганде? Оказалось, да, был. По футбольным делам чисто или как? И Семен Неверов, летописец карагандинского футбола, мне пояснил, что в Караганду он приезжал к своему родственнику, мастеру спорта СССР Петру Герасимовичу Попову, мужу его сестры Веры. Он также, но только позже в 1949 году был осужден на десять лет как враг народа с отбыванием срока в Карлаге.

Как раз в это время местные власти заговорили о создании команды «Шахтер». Футболистов найдем, но где взять стоящего тренера? Как где? Конечно же, в Карлаге. Если там отбывали свои сроки знаменитые писатели, артисты, режиссеры, певцы, то, наверняка, встречаются и классные футболисты? И вскоре, действительно, в Долинском отделении Карлага нашли «крупную щуку». Ею оказался репрессированный Петр Герасимович Попов, футболист-защитник сборной Москвы. До войны он был тренером московского «Спартака», и благодаря его способностям наставника, эта команда в 1939 году стала чемпионом и обладателем Кубка страны.

Начальство поинтересовалось:

– А что делает у вас в Долинке Попов?

– Убирает капусту, да так, что позавидуешь – до десяти и более кочанов в руках держит, а затем сразу забрасывает на кузов машины…

– Везите Попова в Караганду.

Так Петр Герасимович в 1950 году стал первым тренером «Шахтера». Он многому научил футболистов: высоким скоростным качествам, смелости в единоборстве, игре головой.

Пробыл Петр Герасимович в Караганде в качестве тренера до 1953 года. По сути, он заложил в «Шахтере» мастерство, умение реализовывать свои лучшие способности и в центре, и на штрафной, и в защите, и в нападении.

Дружил Петр Герасимович в Караганде со знаменитым в то время футболистом Виктором Дмитриевичем Сухоруковым, прошедшим школу трудармии на шахтах бассейна, физически и морально закаленным. К сожалению, в 2014 году Виктора Дмитриевича не стало. Но жив его сын Геннадий Викторович Сухоруков, врач по образованию (окончил в 1977 году Карагандинский мединститут). Он помнил хорошо свое детство, и встречи с дядей Петей, который однажды подарил ему футбольный мяч. Вместе с отцом они, бывало, отмечали победы «Шахтера», ограничиваясь одним бокалом «Шампанского». Водку дядя Петя пить всем категорически запрещал.

Был Попов общительным, добрым и веселым человеком, все мечтал вернуться в Москву, в большой футбол. И хотя его освободили досрочно сразу после смерти Сталина, однако в столицу его не пустили, а позволили жить на Украине в Житомире, а затем в Виннице.

Дружил Попов и с футболистом Сергеем Афанасьевичем Стрельцовым. Ему сейчас 90 лет, но он еще бодр, смышлен. Когда узнал, что хочу узнать его мнение о Попове, то сразу воскликнул:

– Вот кого судьба обидела! Старостину даже памятник в Москве поставили, при жизни Звезду Героя Социалистического Труда вручили. А у Попова одна медаль была «За победу над Германией». И все! Он как участник войны дошел до Берлина. Но его заслуги в развитии спорта в Москве и Караганде никто не заметил. Ему даже не дали звания заслуженного мастера спорта СССР… А пострадал он из-за родства со Старостиными через их сестру Веру – она была его супругой. Работая на футбольных полях в Москве, он все время вспоминал Николая, всем говорил, что тот несправедливо пострадал из-за Берии, зависти и даже ненависти того к «Спартаку» и команде, где основным костяком были братья Старостины. Попов добивался правды в отношении их в различных спортивных и даже партийных инстанциях… А вышло наоборот – за недоносительство, дружбу с «врагами

народа» в конце концов сам схлопотал себе зловещий Карлаг.

Но и в Караганде он не опустил руки, не пал духом. Когда его назначили тренером «Шахтера», как здорово он тренировал и тут! Себя не жалел, все свое мастерство отдавал молодым.

В книге «Звезды большого футбола» Попову посвящен такой отрывок: «Работал он весело. В баню с командой ездил париться. Нальет вместо кипятку в шайку пива, затем ментоловых капель – и все это в печь. Пар вылетал мягкий, с запахом хлеба и мяты. Сам проникал в легкие.

– Из такой парной – футболист герой! – приговаривал тренер, наяривая себя сразу двумя вениками.

Ребята «старшого» быстро полюбили, хотя нагрузки он им закатывал потогонные… В выходные дни тренер таскал за собой ребят в лес на охоту, за грибами или на рыбную ловлю».

Так тренировал Петр Герасимович футболистов и в Москве, и в Караганде. К его заслугам надо отнести и создание юношеского футбола в шахтерской столице.

Потому «Шахтер» и добился своего – играл даже в классе «А» (правда, уже без Попова, но основы-то мастерства он заложил в молодых).

Очень много сделал Петр Герасимович и для развития футбола на Украине. В то же время он не терял связь со «Спартаком», с Москвой. Когда «Спартак» приезжал на матчи в Киев, москвичи обычно брали своего бывшего тренера в автобус, следовавший на стадион. Николай Старостин писал: «Каждую игру «Спартака» в Киеве он неизменно посещал, хотя неосторожность на охоте сильно повредила ему зрение. Он свои последние годы носил очки со стеклами уникальной толщины. Сидел на тренерской скамье, но видел далеко не все. Душой не старел. Бывал счастлив при удачах. При проигрышах чужие восторги тушил воинственным кличем: «За нами не пропадет! Долги платим». Наверное, несправедливо, что Петр Герасимович Попов не был отмечен званием заслуженного тренера СССР или хотя бы РСФСР».

Что касается Старостина, то, конечно же, он бывал в Караганде, встречался с Поповым и в 1952, и в 1953 годах. После освобождения из Карлага их пути, как ни горько говорить, разошлись. Братья Старостины благодаря хлопотам Хрущева все были реабилитированы и возвращены в Москву. Попова отправили на Украину поднимать футбол в малых городах (только не в Киеве). Там, на Украине, он и скончался.

Но для нас эти подробности не столь уж важны. Важно то, что узники Карлага: звезды футбола Старостин, Попов и другие способствовали в Казахстане рождению большого футбола,

воспитанию любви к нему тысяч молодых людей. Они смело начали этот процесс, и он продолжается до сих пор…

Глава 50
Как крылья для полета

В Акмолинском лагере жен изменников родины балерина Татьяна Павловна Ивинг-Афонина работала швеей, вышивальщицей. Там познакомилась и подружилась с заключенной Любовью Васильевной Бабицкой из Москвы. В бараке их нары стояли рядом. А когда Татьяна узнала, что Любовь Васильевна хорошо знает Леонида Осиповича Утесова, что принимала участие в съемках кинокомедии «Веселые ребята» в качестве ассистента режиссера, то еще больше привязалась к ней… Ведь Татьяна тоже любила Утесова за его талант, доброту и уважение к людям. Одно время она даже работала в балетной группе его знаменитого джаз-оркестра.

Да, да, Леонид Осипович был первым руководителем эстрадного коллектива, который дополнял язык музыки, песен языком театральной балетной пластики. Это сейчас стало нормой, а тогда было диковинкой. И Татьяна помнила концерт Утесова, который был полон танцев. Он поблагодарил ее огромным букетом цветов за исполнение веселого бравурного фокстрота. И публика была в восторге, их не хотели отпускать. Это была победа Утесова, Татьяны Ивинг!

Подруги по нарам говорили:

– Что же ты робеешь? Напиши письмо Утесову, пусть похлопочет о твоем освобождении, ведь ты ни в чем не виновата. Должно помочь!

В глазах заключенок Утесов был всемогущ, ведь его любил народ, сам Сталин. Когда кинокартину «Веселые ребята» хотели закрыть, Иосиф Виссарионович остановил ретивых.

– Вам бы все закрывать. Народу нужны смех, юмор, танцы, песни. Вы это можете людям дать? То-то и оно. А Утесов может!

Сталин нашел в кинокартине то, что создавало «погоду» в стране. «Марш веселых ребят» запели все от мала до велика, от рабочих и крестьян до членов Политбюро. В 1937 году Конгресс мира и дружбы с СССР в Лондоне открывается и закрывается под «Марш веселых ребят».

С 1930 по 1937 год Татьяна проработала балериной в Ленинграде. Она готовила свою особую программу к 100-летию со дня гибели А.С. Пушкина, показывая любовь к нему Натальи Гончаровой. Но тут непонятный арест мужа-инженера. За что? Она собралась ехать в Москву к самому Сталину за правдой. Но тут постучали в двери чекисты:

– Мы вам поможем встретиться с Иосифом Виссарионовичем. Одевайтесь.

«Встреча со Сталиным» затянулась на пять лет. В Воронежской тюрьме она узнала, что ее мужа расстреляли как врага народа, пособника Троцкого, хотя он никогда не видел и не встречался с «иудушкой». Она, выходя из дома, захватила с собой свитер из английской шерсти для своего мужа. А теперь что с ним делать? Выбросить из окна? Но соседи по камере остановили:

– Дура! Надень на себя – спасет от холода.

– Но ведь он мужской!

– Какая тебе разница! Считай, последний подарок от мужа.

Свитер, действительно, пригодился, особенно в холодных степях Казахстана. Татьяну в Воронеже приговорили к пяти годам сталинских лагерей как члена семьи изменника Родины. И вскоре ее в товарняке повезли в Алжир. А тут сорокаградусные морозы, стылые ветры и сугробы до крыш. Вот где пригодился теплый свитер для мужа!

Она ложилась на нары, не расставаясь с ним. Что делать? Печаль все больше охватывала душу.

Люба Бабицкая работала в лагере киномехаником. И она подсказала:

– От монотонной работы на швейной фабрике околеешь, иди к начальству и предложи ему создать для молодых заключенных танцевальную студию. Потянешь?

И что вы думаете? Удалось!

Тогда начальником Алжира был Баринов Сергей Васильевич. Он сочувствовал многим женщинам, попавшим в лагерь безвинно, и все делал для того, чтобы облегчить им жизнь. Он создал в КВЧ клуб, где действовали хор, агитбригада, шумовой оркестр. А почему бы и не открыть танцевальный кружок? И пусть им руководит Татьяна Павловна Ивинг, тем более что сама напросилась.

Написала Татьяна Павловна по совету Бабицкой письмо Леониду Утесову о своем тяжелом положении, может, вырвет ее из жестоких лап неволи? Вскоре в Малиновку пришел ответ от Леонида Осиповича. Он обещал помочь в реабилитации. Он помнил ее, помнил ее нежные руки и нежные слова. Какая несправедливость – тупорылые бездари на свободе, а таланты за колючей проволокой или расстреляны. Ушли из жизни не по своей воле его самые близкие друзья – писатели Бабель, Артем Веселый, режиссер Мейерхольд…

Гулаг стал пристанищем новых жертв. Но ты, Таня, держись, будет и на твоей улице праздник, еще много раз встретимся, обнимем друг друга!

Однако так ничего и не добился Утесов! Ровно пять лет отбыла Татьяна в Алжире. Собралась было в Ленинград родной, только власти дорогу ей туда закрыли навечно, разрешив жить лишь в Целинограде.

Вскоре из Ленинграда к ней в Казахстан переехала мать. Татьяна работала вышивальщицей, а мать уборщицей в магазине. Но они были вместе. И это счастье!

Как-то в дверь их убогой квартиры постучали. Мать открыла – на пороге стоял молодой красивый моряк, только что вернувшийся со службы во Владивостоке. Его в Целинограде назначили директором нового Дворца культуры железнодорожников, и ему все приходилось начинать с нуля. Кто-то посоветовал обратиться к Татьяне, чтобы она организовала танцевальную студию. Но когда он увидел нашу героиню, то даже забыл, зачем пришел. Так сильно Татьяна приглянулась ему.

А вскоре и свадьбу сыграли. Борис Васильевич Афонин оказался талантливым организатором, о чем свидетельствовало позже присвоение ему звания заслуженного работника культуры Казахстана.

Да и сама Татьяна Павловна не ударила лицом в грязь, работая вначале учителем танцев, а затем художественным руководителем Дворца культуры железнодорожников. Леонид Осипович Утесов написал положительный отзыв о знаменитой балерине:

«Татьяну Павловну Ивинг-Афонину знаю с 1928 года как артистку, танцовщицу, неоднократно выступал вместе с ней в концертах, в которых она с партнерами великолепно демонстрировала свое мастерство. Свидетельствую это обстоятельство с ответственностью и удовольствием, так как всегда получал радость от ее выступлений».

Спасибо, дорогой Леонид Осипович! Твои письма как бальзам на душу. Они поднимали авторитет Ивинг-Афониной, хотя он зарабатывался прежде всего трудом культработника. Хозяйка Дворца культуры железнодорожников немало сделала для того, чтобы европейскую культуру танца прописать в Казахстане. Что такое настоящий балет, здесь мало кто знал.

Утесов всегда как бы незримо присутствовал с ней. И когда ей становилось на душе тяжело невмоготу, она заводила свой старенький патефон и ставила пластинки с записями его песен. «Раскинулось море широко», «Ты, моряк, Миша», «Легко на сердце от песни веселой»…

И, действительно, ей становилось легче, тоска и печаль уходили из сердца… Песни Утесова помогали ей жить и утверждать себя в культурной жизни Целинограда. Когда она

говорила молодым балеринам: «Я знала Утесова», то они все в один голос просили: «Расскажите о вашей дружбе»… И она видела в их глазах восторг…

Татьяна Павловна не подводила Леонида Осиповича, работая в Казахстане. Свыше 30 лет она была бессменным руководителем популярного в свое время танцевального ансамбля железнодорожников. В 1965 году ей присвоили звание заслуженного работника искусств Казахстана.

Недавно в доме «Зерде» музейно-мемориального комплекса «Алжир» состоялся вечер, посвященный 100-летию со дня рождения великой узницы Карлага, балерины Татьяны Павловны Ивинг-Афониной. Выступили те, кто ее знал, дружил с ней – пенсионерка Валентина Алексеевна Быковская, старший преподаватель Евразийского университета имени Л.Н. Гумилева Дмитрий Николаевич Мельников, заведующий кафедрой медицинского университета «Астана» Леонид Лазаревич Карл… Они говорили о тяжелой и прекрасной жизни балерины Татьяны Ивинг-Афониной, о том, что она «счастье знавала и тревогу, шагая с друзьями по жизни». А самое главное – она отдала весь свой талант сполна людям. И в этих устремлениях Татьяну Павловну всегда поддерживал ее давний и далекий друг Леонид Утесов. Его песни, его письма были для нее как «крылья для полета».

Глава 51
Подвиг врачей Карлага

Сегодня никак нельзя не написать о врачах Карлага, которые ежедневно вершили незаметный подвиг, спасая жизнь больным заключенным. Такой была, например, Ревекка Ароновна Розенберг, осужденная как член семьи изменника Родины и сосланная в 1938 году на 26 точку Карлага, то есть в Алжир. В лагере ее использовали вначале на общих работах. Но вот в Алжире началась эпидемия туберкулеза и бронхиальных заболеваний, и офицеры в малиновых погонах забегали в поисках необходимых врачей.

Как-то Ревекку вызывает начальник лагеря:

– Оказывается, накануне ареста вы работали в Москве в туберкулезном диспансере ординатором. Так почему это утаиваете?

– Я ничего не утаиваю, – растерянно сказала Ревекка. – Я делаю то, что вы приказываете, – мешу глину, хожу резать камыш…

Приказом начальника лагеря ее перевели на работу в медсанчасть. И это было единственно правильное решение – женщина оказалась на своем месте и как врач принесла неизмеримо больше пользы, чем как разнорабочая. Да и сравнения никакого не может быть!

За два года пребывания в Алжире Ревекка похудела на 20 килограммов, лицо ее обострилось. За отличную работу по борьбе с туберкулезом в лагере ей заменили наказание 8 лет ИТР на пять лет ссылки в Акмолинске. В годы Отечественной войны она уже трудилась главным врачом облтубдиспансера. Вместе с ней тогда в этом лечебном учреждении работало много врачей – ссыльных, среди них опытный рентгенолог Елизавета Семеновна Люшкова. Их можно смело назвать создателями противотуберкулезной службы в городе на Ишиме.

Помню, в 1987 году в городе Никольском (ныне Сатпаеве) в аптеке № 6 открыли необычный музей истории аптекоуправления джезказганского региона. Интересно было читать документы о первой в Сарыарке аптеке, созданной в 1936 году при больнице для металлургов в Карсакпае. А в 1937 году была открыта вторая аптека в Сарыарке в поселке Рудник. И только в 1939 году – третья аптека в поселке Кенгир.

В книге отзывов я нашел немало благодарственных записей о работе фармацевтов тридцатых годов. Среди них упоминалась

фамилия первой заведующей аптекой в Кенгире Е. Г. Сабининой. И только спустя несколько лет я узнал, что Елена Гавриловна Сабинина была арестована в 1937 году, осуждена на 10 лет, сослана в Карлаг. Ее обвинили в шпионаже на том основании, что в 1932–1935 годы она окончила курсы фармацевтов в городе Харбине и работала в аптеках Манчжурии. Якобы там ее завербовали в иностранную разведку, обучали работе с ядами с целью отравить великого Сталина и его верных соратников…

Ее арестовали, несмотря на беременность. Она родила в Долинке сына Александра, два года не расставалась с ним. А затем согласно действующим инструкциям Гулага сына отправили в детдом НКВД.

Ее использовали в лагерном пункте Джартас на строительстве плотины и создании оросительной системы в совхозе. Два года она вкалывала на земляных работах каждый день по 12 часов, таская на тачках грунт, долбя ломом и киркой промерзшую землю.

В 1939 году в Кенгире открыли особый лагерь строгого режима – Степлаг. В нем создали медсанчасть с аптекой. Нужны были врачи – фармацевты, и Сабинину перевели в новый лагерь. Она работала заведующей аптекой, которая обслуживала не только заключенных, но и вольных. И о ней у кенгирцев остались самые добрые воспоминания.

В 1947 году Сабинину освободили. К этому времени Кенгир разросся, в нем уже насчитывалось 6 тысяч вольных жителей плюс в зоне 10 тысяч заключенных. И, конечно, появились новые аптеки, новые фармацевты. Но многие жители поселка по старинке шли к Елене Сабининой за советом, как избавиться от болезней.

Однажды писатель Юрий Васильевич Грунин подарил мне в Жезказгане свою книгу «Спина земли» с автографом. Нежно и сердечно вспоминает он в книге врача лагпункта в Руднике Юлию Ивановну Бондареву. Многим «доходягам» она давала освобождение от каторжных работ в шахтах и карьерах, тем самым спасая их от верной гибели, силикоза. Она специально ставила диагнозы тяжелых болезней писателям, артистам, композиторам, художникам, направляя их только на поверхностные работы. Так в культурно-воспитательной части в клубе оказались художник Николай Джим, композитор Бруно Дементьев, автор знаменитой песни «Огонек» («На позицию девушка провожала бойца»), прозаик Александр Ильич Зонин, муж знаменитой писательницы Веры Кетлинской, которая публично отказалась от него, чтобы самой не попасть в лагерь как ЧСИР… Да и сам Юрий Васильевич Грунин не раз и не два

получал от Юлии Ивановны освобождения от тяжелой каторги, работал статистом в медсанчасти.

Как-то я встретился с ветераном Отечественной войны, почетным гражданином Караганды Степаном Григорьевичем Косенко. Это – довольно легендарная личность, он участвовал в защите Москвы, освобождал Брянск. Орел. Курск, награжден 7 боевыми орденами и 18 медалями. После Великой Победы Степан Григорьевич окончил Всесоюзный юридический институт, работал народным судьей в Джезказгане. Он провел первые судебные процессы по реабилитации заключенных в Кенгире после сорока дней их мятежа в 1954 году.

Степан Григорьевич хорошо знал врачей Степлага: эстонца Карла Тиеснека, немца Макса Пецольда, испанца Хулиано Фустера, о котором писал в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ» лауреат Нобелевской премии Александр Исаевич Солженицын. Фу стер оперировал Степана Григорьевича, спас ему жизнь. И надо же такое совпадение: как бы благодаря Фустера за удачную операцию, С. Г. Косенко реабилитировал его в 1954 году, и тот благополучно вернулся на земли родной Испании.

Впервые о Фустере за рубежом да и у нас в стране читатели узнали из книги Любови Бершадской «Растоптанные жизни», вышедшей большим тиражом во Франции. Рассказывая о восстании заключенных в Степлаге в 1954 году, подавлении его танками и самолетами, винтовками и автоматами, Бершадская напомнила всем о великом подвиге хирурга Фустера, который стоял у операционного стола дни и ночи без сна и отдыха до тех пор, пока сам не потерял сознания. Сотни раненых заключенных вернул он к жизни в те ужасные гибельные недели…

Надо сказать, хирурги – заключенные создали в Джезказгане отличную школу, воспитали достойных себе учеников. Один из них – кандидат медицинских наук, заведующий отделением госпитальной хирургии больницы поселка Рудник Енбек Орынгалиевич Орынгалиев разработал прогрессивную методику операций опухолей и ран в области желудка. Многих вольных и заключенных оперировал Енбек Орынгалиевич, и всегда удачно. К сожалению, сам себя он спасти не смог, рано ушел из жизни.

В своей книге «Татьянин день» советская киноактриса Татьяна Кирилловна Окуневская, отбывавшая свой срок за «политику» в третьем лагерном отделении Степлага в пятидесятые годы, тепло пишет о лагерном враче Георгии Марковиче Кауфмане. Если бы не его своевременная помощь и обходительность, то она бы сразу погибла в самом пекле ада – Степлаге, куда попала по воле садиста – министра госбезопасности Абакумова. На кирпичном заводе она упала от

солнечного удара, ее еле привел в себя в медсанчасти «добрый Айболит» – Георгий Маркович Кауфман. На строительстве железнодорожного вокзала ей защемило руку в дверях так, что она опять потеряла сознание. Привел ее в здравие опять же Кауфман. И он же добился для нее места «придурка» в инструменталке – она выдавала кирки и лопаты бригадам, работающим на строительстве Кенгирского водохранилища. И ей, пишет в книге Татьяна Окуневская, благодаря заботам лагерного врача крепко повезло, ибо в инструменталке было одно «спасающее обстоятельство» – это прохладная землянка, где она пряталась от изнуряющей жары, суховеев, песчаных бурь…

Если назвать опять же Алжир, то многие заключенные этого лагеря сердечно вспоминают врача Димеш Амирхановну Ермекову (Жургеневу). Она родилась в 1905 году в Каркаралинске, там же окончила школу. Затем училась на медфаке университета в Ташкенте, работала ординатором, аспирантом в мединституте. 13 марта 1938 года она была арестована и осуждена на 8 лет лишения свободы. Долгие годы находилась в Алжире, где работала врачом в медпункте. О ней сохранились хорошие отзывы жен врагов народа – Азизы Рыскуловой, Гулямдам Ходжановой, Кульжамал Майлиной, Рабиги Асфендияровой и других.

Конечно, Димеш Ермекова пострадала ни за что, ни про что. Ее мужа Темирбека Жургенева, наркома просвещения КазССР, в 1938 году осудили и расстреляли как активного соратника националистической группы Турара Рыскулова.

Димеш была добрым и отзывчивым доктором. Отсидев свой срок в лагерях НКВД, она не порвала с медициной, работала заведующей отделением туберкулезной больницы в Караганде. В 1966 году ей было присвоено звание «заслуженный врач Казахской ССР».

Можно до бесконечности рассказывать о людях в белых халатах, которые в годы сталинизма в лагерях смерти НКВД настойчиво и небезуспешно боролись с болезнями заключенных, их высокой смертностью. Писатель Антон Павлович Чехов справедливо говорил, что жизнь каждого врача – подвиг. А в условиях лагерей люди в белых халатах были еще более доблестны, благородны и действенны на славные дела.

Глава 52
«Гвозди бы делать из этих людей…»

О роли репрессированных в развитии угольного бассейна, строительстве Караганды шла речь на творческой встрече сотрудников музея жертв политических репрессий поселка Долинка с коллективом ТОО «Карагандагипрошахт и К». Её открыла директор музея Светлана Климентьевна Байнова.

В своем выступлении она отметила, что коллектив ТОО «Карагандагипрошахт и К» внес большой вклад в строительство и развитие угольной Кочегарки, всего Казахстана. По проектам этого института построено свыше 90 угольных шахт, 10 угольных разрезов, 20 крупных промышленных предприятий, 39 совхозов и МТС в Карагандинской, Павлодарской и Акмолинской областях, созданы генеральные планы развития 10 городов, в том числе Караганды, Экибастуза, Сарани, многих поселков. В институте работало немало первоклассных инженеров и ученых, людей высокой культуры и нравственности – бывших узников Карлага, ссыльных.

Начальник технического управления ТОО «Карагандагипрошахт и К», кандидат технических наук А.А. Ганжула подтвердил, что бывшие узники Карлага, ссыльные составляли лучшую, прогрессивную, творческую часть многочисленного института. Так, в активных рядах его сотрудников находился знаменитый заключенный Карлага – выдающийся ученый XX века, почетный член многих иностранных академий, профессор Александр Леонидович Чижевский. В институте он занимался проблемами аэроионизации воздуха, космической биологией. Так называемые лампы Чижевского были установлены в нарядных шахты № 38 и систематическое вдыхание аэроионов дало положительные результаты: у шахтеров улучшилась картина крови, снизилось количество дней нетрудоспособности.

В институте «Карагандагипрошахт» работал консультантом ленинградский профессор К.И. Страхович. Он участвовал в создании жидкостного реактивного двигателя для ракет вместе с академиком, трижды Героем Социалистического Труда В.Л. Глушко. Константин Иванович разработал научные основы создания и турбореактивного авиационного двигателя. В 1953 году его как свидетеля бесчинств Берии и сталинистов доставили в Ленинград, где он показал, что был незаконно арестован и осужден в числе десяти ленинградских ученых. Из десяти ученых

в живых остался только он один, остальные были замучены в лагерях.

Долгое время трудился главным конструктором проектного института узник Карлага Павел Иванович Жуков, друг писателя А.И. Солженицына. Они познакомились в одной шарашке в Москве. Когда Александра Исаевича выдворили из СССР после отсидки в лагерях Павел Иванович Жуков написал ему в Америку, в Вермонт ободряющее письмо вопреки всем установкам партии и правительства, осуждающим тогда писателя за правдивые книги о жизни зэков.

Солженицын ответил ему теплыми словами, а затем стал высылать Жукову из своего фонда материальную помощь.

Павел Иванович Жуков прожил в нашей Караганде 60 лет. Он разработал немало проектов угольных шахт, разрезов, предприятий. Он стал автором 21 изобретения, и они все были внедрены в производство.

Не менее интересной была жизнь выдающегося ученого по теплотехнике Владимира Леонидовича Пржецлавского. Он был освобожден из Карлага по просьбе генерального конструктора космических кораблей Сергея Павловича Королева, работал вместе с ним над созданием новых ракет. В институте «Карагандагипрошахт» Владимир Леонидович работал главным инженером проектов. О дружбе с ним тепло рассказал П.И. Жуков в своих публикациях в журнале «Наука и жизнь».

Большой вклад в развитие института внесли бывшие заключенные Павел Захарович Боровский, Георгий Николаевич Вертоградский, Алексей Глебович Глебов и другие. Так, П.З. Боровский очень многое сделал для освоения и развития Экибастузского бассейна, будучи главным инженером проектов для иртышских угольных разрезов. В 1942 году за фронтовые заслуги он как стрелок-радист авиаполка был награжден орденом Красной Звезды. А в 1944 году его самолет был сбит, члены экипажа выбросились на парашютах. В смертельном бою с врагами стрелок Боровский был ранен, потерял сознание и попал в плен к фашистам. Когда пришла Победа, Боровского направили в Карлаг. Он работал навалоотбойщиком на шахте № 18 треста «Сталинуголь», учился в горном техникуме, затем окончил высшие инженерные курсы в Свердловске.

А вот еще одна судьба. Алексей Глебов учился в Ленинградском военно-механическом институте, работал на металлическом заводе. Но в сентябре 1942 года был арестован и осужден за антисоветские настроения сроком на десять лет. После Карлага подался в город молодых патриотов-строителей и металлургов Темиртау, работал слесарем в Сибспецстрое,

главным механиком управления «Востокметаллургмонтаж», инженером на строительстве КарГРЭС-1, технологом на литейно-механическом заводе. С 1959 года трудился в институте «Карагандагипрошахт», возглавлял конструкторскую группу по разработке проектов агрегатов для шахт нового типа.

О таких людях можно смело сказать словами поэта: «Гвозди бы делать из этих людей, не было б крепче в мире гвоздей». Многие из них заслуживают звания почетный гражданин Караганды, ибо они делали шахтерские города благоустроенными и красивыми.

Писатель-краевед, кандидат технических наук Владимир Яковлевич Новиков подтвердил эту мысль. Институт «Карагандагипрошахт», где долгое время проработал Владимир Яковлевич, занимался не только проектированием угольных производств, но и социальных объектов. Начиная с 1947 года, он настойчиво ведет проектирование жилищного, культурно-бытового строительства городов и поселков бассейна. По его проектам был построен ряд монументальных сооружений в Караганде: Дворец культуры горняков, здания угольного департамента АО «Арселор Миттал Темиртау», института «Карагандагипрошахт», главпочтамта, областного народного суда, музыкальной школы. Эти здания и поныне украшают город, радуя нас своей архитектурной красотой.

Потому и поныне не меркнет слава института, которому в 2011 году исполнилось 70 лет.

В.Я. Новиков назвал имена многих первостроителей угольных бассейнов, в том числе присутствовавшего на встрече главного инженера проектов института В.В. Мудрого. По его разработкам был построен, к примеру, крупнейший в СССР разрез «Восточный» в Экибастузе мощностью 30 миллионов тонн угля в год.

Немал вклад в развитие угольной промышленности заключенных Карлага. Так, в июле 1946 года на шахтах Караганды и Сарани трудилось 5500 заключенных. Лагерь предоставлял постоянно рабочую силу тресту «Молотовуголь» комбината «Карагандауголь». Только на добыче угля в этом тресте на шахтах № 17-бис и № 19-бис трудилась около 1500 зэков. Они добывали ежегодно 50 тысяч тонн угля. В Сарани заключенные Карлага строили кирпичные, известковые и цементные заводы, работали на горной проходке на шахте № 106.

Надо сказать, в последнее время коллектив сотрудников музея жертв политических репрессий поселка Долинка заметно усилил научную и воспитательную работу. Его силами были созданы и выпущены в свет монография о роли репрессированных в развитии Карагандинского угольного бассейна, сувенирный

буклет – фотоальбом об экспозициях в залах музея. Здесь провели ряд интересных полезных встреч со знаменитыми людьми и легендарными коллективами Караганды.